

1908.

Годъ 16.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

АСТА

ET

COMMENTATIONES

IMP. UNIVERSITATIS JURJEVENSIS

(OLIM DORPATENSIS).

№ 7.

ЮРЬЕВЪ.

Типографія К. Маттисена.

1908.

1908.

Годъ 16.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

№ 7.

ЮРЬЕВЪ.

Типографія К. Маттисена.

1908.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Юрьевскаго
Университета.

Юрьевъ, 23 октября 1908 г.

№ 1834.

Исп. об. Ректора Проректоръ В. Алексѣевъ.

СОДЕРЖАНИЕ.

Научный отдѣлъ.

- Я. Лаутенбахъ. Нѣсколько словъ о понятіи „сравнительнаго“ языко
вѣдѣнія 1—15

Приложенія.

Стр.

- П. А. Поляковъ. Основы гистологии съ элементами эмбрио-
логии человѣка и позвоночныхъ 609—640
- С. Д. Михновъ. Систематическій указатель русской акушерско-
гинекологической литературы отъ ея возникновенія до
1901 года 241—272
- В. И. Синайскій. Очерки изъ исторіи землевладѣнія и
права въ древнемъ Римѣ 33—80
- Н. К. Грунскій. Лекціи по педагогикѣ 1—64
- Д. Кудрявскій. Хитопадеша. Доброе Наставленіе. Сбор-
никъ древнеиндейскихъ разсказовъ 1—48
- Mag. theol. Johannes Frey. Der slavische Josephusbericht
über die urchristliche Geschichte nebst seinen Parallelen
kritisch untersucht I—IV и 1—32
-

Нѣсколько словъ о понятіи „сравнительнаго“ языковѣдѣнія.

Я. Лаутенбахъ.

Можно считать общепризнаннымъ положеніе, что наука въ сущности едина, соотвѣтственно тому, что существуетъ лишь одинъ человѣческій умъ и одинъ и тотъ же изслѣдуемый предметъ — дѣйствительность, міръ. И на самомъ дѣлѣ, первоначально при своемъ возникновеніи наука была единою и въ дѣйствительности. У грековъ и у индійцевъ, собственно говоря, мы встрѣчаемъ первые зачатки человѣческой науки вообще. У первыхъ она проявляется въ философіи, у послѣднихъ преимущественно — въ филологіи. Появленіе отдѣльныхъ наукъ было естественнымъ слѣдствіемъ дѣленія труда.

Какъ при возрожденіи классицизма возникла древне-классическая филологія¹⁾, такъ при ознакомленіи съ санскритомъ, индійскимъ языкомъ и словесностью, впослѣдствіи появилось „сравнительное языковѣдѣніе“. Довольно часто языковѣдѣніе смѣшивается съ филологіей. Для устраненія этого неправильнаго взгляда на языковѣдѣніе, я долженъ прежде всего сказать здѣсь нѣсколько словъ о взаимномъ отношеніи и различіи языковѣдѣнія и филологіи.

Вслѣдствіе уже упомянутаго дѣленія труда возникло множество филологій. Въ новѣйшее время существуетъ не только филологія индійская и классическая, но и филологія

1) Которую Воескh невѣрно опредѣлилъ какъ узнаніе узнаннаго (Wiedererkennen des Erkannten).

романская, германская, славянская и т. д. Какъ филологія классическая есть изслѣдованіе душевной жизни обоихъ такъ называемыхъ „классическихъ“ народовъ — греческаго и римскаго, во всѣхъ ея проявленіяхъ, точно такъ же и филологія романская по отношенію къ романскимъ народамъ, германская по отношенію къ народамъ германскимъ, и т. д. Хотя сначала на самомъ дѣлѣ развивались и процвѣтали только филологіи народовъ такъ называемыхъ историческихъ или культурныхъ, то все-таки въ новѣйшее время появилось стремленіе обращать вниманіе на всѣ народы безъ исключенія. Кто изучаетъ „первобытные народы“ во всѣхъ отношеніяхъ ихъ культуры, языкъ, словесность (собственно литературу), вѣрованія, обычаи и т. д., тотъ тоже филологъ, хотя въ новѣйшее время, по примѣру англичанъ, его называютъ и фольклористомъ и самую науку — фольклоръ (Folklore).

Итакъ, общая филологія, если имѣть въ виду основную идею ея, есть изслѣдованіе душевной жизни всѣхъ безъ исключенія народовъ. Разумѣется, общая филологія существуетъ только въ идеѣ, въ дѣйствительности же еще ни одинъ ученый не могъ осуществить въ себѣ, хотя бы только приблизительно, эту идею общей филологіи. „Задача изслѣдовать всѣ стороны душевной жизни хотя бы только одного народа, или много-много, одной группы народовъ такъ огромна, что ея хватить, пожалуй, на всю жизнь одного лица. Поэтому-то мы знаемъ о филологахъ классическихъ, занимающихся изученіемъ душевной жизни римлянь и грековъ, затѣмъ о филологахъ германскихъ, славянскихъ, индійскихъ, арабскихъ и т. д., но о филологахъ, хотя бы только „индо-европейскихъ“, мы какъ-то до сихъ поръ не слышали, и по всей вѣроятности, никогда слышать не будемъ. Правда, что тоже ни одинъ человекъ не былъ и не будетъ въ состояніи осуществить собою идею общаго языковѣдѣнія, какъ научнаго знанія всѣхъ языковъ и знакомства со всѣми результатами отдѣльныхъ изслѣдованій

по части всѣхъ извѣстныхъ доселѣ группъ языковъ. Но сосредоточиваясь на одной только сторонѣ проявленія душевной жизни человѣчества, т. е. на языкѣ, можно гораздо болѣе расширить область своихъ изслѣдованій и заниматься съ успѣхомъ не только одною отраслью языковъ, въ родѣ языковъ индо-европейскихъ, но даже нѣсколькими подобными отраслями, и затѣмъ, на основаніи аналогическихъ заключеній объ общихъ свойствахъ всѣхъ языковъ, развить въ себѣ приблизительно вѣрнее понятіе о языкѣ человѣческомъ вообще¹⁾. Но для развитія науки вообще важно будетъ, если всякій филологъ сосредоточится на изслѣдованіи душевной жизни лишь одного народа, а языковѣдъ — на изслѣдованіи одной группы языковъ, напр., языковъ индо-европейскихъ, семитскихъ и т. д. Это на самомъ дѣлѣ отчасти уже осуществлено.

Наконецъ, отношеніе между филологіей и „сравнительнымъ языковѣдѣніемъ“ или „лингвистикою“ можно выразить слѣдующимъ образомъ: Для филолога центромъ, около котораго группируются всѣ его занятія, является преимущественно одинъ народъ, какъ носитель различныхъ проявленій душевной жизни, какъ-то: языка, вѣрованій, сказаній, письменности и т. д., однимъ словомъ, всей культуры, изслѣдованія же языковѣда имѣютъ своимъ объектомъ лишь одну сторону душевной жизни цѣлой группы народовъ, а именно языкъ. Языковѣдѣніе распадается на чистое и прикладное. Чистое языковѣдѣніе изслѣдуетъ языки и на основаніи эмпирическихъ данныхъ приходитъ къ общимъ выводамъ; прикладное же языковѣдѣніе примѣняетъ результаты чистаго языковѣдѣнія къ вопросамъ миеологическимъ, этнографическимъ, до-историческимъ, культурно-историческимъ и т. д., слѣдовательно, приближается въ этомъ отношеніи къ той наукѣ, которую, какъ уже упомянуто, въ новѣйшее время именуютъ *Folklore*. Какъ-видно,

1) См. Нѣсколько словъ о сравнительной грамматикѣ индо-европейскихъ языковъ. И. Водуэна де Куртенэ. С.-Петербургъ, 1882. Стр. 9.

прикладное языковѣдѣніе касается отчасти и предметовъ филологіи, но съ тѣмъ различіемъ, что оно обращаетъ вниманіе на цѣлыя группы народовъ, между тѣмъ какъ филологія занимается душевною жизнью одного, или много-много, двухъ народовъ. При томъ и ихъ методъ различный. Филологія представляетъ цѣлую массу въ сущности различныхъ наукъ, напр., исторіи, археологіи, литературы и т. д. Усматривать, вмѣстѣ съ нѣкоторыми учеными, различіе филологіи и языковѣдѣнія въ томъ, что первая есть наука историческая, а второе — естественная, и затѣмъ ставить эти двѣ науки въ какія-то непріязненные другъ другу отношенія, не имѣетъ достаточнаго основанія¹⁾, напротивъ того, и языковѣдѣніе, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, между которыми надо здѣсь упомянуть проф. Лео Мейера, есть наука историческая²⁾. Теперь мы должны немного остановиться на названіи нашей науки.

Нѣкоторыя науки получили свое названіе случайно. Такъ, напр., онтологію, названную Аристотелемъ *πρώτη φιλοσοφία*, именуютъ въ послѣдствіи метафизикой; а этотъ терминъ произошелъ изъ греческаго *τὰ μετὰ τὰ φυσικά* потому, что въ первыхъ изданіяхъ аристотелевыхъ сочиненій этотъ трудъ Аристотеля слѣдуетъ за „физикой“, т. е., *μετὰ τὰ φυσικά*. Наша наука имѣетъ цѣлый рядъ названій. Она называется или изслѣдованіемъ языковъ (*Sprachforschung*), наукою о языкѣ, языкознаніемъ, языковѣдѣніемъ (*Sprachwissenschaft*), или же лингвистикою (отъ латин. *lingua*), глоттикою, глоттологіею (отъ греч. *γλῶττα*, и *λόγος*, стало быть, глоттологія значить „наука о языкѣ“, какъ антропологія — „наука о человѣкѣ“) и т. д. Многіе ученые считаютъ сравненіе за отличительный признакъ нашей науки, и по этому говорятъ о „сравнительномъ языковѣдѣніи“ или „сравнительномъ языкознаніи“ (*vergleichende Sprachwissenschaft, vergleichende Sprachkunde*), о „сравнительномъ изслѣ-

1) Ср. *ibid.*

2) См. *ero Vergleichende Grammatik der griech. und lat. Spr. I, стр 4.*

дованіи языковъ“ (*vergleichende Sprachforschung*) или о „сравнительной филологіи“ (*philologie comparative, philologie comparée, comparative philology*), или же наконецъ, о „сравнительной грамматикѣ“ (*grammatica comparativa, grammaire comparative, grammaire comparée, vergleichende Grammatik*¹).

Что касается названій „лингвистика“, въ смыслѣ науки о языкѣ, и „лингвистъ“, въ смыслѣ „ислѣдователя языка“, нужно замѣтить, что эти термины употребляются тоже для обозначенія практическаго или техническаго знанія многихъ языковъ. Съ этой точки зрѣнія „лингвистъ“ есть человекъ, владѣющій практически многими языками. Итакъ, понятія о „лингвистѣ“ какъ практически знающемъ языки, нельзя смѣшивать съ понятіемъ о „лингвистѣ“, какъ ихъ научномъ изслѣдователѣ²).

Уже давно признано, что въ названіяхъ: „сравнительное языковѣдѣніе“, „сравнительное языкознаніе“ и т. д., прилагательное „сравнительное“ является совершенно лишнимъ. „Ибо не только каждый научный выводъ, но даже самое простое сужденіе есть результатъ сравненія. Такъ, напр., сужденіе „снѣгъ бѣлъ“ представляетъ результатъ сравненія цвѣта снѣга съ цвѣтомъ другихъ предметовъ“³). Всякое знаніе основывается на сравненіи. Произнося 1, 2, 3 . . ., мы тѣмъ же самымъ сравниваемъ числовыя величины; а такъ какъ всѣ математическія величины являются результатомъ извѣстнаго сравненія, и такъ какъ все математическое мышленіе есть не что иное, какъ особый видъ сравненія, то прежде всего слѣдовало бы говорить не „математика“, а „сравнительная математика“. Ту же роль, которую сравненіе играетъ въ области языковѣдѣнія, оно исполняетъ съ этой точки зрѣнія и во всѣхъ другихъ наукахъ⁴).

1) Срав. и Шлейхера: *Beiträge etc.* II. Bd. стр. 127 и 128.

2) Ср. *ibid.*

3) Ср. Нѣсколько словъ, стр. 4.

4) *Ibid.*, стр. 5.

Однако же надо признать, что въ терминѣ „сравнительное языковѣдѣніе“ прилагательное „сравнительное“ имѣетъ историческое значеніе. Оно обязано своимъ происхожденіемъ новой школѣ, новому направленію въ языковѣдѣніи, сдѣланному громадныя открытія, вслѣдствіе чего эта наука вообще стала на прочную почву. Это направленіе выразилось въ сравненіи между собою нѣсколькихъ группъ языковъ родственныхъ, преимущественно же въ сравненіи языковъ „индо-германскихъ“, „индо-европейскихъ“ или „аріо-европейскихъ“ въ первой четверти прошлаго столѣтія. Подобное же историческое значеніе имѣютъ названія „сравнительная миеологія“, „сравнительная анатомія“, „сравнительная исторія литературы“ и т. д. „Но все-таки это только одинъ моментъ въ исторіи науки, моментъ, когда сравненіе въ неизвѣстномъ до сихъ поръ съ научной точки зрѣнія направленіи привело къ громаднымъ и совершенно новымъ результатамъ“. 1)

Далѣе, названіе „сравнительная филологія“ кромѣ лишняго прилагательнаго „сравнительная“ не точно еще и потому, что подѣ словомъ „филологія“ понимаютъ обыкновенно другую науку, объ отношеніи которой къ языковѣдѣнію мы уже говорили раньше.

Наконецъ, примѣнять названіе „сравнительная грамматика“ къ языковѣдѣнію вообще значить брать *partem pro toto*, потому что сравнительная грамматика, или просто, грамматика является только одною частью языковѣдѣнія, которое задается не исключительно только грамматическими, но и другими вопросами. Прилагательное „сравнительная“ здѣсь точно также совершенно излишне, какъ въ терминѣ „сравнительное языковѣдѣніе“.

Итакъ, если науку, часть которой составляетъ „сравнительная грамматика индо-германскихъ“ или „индо-европейскихъ“ языковъ, называть по предмету изслѣдованія во

1) Ibid.

всемъ его объемъ, а не только по главнымъ ея направлениямъ, не по извѣстнымъ, совершаемымъ въ ней научнымъ операціямъ, то въ такомъ случаѣ, на подобіе „естествовѣдѣнія“, самымъ умѣстнымъ названіемъ нашей науки, предметомъ которой служить языкъ, можетъ быть прежде всего „языковѣдѣніе“, или, иностраннымъ словомъ, „глоттологія“¹⁾.

Разсмотримъ теперь подробнѣе характеръ языковѣдѣнія! Для этого необходимо прибѣгнуть къ помощи философіи, на которой, какъ на общей наукѣ, основываются всѣ отдѣльныя науки. Вслѣдствіе этого всѣ спеціальныя науки обращаются къ ней, чтобы узнать свои задачи въ ихъ отношеніи къ задачамъ науки вообще. Языковѣдѣніе т. е., „сравнительное языковѣдѣніе“, какъ наука, представляетъ собою, какъ всѣ науки, идеаль; ибо наука никогда не можетъ быть окончательно готовою и завершеною. Напр., исторія, юриспруденція, медицина и т. д., далеко еще не достигли своей цѣли и совершенства. Тоже самое можно сказать относительно всѣхъ прочихъ наукъ.

Идеаль языковѣдѣнія можно опредѣлить, исходя изъ единой науки, какъ идеи въ ея совокупности, указывающей начала каждой отдѣльной науки. По новой философской системѣ, творцемъ которой надо считать Тейхмюллера, каждая наука должна содержать слѣдующія три начала:

1) описаніе, которое имѣетъ дѣло просто съ отдѣльными случаями, съ фактами; оно имѣетъ чисто эмпирическій характеръ; оно представляетъ собою „*historia*“ всякой науки въ смыслѣ Бекона;

2) физику, которая на основаніи фактовъ приходитъ къ общимъ выводамъ и въ которой господствуетъ индуктивный методъ, т. е., она тоже основывается на эмпириі, но въ то же время заключаетъ въ себѣ много дедуктивныхъ началъ;

3) умозрѣніе или философію, которая апіорна; она опредѣляетъ апіорныя начала всякой науки.

1) Ср. *ibid.*

Теперь возникает вопрос: въ какомъ смыслѣ это примѣнимо къ нашей наукѣ? Возможно ли и тутъ найти только что упомянутыя три начала? На самомъ дѣлѣ мы находимъ, что чисто описательное начало господствуетъ въ семасіологіи, въ словарныхъ трудахъ, въ лексикографіи, т. е., на сколько она создаетъ простые словари; ибо словари этимологическіе основываются уже на второмъ началѣ, это уже физика „сравнительной“ или „исторической“ грамматики. Чисто описательное начало встрѣчается и въ антропофоникѣ или фізіологіи звуковъ, гдѣ просто описываются органы произношенія отдѣльныхъ звуковъ; такъ же и въ фонетикѣ, на сколько тутъ просто описываются качества отдѣльныхъ звуковъ (гласныхъ, согласныхъ) и т. д. Сюда принадлежитъ отчасти и исторія языковѣдѣнія и т. п. Здѣсь вездѣ обрабатываются отдѣльные факты. Все это представляетъ эмпирическое знаніе отдѣльнаго, единичнаго, чѣмъ и характеризуется первый отдѣлъ нашей науки. Онъ именно ограничивается однимъ только описаніемъ отдѣльныхъ частей языка. Въ этой части конечная цѣль языковѣдѣнія — составленіе описательныхъ грамматикъ, словарей и изданіе памятниковъ разныхъ языковъ, при чемъ не дѣлаются никакія болѣе широкія обобщенія и не высказываются никакія гипотезы.

Во второй части, въ такъ называемой физикѣ языковѣдѣнія, должно стремиться къ обобщеніямъ, соблюдая, конечно, при этомъ всѣ условія точности и осмотрительности индуктивнаго и отчасти дедуктивнаго методовъ. Въ этой части чистое языковѣдѣніе занимается вопросами чисто лингвистическими, т. е., оно изслѣдуетъ языки и на основаніи частныхъ изслѣдованій дѣлаетъ общіе выводы, характеризуетъ группы языковъ, напр., языками односложными и многосложными, агглютинирующими и флексирующими ¹⁾,

1) Les langues sans aucune structure, les langues qui emploient des affixes et les langues à inflexions. A. W. von Schlegel. Cp. Бенфея Geschichte der Sprachwissenschaft, стр. 366.

прозаическими и поэтическими, составляет хронологию языковъ и т. п.; прикладное (Folklore) же — примѣняетъ результаты чистаго языковѣдѣнія къ вопросамъ изъ области другихъ наукъ (мифологіи, этнографіи, этногеніи, до-исторической исторіи, исторіи культуры и т. д.). Основаніемъ этой положительной части, т. е., такъ называемой физики языковѣдѣнія, служитъ грамматика. И грамматика дѣлится на нѣсколько частей, сообразно съ природою разсматриваемаго языка. Такъ, напр., въ примѣненіи къ языкамъ „аріо-европейскимъ“ она распадается на фонетику или ученіе о звукахъ, морфологию (этимологию) или науку о знаменательныхъ частяхъ слова въ ихъ взаимной связи, и наконецъ, синтаксисъ или науку о сочетаніи словъ въ предложеніяхъ и объ ихъ значеніи въ подобныхъ сочетаніяхъ. На основаніи индуктивнаго метода и обобщеній установлены въ фонетикѣ разные законы и правила, какъ-то, напр.: звуковыя соотвѣтствія, перестановка согласныхъ или замѣна звуковъ (Lautverschiebung), чередованіе или альтернація звуковъ, замѣнительное растяженіе (Ersatzdehnung) и т. д. Въ морфологіи индуктивнымъ методомъ выработаны разные грамматическія категоріи, напр., части рѣчи, флексіи (склоненія и спряженія), падежныя и личныя окончанія, префиксы, инфиксы, суффиксы, т. е., измѣненія, которыя дѣлаютъ слово членомъ предложенія. Тутъ встрѣчаются разные приемы и въ новѣйшее время замѣчены образованія аналогіи и ассоціаціи, и на основаніи того выработаны три новыя категоріи, какъ-то): 1) ассоціація путемъ матеріальнаго выравниванія (Association durch stoffliche Ausgleichung), которая совершается между различными формами одного и того же слова или между различными словами, образованными отъ одного корня или одной основы, напр., *gauch*, *gaucher*, *gauch*; 2) ассоціація путемъ формальнаго выравниванія (Association durch formale Ausgleichung), которая совершается между соотвѣтствующими образованіями отъ различныхъ корней или словъ. Сюда принадлежатъ такъ называемыя

heteroclitā, напр. *Σωχράτην* || *Σωχράτη* (изъ *Σωχράτεια*), *Σωχράτην* же по аналогіи, напр., *Ἀλκιβιάδην* (изъ *Ἀλκιβιάδης*); 3) соединеніе обоихъ первыхъ категорій ¹⁾.

Какъ антропофоника или фізіологія звуковъ занимается звуками, такъ морфологія — преимущественно морфемами, словообразованіемъ и измѣненіями словъ, которыя дѣлаютъ слова членами предложеній. Если фонетика и морфологія знакомятъ насъ съ матеріальнымъ (внѣшнимъ) составомъ отдѣльнаго слова, и если семасіологія, т. е., ученіе о значеніи словъ, объясняетъ значеніе слова, то въ синтаксисѣ, т. е., въ сочетаніи словъ, въ предложеніяхъ, вслѣдствіе этого въ рѣчи, слова намъ представляются въ своихъ матеріальныхъ и духовныхъ, т. е., во внѣшнихъ и внутреннихъ отношеніяхъ.

Языковѣдѣніе имѣетъ задачей изслѣдовать не одинъ какой-либо языкъ, но всѣ языки, цѣлыя группы языковъ, преимущественно родственныхъ. Языковѣдѣніе должно отвѣтить на вопросъ, что такое языки родственные? Что языки родственные суть не что иное, какъ различныя видоизмѣненія одного и того же первобытнаго языка, это можетъ доказать лишь языковѣдѣніе. Но такъ какъ отъ первобытнаго языка ничего не осталось, а остались только различныя его отраженія и рефлексъ въ его отдѣльныхъ потомкахъ или его отдѣльныхъ видоизмѣненіяхъ, то надо именно это имѣть въ виду. Ибо „первобытный языкъ является, такъ сказать, общимъ знаменателемъ всѣхъ отъ него происшедшихъ“. Но „такъ какъ при перерожденіи первобытнаго языка подвергалась измѣненію прежде всего его звуковая сторона, и такъ какъ это предложеніе происходило вездѣ на основаніи строгихъ и опредѣленныхъ законовъ, то и первымъ, необходимымъ признакомъ генетическаго родства извѣстной группы языковъ являются именно

¹⁾ Ср. Das physiologische und psychologische Moment in der sprachlichen Formenbildung von Prof. Dr. Hermann Osthoff. Berlin, 1879.

строго опредѣленныя звуковыя соотвѣтствія ¹⁾“. Только тогда, когда въ извѣстныхъ языкахъ открыты подобныя, строго опредѣленныя звуковыя соотвѣтствія — можно говорить о генетическомъ родствѣ сравниваемыхъ языковъ.

„Прямымъ послѣдствіемъ постоянныхъ звуковыхъ соотвѣтствій является возможность фонетическаго перевода съ одного языка на другой, ему родственный, или возможность, каждое незаимствованное слово одного языка выразить въ звуковой „формѣ“ другого, сообразно съ открытыми и установленными звуковыми соотвѣтствіями, и не смотря на то, существуетъ ли данное слово въ этомъ другомъ языкѣ, или же нѣтъ. Если оно не существуетъ, то все-таки, если бы существовало, оно должно бы явиться непременно въ этомъ воссоздаваемомъ видѣ. При этомъ всѣ сравниваемые слова слѣдуетъ прежде всего дѣлить на ихъ составныя знаменательныя (морфологическія) части или морфемы. Морфема представляетъ сумму звуковъ и вообще звуковыхъ свойствъ, съ которою связанъ извѣстный отбѣнокъ значенія, и которая въ этомъ отношеніи совершенно не дѣлима ²⁾“.

Возьмемъ, напр., слово семья, которое въ старо-славянскомъ пишется черезъ ѣ вмѣсто тепершняго е: сѣмня или сѣмья (по старославянски оно значитъ „челядь“, какъ отчасти и по русски). Главною морфемою или корнемъ этого слова будетъ сѣм. Теперь является вопросъ: нѣтъ ли, напр., въ языкахъ латышскомъ, старо-прусскомъ, литовскомъ и нѣмецкомъ словъ, родственныхъ по корню съ названнымъ русскимъ и старо-славянскимъ словомъ? Обратимся къ звуковымъ соотвѣтствіямъ! Славянскому с въ латышскомъ соотвѣтствуетъ тоже s, а въ литовскомъ можетъ соотвѣтствовать или s, или š. Въ первомъ случаѣ, т. е., если въ литовскомъ соотвѣтствуетъ s, въ нѣмецкомъ будетъ тоже s, во второмъ же, т. е., если въ литовскомъ

1) См. Нѣсколько словъ, стр. 16.

2) Ibid. стр. 17.

соотвѣтствуетъ *ž*, въ нѣмецкомъ будетъ -- *h*. Старо-славянскому *ѣ* (чередующемуся съ *и* (*i*) и съ *ь*) въ старопруско-латышско-литовскомъ (или балтійскомъ или айстскомъ) соотвѣтствуетъ *ai*, чередующеся, смотря по формѣ, съ *ei* и съ *i*; въ нѣмецкомъ же — тоже *ai*, или *ei*, или *i*. Наконецъ, старо-славянскому и вообще славянскому *м* въ языкахъ айстскомъ (балтійскомъ или старопруско-литовско-латышскомъ) и нѣмецкомъ соотвѣтствуетъ тоже *m*. Поищемъ теперь, нѣтъ ли въ послѣднихъ языкахъ словъ, родственныхъ по корню слову *семья*, и корень которыхъ начинался бы съ согласнаго, соотвѣтствующаго славянскому *с*. Это долженъ бы быть корень *saīm*, или *seīm*, или *zim*. Въ латышскомъ языкѣ такое слово въ самомъ дѣлѣ встрѣчается, именно: *saime* (челядь), также въ старопрускомъ; *seimins* (челядь); а въ литовскомъ и нѣмецкомъ словъ съ подобнымъ корнемъ и со значеніемъ нѣтъ. Слѣдовательно, остается прибѣгнуть къ другому предположенію: нѣтъ ли въ литовскомъ и нѣмецкомъ словъ, корень которыхъ начинался бы въ литовскомъ съ *ž*, а въ нѣмецкомъ съ *h*? Такія слова есть, а именно: литовское *žeim-уна* (челядь) и нѣмецкое *Heim*, *Da-heim*, *Heim-at*, (родина), *Heim-weh* (тоска по родинѣ), готское *haim-s* (деревня, село). Конечно, всѣ эти слова родственны лишь по корню, т. е., по главной морфемѣ, сочетающейся съ разнообразными придаточными морфемами или суффиксами. Съ этимъ различіемъ суффиксовъ совпадаетъ и разнообразіе гласныхъ въ корнѣ: въ старославянскомъ или *ѣ*, или *и* (*i*), или *ь*, въ родственныхъ языкахъ или *ai*, или *ei*, или *i*.

Славянское *с*, въ тѣхъ случаяхъ, когда въ литовскомъ ему соотвѣтствуетъ *ž*, а въ нѣмецкомъ *h*, развилось изъ первообразнаго *k*, сохранившагося въ греческомъ и латинскомъ въ видѣ *k* (*c*), а въ санскритѣ вообще даваго *ç*. На этомъ основывается возможность фонетическаго перевода корней слѣдующихъ словъ другихъ языковъ:

Сердце (съ уменьшительнымъ суффиксомъ) — лат.

sird-s, старо-пр. siras (род. п.), лит. širdis, гот. hairtō; нѣм. Herz, (санскр. hrid или hard), греч. *καρδιά*, латин. сог. Славянскому или айстскому d, сообразно съ его двоякимъ происхожденіемъ, соотвѣтствуетъ въ готскомъ или d или t, въ нѣмецкомъ же или t, или же z, или s.

дес-ять — лит. deš-imtis, старопр. dess-imts, лат. des-mits (здѣсь перестановка вм. des-imts), гот. taih-un, древне-верхне-нѣмецкое zeh-an, нѣм. zeh-n, санскр. daṣa, греч. *δέκα*, латин. decem.

сто, старослав. съто — лит. šimtas, лат. simts, гот. hund, нѣм. hundert, санскр. śatam, греч. *ἑκατόν*, латин. centum (kentum).

весь (весь Божія), старослав. вьсь (дворъ, деревня) — лит. vieš — въ vieš-rats (повелитель, т. е., „владѣтель области“) и vieš-(n)e (жен. р., отправляющаяся въ деревню въ гости, т. е., гостья), старо-пр. vaisines (гости) vaissel (деревня), лат. vies-s (гость, т. е., отправляющійся въ деревню, по аналогіи ciem-ipš, гость, отъ ciem-s, деревня), гот. veih-s (село, поле), нѣм. Weich-bild (въ значеніи „территорія“), санскр. veṣ-as, veṣ-man (домъ), viṣ (домъ, мѣсто-пробываніе), viṣ-patis (хозяинъ), греч. *οἶκος*, латин. vic-us.

солома, старослав. слама — лит. šalma (длинное бревно), старопр. salme, лат. salm-s (солома), древне-верхне-нѣм. halam, нѣм. Halm, греч. *χάλαμος* (тростникъ), *χάλαμη* (стебелѣкъ, солома), латин. culmus (стебелекъ, солома).

срамъ (вошедшее въ русскій языкъ изъ церковно-славянскаго), рядомъ съ соромъ — лит. šarimas, лат. sarim-s, старо-пр. sirimes (щелокъ), нѣм. Harim (огорченіе, скорбь), harm-los (безобидный, спокойный¹⁾) и т. д.

Изъ приведеннаго видно, что и фонетическій переводъ является только результатомъ индуктивнаго метода, индуктивныхъ сопоставленій и выводовъ. При томъ годность изслѣдованій языковѣда зависитъ, между прочимъ, отъ строгаго соблюденія географическихъ и хронологическихъ

1) Срав. *ibid.*, стр. 18.

условія. Это значитъ, что каждый фактъ языка долженъ быть разсматриваемъ въ свойственной ему средѣ пространства и времени. Итакъ, изъ всего вышеизложеннаго видно, что, если при помощи опредѣленныхъ точекъ зрѣнія сравнивать и обхватывать отдѣльные случаи, факты, то тотчасъ происходитъ эмпирическая наука общаго, въ нашемъ случаѣ „сравнительная“, историческая грамматика, т. е., выражаясь сообразно съ философскою терминологіей, физика языковѣдѣнія, ограничивающаяся выводами изъ доступныхъ изслѣдованію фактовъ.

Но если изслѣдовать самыя точки зрѣнія и методически-критически обсудить ихъ примѣненіе къ обѣимъ уже вышеупомянутымъ областямъ, тогда получится трансцендентальная, апіорная наука, въ нашемъ случаѣ — философія языковѣдѣнія. Сюда относятся, между прочимъ, вопросы о началѣ слова человѣческаго, о психической сторонѣ языка, о систематикѣ или классификаціи языковъ всего міра; сюда принадлежитъ и вопросъ о понятіи языковѣдѣнія и т. п. Какъ вслѣдствіе раздѣленія труда произошли отдѣльныя науки изъ одной общей науки, такъ уже и въ языковѣдѣніи существуетъ раздѣленіе труда, такъ что одни изъ языковѣдовъ занимаются по преимуществу положительною частью своей науки, т. е., или чистымъ или прикладнымъ языковѣдѣніемъ, а другіе — по преимуществу частью трансцендентальною, т. е., философіею языка.

Всѣ отдѣльныя науки распадаются на двѣ главныя части, на науки естественныя и науки о духѣ. Первыя занимаются исключительно изученіемъ природы, вторыя же — преимущественно духомъ человѣка и его проявленіями и произведеніями. Если принять во вниманіе, что языкъ есть продуктъ духа человѣческаго, проявленіе не только безсознательной, но и сознательной психической дѣятельности человѣка, то, безъ сомнѣнія, языковѣдѣніе нужно причислить къ наукамъ о духѣ, къ наукамъ историческимъ. Какъ бы то ни было, въ языковѣдѣніи есть

въ самомъ дѣлѣ вопросы исключительно лингвистическіе или глоттологическіе, т. е., вопросы, которыхъ не касается никакая другая наука, кромѣ языковѣдѣнія, въ которомъ мы признаемъ науку, основывающуюся на преимущественно идеальномъ, и можно сказать, никогда вполнѣ не достижимомъ стремленіи человѣческаго разума познать всѣ подробности, подходящія подъ общую категорію слова человѣческаго, т. е., языка.

ОСНОВЫ ГИСТОЛОГИИ

СЪ

ЭЛЕМЕНТАМИ ЭМБРИОЛОГИИ ЧЕЛОВѢКА И ПОЗВОНОЧНЫХЪ.

Д-ра П. А. Полякова

Профессора гистологии, эмбриологии и сравнительной анатомии, директора института сравнительной анатомии въ Юрьевѣ.

Часть вторая.

**Микроскопическая анатомія и эмбриологія
органовъ и системъ.**

Ознакомившись съ клѣткой (цитологія), со способами возникновенія изъ клѣтки организмъ, со сложениемъ изъ клѣтокъ тканей (общая эмбриологія), наконецъ со строениемъ возникающихъ изъ клѣтокъ различныхъ тканей (гистологія), теперь перейдемъ къ изученію строенія органовъ и различныхъ организацій въ тѣлѣ человека изъ различныхъ тканей (микроскопическая анатомія) и исторіи возникновенія ихъ въ организмахъ человека и животныхъ (частная эмбриологія). Чисто въ цѣляхъ облегченія усвоенія предмета, чтобы по возможности поменьше упоминать о еще не изученныхъ вещахъ, въ изложеніи принять порядокъ перехода отъ простѣйшаго къ болѣе сложному. Въ виду невозможности описать строеніе, какого бы то не было, органа или организаціи безъ упоминанія распредѣленія въ немъ кровеносныхъ и лимфеносныхъ сосудовъ, на первомъ мѣстѣ ставится изученіе строенія кровеносной и лимфенной организацій а также и ихъ возникновенія у зародыша. Потомъ идетъ изученіе строенія покрововъ и возникновенія ихъ у зародыша; отъ кожи естественный переходъ чрезъ отверстія къ изученію возникновенія у зародыша полости рта, глотки, носа и строенія этихъ частей; послѣ того слѣдуетъ изложеніе строенія дыхательной и пищеварительной организацій и ихъ развитія у зародыша; строеніе и развитіе замкнутыхъ железъ; строеніе и развитіе мочеполовой организаціи; развитіе и строеніе оболочекъ зародыша. Далѣе излагается строеніе и развитіе нервной системы и наконецъ строеніе и развитіе органовъ чувствъ.

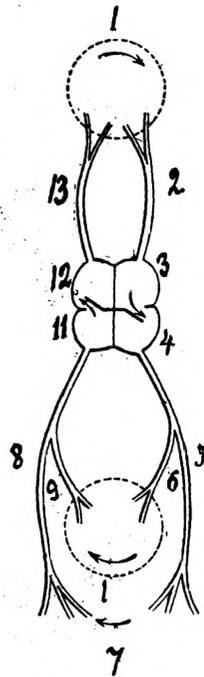
Отдѣль VIII.

Организація кровообращенія.

Всѣ форменные элементы тканей и органовъ для того, чтобы дѣйствовать сообразно своему назначенію въ живомъ организмѣ требуютъ восстановленія матеріальныхъ частицъ своей тончайшей физико-химической организаціи, непрерывно утрачиваемыхъ какъ на поддержаніе постояннаго

Рис. 894.

Рис. 894. Схема кровообращенія у взрослого челоуѣка: большой или главный кругъ кровообращенія и два малыхъ (легочный и печеночный): 1 — легкое; 2 — легочная вена; 3 — лѣвое предсердіе; 4 — лѣвый желудочекъ; 5 — аорта; 6 — брыжжеечныя артеріи; 7 — сѣти капилларовъ большого круга; 8 — полая вена; 9 — печеночная вена; 10 — кишечникъ и печень; 11 — правое предсердіе; 12 — правый желудочекъ; 13 — легочная артерія.

обмѣна веществъ въ видахъ простаго существованія, такъ и на проявленіе особенныхъ жизненныхъ отравленій. Матеріалы для обмѣна веществъ въ организмѣ получаютъ въ грубой формѣ изъ внѣшней среды чрезъ легкія и пищеварительную организацію. Отсюда съ помощью полыхъ трубокъ различной толщины въ просвѣтѣ, называемыхъ венами, всѣ эти питательныя вещества, входя въ составъ крови, поступаютъ въ сердце, откуда по другого рода полымъ трубкамъ — артеріямъ они относятся къ тканямъ и органамъ тѣла человѣка до его самыхъ мельчайшихъ форменныхъ элементовъ. Въ этихъ мѣстахъ артеріи развѣтвляются на тончайшія трубочки, не толще волоса, называемыя артерійними волосниками или капилларами. Равнымъ образомъ имѣются венныя волосники или капиллары, составляющіе начало приносящихъ кровь къ сердцу полыхъ трубокъ — венъ. (Рис. 894, 895.)

Рис. 895.

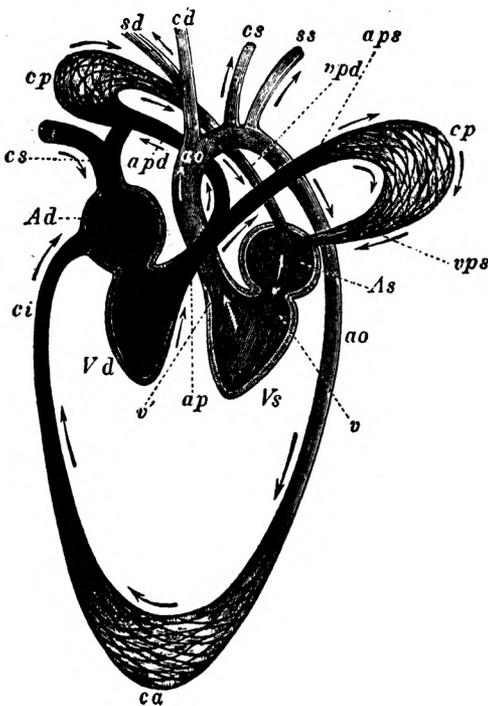

Рис. 895. Схема строения сердца и кровообращения у высшихъ позвоночныхъ: Ad — правое, As — лѣвое предсердія; Vd — правый, Vs — лѣвый желудочки; са — сѣти капилларовъ тѣла; ci — нижняя, cs — верхняя полая вены; ар — легочная артерія — ард — правая, арс — лѣвая; ср — сѣти легочныхъ капилларовъ; vpd — правая, vps — лѣвая легочныя вены; v — лѣвое предсердно-желудочковое отверстіе; v' — аортное отверстіе; ao — аорта; cd — правая, cs — лѣвая сонныя артеріи; sd — правая, ss — лѣвая подключичныя артеріи (Nuhn).

Все это въ совокупности: вены, сердце, артеріи и капиллары, называется кровеносной организаціей или системой.

Въ дополненіе къ венной кровеносной системѣ существуетъ лимфеносная система, состоящая изъ лимфеносныхъ капилларовъ и лимфеносныхъ сосудовъ, доставляющихъ лимфу отъ тканей въ венную систему.

Кровеносные капиллары, которые открылъ **Malpighi** (1661), представляютъ собою концевыя тонкія, какъ волосъ, трубочки артерій, непосредственно переходящія въ волосныя трубочки, являющіяся начальными трубочками для венъ. Слѣдовательно организація кровообращенія въ тѣлѣ человѣка состоитъ въ совокупности изъ 1) волосниковъ-капилларовъ (артерійныхъ и венныхъ), 2) артерій разной толщины, 3) венъ разной толщины, 4) сердца, 5) лимфеносныхъ капилларовъ и 6) лимфеносныхъ сосудовъ.

А. Кровеносные капиллары.

1. Артерійные капиллары.

Волосные кровеносные сосуды или капиллары имѣютъ наипростѣйшее устройство. Стѣнки ихъ устроены изъ пластинчатыхъ очень тонкихъ эндотельныхъ клѣтокъ съ уплощеннымъ, вытянутымъ по оси капиллара, ядромъ. Величина этихъ клѣтокъ 25—30 μ въ длину соответственно оси капиллара; толщина ихъ 1—2 μ .

Въ самыхъ тонкихъ капилларахъ (5 μ въ поперечникѣ) пластинчатая эндотельная клѣтка, свертываясь въ трубочку до соприкосновенія своими краями противъ мѣста нахождения ядра, одна образуетъ его стѣнку. (Рис. 896—899.) Въ болѣе толстыхъ капилларахъ въ составъ его стѣнки по окружности входятъ нѣсколько клѣтокъ. (Рис. 900.)

При обработкѣ ткани или органа, содержащаго капиллары, растворомъ азотно-кислаго серебра границы клѣтокъ, составляющихъ стѣнку капиллара, вырисовываются весьма ясно, показывая ихъ форму, очертанія, количество. (Рис. 901 и см. рис. 896—900.)

Въ болѣе толстыхъ капилларахъ бываетъ замѣтенъ на наружной поверхности клѣтокъ его составляющихъ стекло-прозрачный слой, дающій въ совокупности эндотельныхъ клѣтокъ капилляру какъ бы второй слой его стѣнки, подобный основной или пограничной перепонкѣ (*membrana basilaris s. limitans*), всегда отдѣляющей эпителичныя клѣтки отъ элементовъ другихъ тканей.

Рис. 896.

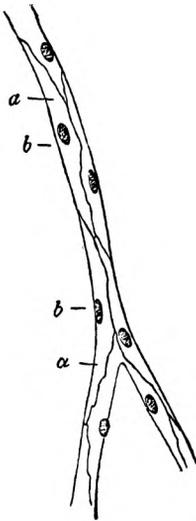

Рис. 896. Капиллярный кровеносный сосудъ изъ брыжжейки морской свинки, обработанный растворомъ азотнокислаго серебра; стѣнки его состоятъ изъ плоскихъ эпителиныхъ (эндотельныхъ) клѣтокъ (a) съ ядрами (b); очертанія клѣтокъ рѣзко обрисованы осадкомъ серебра. Увеличеніе 250 (Frey).

Рис. 897.

Рис. 897. Сѣченіе селезенки саламандры: g — кровеносный капилляръ; z — клѣтки основы селезенки, т. е. сѣтчатковолокнистой ткани; lc — лейкоциты; lc' — лейкоцитъ, проходящій чрезъ стѣнку капилляра; гk — окрашенныя кровяныя клѣтки (Orpел).

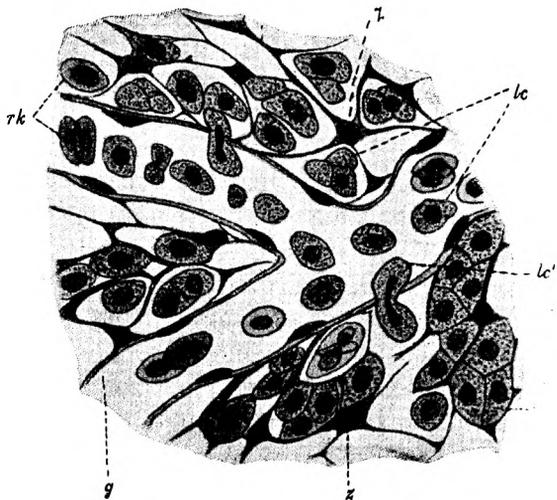

Рис. 898. Жировые клетки подкожного слоя белой мышцы: 1 — жировая клетка (перстневидная); 2 — жировая клетка с клеточным ядромъ на передней поверхности; 3 — жировые кристаллы (маргарина) въ жировой клеткѣ; 4 — клей дающія волокна рыхлой волокнистой ткани; 5 — кровеносный капилляръ. Увеличение 200 (Szymonowicz).

Рис. 898.

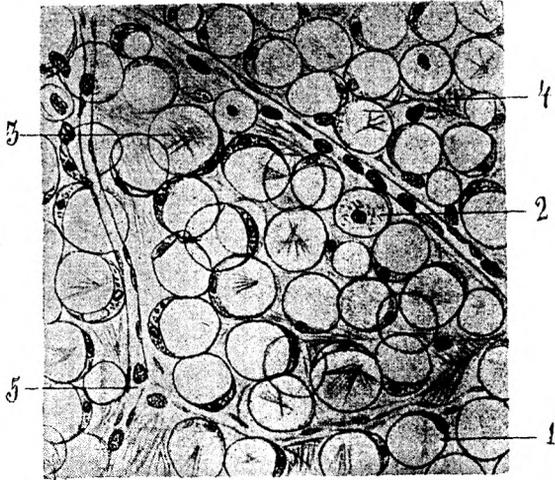

Рис. 899.

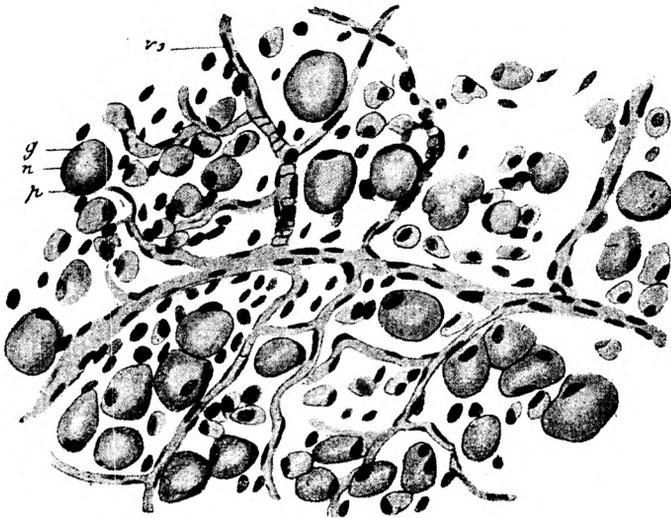

Рис. 899. Брыжейка молодой крысы съ поверхности: vs — кровеносные капиллары; n — ядро жировой клеткы; p — клеточное тѣло въ видѣ тонкаго слоя вокругъ капельки жира — g. Увеличение 250 (Prenant).

Рис. 900.

Рис. 900. Кровеносный капилляръ изъ брыжжейки лягушки, обработанный растворомъ азотнокислаго серебра. Увеличение 330 (Ranvier).

Рис. 901.

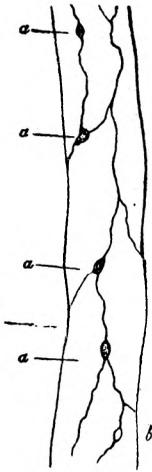

Рис. 901. Кровеносный капилляръ изъ брыжжейки лягушки, обработанный азотнокислымъ серебромъ: a, b — маленькія отверстія между клѣтками — stomata (Frey).

2. Венные капиллары.

Въ самыхъ толстыхъ капилларахъ, переходящихъ съ одной стороны въ артеріи, а съ другой въ вены, имѣется кромѣ вышеописанныхъ двухъ слоевъ еще третій слой стѣнки, состоящій изъ уплотненныхъ многоостречатыхъ клѣтокъ волокнистой соединительной ткани, соединяющихся своими отростками и такимъ образомъ оплетающихъ весь капилляръ. (Рис. 902, 903.) **Eberth** и **Ивановъ** назвали этотъ слой перителіемъ.

Самые узкіе капиллары имѣются въ мышцахъ, нервахъ, сѣромъ веществѣ мозга и сѣтчаткѣ глаза. Совсѣмъ ихъ не бываетъ во внутренней оболочкѣ артерій и венъ, въ волосахъ, ногтяхъ, суставныхъ хрящахъ, роговицѣ, хрусталикѣ,

зубной ткани и эмали. Вообще же болѣе узкіе капиллары находятся ближе къ области развѣтвленія артерій — артерійные капиллары; а болѣе толстые примыкають къ венамъ — венные капиллары. (Рис. 904.)

Рис. 902.

Рис. 902. Звѣздчатая клетка — 1 волокнистой соединительной ткани, оплетающія своими отростками стѣнки капиллара и артерійки. Увеличение 240 (Догель).

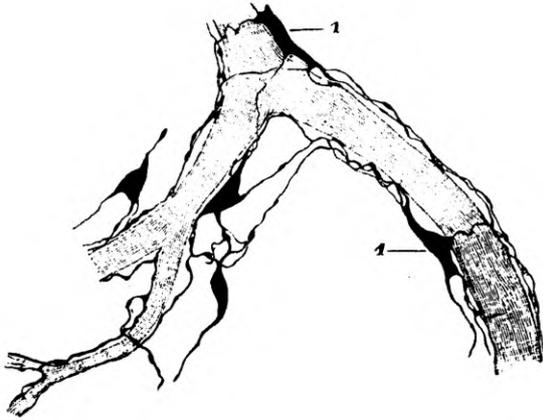

Рис. 903.

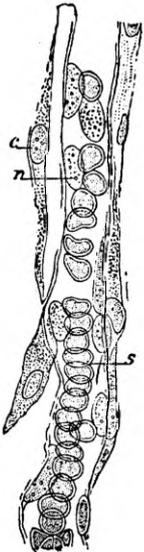

Рис. 903. Продольное сѣченіе кровеноснаго капиллара изъ сѣдалищнаго нерва собаки: s — окрашенная кровяная тѣльца; n — ядро эндотелиальной клетки капиллара; с — клетка волокнистой соединительной ткани, прилежащая снаружи къ стѣнкѣ капиллара (Ranvier).

Рис. 904.

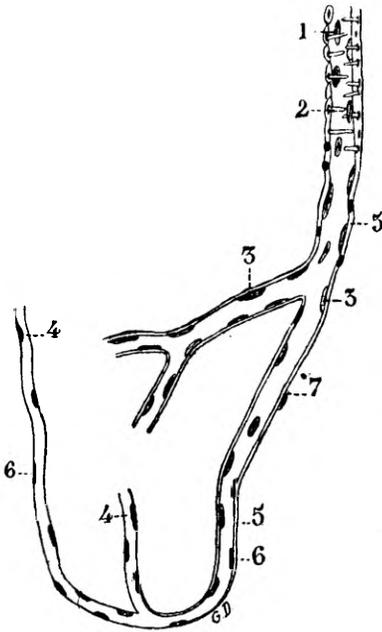

Рис. 904. Продольное сѣченіе артерійки и капилляровъ: 1 — ядра эндотелія артерійки; 2 — ядра гладкихъ мышечныхъ волоконъ-кѣтокъ; 3 — ядра эндотелія болѣе толстыхъ капилляровъ; 4, 6 — ядра эндотелія тонкихъ капилляровъ; 5 — стекловидная сѣнка; 7 — ядро соединительнотканной кѣтки. Увеличение 300 (Kölliker),

3. Капиллярныя сѣти.

Кровеносныя капилляры, составляющіе продолженіе артерій, быстро развѣтвляются древовидно (Рис. 904.) и идутъ или въ видѣ длинныхъ вѣтвей, соединяющихся между собой въ длинныя петли; или составляютъ густую сѣть изъ короткихъ вѣтвей, много разъ сообщающихся между собой и образующихъ мелкопетлистую капиллярную сѣть. Форма и расположеніе капиллярныхъ сѣтей вполне соответствуетъ формѣ ткани или органа, который онѣ пронизываютъ. (Рис. 905—920.) Что касается количества капиллярныхъ сѣтей въ данной ткани или органѣ, то оно находится въ прямомъ отношеніи къ дѣятельности послѣднихъ: чѣмъ болѣе дѣятеленъ органъ, тѣмъ болѣе капиллярныхъ сѣтей онъ содержитъ. (Рис. 921.)

Рис. 905.

Рис. 905. Сеть кровеносных сосудов въ поперечнополосатыхъ мышцахъ: а — артерія; в — вены; с, d — сеть капилларовъ (Ranvier).

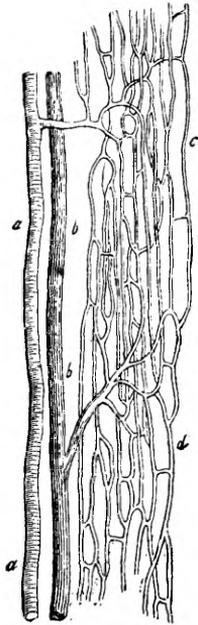

Рис. 906.

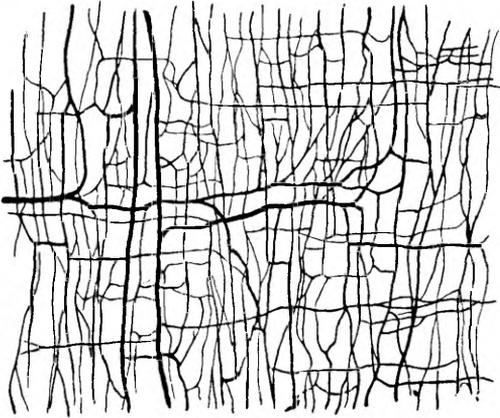

Рис. 906. Сеть кровеносныхъ сосудовъ въ гладкой мышечной ткани. Увеличение 45 (Pouchet et Tourneux).

Рис. 907.

Рис. 907. Капиллярная сеть кровеносныхъ сосудовъ одиночнаго лимфеннаго узелка кишки. RF — капиллярная сеть фолликула; А — артерія; V — вена.

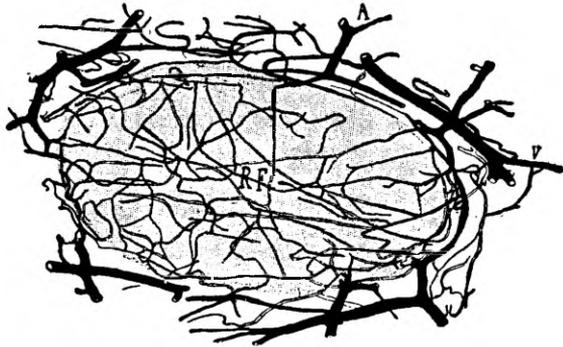

Рис. 908.

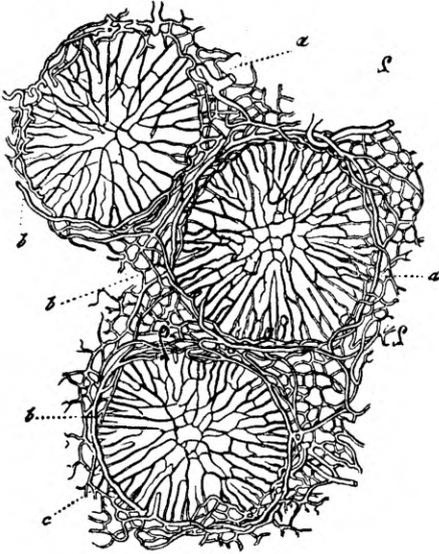

Рис. 908. Сеть кровеносных сосудов въ трехъ лимфенныхъ фолликулахъ лимфенныхъ узловъ: а — капиллярная сеть; b — круговой кровеносный сосудъ (Freу).

Рис. 909.

Рис. 909. Сѣченіе селезенки ящерицы (*Lacerta muralis*) съ налитыми массой кровеносными сосудами: f — тѣльце селезенки; l — промежуточная волокнистая соединительная ткань; чернымъ обозначены кровеносные сосуды (Haller).

Рис. 910.

Рис. 910. Схема капиллярной сети кровеносных сосудов вокруг тѣла потовой железы человѣка: а — простая трубочка потовой железы, свернутая въ клубочекъ; b — выводной протокъ; c — корзинкообразная сеть кровеносныхъ капилляровъ, окружающая клубочекъ потовой железы; d — вены, принимающія кровь изъ капиллярной сети (Todel-Bowman).

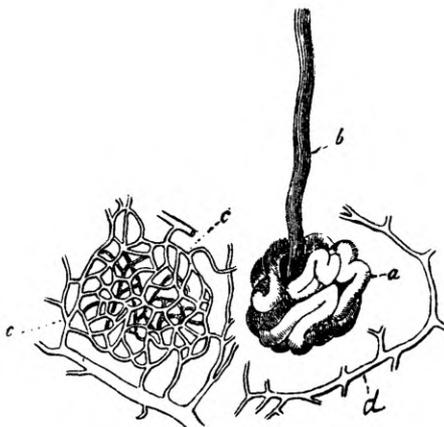

Рис. 911.

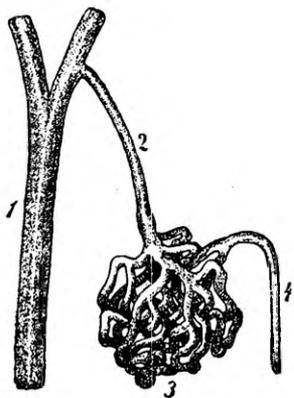

Рис. 911. Клубочекъ кровеносныхъ сосудовъ почечнаго тѣльца изъ почки кошки: 1 — междольковая артерія; 2 — приносящая кровь артерія (a. afferens); 3 — клубочекъ; 4 — выносящая кровь артерія (a. efferens) (Ludwig).

Рис. 912.

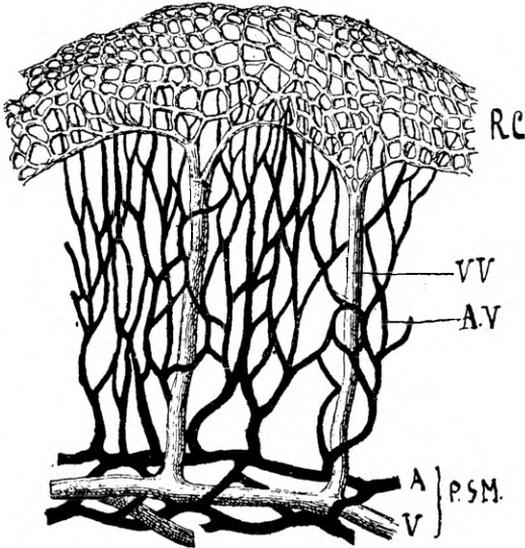
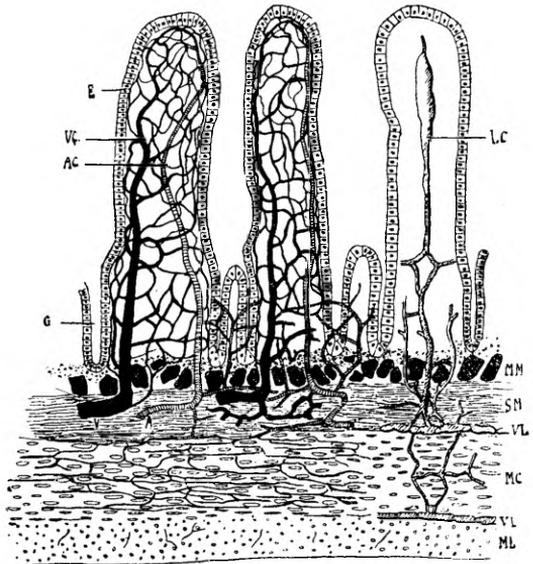

Рис. 912. Сѣть кровеносныхъ капилларовъ и расположе- ние сосудовъ въ сли- зистой оболочкѣ же- лудка: RC — сѣть капилларовъ; VV — вены; A.V — артерій; A, V — артерій и вены подслизистаго слоя (Duval).

Рис. 913. Схема кровеносныхъ сосу- довъ и ихъ капиллар- ныхъ сѣтей въ ворсин- кахъ слизистой обо- лочки тонкой кишки и начальныя части лимфеносныхъ (хило- носныхъ) сосудовъ. МI — наружный слой мышечной оболочки тонкой кишки изъ продольныхъ волоконъ; Мс — внутренній слой изъ круговыхъ волоконъ; SM — подсли- зистый слой слизистой оболочки; MM — мышечный слой слизи- стой оболочки; G — трубчатая железы кишки; E — покровный однослойный цилиндрическій эпителий; A, Ac — центральная артерія ворсинки, раздѣляющаяся на капил- ларную сѣть: эта сѣть постепенно собирается въ центральную вену — Vc, V — ворсинки. LC — центральный лимфеносный (хилоносный) сосудъ ворсинки продолжается въ сѣти лимфеносныхъ сосудовъ въ толщѣ кишечной стѣнки — VL. (Duval).

Рис. 913.

кишки; E — покровный однослойный цилиндрическій эпителий; A, Ac — центральная артерія ворсинки, раздѣляющаяся на капил- ларную сѣть: эта сѣть постепенно собирается въ центральную вену — Vc, V — ворсинки. LC — центральный лимфеносный (хилоносный) сосудъ ворсинки продолжается въ сѣти лимфеносныхъ сосудовъ въ толщѣ кишечной стѣнки — VL. (Duval).

Рис. 914.

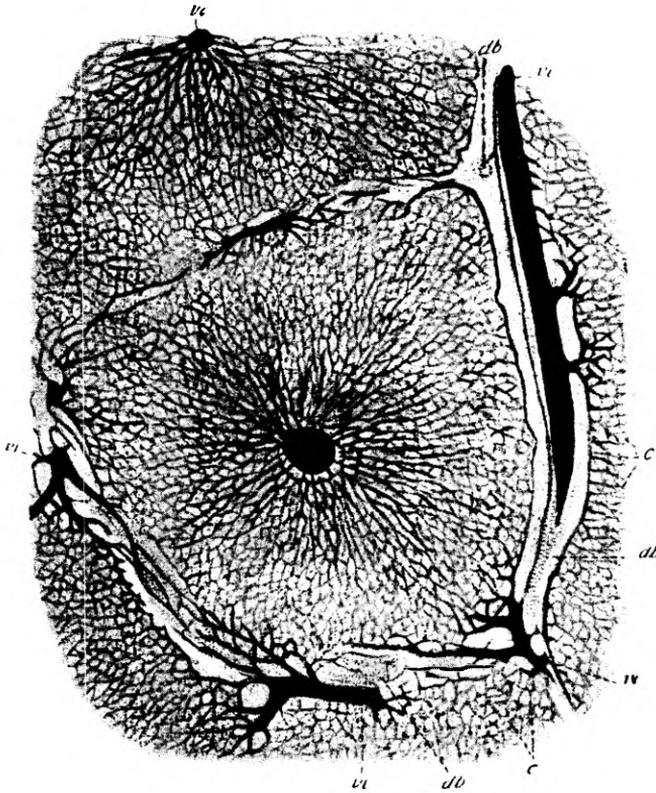

Рис. 914. Одна долька изъ печени кролика съ частями сосѣднихъ долекъ. Кровеносные сосуды печени налиты массой, окрашенной берлинской лазурью. Въ центрѣ дольки видно поперечное сѣченіе центральной вены съ цѣлою сѣтью по радіусамъ изливающихъ въ нее кровеносныхъ капилляровъ, между которыми содержатся ряды печеночныхъ клѣтокъ. Всѣ эти капиллары берутъ начало на поверхности дольки изъ развѣтвленій воротной вены, продольное и косыя сѣченія которыхъ видны залегающими въ междольчатой волокнистой соединительной ткани. *vi* — междольчатая вена, концевая вѣтвь воротной вены; *vc* — центральная вена дольки, начальная вѣтвь печеночной вены; *c* — капиллары кровеносныхъ сосудовъ; *db* — развѣтвленія желчныхъ протоковъ. Увеличеніе 45 (Sobotta).

Рис. 915.

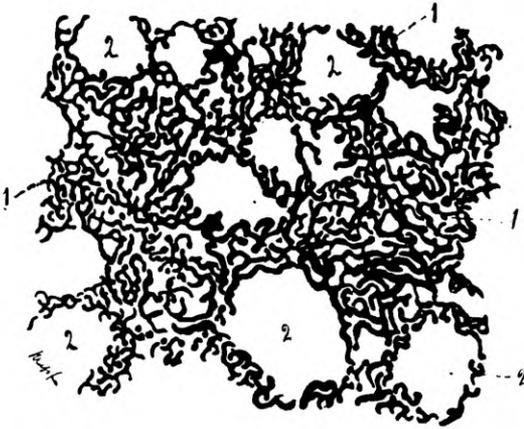

Рис. 915. Сѣченіе легкаго кролика съ налитыми массой кровеносными сосудами: 1 — капиллярныя сѣти въ стѣнкѣхъ легочной ячейки (alveola); 2 — куполь ячейки срѣзанъ, осталась сѣть капиляровъ только у его основанія (Böhm und Davidoff).

Рис. 916.

Рис. 916. Сѣтъ кровеносныхъ сосудовъ въ поперечно-полосатыхъ мышцахъ кролика, налитая массой: А — артерія; v — вена; m — мѣсто не нарисованныхъ мышечныхъ волоконъ; n — расширения въ капиллярной сѣти поперечныхъ вѣтвей; s — продольный извитой капилляръ; с — капилляръ. Увеличеніе 100 (Ranvier).

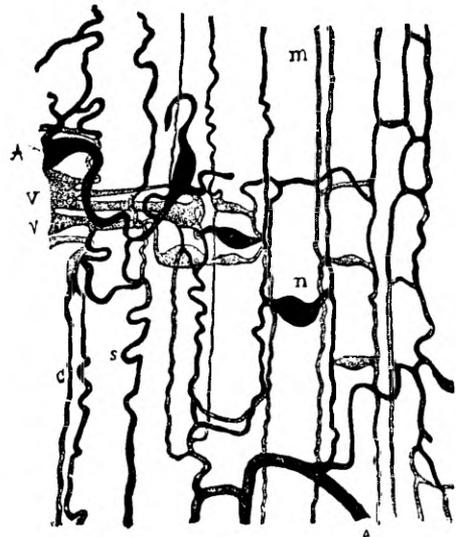

Рис. 917.

Рис. 917. Налитые массой кровеносные сосуды поджелудочной железы кролика. а — сеть капилляровъ въ островкахъ Langerhans'a; б — сеть капилляровъ отдѣлительныхъ трубочекъ долижки железы (Kühne und Lea, 1882).

Рис. 918.

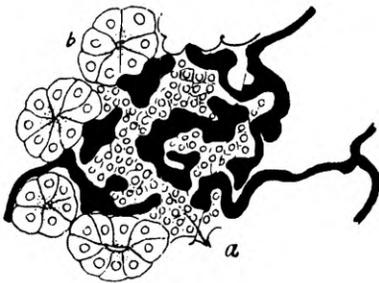

Рис. 918. Островокъ Langerhans'a изъ поджелудочной железы кролика съ налитыми массой кровеносными капиллярами; а — островокъ Langerhans'a; б — поперечное сѣченіе концевой отдѣлительной трубочки. Увеличеніе 360 (Kühne und Lea, 1882).

Рис. 919.

Рис. 919. Образование венъ сосудистой оболочки изъ капилларовъ капилларно-сосудистаго слоя той же оболочки: 1 — толстыя вены сосудистой оболочки; 2 — тонкія вены ея же; 3 — образование веночкъ изъ капилларовъ (Schwalbe).

Рис. 920.

Рис. 920. Распредѣленіе кровеносныхъ сосудовъ на внутренней поверхности радужной оболочки ребенка: а — передній край внутренняго капилларнососудистаго слоя сосудистой оболочки (choriocapillaris); б — зубчатый поясъ сосудистой оболочки (ora serrata); в — вены рѣсничнаго пояса (orbiculus ciliaris); д — кровеносные сосуды рѣсничнаго отростка (processus ciliaris); е — вены рѣсничнаго края радужной оболочки; ф — кровеносные сосуды зрачковаго края той же оболочки. Увеличеніе 10 (Arnold).

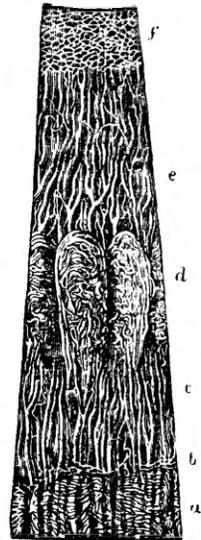

Рис. 921.

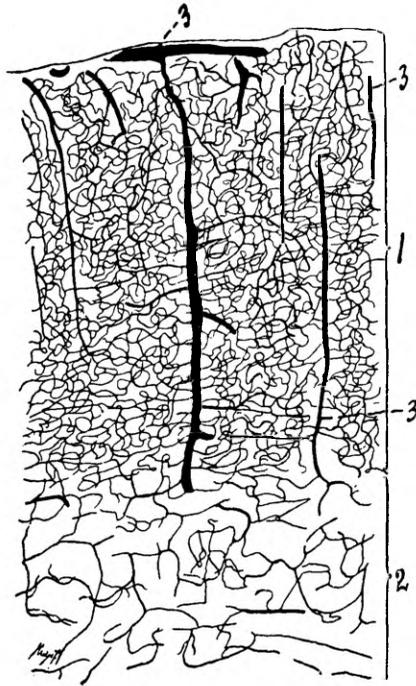

Рис. 921. Распределение па-литыхъ массой кровеносныхъ сосудовъ (3) въ сѣромъ (1) и бѣломъ (2) веществахъ большихъ полушарій мозга кролика. Увеличение 40 (Böhm und Davidoff).

4. Прохождение лейкоцитовъ черезъ стѣнки капилларовъ.

При движеніи крови по капилларамъ наблюдается, что окрашенныя тѣльца ея стремительно движутся въ центральной части потока, тогда какъ лейкоциты какъ бы ползутъ въ прибрежной его части по стѣнкѣ капиллара. (Рис. 922.) Въ случаѣ, если лейкоцитъ возбуждается какимъ либо веществомъ или силой извнѣ, онъ, проявляя положительный химіотаксизмъ, выпускаетъ ложноножку и прободаетъ стѣнку капиллара въ мѣстѣ соединенія двухъ сосѣднихъ эндотельныхъ клѣтокъ, гдѣ имѣются межклетные каналцы, какъ вообще между эпителиальными клѣтками. (Рис. 923—925.) Послѣ того всѣ вещества тѣла лейкоцита проникаютъ постепенно вслѣдъ за ложноножкой наружу, таща за собой и ядро, которое, временно измѣняя свою форму, также про-скальзываетъ черезъ отверстіе, тотчасъ закрывающееся. Такъ

совершается выселение лейкоцитовъ чрезъ неповрежденную стѣнку капиллара (diapedesis), что особенно часто наблюдается при болѣзненныхъ измѣненіяхъ въ ткани, при прониканіи въ нее болѣзнетворныхъ микроорганизмовъ или продуктовъ ихъ жизненной дѣятельности — токсиновъ.

Рис. 922.

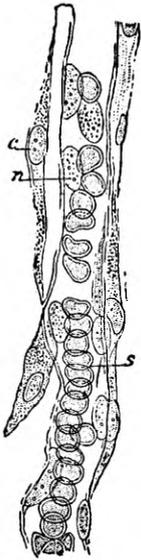
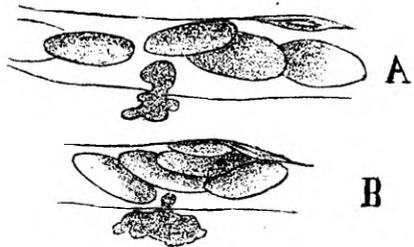

Рис. 922. Продольное сѣченіе кровеноснаго капиллара изъ сѣдалищнаго нерва собаки: s — окрашенныя кровяныя тѣльца; n — ядро эндотельной клѣтки капиллара; c — клѣтка волокнистой соединительной ткани, прилежащая снаружи къ стѣнкѣ капиллара (Ranvier).

Рис. 923.

Рис. 923. Выхожденіе лейкоцитовъ чрезъ стѣнку изъ кровеноснаго капиллара: А — лейкоцитъ наполовину выдѣлился, В — онъ же почти совсѣмъ вышелъ изъ капиллара (Мечниковъ).

Послѣ прохожденія лейкоцита чрезъ стѣнку капиллара составляющія ее клѣтки смыкаются такъ, что не остается никакихъ слѣдовъ этого прохожденія. Но раньше полагали, что такъ называемыя stomata суть слѣды прохожденія лейкоцитовъ. (Рис. 926.)

Рис. 924.

Рис. 924. Сѣчение селезенки саламандры: *g* — кровеносный капилляръ; *z* — клѣтки основы селезенки, т. е. сѣтчатоволокнистой ткани; *lc* — лейкоциты; *lc'* — лейкоцитъ, проходящій черезъ стѣнку капиллара; *rk* — окрашенныя кровяныя клѣтки (Orpel).

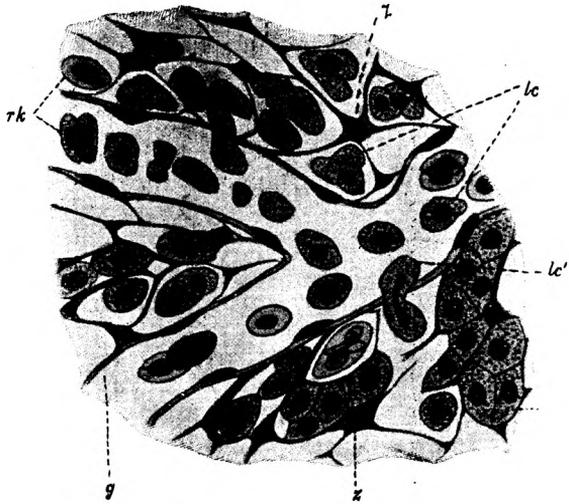

Рис. 925.

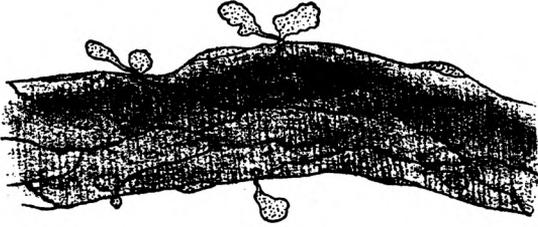
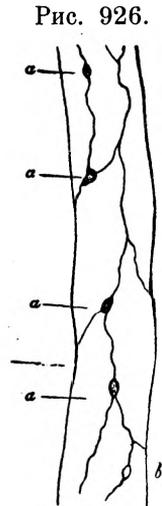

Рис. 925. Выхождение лейкоцитовъ черезъ стѣнку изъ кровеноснаго капиллара — diapedesis (Arnold).

Рис. 926. Кровеносный капилляръ изъ брюжейки лягушки, обработанный азотнокислымъ серебромъ: *a*, *b* — маленькяя отверстія между клѣтками — stomata (Frey).

Подобнымъ же образомъ проникаютъ внутрь капиллара подвижныя клѣтки окружающей соединительной ткани, если болѣе сильный возбудитель находится въ крови, какъ это бываетъ при заразныхъ болѣзняхъ.

Только въ исключительныхъ случаяхъ и только при ненормальныхъ условіяхъ наблюдается выселеніе также и окрашенныхъ тѣлецъ крови чрезъ стѣнку капиллара наружу.

Б. Артеріи.

1. Артерійки (arteriоlae).

Непосредственнымъ продолженіемъ капилларовъ въ направленіи противъ тока крови служатъ артеріи.

Строеніе стѣнокъ артерій становится тѣмъ болѣе сложнымъ, чѣмъ ближе отъ капилларовъ къ сердцу будетъ взята артерія для изслѣдованія. Самыя тонкія артеріи, называемыя

Рис. 927.

Рис. 927. Кровеносный капилляръ изъ брыжжейки лягушки, обработанный растворомъ азотнокислаго серебра. Увеличеніе 330 (Ranvier).

Рис. 928.

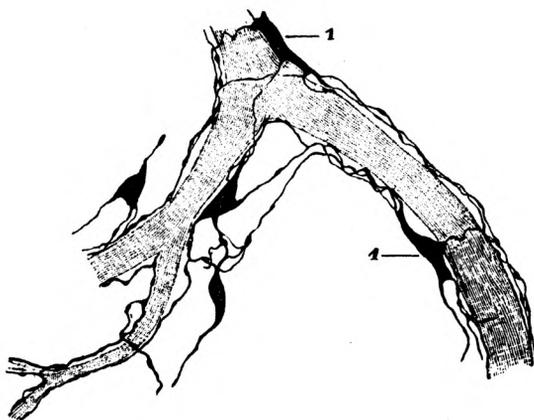
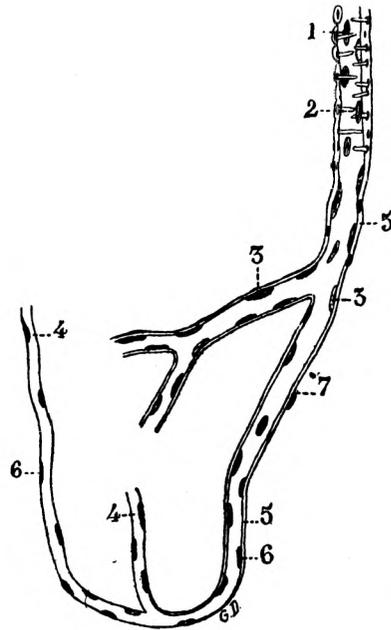

Рис. 928. Звѣздчатыя клѣтки — 1 волокнистой соединительной ткани, оплетающія своими отростками стѣнки капиллара и артерійки. Увеличеніе 240 (Догель).

артерійками (arteriоlae), отличаются отъ капилляровъ тѣмъ, что въ строеніи стѣнокъ ихъ между эндотельнымъ слоемъ (рис. 927) и слоемъ отростчатыхъ клѣтокъ соединительной ткани (рис. 928) вставляется третій слой, мышечный, въ видѣ гладкихъ мышечныхъ волоконъ-клетокъ. (Рис. 929, 930.) Сначала эти волокна-клетки веретенообразной формы, (рис. 931—933) располагаясь вокругъ эндотельнаго слоя кольцеобразно или вѣрнѣе спирально его

Рис. 929.

Рис. 929. Продольное сѣченіе артерійки и капилляровъ: 1 — ядра эндотелія артерійки; 2 — ядра гладкихъ мышечныхъ волоконъ-клетокъ; 3 — ядра эндотелія болѣе толстыхъ капилляровъ; 4, 6 — ядра эндотелія тонкихъ капилляровъ; 5 — стекловидная стѣнка; 7 — ядро соединительнотканной клѣтки. Увеличеніе 300 (Kölliker),

окружая, лежатъ на нѣкоторомъ разстояніи одно отъ другого. (Рис. 934.) Но потомъ, по мѣрѣ увеличенія поперечника артерійки, они составляютъ сплошной слой, прилегая непосредственно одно къ другому. Слѣдовательно, стѣнка артерійки слагается изъ трехъ слоевъ.

Внутренній слой (tunica intima) состоитъ изъ продолжающагося сюда внутренняго слоя стѣнки толстаго капилляра въ видѣ эндотельныхъ клѣтокъ, значительно вытянутыхъ соотвѣтственно оси артерійки, (рис. 935) имѣющихъ на своей наружной поверхности тонкій стеклопрозрач-

ный слой. Кнаружи отъ нихъ слѣдуетъ эластинная перепонка (*lamina elastica interna*), состоящая изъ эластиннаго вещества стеклопрозрачнаго, не обнаруживающаго никакого строения.

Рис. 930.

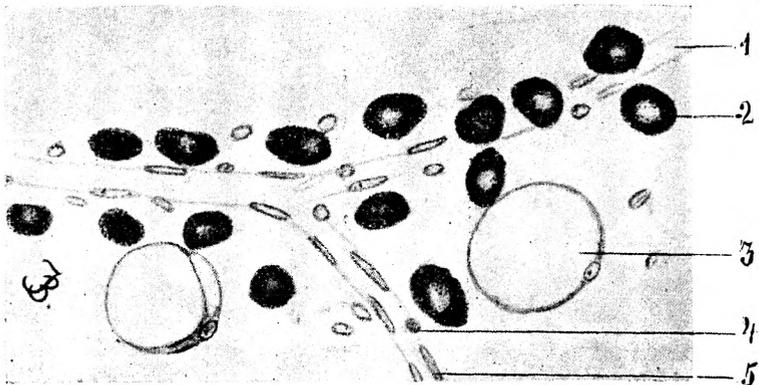

Рис. 930. Жировыя клѣтки — 3 и тучныя клѣтки (*Mastzellen*) — 2 изъ подкожнаго слоя крысы; 1 — артерійка; 4 — ядро мышечной клѣтки-волокна гладкой мышечной ткани; 5 — ядро эпителия кровеноснаго сосуда. Увеличение 540 (*Szymonowicz*).

Рис. 931.

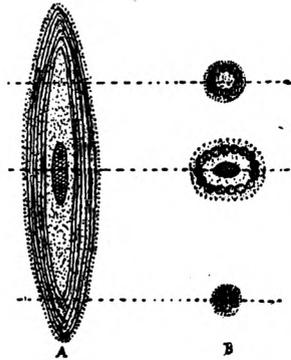
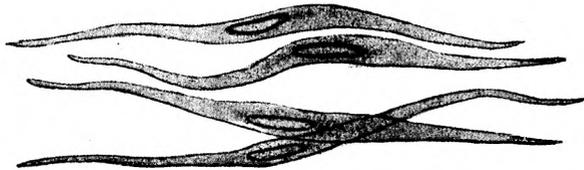

Рис. 931. Схема строения волокна-клетки гладкой мышечной ткани: А — продольное сѣченіе волокна-клетки; В — поперечное сѣченіе въ плоскостяхъ проведенныхъ линій (*Launois*).

Рис. 932.

Рис. 932. Волокна-клетки изъ желудка лягушки. Увеличение 400 (*Szymonowicz*).

Средній слой стѣнки артерійки (*tunica media*) состоитъ изъ гладкихъ мышечныхъ волоконъ-кѣлокъ, кольцеобразно въ одинъ слой обвивающихся вокругъ внутренняго слоя стѣнки артерійки. (Рис. 936.)

Рис. 933.

Рис. 933. Продольное сѣченіе мышечнаго слоя кишки собаки: 1 — кѣлочное тѣло; 2 — кѣлочное ядро; 3 — межкѣлочные мостики и между ними межкѣлочные соковые каналцы. Увеличеніе 530 (Szymonowicz).

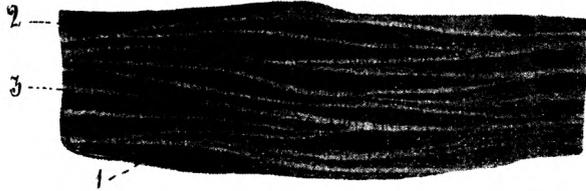

Рис. 934.

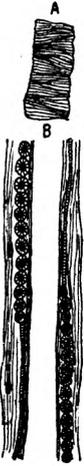
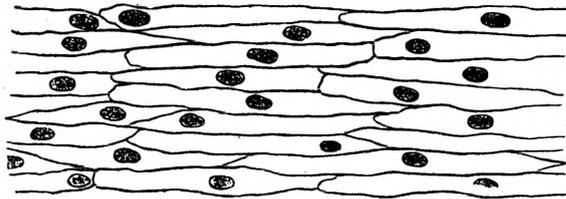

Рис. 934. Артерійка изъ большого сальника: А — видъ съ поверхности; В — продольное сѣченіе (Ranvier).

Рис. 935.

Рис. 935. Плоскій однослойный эпителий артеріи бѣлаго вещества головного мозга послѣ обработки растворомъ азотно-кислаго серебра, разсматриваемый съ поверхности. Кѣлки съ прямолинейными очертаніями. Увеличеніе 300 (Kölliker).

Наружный слой стѣнки артерійки (*tunica externa s. adventitia*) состоитъ изъ звѣздчатыхъ многоотростчатыхъ клѣтокъ соединительной ткани, которыя, взаимно соединяясь между собой отростками, оплетаютъ снаружи артерійку.

Рис. 936.

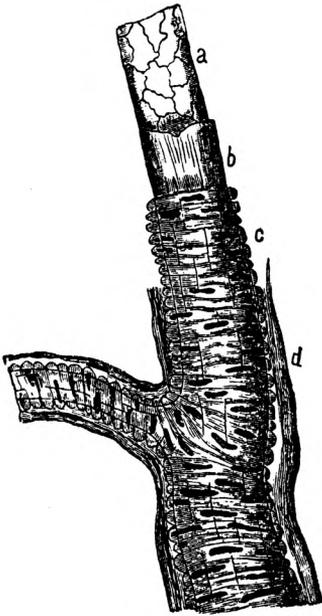

Рис. 936. Строеіе стѣнки тонкой артеріи и артерійки: а — эндотелій; b — внутренняя упругая оболочка (*lamina elastica interna*); с — средняя оболочка изъ кругового слоя гладкихъ мышечныхъ волоконъ-клѣтокъ; d — наружная оболочка изъ волокнистой соединительной ткани (Frey).

Начиная съ толщины артерійки около 100 μ и болѣе къ звѣздчатымъ клѣткамъ присоединяются пучки клейдающихъ волоконъ и очень тонкихъ эластинныхъ волоконъ соединительной ткани, идущихъ продольно и нѣсколько косвенно относительно оси артерійки.

2. Артеріи съ малой величины просвѣтомъ.

Въ артеріяхъ съ малой величины просвѣтомъ (артеріи мозга, сальника, брыжжейки и т. п.) стѣнки состоятъ изъ тѣхъ же трехъ слоевъ, но нѣсколько иначе устроенныхъ.

Внутренній слой ихъ слагается изъ такихъ же эндотелиальныхъ клѣтокъ, какія имѣются въ артерійкахъ. Кнаружи отъ нихъ лежитъ, такъ называемая, окон-

чатая перепонка (*membrana fenestrata*). Это та же эластинная оболочка, какъ и въ артерійкѣ, только болѣе толстая и кромѣ того мѣстами имѣющая въ себѣ неправильной формы округленныя отверстія въ видѣ оконъ. (Рис 937.)

Средній слой состоитъ изъ гладкихъ мышечныхъ волоконъ-клетокъ, располагающихся, какъ въ артерійкахъ, кольцеобразно, обвиваясь вокругъ внутренняго слоя, но уже не въ одинъ только слой, а въ 2—3 —

Рис. 937.

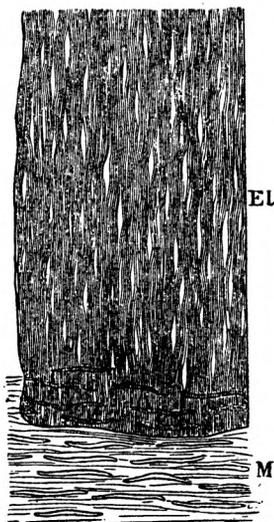

Рис. 937. Эластинныя волокна — E изъ мозговой артеріи (окончатая эластинная оболочка) телят; окна въ видѣ веретенообразныхъ щелей; M — часть мышечной оболочки (*media*) артеріи. Увеличеніе 400 (Schifferdecker und Kossel).

нѣсколько слоевъ. (Рис. 938, 939.) Межъ слоями мышечныхъ волоконъ-клетокъ залегаютъ въ небольшомъ количествѣ тонкія эластинныя и клейдающія волокна волокнистой соединительной ткани, продолжающіяся въ слѣдующій наружный слой.

Наружный слой стѣнки артеріи малаго просвѣта состоитъ изъ продольно и косвенно по отношенію къ ея оси идущихъ пучковъ клейдающихъ и эластинныхъ волоконъ волокнистой соединительной ткани, между которыми залегаютъ разнаго вида клетки той же ткани.

Рис. 938.

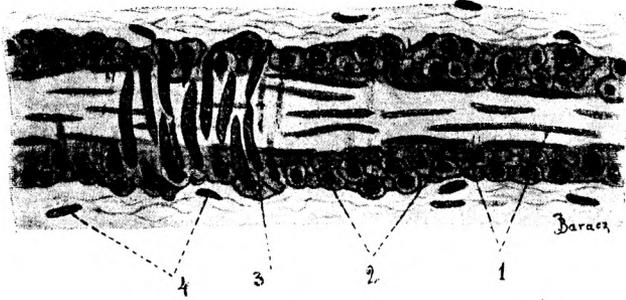

Рис. 938. Продольное сечение тонкой артерин из лимфеннаго узла кошки: 1 — ядра эндотельныхъ клѣтокъ; 2 — поперечное сѣченіе круговаго слоя гладкихъ мышечныхъ волоконъ-клѣтокъ средней оболочки; 3 — ядра гладкихъ мышечныхъ волоконъ-клѣтокъ; 4^н — ядра соединительнотканыхъ клѣтокъ наружной оболочки. Увеличение 660 (Szymonowicz).

Рис. 939.

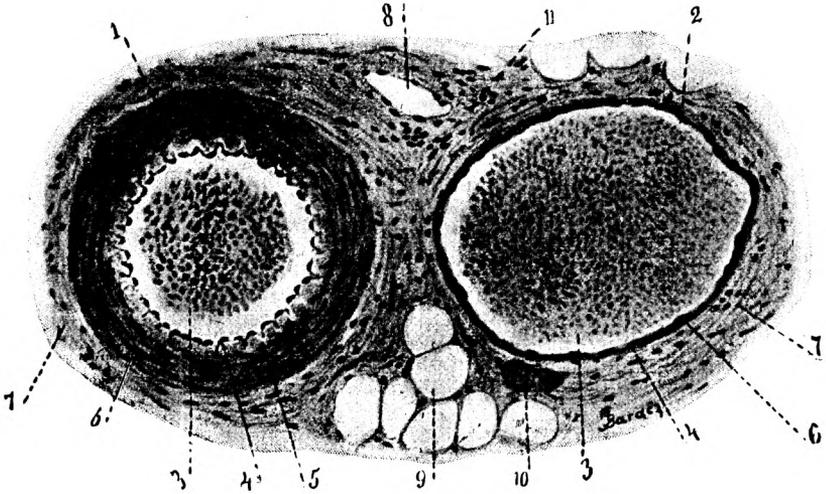

Рис. 939. Поперечное сѣченіе тонкой артерин и вены собаки: 1 — артерія; 2 — вена; 3 — форменные элементы крови; 4 — плоскій эпителий; 5 — внутренняя упругая оболочка; 6 — мышечная оболочка — средняя; 7 — наружная оболочка (adventitia) изъ волокнистой соединительной ткани; 8 — тоненькая вена; 9 — жировая клѣтка; 10 — поперечное сѣченіе нерва; 11 — влажлищная оболочка изъ волокнистой соединительной ткани. Увеличение 220 (Szymonowicz).

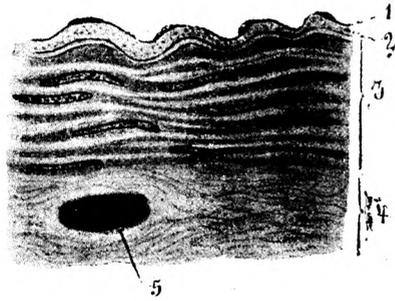
3. Артеріи со средней величины просвѣтомъ.

Артеріи со средней величины просвѣтомъ (лучевая, язычная, плечевая, бедренная) имѣють стѣнки, состоящія изъ тѣхъ же трехъ слоевъ. (Рис. 940.)

Внутренній слой состоитъ изъ эндотельныхъ клѣтокъ и кнаружи отъ нихъ лежащей внутренней эластинной перепонки. Между ними залегаетъ тонкій волокнистый слой, состоящій изъ тонкихъ клейдающихъ и эластинныхъ волоконъ, а также уплощенныхъ звѣздчатыхъ многоотрост-

Рис. 940.

Рис. 940. Поперечное сѣченіе стѣнки артеріи средней толщины у человѣка: 1 — плоскій эпителий внутренней оболочки (intima); 2 — внутренняя упругая оболочка; 3 — средняя оболочка изъ гладкихъ мышечныхъ волоконъ-клетокъ и между ними эластинныхъ волоконъ; 4 — наружная оболочка изъ волокнистой соединительной ткани съ примѣсю поперечно перерѣзанныхъ гладкихъ мышечныхъ волоконъ-клетокъ; 5 — питающій кровеносный сосудъ (vas vasis). Увеличеніе 640 (Böhm und Davidoff).

чатыхъ клѣтокъ соединительной ткани. (Рис. 941.) Клетки этого слоя, соединяясь одна съ другой своими длинными отростками, прилежатъ главнымъ образомъ къ эндотельнымъ клѣткамъ, а клейдающія и эластинныя волокна — къ внутренней эластинной перепонкѣ и отчасти присоединяются къ ней (Vialleton, 1885). Въ нѣкоторыхъ артеріяхъ, особенно въ мѣстахъ ихъ развѣтвленій, (печеночная, селезеночная, почечная, маточная, мозговая) въ этомъ волокнистомъ слое между элементами его содержатся также продольно идущія гладкія мышечныя волокна-клетки (Langhaus, Remak, Eberth).

Внутренняя эластинная перепонка (membrana elastica interna) состоитъ изъ очень густой сѣти эла-

стинныхъ волоконъ, которыя отчасти продолжаются въ средній слой.

Средній слой состоитъ изъ гладкихъ мышечныхъ волоконъ-кѣтокъ, собранныхъ въ пучки, кольцеобразно расположенные вокругъ внутренняго слоя артерій и объединенные элементами рыхлой волокнистой соединительной ткани. Между пучками мышечныхъ волоконъ помещаются болѣе или менѣе толстыя пластинки эластиннаго вещества удлиненой призматической формы, расположенныя длиною поперечно оси сосуда. Эти пластинки соединяются одна съ другою посредствомъ болѣе тонкихъ эластинныхъ волоконъ, отходящихъ отъ ихъ угловъ. Тонкія

Рис. 941.

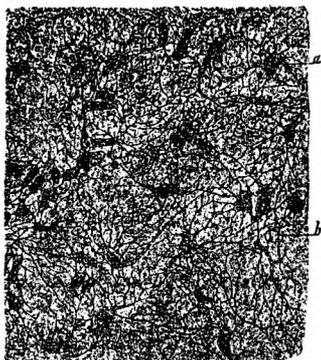

Рис. 941. Наружный слой внутренней оболочки толстой артерій, состоящій изъ волокнистой соединительной ткани со множествомъ маленькихъ звѣздчатыхъ кѣтокъ — а, соединяющихся между собой своими тонкими длинными отростками и образующихъ мелкопетлистую сеть — b (Vialleton).

эластинныя волокна залегаютъ также въ мышечныхъ пучкахъ между отдѣльными волокнами-кѣтками. Эластинныя волокна средняго слоя сообщаются съ эластинными волокнами наружнаго слоя и переходятъ въ нихъ. Элементы рыхлой волокнистой соединительной ткани въ небольшомъ количествѣ залегаютъ между всѣми элементами средняго слоя.

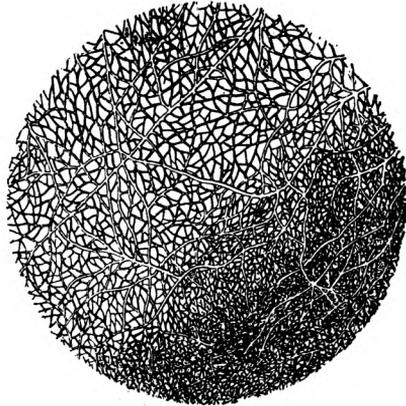
Наружный слой состоитъ изъ двухъ пластовъ: внутренняго, въ которомъ преобладаютъ толстыя, продольно идущія, эластинныя волокна и потому называемаго наружной эластинной перепонкой (*membrana elastica externa*), и наружнаго — съ преобладаніемъ пучковъ клейдающихъ волоконъ, переплетающихся между собой, идя продольно и косвенно по отношенію къ оси артерій.

4. Артеріи съ широкимъ просвѣтомъ.

Въ толстыхъ артеріяхъ (аорта, безымянная, легочная, сонная) внутренній слой состоитъ: 1) изъ эндотельныхъ клѣтокъ, 2) изъ волокнистаго слоя и 3) изъ внутренней эластинной перепонки, состоящей изъ густой сѣти эластинныхъ волоконъ, расположенныхъ въ нѣсколько слоевъ съ прослойками между ними изъ клейдающихъ волоконъ. (Рис. 942.) Клейдающія и эластинныя волокна отсюда продолжаютъ въ средній слой.

Рис. 942.

Рис. 942. Сѣть тонкихъ эластинныхъ волоконъ изъ внутренней оболочки (intima) аорты человѣка: въ верхней части одинъ слой, а въ нижней нѣсколько слоевъ волоконъ. Увеличеніе 400 (Schifferdecker und Kossel).

Средній слой слагается главнымъ образомъ изъ пластинокъ эластиннаго вещества, располагающихся своей длиною поперечно по окружности стѣнки съ промежутками какъ въ продольномъ, такъ и въ поперечномъ направленіи, но при томъ сообщающихся между собой во всѣхъ направленіяхъ отходящими отъ нихъ эластинными волокнами различной толщины. Въ промежуткахъ между эластинными пластинками по окружности залегаютъ одиночныя гладкія мышечныя волокна-клѣтки, не составляя однако непрерывныхъ пучковъ или пластовъ. (Рис. 943.)

Наружный слой стѣнки крупныхъ артерій устроенъ такъ же, какъ и въ артеріяхъ со среднимъ просвѣтомъ, но только болѣе толстъ. (Рис. 944, 945.) Кромѣ того, какъ

особенность, въ наружной части этого слоя имѣются мѣстами пучки продольно расположенныхъ гладкихъ мышечныхъ волоконъ-клетокъ.

Сравнивая строение стѣнокъ артерій отъ тончайшей артерійки до аорты включительно, можно замѣтить, что въ

Рис. 943.

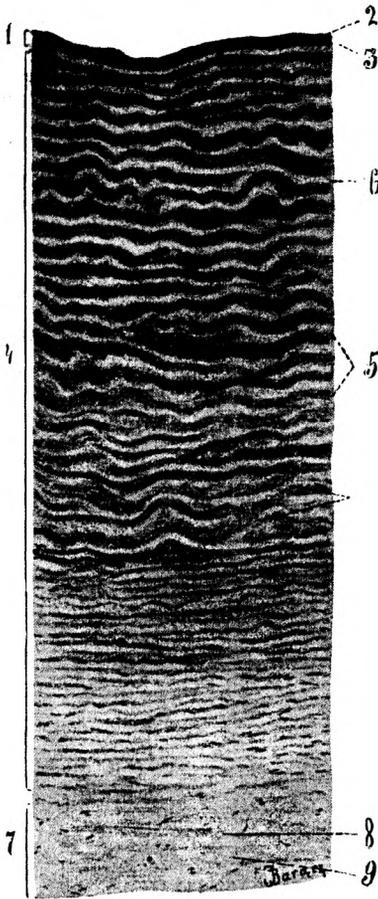

Рис. 943. Поперечное сѣченіе стѣнки аорты собаки: 1 — внутренняя оболочка; 2 — эпителий; 3 — слой волокнистой соединительной ткани; 4 — средняя оболочка; 5 — пучки гладкихъ мышечныхъ волоконъ-клетокъ; 6 — упругія пластинки; 7 — наружная оболочка; 8 — эластинныя волокна; 9 — клей дающія волокна волокнистой соединительной ткани. Увеличение 140 (Szymonowicz).

стѣнкахъ болѣе тонкихъ артерій вообще преобладаютъ мышечныя волокна, а въ стѣнкахъ толстыхъ артерій — эластинная упругая ткань. Артеріи съ просвѣтомъ средней величины содержатъ почти въ равной долѣ мышечныя и эластинныя

- Михинъ П. В.** Четыре случая чревосъченій. — Журн. акуш., 1899, стр. 1473. Корресп.
- Муратовъ А. А.** Нѣсколько словъ объ интраперитонеальномъ вливаніи нормальнаго раствора поваренной соли при чревосъченіяхъ. — Медиц. Обзорѣніе, 1892, т. 38, стр. 238.
- Надеждинъ Г. Г.** Нѣсколько гинекологическихкихъ операцій надъ органами брюшной полости. — Журн. акуш., 1895, стр. 833. (12 оваріотомій, 3 міомотоміи, 4 влагалищныхъ экстирпации матки).
- Новицкій А. А.** Къ казуистикѣ чревосъченій при опухоляхъ матки и ея придатковъ. — Прот. Кавказ. Мед. Общ. за 1894—95 г., стр. 333. (Два случая).
- Нольчини Д.** Матеріалы къ вопросу о повторныхъ чревосъченіяхъ у женщинъ. (По поводу осложненій, замѣчаемыхъ послѣ лапаротоміи въ теченіе первыхъ трехъ недѣль). — Дисс., Москва, 1898.
- Оленинъ С. К.** Пробная лапаротомія. (Сложная киста леваго яичника). — Прот. Тамбовскаго Мед. Общ. за 1889 г., стр. 51.
- Оленинъ С. К.** Десять чревосъченій, произведенныхъ мною въ гинекологическомъ отдѣленіи Тамбовской губернской земской Больницы во вторую половину 1895 года. — Тоже за 1896 г., стр. 95.
- Онуфріевъ В. М.** 100 чревосъченій, произведенныхъ въ Екатеринбургскомъ Родильномъ Домѣ съ 1881 г. по 1893 годъ (12 лѣтъ). — Записки Уральскаго Мед. Общ. въ Екатеринбургѣ, годъ III, вып. 2, стр. 87.
- Онуфріевъ В. М.** Вторая сотня чревосъченій. — Журн. акуш., 1896, стр. 9.
Вторая сотня чревосъченій, произведенныхъ въ Екатеринбургскомъ Родильномъ Домѣ съ 11/III 1893 по 11/XI 1895 г. (32 мѣсяца). — Приложение къ Запискамъ Уральскаго Мед. Общ., годъ V.
- Орловъ В. Н.** Клиническій отчетъ о 200 чревосъченіяхъ, произведенныхъ профессоромъ А. И. Лебедевымъ съ 31 окт. 1884 по 18 апр. 1892 г. — Дисс., СПб., 1893.
- Орловъ В. Н.** О брюшномъ швѣ. — Врачъ, 1896, № 16, стр. 469. Реф. докл.
- Оттъ Д. О.** Дренажъ послѣ лапаротоміи. — Медиц. Вѣстникъ, 1878, №№ 51 и 52. (Эксперим. изслѣд.)
- Оттъ Д. О.** О вліяніи мочи на брюшную полость. (Матеріалы къ

- внутрибрюшной хирургии. — *Врачъ*, 1885, № 47. (Опыты на собакахъ, предпринятые для рѣшенія вопроса о томъ, насколько необходимъ педантической туалетъ брюшины при лапаротоміи).
- Оттъ Д. О.** Особенности противугниlostной обстановки и клиническаго теченія въ 30 чревосѣченіяхъ. — *Врачъ*, 1888, №№ 13, 15—17.
- Оттъ Д. О.** Краткій обзоръ 204 чревосѣченій. — Сборникъ Славянскаго, т. II, стр. 3.
- Перлисъ В. С.** О чревосѣченіяхъ. — Киевъ, 1896.
- Груздевъ В. С.** Рецензія. — *Врачъ*, 1897, № 11.
- Редлихъ А. А.** Рецензія. — Архивъ Подвысоцкаго, т. III, стр. 114.
- Петровъ В. А.** Случай повторнаго чревосѣченія. — Прот. и труды Физ.-Мед. Общ. въ Саратовѣ за 1893—94 г., приложение къ „Сарат. Санит. Обзору“ за 1894 г.
- Порошинъ М. Н.** Клинической обзоръ чревосѣченій, произведенныхъ въ акушерско-гинекологической клиникѣ проф. К. Ф. Славянскаго за 20 лѣтъ (съ 15 марта 1878 по 29 апр. 1898). — Матеріалы къ брюшной хирургіи. — Дисс., СПб., 1898.
- Потѣнко В. В.** Семь чревосѣченій. — *Журн. акуш.*, 1894, стр. 780.
- Потѣнко В. В.** Еще четыре чревосѣченія. — *Журн. акуш.*, 1896, стр. 33.
- Потѣнко В. В.** Шесть чревосѣченій. — *Журн. акуш.*, 1897, стр. 721.
- Пулло И.** Случай лапаротоміи. — *Медиц. Обзорѣніе*, 1880, т. 13, стр. 111. (По мнѣнію автора, опухоль, находившаяся между брюшиною и брюшною стѣнкою, представляла собою кисту urachus'a).
- Ракуза П. А.** О тампонаціи брюшной полости при лапаротоміяхъ. — Прот. зас. ак.-гин. Общ. въ Киевѣ, т. 1, вып. 1, стр. 43. Реф.
- Рачинскій Н. I.** Къ вопросу о брюшномъ швѣ послѣ чревосѣченія. — *Врачъ*, 1892, № 26.
- Рачинскій Н. I.** О смѣшанномъ брюшномъ швѣ послѣ чревосѣченія. — *Журн. акуш.*, 1897, стр. 1221.
- Рейнъ Г. Е.** Къ техникѣ чревосѣченій. — (Корреспонденція изъ Страсбурга). — *Врачебныя Вѣдомости*, 1882, № 21. (При погруженіи ножки опухоли въ брюшную полость Freund обра-зуютъ, при помощи резинового кондома, каналъ, изолированный отъ полости брюшины и дающій доступъ къ ножкѣ).

- Объ исходѣ произведенной операціи въ вышеописанномъ случаѣ см. тамъ же, № 25.
- Рейнъ Г. Е.** По поводу 95 чревосѣченій, произведенныхъ съ 1884 по 1886 годъ включительно. — Труды 2-го Съезда русс. вр. въ Москвѣ, т. 2, отд. акуш. и женск. бол., стр. 76. Москва, 1887.
- Рейнъ Г. Е.** Обзоръ 310 чревосѣченій. — Прот. зас. ак.-гин. Общ. въ Кіевѣ, т. 5, приложенія, стр. 137.
- Рейнъ Г. Е.** Обзоръ 500 чревосѣченій. — Тамъ же, т. 10, вып. 19, стр. 41. Реф.
- Рейнъ Ф. А.** О чревосѣченіи. — Хирургія, 1900, т. VIII, вып. 47, ноябрь, приложеніе: „Лекціи оперативной хирургіи“, читанныя студентамъ и врачамъ въ Инст. топограф. анатоміи Моск. Унив. П. И. Дьяконовымъ, Ф. А. Рейномъ, Н. К. Лысенковымъ.
- Семенскій М. Ф.** Къ вопросу о тампонаціи брюшной полости. — (Предв. сообщ.) — Журн. акуш., 1892, стр. 546.
- Серебровскій И. М.** Четыре чревосѣченія, произведенныя при различныхъ заболѣваніяхъ внутреннихъ женскихъ половыхъ органовъ. — Медиц. Обзорніе, 1892, т. 38, стр. 831. (Заболѣванія придатковъ — 2 сл., многополостная киста, межсвязочная киста).
- Славянскій К. Ѳ.** Двадцать семь лапаротомій. — 1) Русская Медицина, 1884, №№ 6 и 7; 2) Прот. и труды русс. Хирург. Общ. Пирогова за 1883 и 84 гг., стр. 153.
- Славянскій К. Ѳ.** *Laparotomia conservativa.* — Рѣчь. — Журн. акуш., 1892, стр. 189. (Различные оперативные приемы „консервативной хирургіи“ для терапіи воспалительныхъ состояній тазовыхъ органовъ: разрѣзъ мелкокистовидноперерожденнаго яичника, проколъ крупныхъ фолликуловъ, разъединеніе сращеній, предложенное д-ромъ Надга, и проч.)
- Снегиревъ В. Ѳ.** О пробномъ разрѣзѣ брюшныхъ стѣнокъ. — 1) Медиц. Обзорніе, 1887, т. 27, стр. 293; 2) Труды 2-го Съезда русс. вр. въ Москвѣ, т. II, отд. акуш. и женск. бол., стр. 107.
- Снегиревъ В. Ѳ.** Сообщение въ Физико-Медицинскомъ Обществѣ отъ 25 января 1899 года. — Журн. акуш., 1899, стр. 206.
Къ означенному сообщенію приложеніе: Выдержка изъ отчета о тысячѣ чревосѣченій за время дѣятельности Гинекологической клиники Императорскаго Московскаго Университета съ ноября 1889 г. по декабрь 1898 г. и Гинекологиче-

скаго Института для врачей съ апрѣля 1896 г. по декабрь 1898 г. — 1) Журн. акуш., 1899, стр. 203; 2) Снегиревъ В. Ѳ. „Маточныя кровотеченія“, изданіе 3-е, стр. 743.

Собѣстіанскій Э. М. Восемь чревосѣченій по поводу опухолей матки и ея придатковъ. — Прот. Кавказ. Мед. Общ. за 1896—97 г., стр. 273.

Собѣстіанскій Э. М. Семь чревосѣченій и два случая удаленія фиброміомъ черезъ влагалище. — Тамъ же, стр. 641.

Собѣстіанскій Э. М. Восемь чревосѣченій. — Тоже за 1897—98 г., стр. 108.

Соловьевъ А. Н. Къ ученію объ удаленіи опухолей яичниковъ и матки per laparotomiam. — 1) Медиц. Обзоръ, 1887, т. 27, стр. 462; 2) Лѣтопись Хирург. Общ. въ Москвѣ, 1887, т. VІІ, №№ 2 и 3, стр. 33. (1. Кисты обоихъ яичниковъ, частичное удаленіе опухолей со шиваніемъ въ рану. 2. Опухоль матки, по виду схожая съ интерстиціальною фиброміомою, по микроскопическому изслѣдованію признанная за саркому. 3. Громадная киста, смерть на 42 день послѣ операциі; сердце было рѣзко смѣщено и приращено, вмѣсто лѣваго легкаго — ничтожный остатокъ, величиною съ куриное яйцо, совершенно безвоздушный).

Соловьевъ А. Н. Къ ученію о повторныхъ лапаротоміяхъ. — Журн. акуш., 1893, стр. 44. (При 1-ой операциі удалена межесвязочная киста, при 2-ой операциі, черезъ 4 мѣсяца, удалены придатки другой стороны, причемъ яичникъ имѣлъ величину съ грецкій орѣхъ).

Соловьевъ А. Н. Обь осложненіяхъ при заживленіи брюшной раны послѣ чревосѣченій. — Журн. акуш., 1895, стр. 1102. (О нагноеніи въ области брюшной раны въ зависимости отъ матеріала для шва).

Столыпинскій В. А. Чревосѣченіе у новорожденной. — Дневникъ Общ. вр. при Каз. Унив. за 1888 г., стр. 69.

Столыпинскій В. А. Чревосѣченіе у новорожденной. Hernia funicularis umbilicalis. — Журн. акуш., 1889, стр. 841.

Стояновъ П. Съемный апоневротическій шовъ брюшной стѣнки. — Журн. акуш., 1899, стр. 884. Корресп.

Сутугинъ В. В. 25 чревосѣченій, произведенныхъ въ гинекологическомъ баракѣ Рождественской городской Больницы. — Врачъ, 1888, №№ 22—24 и 26.

- Сутугинъ В. В.** 55 чревосъченій, произведенныхъ въ Москвѣ. — Врачъ, 1891, №№ 37, 38 и 40.
- Тепловъ П. Я.** Пятьдесятъ чревосъченій. — Медич. Обзорніе, 1893, т. 40, стр. 97.
- Токаренко В. В.** Случай чревосъченія по поводу обширнаго зарощенія полости брюшины. — Врачъ, 1900, № 28, стр. 866. Реф. докл.
- Томсонъ Г. И.** О брюшномъ швѣ. — Журн. акуш., 1899, стр. 687.
- Тумановъ І. Н.** Семь чревосъченій по поводу опухолей матки и яичниковъ. — Прот. Кавказ. Мед. Общ. за 1899—1900 г., стр. 56.
- Тумановъ І. Н.** Четыре чревосъченія по поводу опухолей матки и яичниковъ. — Тамъ же, стр. 465.
- Тышко И.** Двѣнадцать чревосъченій. — Журн. акуш., 1892, стр. 776 и 856.
- Феноменовъ Н. Н.** 34 чревосъченія. Врачъ, 1888, №№ 1—3.
- Феноменовъ Н. Н.** Сто чревосъченій. (2-ая серія). — Врачъ, 1890, №№ 16—19.
- Феноменовъ Н. Н.** 66 чревосъченій. — Врачъ, 1893, №№ 9—13.
- Феноменовъ Н. Н.** Сто чревосъченій. — Сборникъ Славянскаго, т. II, стр. 47. (Третья сотня).
- Фишеръ А. Р.** Нѣсколько экспериментальныхъ данныхъ къ вопросу о дренированіи брюшной полости при чревосъченіяхъ. — Дисс., СПБ., 1899.
- Фраткинъ Б. А.** Чревосъченія. — Изъ отчета за 1891—1895 г., по хирургическому отдѣленію проф. Н. А. Вельямина въ Больницѣ Крестовоздвиженской Общины сестеръ милосердія. — Прот. зас. СПетербургскаго Мед.-Хир. Общ. за 1897—1900 гг., стр. 72.
- Цандеръ А. Ѳ.** 35 чревосъченій. — Врачъ, 1890, № 48.
- Шахъ-Пароніанецъ С. П.** Семь случаевъ чревосъченій по поводу болѣзней матки и придатковъ ея. — Прот. Кавказ. Мед. Общ. за 1899—1900 г., стр. 194.
- Яновскій Р.** О ляпаротоміяхъ въ частной практикѣ. — Прот. Общ. Минскихъ вр., зас. 12 дек. 1892 г.
- Яновскій Р.** О ляпаротоміяхъ въ частной практикѣ. — Труды Общ. Минскихъ вр. за 1895/96—96/97 гг., зас. 7 ноября 1897 г. (Семь случаевъ).

Овариотомія.

- Александровъ Л. П.** Овариотомія въ дѣтскомъ возрастѣ. — 1) Хирург. Лѣтопись, 1892, т. II, стр. 39. (У дѣвочки 13 $\frac{1}{2}$ лѣтъ); 2) Труды Общ. русс. вр. въ Москвѣ за 2-ое полугодіе 1891 г.
- Анощенко М. И.** Два случая овариотоміи въ Курской Губернской Земской Больницѣ. — Прот. мед. зас. Совѣта вр. Курской губ. земск. Больницы за 1883 г., стр. 73.
- Ануфріевъ А. А.** Новый гинекологическій инструментъ — цисто-тракторъ. — Труды ак.-гин. Общ. въ Москвѣ за 1897 г., стр. 11. (Инструментъ для захватыванія и одновременнаго опорожненія кисты).
- Артемьевъ А. П.** О произведенной имъ овариотоміи. — Прот. Кавказ. Мед. Общ. за 1887—88 г., стр. 362.
- Асташевскій П. П.** Случай овариотоміи. — Прот. Общ. вр. Восточной Сибири въ гор. Иркутскѣ за 1885—86 и 86—87 гг., стр. 165. (Первый случай въ Иркутскѣ; раньше у этой больничной была произведена 58 разъ проколь кисты).
- Айзенштадтъ М. П.** Два случая овариотоміи. — Прот. зас. Общ. Минскихъ вр. за 1893—94 г., стр. 152.
- Байковъ А. И.** Къ казуистикѣ ампутациі матки и овариотоміи. — Труды Общ. русс. вр. въ СПб. за 1884—85 г., вып. 1, стр. 11. (По одному случаю той и другой операциі).
- Березницкій І.** Пять случаевъ овариотоміи, произведенныхъ въ городахъ Тобольскѣ и Томскѣ. — Журн. акуш., 1888, стр. 645.
- Богаевскій А.** *Cystoma ovarii proliferum glandulare dextrum. Ovariectomy completa duplex.* — Прот. зас. ак.-гин. Общ. въ Кіевѣ, т. 2, вып. 3, прил., стр. 61.
- Британъ А. И.** Случай двусторонней овариотоміи. — 1) Медиц. Обзорѣніе, 1885, т. 23, стр. 497; 2) Лѣтопись Хирург. Общ. въ Москвѣ, 1885, т. VI, № 5, стр. 239. (Послѣ операциі внутреннее кровотеченіе, смерть).
- Варнекъ Л. Н.** См. стр. 220 „Указателя“.
- Вастень В. А.** Отчетъ о 30 оварио- и сальпинготоміяхъ, произведенныхъ въ гинекологическомъ отдѣленіи Обуховской Больницы. — Больничная Газ. Боткина, 1892, столб. 900.
- Вельяминовъ Н. А.** Рѣдкій случай овариотоміи. — Врачъ, 1900, № 4, стр. 124. Реф. докл. (Громадная киста съ обширнѣйшими сращеніями).

- Вилкомірскій И. О.** Обь овариотоміи (Ovariectomy). Харьковъ, 1868. (Во введеніи авторъ говоритъ, что овариотомія впервые произведена въ Россіи профессоромъ Ванцетти въ Харьковѣ 9 марта 1848 г., исходъ операціи былъ неблагоприятный. Свѣдѣнія о работѣ Вилкомірскаго заимствованы изъ статьи проф. М. А. Попова „Прозекторъ И. О. Вилкомірскій, его служебная и литературная дѣятельность“, помѣщенной въ Запискахъ Харьк. Унив. за 1895 г., книга 3).
- Владиміровъ В. и Студенскій Н.** Овариотомія. — Дневникъ Общ. вр. при Каз. Унив. за 1872 г., стр. 64.
Описаніе препарата. — Тамъ же, стр. 73.
- Волкова М. М.** Многополостная коллоидная киста яичника, сопровождавшаяся крайнимъ истощеніемъ больной. Овариотомія. Выздоровленіе. — 1) Ежемед. Клин. Газета, 1885, № 15; 2) Труды Общ. русс. вр. въ СПБ. за 1884—85 г., стр. 133.
- Гавронскій Н. Д.** О неполной овариотоміи, произведенной проф. Лазаревичемъ. — Прот. Харьк. Мед. Общ. за 1870 г., стр. 124. Реф. См. далѣе **Лазаревичъ И. П.**
- Гагенъ-Торнъ Э.** Случай операціи кисты яичника въ сельской практикѣ. Выздоровленіе. Къ вопросу о средствахъ предупрежденія послѣдовательныхъ грыжъ послѣ лапаротоміи. — Медич. Обзорѣніе, 1884, т. 22, стр. 1006. (Рекомендуется разрѣзъ черезъ толщу musculi recti).
- Гамалѣй А. Э.** Два случая овариотоміи. — Врачъ, 1883, №№ 15 и 16.
- Генъ А.** Двѣ овариотоміи въ деревнѣ. — Прот. зас. Общ. русс. вр. въ СПБ. за 1878—79 г., стр. 119.
- Горбатовскій В. О.** Случай менореміи. Овариотомія. — Прот. Тамбовскаго Мед. Общ. за 1899 г., стр. 159. (Больная страдала эпилептиформными припадками при отсутствіи мѣсячныхъ; яичники оказались увеличенными, трубы атрофированы, матка недоразвита).
- Горвицъ М.** Овариотомія съ успѣшнымъ исходомъ. — Медич. Вѣстникъ, 1869, №№ 35, 37 и 38.
- Горячевъ И.** Ovariectomy. — Москов. Медич. Газета, 1872, №№ 3 и 4.
- Грамматикати И. Н.** Cystoma colloides proliferum glandulare. Ovariectomy. Выздоровленіе. — Грамматикати И. Н. „Работы по вопросамъ гинекологіи и акушерства“. Саратовъ, 1887.

- Грамматикати И. Н.** Пять случаевъ оваріотоміи. — Врачъ, 1888, №№ 19 и 20.
- Гредингеръ Р.** Случай оваріотоміи. — Прот. Ковенскаго Мед. Общ. 28 февр. 1900, приложенія.
- Гринбергъ Г. М.** Къ казуистикѣ оваріотоміи. — Медиц. Обзорѣніе, 1890, т. 33, стр. 382.
- Грубе В.** Случай оваріотоміи, окончившійся выздоровленіемъ. — Медиц. Вѣстникъ, 1865, № 2.
- Грубе В.** Сообщилъ о двухъ случаяхъ оваріотоміи, произведенныхъ имъ лѣтомъ 1866 г. — Прот. Харьковскаго Мед. Общ., зас. 18 мая 1868 г. (Обѣ оперированныя умерли).
- Добронравовъ В. А.** Двусторонняя оваріотомія съ исходомъ въ выздоровленіе. — Москов. Медиц. Газета, 1877, № 40.
- Добронравовъ В. А.** О дренажѣ при оваріотоміи. — Лѣтопись Хирург. Общ. въ Москвѣ, 1882, т. V, № 2, стр. 23. (Случай оваріотоміи; дренажъ былъ проведенъ въ виду того, что въ брюшной полости осталось небольшое количество попавшаго туда содержимаго коллоидной кисты).
- Дѣдовъ В. П.** Замѣтки изъ гинекологической практики въ Кокандѣ. — 1) Журн. акуш., 1900, стр. 773; 2) Прот. зас. ак. гин. Общ. въ Кіевѣ, т. 12, вып. 24, приложенія, стр. 51. (Случай оваріотоміи при *cystoma proliferum glandulare*).
- Запольскій Н.** Многокамерная киста яичника. Злокачественное нагноеніе внутри ея полости. Срощеніе кисты съ тонкими кишками. Срощеніе кишокъ между собою. Peus. — (Изъ гинек. клиники проф. Фрейнда въ Страсбургѣ). — Медиц. Обзорѣніе, 1879, т. 12, стр. 622.
- Заяицкій С. С.** Къ казуистикѣ оваріотоміи. — Медиц. Обзорѣніе, 1882, т. 17, стр. 307. (У 63-хъ лѣтней, обширныя сращенія).
- Икавитць Э. Х.** Замѣчательный случай вылуценія сложной кисты (кистоида) лѣваго яичника. — Военно-Медиц. Журн. 1865, т. 92.
- Икавитць Э. Х.** 2-ой и 3-ій случай оваріотоміи. — Прот. Тамбовскаго Мед. Общ., 1870, № 12.
- Икавитць Э. Х.** Сообщилъ о случаѣ оваріотоміи и суправагинальной ампутаціи матки. — Тоже, № 14.
- Икавитць Э. Х.** Два случая оваріотоміи. — Тоже за 1874 г., стр. 100. (Случаи V и VI автора).
- Икавитць Э. Х.** Случай оваріотоміи — VII. — Тоже за 1876 г., № 3.

- Икавитць Э. Х.** VIII случай оваріотоміи. — Тоже за 1877 г., № 6.
- Икавитць Э. Х.** IX случай оваріотоміи. — Тоже за 1880 г., № 6.
- Икавитць Э. Х.** X случай оваріотоміи. — Тоже за 1881 г., № 8, приложение.
- Икавитць Э. Х.** XI случай оваріотоміи. — Тоже за 1882 г., № 4, приложение.
- Икавитць Э. Х.** XII случай оваріотоміи (двойной). — Тоже за 1882 г., № 7, приложение.
- Икавитць Э. Х.** XIII оваріотомія. — Тоже за 1883 г., стр. 303.
- Икавитць Э. Х.** XIV оваріотомія. — Тоже за 1884 г., стр. 259.
- Икавитць Э. Х.** XV оваріотомія. — Тоже за 1884 г., стр. 331.
- Икавитць Э. Х.** XVI оваріотомія. — Тоже за 1885 г., стр. 33.
- Икавитць Э. Х.** XVII и XVIII оваріотоміи. — Тоже за 1885 г., стр. 228.
- Икавитць Э. Х.** XIX оваріотомія. — Тоже за 1885 г., стр. 295.
- Икавитць Э. Х.** XX оваріотомія. — Тоже за 1885 г., стр. 309.
- Икавитць Э. Х.** XXI оваріотомія (двойная). Тоже за 1886 г., стр. 120.
- Икавитць Э. Х.** XXII оваріотомія. — Тоже за 1886 г., стр. 191.
- Икавитць Э. Х.** XXIII оваріотомія. — Тоже за 1886 г., стр. 241.
- Икавитць Э. Х.** XXIV оваріотомія. — Тоже за 1886 г., стр. 273.
- Икавитць Э. Х.** XXV оваріотомія. — Тоже за 1886 г., стр. 278.
- Икавитць Э. Х.** XXVI оваріотомія. — Тоже за 1887 г., стр. 117.
- Икавитць Э. Х.** XXX оваріотомія (27-ая автора). — Тоже за 1888 г., стр. 148.
- Икавитць Э. Х.** XXXII оваріотомія. — Тоже за 1888, стр. 201.
- Икавитць Э. Х.** XXXIII оваріотомія. — Тоже за 1888, стр. 225.
- Икавитць Э. Х.** Обзоръ 32 оваріотомій, произведенныхъ въ Тамбовской Губернской Земской Больницѣ. — Тоже за 1888 г., стр. 228. (14 умерло).
- Кадьянъ А. А.** Случай оваріотоміи въ городѣ Симбирскѣ. — Прот. Симбирскаго Мед. Общ. за 1887 г.
- Караваевъ В. А.** Сообщение о случаѣ произведенной оваріотоміи. — Прот. зас. Общ. Кіевскихъ врачей 6 марта 1865 г.
- Караваевъ В.** Случай оваріотоміи. Большая однокамерная киста съ придаткомъ трехъ меньшихъ кистъ при основаніи ножки. Оваріотомія. Отжиганіе ножки и общая двойная лигатура. Выздоровленіе. — Медиц. Вѣстникъ, 1867, № 23.
- Караваевъ В.** Оваріотомія. — Медиц. Вѣстникъ, 1868, № 36. (Съ рисункомъ жома по идеѣ автора).

- Каравасвъ В.** Двѣ оваріотоміи. — Медиц. Вѣстникъ, 1869, №№ 1 и 4.
- Карпеченко В. М.** Случай оваріотоміи. — Прот. Кавказ. Мед. Общ. за 1886—87 г., стр. 431.
- Карповъ М. И.** Случай оваріотоміи. — Прот. Общ. Донскихъ врачей за 1894 г., стр. 74.
- Карповъ М. И.** Три случая оваріотоміи въ бесплатной женской больницѣ Общества Донскихъ врачей. — Приложенія къ проток. Общ. Донскихъ врачей за 1895 г., стр. 12.
- Кирѣевъ Д. М.** Коллоидная киста лѣваго яичника, осложненная хроническимъ заболѣваніемъ легкаго. — Еженедѣльная Клинич. Газета, 1885, № 1.
- Кирѣевъ Д. М.** Удачная оваріотомія при существованіи аневризмы восходящей дуги аорты. — Еженед. Клинич. Газета, 1887, стр. 268.
- Клебергъ Б. Б.** О значеніи хлороформированія при оваріотоміи. — Прот. Кавказ. Мед. Общ. за 1869—70 г., стр. 10.
- Клебергъ Б. Б.** О второй произведенной въ Тифлисѣ оваріотоміи. — Тамъ же, стр. 11.
- Клебергъ Б. Б.** Водянка яичника. Оваріотомія. Смерть. — Медиц. Сборникъ, издаваемый Кавказ. Мед. Общ., 1869, № 7.
- Клебергъ Б. Б.** Два случая оваріотоміи. — Труды вр. Одесской Гор. Больницы, вып. II. Одесса, 1876.
- Ковалевскій.** Отсѣченіе оваріальной кисты гальвано-каустическою петлею. — Прот. зас. Общ. русс. вр. въ СПб. за 1866—67 г., стр. 119. (Замѣтка о наблюденіи въ клиникѣ Spiegelberg'a).
- Комаревскій Н. В.** Два случая оваріотоміи. — Еженед. Клинич. Газета, 1885, № 38.
- Комаревскій Н. В.** Судьба погруженной при оваріотоміи лигатуры чрезъ $5\frac{1}{2}$ лѣтъ. — Хирург. Лѣтопись, 1892, т. II, стр. 333.
- Костаревъ С. И.** О распознаваніи и радикальномъ лѣченіи оваріальныхъ кистъ. — Москов. Медиц. Газета, 1867, № 41, столб. 369. Реф. (Изъ наблюденій по заграничнымъ клиникамъ).
- Крассовскій А. Я.** Краткое извѣстіе объ оваріотоміи, произведенной первый разъ въ Россіи, съ полнымъ успѣхомъ, профессоромъ Императорской С. Петербургской Медико-Хирургической Академіи А. Я. Крассовскимъ. — Современная Медицина, 1863, № 7.
- Случай оваріотоміи, произведенной съ успѣхомъ въ женской клиникѣ С. Петербургской Медико-Хирургической Академіи. — Медиц. Вѣстникъ. 1863, № 5.

- Крассовскій А. Я.** Семь оваріотомій. — Военно-Мед. Журн., 1866, т. 97. (Общія замѣчанія) и т. 98. (Описание отдѣльныхъ случаевъ).
- Крассовскій А. Я.** Новыя семь оваріотомій. — Медиц. Вѣстникъ, 1868, № 9.
- Крассовскій А. Я.** Обь оваріотоміи. Съ атласомъ производства операціи по способу, принятому авторомъ. — СПбургъ, 1868. (Отдѣльное изданіе большаго формата, съ русскимъ и французскимъ текстами; содержитъ описаніе 25 случаевъ оваріотоміи и 14 таблицъ рисунковъ, иллюстрирующихъ отдѣльные моменты операціи).
- Х.** (По Змѣеву **Я. А. Чистовичъ**). „Обь оваріотоміи“ проф. А. Я. Крассовскаго. — Рецензія. — Медиц. Вѣстникъ, 1868, № 25.
- Тарновскій И. М.** Нѣсколько словъ по поводу книги профессора А. Я. Крассовскаго „Обь оваріотоміи“. — Военно-Мед. Журн., 1868, т. 102, отд. VIII, стр. 45.
- Крассовскій А. Я.** Ovariotomia partialis. — 1) Медиц. Вѣстникъ, 1870, № 1; 2) Военно-Медиц. Журн., 1870, т. 107, отд. III, стр. 67. — Однополостная киста праваго яичника. — Обширныя сращенія со стѣннымъ листкомъ брюшины, кишками, салникомъ и органами тазовой полости. — Частичное вырѣзываніе кисты. — Пришиваніе краевъ остатка кисты ко внутреннимъ краямъ брюшной раны. — Повсемѣстное воспаленіе брюшины и кишекъ. — Смерть. — Вскрытіе черезъ шесть часовъ по смерти, губка въ брюшной полости.
- Крассовскій А. Я.** 40 оваріотомій, произведенныхъ съ іюня 1868 года по январь 1874 г. — Военно-Мед. Журн., 1874, т. 119, отд. III, стр. 83, т. 120, отд. III, стр. 13, т. 121, отд. III, стр. 92 и 173 и 1875 г., т. 122, отд. III, стр. 201.
- Крассовскій А. Я.** 28 оваріотомій, произведенныхъ А. Я. Крассовскимъ въ Маріинскомъ гинекологическомъ отдѣленіи С. Петербургскаго Родовспомогательнаго Заведенія съ 1877 по 1881 годъ. — Мед. отчетъ СПбургскаго Родовсп. Зав. за 1877—80 годы, приложение. (Случаи автора отъ № 77 до № 105 и частичныя оваріотоміи отъ № 7 до № 13).
- Крассовскій А. Я.** Продолженіе отчета обь оваріотоміяхъ. — Врачъ, 1884, № 10. (Случаи автора отъ 25-го до 113-го).
- Крассовскій А. Я.** Еще 40 оваріотомій, произведенныхъ съ 1883 г. по февраль 1888 г. — Журн. акуш., 1888, стр. 740 и 787.

- Крассовскій А. Я.** 21 овариотомія. — Продолженіе отчета объ овариотоміяхъ, произведенныхъ въ Маріинскомъ гинекологическомъ отдѣленіи С. Петербургскаго Родовспомогательнаго Заведенія. — Журн. акуш., 1892, стр. 109 и 204.
- Кузьминъ В. И.** Случай двойной овариотоміи. — Лѣтопись Хирург. Общ. въ Москвѣ, т. III, стр. 261.
- Кузьминъ В. И.** Рѣдкій случай овариотоміи съ непреодолимыми приращеніями, кончившійся выздоровленіемъ. — Врачъ, 1882, №№ 12 и 14, стр. 193 и 227. Корресп.
- О случаѣ овариотоміи, осложненномъ обширными приращеніями кисты. — Прот. Физ.-Мед. Общ. въ Москвѣ, приложение къ прот. зас. 28 сент. 1881 г., стр. 85.
- Лазаревичъ И. П.** О новомъ жомѣ и о нѣкоторыхъ другихъ особенностяхъ при овариотоміи. — Медиц. Вѣстникъ, 1870, № 7.
- Лямбль Д.** Случай гнойнаго воспаленія брюшины, принятаго по ошибкѣ за кисту яичника. — Тамъ же, № 20. (Поправка Д. Лямбля относится къ случаю 4-ому въ статьѣ И. П. Лазаревича).
- Лазаревичъ И. П.** Опыты надъ прочностью нѣкоторыхъ лигатуръ, употребляемыхъ при овариотоміи. — Врачъ, 1882, № 8.
- Лебедевъ М. Д.** Случай овариотоміи, произведенной въ Московской Градской Больницѣ. — Медиц. Обзорѣніе, 1881, т. 15, стр. 327.
- Лебедевъ М. Д.** Семь случаевъ овариотоміи. — Медиц. Обзорѣніе, 1887, т. 28, стр. 399.
- Левшинъ Л. Л.** По поводу одной овариотоміи. — Дневникъ Общ. вр. при Каз. Унив. за 1880 г., стр. 37.
- Литкенсъ А. А.** Двѣ овариотоміи. — Медиц. Обзорѣніе, 1890, т. 34, стр. 1068.
- Лѣстовничій.** Случай удаленія нагноившейся кисты. — Прот. Общ. Кіевскихъ вр. за 1883—84 г., стр. 67. Краткій реф.
- Маевскій А. И.** Ovariectomy. — Прот. Виленскаго Мед. Общ. за 1886 г., стр. 166.
- Маевскій А. И.** Второй случай ovariectomy, исполненной 30 іюля въ госпиталь Св. Якова. — Тоже за 1887 г., стр. 195.
- Марконетъ Г. Ѳ.** Случай овариотоміи. — Лѣтопись Хирург. Общ. въ Москвѣ, т. I, стр. 121.
- Масловскій И. Ѳ.** Вырѣзываніе кистъ обоихъ яичниковъ (ovariectomy duplex). — Военно-Мед. Журн., 1866, т. 95, отд. III, стр. 330.

- Масловскій И. О.** Овариотомія или вырѣзываніе опухолей яичниковъ. — 1) Военно-Мед. Журн., 1866, т. 97; 2) Дисс., СПб., 1866.
- Масловскій И. О.** Серозно-пластическій способъ овариотоміи и вырѣзыванія матки чрезъ подчревное сѣченіе. — Мед. Вѣстникъ, 1868, №№ 33 и 34. (Закрытіе культи яичниковой или маточной опухоли лоскутомъ брюшины для предупрежденія сращеній органовъ послѣ операциі).
- Матвѣевъ В. А.** Ruptura spontanea adeno-cystomatis ovarii sinistri. Peritonitis chronica universalis. Ascites. Laparotomia explorativa. Ovariectomy. Полное выздоровленіе. — Русская Медицина, 1885, № 9.
- Матвѣевъ В. А.** Ovariectomy partialis intraperitonealis. — Русская Медицина, 1885, № 11.
- Матвѣевъ В. А.** Матеріалы къ вопросу объ овариотоміи въ Россіи. Ovariectomy completa. — Дисс., СПб., 1886.
- Милендеръ И. И.** Чревосѣченіе по поводу кисты яичника. — Прот. и труды Пензенскаго Мед. Общ. за 1889—1900 гг., стр. 84.
- Михинъ П. В.** Нѣсколько случаевъ изъ акушерско-гинекологической клиникі проф. Н. Ф. Толочина. — Труды Харьков. Мед. Общ. за 1895 г., вып. 1. (Три овариотоміи).
- Надеждинъ Г.** Моя 4-ая овариотомія. — Прот. Тамбовскаго Мед. Общ. за 1886 г., стр. 337.
- Надеждинъ Г.** 5-ая овариотомія. — Тоже за 1887 г., стр. 67.
- Надеждинъ Г.** Мои 7-ая и 8-ая лапаротоміи. — Тоже за 1887 г., стр. 189.
- Неводничанскій И.** Случай овариотоміи съ смертельнымъ исходомъ. Корреспонденція. — Современная Медицина, 1872, стр. 570.
- Нечаевъ Н. В.** Къ вопросу объ овариотоміи при развитіи кистъ въ обоихъ яичникахъ. — Журн. акуш., 1888, стр. 19.
- Николаевъ Г. М.** Случай многокамерной кисты, развившейся въ брюшной стѣнкѣ, на мѣстѣ бывшаго рубца отъ овариотоміи. — Труды Общ. русс. вр. въ СПб. за 1882—83 г., стр. 95.
- Новацкій.** Овариотомія. Первый случай. — Москов. Мед. Газета, 1870, №№ 8 и 9.
- Новацкій И. Н.** Сообщилъ о случаѣ двойной овариотоміи. — Лѣтопись Хирург. Общ. въ Москвѣ, т. 1, стр. 125.
- Оленинъ С. К.** Двѣ овариотоміи (XXVII и XXVIII по Тамбовской Губернской Земской Больницѣ). — Прот. Тамбов. Мед. Общ. за 1887 г., стр. 202.

- Оленинъ С. К.** Двѣ оваріотоміи. 29-ая и 31-ая по больницѣ (3 и 4 автора). — Тоже за 1888 г., стр. 142. (Обѣ умерли отъ кровотеченія).
- Оленинъ С. К.** 34-ая оваріотомія (двойная). (По больницѣ — 5-ая автора). — Тоже за 1889 г., стр. 43.
- Оленинъ С. К.** Двѣ оваріотоміи. — Тоже за 1889 г., стр. 129.
- Оленинъ С. К.** Двѣ оваріотоміи (37-ая и 38-ая). Оперироваль Яковлевъ. — Тоже за 1889 г., стр. 195.
- Онуфриевъ В. М.** Чревосѣченіе при асептикѣ и почти безъ наркоза. — Записки Уральскаго Медіц. Общ. въ Екатеринбургѣ, 1891 г., за 1-ый годъ. (Кистома вѣсомъ 63 фунта, операція при плохой дѣятельности сердца).
- Орловскій А.** Хирургія въ деревнѣ. — Прот. Общества Полтавскихъ врачей (30 сент. 1891 — 6 марта 1893 г.), стр. 67. (Нѣсколько случаевъ оваріотоміи).
- Перовъ М. А.** Къ казуистикѣ оваріотомій въ земской практикѣ. — Медіц. Обзорѣніе, 1890, т. 34, стр. 19.
- Перовъ М. А.** Двѣ оваріотоміи въ земской практикѣ. — Медіц. Обзорѣніе, 1891, т. 35, стр. 556.
- Перовъ М. А.** Случай оваріотоміи изъ земской практики. — Медіц. Обзорѣніе, 1891, т. 36, стр. 442.
- Петрыковскій С. В.** Случай кисты яичника. — Труды Общ. Кіевскихъ вр., т. III, вып. 3, стр. 201. (Случай повторной оваріотоміи).
- Піотровскій Ф.** Двѣ оваріотоміи при неточномъ діагнозѣ. — Военно-Мед. Журн., 1877, т. 128. (Изъ наблюденій въ клиникахъ Парижа и Лондона).
- Полотебновъ С. М.** Случай удаленія оваріальной кисты у 9-ти лѣтней дѣвочки per laparotomiam. Выздоровленіе. — Ежемед. Клин. Газета, 1887, № 12.
- Порошинъ Н. Н.** Чревосѣченіе по поводу кистомы яичника, осложненной асцитомъ. — Записки русс. бальнеолог. Общ. въ Пятигорскѣ за 1900—1901 г., т. III, № 2, августъ.
- Пулло И. М.** Оваріотомія. — Москов. Медіц. Газета, 1877, № 36. Корресп.
- Разумовскій В. И.** Пять случаевъ оваріотоміи. — Дневникъ Казан. Общ. вр. за 1882 г., № 4.
- Рейнъ Г. Е.** Два случая оваріотоміи. — Прот. Общ. Кіевскихъ вр. за 1883—84 г., стр. 35. Краткій реф.

- Рейнъ Г. Е.** Отчетъ о 13 оваріотоміяхъ. — Тоже за 1884—85 г., стр. 23. Краткій реф.
- Рейнъ Г. Е.** Отчетъ о 30 оваріотоміяхъ. — Врачъ, 1885, № 48.
- Рейнъ Г. Е.** Къ вопросу о леченіи кистомъ яичниковъ разрывомъ. — Прот. зас. ак.-гин. Общ. въ Кіевѣ, т. 2, вып. 3, стр. 10. Реф. (Вслѣдствіе сращеній края кисты были вшиты въ брюшную рану).
- Рейнъ Г. Е.** Двусторонняя оваріотомія при органическомъ порокѣ сердца, съ благополучнымъ исходомъ. — Тоже, т. 1, вып. 2, приложенія, стр. 105.
- Рейнъ Г. Е.** Демонстрація больной 6-ти лѣтней дѣвочки послѣ оваріотоміи. — Тоже, т. 8, стр. 67. Реф.
- Родзевичъ Г. І.** Къ статистикѣ оваріотомій въ Россіи. — Врачебныя Вѣдомости, 1882, № 34. (Литературныя указанія).
- Рожнятовскій А. и Резоали А.** Киста яичника, оваріотомія. — (Случай изъ клиники проф. Алферьева). — Современная Медицина, 1864, № 35. (Оперироваль проф. Шимановскій).
- Рожнятовскій А.** Киста яичника, оваріотомія. — (Случай изъ клиники проф. Караваева). — Современная Медицина, 1865, № 5.
- Розенбаумъ Ф. Г.** Случай оваріотоміи. — Мед. Сборникъ, издаваемый Кавказ. Мед. Общ., 1884, № 38.
- Розенгардтъ М.** Случай оваріотоміи съ исходомъ въ выздоровленіе. — Мед. Обозрѣніе, 1884, т. 22, стр. 152.
- Розенгардтъ М.** Крупозная пневмонія послѣ оваріотоміи. — Прот. зас. ак.-гин. Общ. въ Кіевѣ, т. 2, вып. 3, прил., стр. 105.
- Ростошинскій.** Случай оваріотоміи. — Прот. Тамбовскаго Мед. Общ. за 1888 г., стр. 47. (Первая оваріотомія автора).
- Ростошинскій.** Къ казуистикѣ оваріотоміи. (Мои II и III оваріотоміи. — Тоже за 1890 г., стр. 99.
- Рындзюнь И. Г.** Случай оваріотоміи въ сельской земской практикѣ. — Мед. Обозрѣніе, 1884, т. 21, стр. 1100.
- Склифосовскій Н. В.** Случай оваріотоміи. — Мед. Вѣстникъ, 1865, № 10.
- Склифосовскій Н. В.** Второй случай оваріотоміи съ счастливымъ исходомъ въ Одессѣ. — Мед. Вѣстникъ, 1865, №№ 39, 41 и 42.
- Склифосовскій Н. В.** Два случая оваріотоміи съ счастливымъ исходомъ. — Мед. Вѣстникъ, 1868, №№ 9—11.
- Склифосовскій Н. В.** Оваріотомія. Многополостная мѣшчатая

- опухоль праваго яичника. Выздоровленіе. (6-ое наблюденіе).
— Медиц. Вѣстникъ, 1869, № 13.
- Склифосовскій Н. В.** Овариотомія. Многополостная мѣшеччатая опухоль лѣваго яичника. Выздоровленіе. (7-ое наблюденіе).
— Медиц. Вѣстникъ, 1869, № 44.
- Склифосовскій Н. В.** Овариотомія. Многополостная мѣшеччатая опухоль праваго яичника. Выздоровленіе. 8-ое наблюденіе.
— Медиц. Вѣстникъ, 1870, № 5.
- Склифосовскій Н. В.** Пять овариотомій. — 9 набл. — 13 наблюденіе. — Медиц. Вѣстникъ, 1870, №№ 32—34.
- Склифосовскій Н. В.** 35 овариотомій. — Врачъ, 1883, №№ 6—9.
- Склифосовскій Н. В.** Еще 35 овариотомій. — Врачъ, 1885, № 48.
- Славянскій К. Ѡ.** Къ ученію о уходѣ за ножкою при овариотоміяхъ. — Врачебныя Вѣдомости. 1882, № 46.
- Смольскій И. И.** Случай овариотоміи. (*Ovariectomy completa*). — Русская Медицина, 1884, № 11.
- Снегиревъ В. Ѡ.** Объ овариотоміи. — Москов. Врачебный Вѣстникъ, 1874—75 г., № 13—14. Вступительная доцентская лекція.
- Снегиревъ В. Ѡ.** 3 случая овариотоміи. — Москов. Врачебный Вѣстникъ, 1876, № 24.
- Соболевъ И. и Гальперинъ Д.** Овариотомія при коллоидной кистѣ лѣваго яичника. — Медиц. Обзорѣніе, 1887, т. 28, стр. 199.
- Соболевъ И. и Гальперинъ Д.** Два случая овариотоміи изъ сельской практики. — Медиц. Обзорѣніе, 1890, т. 34, стр. 15.
- Собѣстіанскій Э. М.** Три случая овариотоміи. — Прот. Кавказ. Мед. Общ. за 1896—97 г., стр. 72.
- Соколовскій Л.** *Kystoma multiloculare ovarii dextri*. Ovariectomy. Выздоровленіе. (Третья операція акушера Л. И. Соколова). — Прот. зас. Общ. русс. врачей въ Спб. за 1877—78 г., стр. 233.
- Соколовскій Л.** *Kystoma multiloculare ovarii sinistri*. Ovariectomy. Выздоровленіе. (Пятая овариотомія). — Прот. зас. Общ. русс. врачей въ Спб. за 1877—78 г., стр. 121.
- Соловьевъ А. Н.** Къ казуистикѣ овариотомій. — Медиц. Обзорѣніе, 1882, т. 17, стр. 891. (Два случая).
- Соловьевъ А. Н.** Къ казуистикѣ овариотомій. — Медиц. Обзорѣніе, 1888, т. 29, стр. 679.
- Соловьевъ А. Н.** Три лапаротоміи по поводу кистомъ яичника

- (2 случая) и внѣматочной беременности (1 случай). — Медич. Обзорѣніе, 1893, т. 40, стр. 504.
- Соловьевъ А. Н.** Кистомы яичниковъ. Осложненіе пупочной грыжей, затруднившей діагнозъ. Двойная овариотомія и радикальная операція грыжи. Выздоровленіе. — Медич. Обзорѣніе, 1894, т. 41, стр. 1048.
- Соловьевъ А. Н.** и **Рахманиновъ И. М.** Двусторонняя киста яичника. Двойная овариотомія. Выздоровленіе. — Медич. Обзорѣніе, 1881, т. 15, стр. 878.
- Сочава Н. А.** Къ исторіи овариотоміи въ Россіи. — Медич. Вѣстникъ, 1868, № 13. (Краткая замѣтка о томъ, что первая овариотомія въ Россіи сдѣлана проф. Ванцетти).
- Сочава Н. А.** Статистика овариотомій, сдѣланныхъ Спенсеромъ Уэльсомъ въ Samaritan Hospital и въ частной практикѣ. — Тамъ же, № 30. (Краткая замѣтка).
- Стацевичъ Н.** Къ вопросу объ овариотоміи. — Современная Медицина, 1866, стр. 347. Письмо въ Редакцію. (Авторъ рекомендуетъ, — прежде чѣмъ прибѣгать къ овариотоміи, — испытывать дѣйствіе слабительныхъ, мочегонныхъ и др. средствъ, полагая, что такимъ лѣченіемъ можно достигнуть полного исчезновенія кисты).
- Стельмаховичъ Н. М.** Ruptura traumatica cystomatis colloides ovarii dextri. Ovariectomy. Выздоровленіе. — Журн. акуш., 1887, стр. 366.
- Стрѣлковскій.** О вырѣзываніи болѣзненного яичника (extirpatio ovarii). — Записки по части Врачебныхъ Наукъ, 1844, книжка 4, часть 1, стр. 22. (Объ овариотоміи, по иностраннымъ авторамъ).
- Типяковъ В.** Замѣтка о пузырьныхъ опухоляхъ яичника и ихъ терапіи. — Медич. Обзорѣніе, 1887, т. 28.
- Товстицкій К. В.** Четыре случая овариотоміи. — Врачъ, 1885, № 25.
- Успенскій В.** Случай овариотоміи при осложненной кистомѣ. — Журн. акуш., 1887, стр. 796. (Случай, относящійся къ такъ наз. pseudo-туберкула перитонеи; въ стѣнкѣ кисты былъ разрывъ, проходимый для двухъ пальцевъ; смерть на 17-ый день послѣ операціи отъ перитонита; въ брюшной полости при вскрытіи вонючій гной и коллоидная масса).
- Флоринскій В. М.** Овариотомія. — Медич. Вѣстникъ, 1863, № 10. (На основаніи литературныхъ данныхъ).

- Фогель I. А.** Къ казуистикъ овариотомій. — Труды Общ. Минскихъ вр. за 1895/96—96/97 гг., зас. 31 янв. 1897.
- Фохтъ А. Б.** Случай овариотоміи съ исходомъ въ выздоровленіе. — Медич. Обзорѣніе, 1884, т. 21, стр. 1098.
- Халафовъ С.** Пятнадцать случаевъ овариотоміи, гистеротоміи и полной экстирпации матки. — Медич. Обзорѣніе, 1888, т. 29, стр. 358.
- Холодковскій А. М.** Случай элитротоміи и овариотоміи въ земской практикѣ. — Медич. Бесѣда, 1899, № 21.
- Храмцовъ.** Кистома праваго яичника. Овариотомія. — Русская Медицина, 1887, № 17.
- Черемшанскій А. Е.** Два случая чревосѣченія въ Владивостокскомъ Морскомъ Госпиталѣ съ благопріятнымъ исходомъ. (Ovariectomy duplex cum amputatione uteri supravaginali et ovariectomy simplex sinistra). — Медич. Прибавленія къ Морскому Сборнику, 1896, декабрь, стр. 362.
- Шевелева О. А.** Случай двусторонней овариотоміи. — Врачъ, 1885, № 26.
- Шимановскій.** Овариотомія. Экстирпация яичника. — Составлено по лекціямъ проф. Шимановскаго студентомъ Резоали. — Современная Медицина, 1864, №№ 34 и 35.
- Щеткинь Д.** Обь условіяхъ, благопріятствующихъ развитію тромбоза венъ при овариотоміи. — Дисс., СПб., 1889.
- Эккъ Н.** О трехъ овариотоміяхъ. — Военно-Мед. Журн., 1877, т. 130.
- Ясинскій П. А.** Cystoadenoma cylindrocellulare colloides ovarii dextri. Ovariectomy, произведенная 13 сентября 1879 г. — Современная Медицина, 1880, №№ 1—5.
- Ястребовъ Н. В.** Cystoma phillodes proliferum glandulare ovarii dextri съ безлихорадочнымъ теченіемъ послѣоперационнаго періода. — 1) Врачебныя Вѣдомости, 1880, № 421; 2) Прот. зас. Общ. русс. вр. въ СПб. за 1879—80 г., стр. 467.

Кастрація.

- Боряковскій А. Г.** Случай кастраціи при истеро-эпилепсиі. — Прот. зас. ак.-гин. Общ. въ Кіевѣ, т. 1, вып. 2, приложенія, стр. 71.
- Гиммельфарбъ Г. И.** Къ вопросу о хроническомъ оофоритѣ и о кастраціи при неврозахъ. — Медич. Обзорѣніе, 1887, т. 28, стр. 565.

- Данилло С. Н.** Къ вопросу о значеніи кастраціи при неврозахъ у женщинъ. — Труды Общ. русс. вр. въ СПб. за 1888—1890 гг., стр. 89.
- Добронравовъ В. А.** О Battey'евской операци. — Лѣтопись Хир. Общ. въ Москвѣ, т. II, стр. 209.
- Заяицкій С. С.** Нѣсколько случаевъ кастраціи и сальпинготоміи. — Журн. акуш., 1889, стр. 473.
- Зворыкинъ Г.** См. выше стр. 157 „Указателя“.
- Какушкинъ Н. М.** См. стр. 157.
- Лебедевъ А. И.** См. стр. 158.
- Новицкій А. А.** См. стр. 159.
- Попель В. И.** См. стр. 180.
- Сутугинъ В. В.** О показаніяхъ къ оскопленію (кастраціи) съ приведеніемъ одного удачнаго случая примѣненія этой операци. — 1) Врачъ, 1885, № 20; 2) Сообщенія и прот. СПбургскаго Мед. Общ. за 1885 г., стр. 95. (При интерстиціальной міомѣ, осложненной хроническимъ слипчивымъ тазовымъ перитонитомъ).
- Сутугинъ В. В.** См. выше стр. 198 „Указателя“.
- Филимонова С. В.** См. выше стр. 181. (Матеріаломъ для изслѣдованій послужили яичники, полученные при кастраціи у 2 больныхъ по поводу неврозъ).
- Хелминскій А. О.** См. выше стр. 165.

Гистеротомія.

- Байковъ А. И.** Къ казуистикѣ ампутаціи матки и овариотоміи. — Труды Общ. русс. вр. въ СПб. за 1884—85 г., вып. 1, стр. 11. (Въ одномъ случаѣ произведена суправагинальная ампутація матки).
- Гавронскій Н. Д.** Къ казуистикѣ надвлагалищныхъ ампутаціи матки по Шредеру. Два случая. Выздоровленіе. — Медич. Сборникъ, издаваемый Кавказ. Мед. Общ., 1889, № 50.
- Заяицкій С. С.** 18 надвлагалищныхъ лапаро-гистеротоміи по Schroeder'у, произведенныхъ съ 1883 по 1888 г. — 1) Медич. Обзорѣніе, 1888, т. 30, стр. 1007; 2) Труды ак.-гин. Общ. въ Москвѣ за 1888 г., № 6.
- Икавитцъ Э. Х.** Надвлагалищная ампутація матки. (XX лапаротомія). — Прот. Тамбовскаго Мед. Общ. за 1885 г., стр. 278.

(При вскрытіи въ желудкѣ и кишкахъ найдено громадное количество крови).

- Икавитцъ Э. Х.** II случай надвлагалищной ампутаціи матки. — Тоже за 1887 г., стр. 21.
- Карповъ М. И.** Hysterectomia supravaginalis. — Приложенія къ прот. Донскихъ вр. за 1897 г., стр. 47.
- Крассовскій А. Я.** Два случая гистеротоміи черезъ подчревное сѣченіе, произведенные А. Я. Крассовскимъ съ благоприятнымъ исходомъ. — Медиц. Вѣстникъ, 1876, № 33. (3-й и 4-ый случаи автора; въ первомъ изъ нихъ была фиброміома, во второмъ — фиброидъ и кистовидная опухоль лѣваго угла матки).
- Крассовскій А. Я.** 5 гистеротомій, произведенныхъ А. Я. Крассовскимъ въ Маріинскомъ гинекологическомъ отдѣленіи СПбургскаго Родовспомогательнаго Заведенія съ 1877 по 1881 г. — Отчетъ СПбургскаго Родовспомогательнаго Зав. за 1877—80 годы, приложеніе.
- Крассовскій А. Я.** 19 гистеротомій. — Журн. акуш., 1887, стр. 649.
- Крассовскій А. Я.** 7 гистероміотомій. — Журн. акуш., 1891, стр. 873.
- Кузнецкій П. В.** Къ казуистикѣ гистеротомій. — Дневникъ Казан. Общ. вр. за 1881 г., №№ 16 и 17, стр. 367 и 386. (Кисто-фиброміома матки вѣсомъ въ 103 фунта).
- Ракуза Р. А.** Къ вопросу о надвлагалищной ампутаціи матки. — Дневникъ III Съѣзда русс. вр., стр. 381. Реф.
- Реммертъ А. А.** Сообщилъ изъ Centralblatt für Chirurgie о случаѣ гистеротоміи, произведенной Эккомъ по пластическому способу Масловскаго въ прошломъ году. Первый случай въ Россіи. — Прот. Кавказ. Мед. Общ. за 1874—75 г., стр. 490.
- Рейнъ Г. Е.** О случаѣ ампутаціи матки посредствомъ чревосѣченія по способу Шредера. — Прот. зас. Общ. Кіевскихъ вр. за 1883—84 г., стр. 63. Реф.
- Склифосовскій Н. В.** См. стр. 175 „Указателя“. (Черезъ 7 часовъ послѣ операціи наступила смерть отъ кровотечения).
- Трейбергъ Ю. Ю.** Случай надвлагалищной ампутаціи матки. Внутрибрюшинный способъ. Выздоровленіе. — (Міома матки). — Медиц. Прибавленія къ Морскому Сборнику, 1891 г., май, стр. 349.
- Феноменовъ Н. Н.** Къ техникѣ внутрибрюшинныхъ операцій на маткѣ. — Врачъ, 1897, № 51.

- Халафовъ С.** Пятнадцать случаевъ оваріотоміи, гистеротоміи и полной экстирпаціи матки. — Медич. Обзорѣніе, 1888, т. 29, стр. 358.
- Эккъ Н.** О двухъ благополучно окончившихся гистеротоміяхъ, произведенныхъ во временной загородной больницѣ. — Военно-Мед. Журн., 1877, т. 130, отд. III, стр. 27 и 85. (Первый изъ описанныхъ случаевъ является первымъ въ Россіи съ благопріятнымъ исходомъ. Въ второмъ случаѣ, прежде чѣмъ рѣшиться на радикальную операцію, авторъ въ теченіи почти 8 мѣсяцевъ многократно пытался, при помощи расширенія матки и манипулированія различными инструментами, удалять опухоль по частямъ чрезъ маточный каналъ; неоднократно появлялись тяжелыя осложненія въ видѣ кровотеченій и нагноительныхъ процессовъ; опухоль при операціи удалена при помощи разрѣза dna матки; судьба больной описана до момента образованія свища, ведущаго глубоко въ брюшную полость).

Полное удаленіе матки.

- Александровъ С. А.** Случай удаленія матки и придатковъ по способу Pean-Segond. — Медич. Обзорѣніе, 1896, т. 46, стр. 974.
- Ануфріевъ А. А.** Къ казуистикѣ полного удаленія матки чрезъ влагалище. — Журн. акуш., 1892, стр. 376. (Три случая по поводу рака).
- Байковъ А. И.** Случай вырѣзыванія матки и яичниковъ чрезъ влагалище. — Труды Общ. русс. вр. въ СПБ. за 1883—84 г., стр. 127.
- Бирштейнъ А. Д.** 16 случаевъ полного влагалищнаго удаленія матки. — Врачъ, 1897, № 44.
- Боголюбовъ Н. И.** Случай полного вырѣзыванія матки *in situ* (первый въ Казани) по способу Freund'a, съ благопріятнымъ исходомъ. — Врачъ, 1881, №№ 48 и 49.
- Брусиловскій В. Д.** Два случая полного изсѣченія матки. — Прот. Ставропольскаго Мед. Общ. за 1899 г. (Въ 1-омъ случаѣ — ракъ; въ 2-омъ фиброміома, примѣненъ сочетанный способъ).
- Барнекъ Л. Н.** Къ вопросу о техникѣ вылушенія раковоперерожденной матки чрезъ влагалище. — Труды 2-го Съѣзда русс. вр., т. II, отд. акуш. и женск. бол., стр. 86.

- Варнекъ Л. Н.** Демонстрація оперированной по способу Levy-Delbet. — Труды ак.-гин. Общ. въ Москвѣ за 1895 г., № 1, стр. 1.
- Варнекъ Л. Н.** О вылущеніи матки черезъ влагалище по способу Douen'a. — Врачъ, 1895, № 38.
- Воскресенскій М. А.** Полное вырѣзываніе черезъ влагалище фиксированной раково-перерожденной матки. — Прот. зас. ак.-гин. Общ. въ Кіевѣ, т. 2, вып. 3, стр. 41. Реф.
- Воскресенскій М. А.** О полномъ вырѣзываніи матки черезъ влагалище. — Прот. зас. ак.-гин. Общ. въ Кіевѣ, т. 6, вып. 12, прил., стр. 31. (Съ краткимъ описаніемъ 11 случаевъ).
- Воскресенскій М. А.** Къ вопросу о влагалищномъ вырѣзываніи матки съ придатками при ихъ тяжеломъ заболѣваніи. — Труды Общ. Кіевскихъ вр. т. IV, вып. 2, стр. 37. Кіевъ, 1898.
- Гермониусъ А. К.** Нѣсколько словъ о Freund'овскомъ способѣ полного удаленія матки путемъ чревосѣченія. — (Литературно-статистическій очеркъ). — Журн. акуш., 1888, стр. 379, 446 и 581.
- Гороховъ Д. Е.** Матеріалы къ вопросу экстирпаціи матки и придатковъ per vaginam, при примѣненіи пинцетовъ à demeure. — Дисс., СПб., 1898.
- Грамматикати И. Н.** Случай полного удаленія матки черезъ влагалище. — 1) Врачъ, 1887, № 3; 2) Грамматикати И. Н. „Работы по вопросамъ гинекологіи и акушерства“. Саратовъ, 1887.
- Грамматикати И. Н.** Три случая полного удаленія матки черезъ влагалище. — Труды Общ. русс. вр. въ СПб. за 1887—88 г., стр. 89.
- Добронравовъ В. А.** О Фрейндовской операціи. — Рѣчь. — Прот. Физ.-Мед. Общ. въ Москвѣ за 1881 г., стр. 73.
- Заяицкій С. С.** Къ вопросу о полной экстирпаціи матки чрезъ влагалище. — Лѣтопись Хир. Общ. въ Москвѣ, т. 6, № 5, стр. 245. (Краткое сообщеніе о хирург. лѣченіи рака матки).
- Заяицкій С. С.** Полная экстирпація матки черезъ влагалище. — Дневникъ 1-го Съѣзда Моск.-Пет. Мед. Общ. стр. 107. Реф.
- Заяицкій С. С.** См. стр. 168 „Указателя“.
- Икавитць Э. Х.** Extirpatio uteri vaginalis in situ. — Прот. Тамбовскаго Мед. Общ. за 1886 г., стр. 49.
- Икавитць Э. Х.** Второй случай влагалищнаго вырѣзыванія матки. — Тамъ же, стр. 56.

- Икавитць Э. Х.** Третій случай влагалищнаго вырѣзыванія матки.
— Тамъ же, стр. 259.
- Икавитць Э. Х.** Четвертый случай влагалищнаго вырѣзыванія матки. — Тоже за 1887 г., стр. 73.
- Икавитць Э. Х.** Пятый случай влагалищнаго вырѣзыванія матки.
— Тоже за 1888 г., стр. 99.
- Котелянскій Б.** Десять чревосѣченій и четыре экстирпации матки черезъ влагалище, произведенныя въ 1887—88 гг. — Медич. Обзорѣніе, 1889, т. 31, стр. 571.
- Лапковъ М.** Случай полного вырѣзыванія матки черезъ рукавъ по поводу кровотеченій. — Сборникъ Славянскаго, т. II, стр. 237. (При гіалиновомъ перерожденіи сосудовъ матки).
- Левенштейнъ.** Два случая полной экстирпации матки по способу В. А. Фрейнда. — Труды Физ.-Мед. Общ. въ Москвѣ за 1879 г., стр. 68.
- Миллеръ В. Я.** Случай ileus послѣ влагалищной экстирпации матки.
— Журн. акуш., 1889, стр. 125.
- Модлинскій П. И.** О предварительномъ и окончательномъ гемостаазѣ при вырѣзываніи матки. — Медич. Обзорѣніе, 1898, т. 50, стр. 207. (Рекомендуется оперировать безъ предварительнаго гемостаза и съ послѣдующимъ наложеніемъ пинцетовъ).
- Мусатовъ Н. А.** Два случая удаленія матки и придатковъ по способу Doyen'a по поводу климактерическаго кровотечения. — Врачебныя Записки, 1898, № 11.
- Надеждинъ Г. Г.** Нѣсколько гинекологическихъ операций надъ органами брюшной полости. — Журн. акуш., 1895, стр. 833. (Четыре влагал. экстирпации).
- Оттъ Д. О.** Полное влагалищное вырѣзываніе матки и современныя требованія въ дѣлѣ кореннаго лѣченія злокачественныхъ новообразованій ея. — Врачъ, 1889, №№ 39, 41, 43, 44, 48 и 49.
- Рясенцевъ І. М.** Къ казуистикѣ операции полного удаленія матки по способу Freund'a. — Дневникъ Казан. Общ. вр. за 1882 г., № 19.
- Садовскій П. Т.** Методъ Doyen'a влагалищнаго вырѣзыванія матки. — Журн. акуш., 1896, стр. 379. (Шесть случаевъ по поводу рака).
- Салмановъ Н. А.** Къ вопросу о полномъ вырѣзываніи матки чрезъ влагалище. — Журн. акуш., 1891, стр. 825. (Демонстрація

больной, у коей нѣтъ рецидива спустя 2 года и 5 мѣс. послѣ экстирпации).

- Собѣстіанскій Э. М.** Удаленіе матки черезъ влагалище съ замѣною лигатуръ кровоостанавливающими пинцетами. — Прот. Кавказ. Мед. Общ. за 1896—97 г., стр. 311.
- Собѣстіанскій Э. М.** Случай удаленія матки черезъ влагалище по поводу рака. — Тоже за 1897—98 г., стр. 108.
- Соловьевъ А. Н.** Обь оперативномъ лѣченіи злокачественныхъ новообразованій матки чрезъ лапаротомію. — Медиц. Обзорѣніе, 1879, т. 11, стр. 261. (Лекція обь операциі Freund'a при ракъ матки).
- Соловьевъ А. Н.** См. стр. 172 „Указателя“.
- Соловьевъ А. Н.** О лигатурномъ и пинцетномъ способахъ остановки кровотеченій при экстирпации матки. — Хирургія, 1898, т. III, стр. 332.
- Столыпинскій В. А.** 5 случаевъ полного удаленія матки черезъ влагалище. — Дневникъ Общ. вр. при Каз. Унив. за 1887 г., стр. 101.
- Столыпинскій В. А.** Современное положеніе вопроса о техникѣ операциі удаленія матки черезъ влагалище. — Врачъ, 1892, № 6.
- Столыпинскій В. А.** Удаленіе матки черезъ влагалище и путемъ чревосѣченія, съ замѣною лигатуръ кровоостанавливающими пинцетами. — Врачъ, 1895, №№ 45 и 46.
- Суторихинъ Н. Ф.** Къ вопросу обь остановкѣ кровотеченія при полныхъ экстирпацияхъ матки черезъ влагалище. — Медиц. Обзорѣніе, 1899, т. 52, стр. 329. (Рекомендуется накладывать лигатуры не en masse, а на отдѣльные кровотокащіе сосуды).
- Суторихинъ Н. Ф.** Простой способъ полного удаленія матки черезъ влагалище. — Медиц. Обзорѣніе, 1900, т. 54, стр. 431.
- Типяковъ В. В.** Къ вопросу о полномъ изсѣченіи матки. — Труды Общ. вр. гг. Ростова на Дону и Нахичевани за 1897 г.
- Феноменовъ Н. Н.** 23 случая полного вырѣзыванія матки чрезъ влагалище. — Врачъ, 1890, №№ 45—47.
- Феноменовъ Н. Н.** 20 случаевъ полного вырѣзыванія матки чрезъ рукавъ. — Журн. акуш., 1893, стр. 693.
- Фуксъ І.** Случай экстирпации матки черезъ влагалище. — Прот. и труды Общ. Херсонскихъ вр. за 1896—97 г., стр. 60. Цитир. по литер. указ.
- Халафовъ С.** См. выше стр. 261.

- Холмогоровъ С. С.** О полной влагалищной экстирпации матки. — Медиц. Обзорѣніе, 1893, т. 40, стр. 683.
- Хотовицкій С. О.** Extirpatio uteri. — Военно-Мед. Журн., т. 31, стр. 482. (Подъ указаннымъ терминомъ разсматривается и полное удаленіе и частичное изсѣченіе влагалищной части).
- Шиле Н.** Влагалищное вырѣзываніе матки. — Врачъ, 1886, № 40. (Краткое описаніе одного случая).
- Штраухъ М. А.** Демонстрація препарата матки, удаленной per vaginam по причинѣ безпрерывнаго кровотеченія. — Труды акуш.-гин. Общ. въ Москвѣ за 1895 г., № 7.
- Штраухъ М. А.** Простой методъ экстирпации матки черезъ влагалище. — Медиц. Обзорѣніе, 1898, т. 49, стр. 177.
- Штраухъ М. А.** Объ изсѣченіи матки безъ перевязки и безъ зажимающихъ пинцетовъ. — Врачъ, 1898, № 44. (При помощи ангиотрипси).
- Эберлинъ А. М.** Сообщилъ о техникѣ полного вылушенія раковой матки 2 случая, удачно оперированные по видоизмѣненному способу Richelot-Doyen'a. — Мед. отчетъ Москов. Голиц. Больницы за 1897 г., приложение: годовой отчетъ о мед. совѣщаніяхъ и т. д., стр. 1. Безъ заглавія.
- Яковлевъ М. П.** Казуистика хирургическаго отдѣленія Тамбовской губернской Больницы. — Прот. Тамбов. Мед. Общ. за 1890 г., стр. 197. Пунктъ I: удаленіе всей матки черезъ влагалище.
- Федоровъ С. П.** Внѣсумочный способъ полного изсѣченія матки путемъ чревосѣченія. (Hysterectomia totalis abdominalis extracapsularis). — Хирургія, 1897, т. I, стр. 134.

Кольпотомія.

- Гаусманъ А. Э.** Къ вопросу о влагалищномъ чревосѣченіи (colpocoeliotomy). — 1) Журн. акуш., 1899, стр. 156; 2) Прот. зас. акуш.-гин. Общ. въ Кіевѣ, т. 12, вып. 23.
- Гаусманъ А. Э.** Къ вопросу о влагалищномъ чревосѣченіи при міомахъ матки. — 1) Журн. акуш., 1899, стр. 537; 2) Прот. зас. акуш.-гин. Общ. въ Кіевѣ, т. 12, вып. 24.
- Калиновскій С. Н.** Десять чревосѣченій и двѣ колпотоміи. — Журн. акуш., 1899, стр. 70. Корреспонденція.
- Львовъ И. М.** Удаленіе кистъ яичниковъ и придатковъ матки черезъ влагалище. — Врачъ, 1892, №№ 11 и 12.

- Львовъ И. М.** Къ вопросу объ удаленіи кистъ яичниковъ и придатковъ матки черезъ влагалище. — Статья вторая. — Врачъ, 1892, № 46.
- Львовъ И. М.** Къ вопросу о леченіи кистъ яичника разрывомъ чрезъ влагалище. — Врачъ, 1895, № 30.
- Львовъ И. М.** Задняя кольпотомія (colpotomia posterior) при воспаленіяхъ придатковъ матки и новообразованіяхъ въ нихъ. — Третье краткое сообщеніе. — Журн. акуш., 1897, стр. 902.
- Мионовъ М. М.** Чревосвѣченіе и влагалищный путь въ гинекологіи. — Журн. акуш., 1896, стр. 680.
- Нееловъ Н. К.** Къ вопросу о леченіи кистъ яичника разрывомъ черезъ влагалище. — Прот. зас. акуш.-гин. Общ. въ Кіевѣ, т. 2, вып. 3, приложенія, стр. 67.
- Рачинскій Н. І.** Объ удаленіи придатковъ матки черезъ влагалище. — Журн. акуш., 1899, стр. 795.
- Рейнъ Г. Е.** Случай влагалищной овариотоміи. — Прот. зас. акуш.-гин. Общ. въ Кіевѣ, т. 5, стр. 26. Реф.
- Соловьевъ А. Н.** Къ ученію объ удаленіи опухоли придатковъ матки чрезъ влагалище. — Хирургія, 1897, т. 1, стр. 123.
- Тепловъ П. Я.** Объ удаленіи придатковъ матки и ихъ новообразованій черезъ задній сводъ (colpotomia posterior). — (Предв. сообщ.) — Врачъ, 1894, № 47.
- Къ вопросу объ удаленіи придатковъ матки и новообразованій таза черезъ задній сводъ (colpocoeliotomia posterior). — Врачъ, 1899, № 23, стр. 679. Реф. доклада.
- Типяковъ В. В.** Къ вопросу объ удаленіи кистъ яичниковъ и придатковъ матки чрезъ влагалище. — Врачъ, 1892, № 38.
- Томсонъ Г. И.** Къ вопросу о кольпотоміи. — Журн. акуш., 1900, стр. 261.
- Федоровъ И. И.** Colpotomia post. или keliotomia vaginalis post., какъ методъ леченія придатковъ матки и ихъ новообразованій. — Журн. акуш., 1895, стр. 775.
- Шелюмовъ В. И.** Къ вопросу объ удаленіи придатковъ матки чрезъ влагалище. — 1) Дисс., СПБ., 1897; 2) Журн. акуш., 1897, стр. 944. 1171 и 1358.

Крестцовый методъ.

- Живописцевъ Н. А.** Остеопластическая резекція крестцовой кости въ примѣненіи ея для экстирпаціи пораженной ракомъ матки въ трехъ случаяхъ. — Медич. Обзорѣніе, 1891, т. 35, стр. 3.
- Заяицкій С. С.** Полная экстирпація матки и яичниковъ черезъ временную резекцію крестца по Kraske. — Труды ак.-гин. Общ. въ Москвѣ за 1890 г., стр. 64. (Помѣщены лишь пренія по поводу доклада).
- О сакральномъ методѣ. — Труды IV Съѣзда русс. вр. въ память Пирогова, стр. 1008. Москва, 1892.
- Макиевскій А.** Крестцовый методъ въ хирургіи и гинекологіи. — Дисс., Москва, 1898.
- Рейнъ Г. Е.** Случай удаленія тазовой опухоли по сакральному способу. — 1) Сборникъ Рейна, стр. 205. (Съ 5 рис.) 2) Прот. зас. ак.-гин. Общ. въ Кіевѣ, т. 11, вып. 21, стр. 10. Реф.
- Снегиревъ В. Ѳ.** Два случая временной резекціи крестца для удаленія новообразованій въ тазу. — Труды ак.-гин. Общ. въ Москвѣ за 1891 г., № 6. (Въ одномъ случаѣ была фиброма задней стѣнки влагалища и таза, въ другомъ — ракъ влагалища).
- Солодовниковъ С. Е.** О различныхъ модификаціяхъ операціи Kraske въ примѣненіи къ лѣченію болѣзней внутреннихъ дѣтородныхъ органовъ женщины, и о другихъ новѣйшихъ методахъ проникновенія въ полость малаго таза сзади и со стороны его дна. — Труды IV Съѣзда русс. вр. въ память Пирогова, стр. 1010. Москва, 1892.
- Яковлевъ М. П.** Демонстрировалъ больную, у которой по способу Kraske произведено удаленіе прямой кишки и задней части влагалища по случаю рака кишки. — Прот. Тамбовскаго Мед. Общ. за 1892 г., стр. 161.

Laparotomia externa.

- Губаревъ А. П.** Laparotomia externa съ анатомической стороны. — Труды ак.-гин. Общ. въ Москвѣ за 1887 г., № 3, стр. 41. (Разрѣзъ стѣнки живота, безъ вскрытія полости брюшины, для прониканія въ клѣтчатку таза; начинается разрѣзъ на палецъ выше отъ spina ilei ant. sup. и идетъ параллельно Пупартовой связкѣ къ наружному краю musculi recti).

Нольчини Д. П. Клиническіе случаи потребовавшіе laparotomiam externam. — Тамъ же, стр. 46. (Сообщаются 10 случаевъ, въ которыхъ при помощи указаннаго разръза получался доступъ къ гнойникамъ въ клѣтчаткѣ таза).

Дизцизія и эксцизія влагалищной части.

(См. также стр. 140 и 141 „Указателя“.)

Мусатовъ. О вліяніи discisio et excisio влагалищной части на продолжительность беременности. — Труды ак.-гин. Общ. въ Москвѣ за 1890 г., № 3. (По мнѣнію автора, означенныя операциі могутъ служить причиною преждевременнаго наступленія родовъ).

Холмогоровъ С. С. Эксцизія влагалищной части маточной шейки. — 1) Медич. Обзорѣніе, 1885, т. 23, стр. 491; 2) Труды Общ. русс. вр. въ Москвѣ за 1-ое полугодіе 1885 года, стр. 25. (На основаніи 22 случаевъ).

Hysterotrachelorrhaphia.

Абражановъ А. А. Случай тяжелыхъ припадковъ при эндометритѣ шейки съ разрывомъ ея. Излѣченіе оперативнымъ путемъ. — Журн. акуш., 1897, стр. 881. Корресп.

Агаѣоновъ С. Разрывы шейки матки. Трахелорафія Эммета. — Дисс., СПб., 1883.

Гермоніусъ А. К. 137 случаевъ разрыва шейки матки, оперированныхъ по способу Emmet'a. Клиническій отчетъ. — Журн. акуш., 1889, стр. 527, 648, 719 и 812.

Гиммельфарбъ Г. Къ вопросу объ эрозіяхъ влагалищной части матки. — (Предв. сообщ.) — Русская Медицина, 1885, № 40. (Патолого-анат. изслѣдованіе).

Эмметовская операциа разрывовъ маточной шейки. Hysterotrachelorrhaphia Emmeti. — 1) Русская Медицина, 1886, №№ 3, 5 и 6; 2) Прот. зас. Общ. Одесскихъ вр. за 1885 г., зас. 16 ноября.

Патологическое значеніе и оперативное леченіе разрывовъ маточной шейки. — Дисс., Москва, 1887.

- Грамматикати И. Н.** Обь Emmet'овской операціи при разрывахъ шейки. (*Hysterotrachelorrhaphia*). — Журн. акуш., 1890, стр. 92 и 163.
- Патенко Ф. А.** Обь изъязвленіяхъ *portionis vaginalis* и о леченіи ихъ оперативнымъ путемъ по способу Эммета. — Рѣчи и прот. VI Съѣзда русс. естествоисп. и вр. въ СПБ., 1879, отд. II, стр. 163. Реф.

Расширеніе матки.

(См. также стр. 97 „Указателя“.)

- Губаревъ А. П.** Выборъ инструмента для быстрого расширенія шейки матки. — Журн. акуш., 1895, стр. 254. (Рекомендуется расширитель конической формы).
- Дмитровскій Н. А.** См. стр. 131 „Указателя“.
- Кистеръ П.** Обь опасностяхъ, сопряженныхъ съ употребленіемъ сжатыхъ губокъ, и о средствахъ къ ихъ избѣжанію. — Москов. Мед. Газета, 1872, № 30.
- Кистеръ П.** Искусственное расширеніе шейки небеременной матки. — Труды Физ.-Мед. Общ. при Моск. Унив. за 1885 г., стр. 295.
- Соловьевъ А. Н.** О безкровномъ расширеніи шейки матки посредствомъ корня *tupelo*. — Медиц. Обозрѣніе, 1880, т. 13, стр. 749.
- Сочава Н. А.** О новомъ способѣ приготовленія прессованной губки для расширенія канала шейки матки. — Медиц. Вѣстникъ, 1868, № 18.
- Сочава Н. А.** О новомъ расширителѣ матки. — Прот. Харьков. Мед. Общ. за 1874 г., № 11.
- Тихомировъ В. А.** О микроскопическихъ и микрохимическихъ свойствахъ корня *tupelo*. — Прот. Физ.-Мед. Общ. въ Москвѣ за 1881 г., стр. 19. Реф.
- Чудовскій В.** Недостатки средствъ, расширяющихъ цервикальный каналъ. — Новый усовершенствованный методъ расширенія, употребляемый Негар'омъ. — Медиц. Вѣстникъ, 1879, №№ 38—43.
- Шлезингеръ О. А.** Обь асептическомъ расширеніи матки. — 1) Русская Медицина, 1885, №№ 10 и 11; 2) Прот. и труды русс. Хирург. Общ. Пирогова за 1884—85 г.

Выскабливаніе матки.

- Кудишъ Г. И.** (ж.-вр.) 160 случаевъ выскабливанія матки. — Журн. акуш., 1895, стр. 640.
- Мартыновъ А. В.** О примѣненіи выскабливанія матки къ лѣченію соответственныхъ болѣзней. — Сообщенія и прот. зас. СПбургскаго Мед. Общ. за 1886 г., стр. 18.
- Мироновъ М. М.** Къ техникѣ выскабливанія полости матки. — 1) Журн. акуш., 1894, стр. 1066; 2) Труды Харьков. Мед. Общ. за 1895 г., вып. 1.
- Оленинъ С. К.** Выскабливаніе внутренней стѣнки матки острой ложечкой. — Прот. Тамбов. Мед. Общ. за 1887 г., стр. 149.
- Пулуэктовъ М. Т.** Обь амбулаторномъ выскабливаніи матки. — 1) Врачъ, 1900, № 11; 2) Труды 7-го Съѣзда земскихъ вр. Тульской губ., Тула, 1900.
- Рѣзниковъ О. А.** Къ вопросу обь „Abrasio mucosae uteri“. — Южно-русская Мед. Газета, 1893, №№ 39 и 40.
- Смольскій И. И.** О діагностическомъ значеніи выскабливанія полости матки. — Больничная Газета Боткина, 1899, № 50. (Случай экстирпаціи по поводу рака тѣла матки, гдѣ діагнозъ, — и безъ того, впрочемъ, довольно ясный, — былъ установленъ микроскоп. изслѣдованіемъ выскобленныхъ массъ).
- Толочиновъ Н. Ф.** Выскабливаніе слизистой оболочки полости матки. — Международная Клиника, 1882, № 9.

Операціи на влагалищѣ.

- Комаревскій Н. В.** Вырѣзываніе нижняго отдѣла раковоперерожденной прямой кишки и задней стѣнки влагалища. — Труды ак.-гин. Общ. въ Москвѣ за 1891 г., № 1.
- Смольскій И. И.** Случай операціи Colporaphiae anterioris. — Мед. вѣстникъ, 1878, № 10.
- Хотовицкій С. Ф.** Colporaphia. — Военно-Мед. Журн. 1838, т. 31, стр. 468.

О нѣкоторыхъ осложненіяхъ послѣ операцій.

- Бидеръ Э. Ф.** Haematometra lateralis. Повторная лапаротомія. Образованіе фистулы между маткой и брюшными покровами. — Журн. акуш., 1889, стр. 49.

Варнекъ Л. Н. Два случая операци Doyen-Landau съ неблагопріятнымъ исходомъ. — 1) Врачебныя Записки, 1897, № 8/9; 2) Труды ак.-гин. Общ. въ Москвѣ за 1897 г., № 2, стр. 10. (Въ одномъ случаѣ образовалась кишечно-влагалищная фистула и наступило маниакальное состояніе; въ другомъ — непроходимость кишекъ, чревосѣченіе, смерть).

Вирскій И. К. Демонстрація больной съ отдѣленіемъ менструальной крови изъ рубца въ брюшной стѣнкѣ, оставшагося послѣ оваріотоміи, произведенной по внутрибрюшинному способу. — Прот. зас. ак.-гин. Общ. въ Кіевѣ, т. 2, вып. 3, стр. 12. Реф.

Казанли А. И. Инородныя тѣла, случайно оставленныя въ брюшной полости во время операци. — Рефератъ работы Нейгебауера. — Медич. Сборникъ Уяздовскаго Военнаго Госпиталя за 1900 г., вып. 1.

Миллеръ В. Я. Случай ileus послѣ влагалищной экстирпациі матки. — Журн. акуш., 1889, стр. 125.

Муратовъ А. А. Случай образованія свища въ брюшныхъ покровахъ черезъ 5 мѣсяцевъ послѣ лапаротоміи и выходенія проглотидъ чрезъ свищевое отверстіе. — Труды ак.-гин. Общ. въ Москвѣ за 1887 г., № 5.

Salpingotomia et ovariectomy sin., выздоровленіе, образованіе свища въ брюшныхъ покровахъ черезъ 5 мѣсяцевъ послѣ операци и выходеніе проглотидъ чрезъ свищевое отверстіе. — Медич. Обзорніе, 1888, т. 29, стр. 666.

Муратовъ А. А. Къ казуистикѣ выходенія всей культы послѣ оваріотоміи черезъ брюшно-пузырный свищъ. — Труды ак.-гин. Общ. въ Москвѣ за 1891 г., № 4. (Киста имѣла обширныя сращенія съ мочевымъ пузыремъ и другими органами; на толстую и широкую ножку былъ наложенъ 3-этажный шовъ изъ толстаго шелка; выздоровленіе наступило при выжидательной терапіи).

Муратовъ А. А. Къ вопросу о пересадкѣ саркомы (sarcoma globocellulare cum cellulis magnis) на здоровыя части тѣла у той же самой больной. — Еженедѣльникъ журн. „Практ. Мед.“, 1895, № 15. (Саркома праваго яичника у дѣвушки 14-ти лѣтъ; быстрое появленіе рецидива послѣ операци на мѣстѣ культы яичниковой опухоли и на мѣстахъ уколовъ отъ швовъ на брюшной ранѣ; менѣе чѣмъ черезъ 3 мѣсяца рецидивъ на брюшной стѣнкѣ имѣлъ видъ изъязвившейся опухоли вели-

чиною съ ладонь; вскорѣ здѣсь образовалась кишечная фистула и наступила смерть).

Нольчини Д. См. стр. 241 „Указателя“. (Авторъ занялся изученіемъ вопроса о повторномъ вскрытіи брюшной полости, которое слѣдуетъ за лапаротоміею для возстановленія проходимости кишекъ, для остановки внутренняго кровотеченія, для освобожденія перевязаннаго мочеточника или для устраненія начинающагося воспаленія брюшины; кромѣ литературныхъ источниковъ и письменныхъ сообщеній нѣкоторыхъ русскихъ и заграничныхъ операторовъ, авторъ воспользовался матеріаломъ Московской гинекологической клиники, въ которой было съ 1890 по 1896 годъ 15 подобныхъ случаевъ на 654 чрезвѣченія).

Юрьянъ П. И. Случай рефлекторнаго дѣйствія операціонной травмы послѣ выскабливанія матки на сердечную и дыхательную дѣятельность (шокъ). — Медич. Обозрѣніе, 1900, т. 54, стр. 204.

Гигинъ даетъ больше подробностей, чѣмъ Флаккъ, о такъ называемыхъ свободныхъ, государственныхъ земляхъ, подлежащихъ уплатѣ пошлыны за пользование ими (*vestigales agri*). Онѣ образовывались изъ оставшихся отъ надѣленія солдатъ земель и были *обработанными*, такъ какъ не шли въ раздѣлъ лишь по недостатку для этого солдатъ ¹⁰²). Съ этимъ согласуется и то, что такія обработанныя земли, оставшіяся отъ надѣленія, возвращались иногда *прежнимъ хозяевамъ*; въ такомъ случаѣ, онѣ выходили изъ разряда земель, подлежащихъ уплатѣ пошлыны (*vestigales agri*) ¹⁰³).

Въ заключеніе слѣдуетъ отмѣтить одну характерную черту, что владѣльцы земель, подлежащихъ пошлынѣ, имѣли также въ *общемъ* обладаніи *пастбища* ¹⁰⁴); и такимъ образомъ, эта система землевладѣнія, основанная на *уплатѣ* государству пошлыны, была по своему строенію тождественной съ системами, возникшими изъ *заимки* и *надѣленія* землею.

XXIV. Такимъ образомъ, и согласно Гигину, въ основаніи системъ римскаго землевладѣнія, какъ необходимое условіе ихъ существованія, лежитъ *предварительное завоеваніе земли у непріятели*. Правда, Гигинъ не говоритъ, что тотъ же порядокъ земельныхъ отношеній имѣлъ мѣсто и въ римской древности, но онъ нигдѣ не сказалъ и обратнаго, чего можно было бы скорѣе ожидать отъ автора, трактующаго о земельныхъ отношеніяхъ, если бы въ римской старинѣ дѣйствительно существовало общинное или даже усадьное землевладѣніе. Принимая же во вниманіе свидѣтельство Флакка, что *древніе знали* систему надѣльнаго землевладѣнія, основанную на приобрѣтеніи и раздѣлѣ завоеванной земли (§ 5) и тождество земельныхъ порядковъ, какъ они описаны у Флакка и у Гигина ¹⁰⁵), мы вынуждены прійти къ заключе-

102) См. предыдущее примѣчаніе. Ср. *Hug.* 116, 23. *Sic.* 136, 20—137, 4.

103) *Hig.* 116, 18.

104) *Hig.* 116, 25—117, 4. См. примѣч. 75 и 88.

105) Любопытно отмѣтить нѣкоторыя подробности, сообщаемыя Гигиномъ о земельныхъ системахъ. Такъ, по Гигину, землею надѣлялись не только солдаты-ветераны, *но и прочіе граждане* (117, 12); раздѣлъ земли между надѣляемыми происходилъ въ интересъ уравненія путемъ метанія жеребья (*sortitio*) (113, 1—18); самый способъ жеребьевки представлялъ ту особенность, что одинъ жеребей опредѣ-

нію, что Гигинъ не дѣлаетъ ссылокъ на старину потому именно, что въ *своихъ основаніяхъ* система земельныхъ отношеній поздняго времени не отличалась по существу отъ системы древней. Полученный нами выводъ не является, конечно, доказательствомъ фактическаго характера, но это побуждаетъ насъ еще болѣе сосредоточить мысль въ направленіи изученія вопроса о возможности единства системъ землевладѣнія въ Римѣ исконномъ и позднѣйшемъ (см. ниже §§ 9, 10 и отдѣлъ IV: историки).

§ 9. Гигинъ Громатикъ и Фронтинъ: надѣленіе землею въ римской древности.

XXV. Третій писатель-землемѣръ, по имени также *Гигинъ*, но въ отличіе отъ своего однофамильца названный „Громатикомъ“, даетъ *положительныя* указанія на *единство системъ надѣльнаго землевладѣнія въ древнемъ и позднѣйшемъ Римѣ*.

Приступивъ къ изложенію вопроса о размежеваніи полей *древними*¹⁰⁶), Гигинъ Громатикъ прежде всего отмѣчаетъ тѣсную связь, существовавшую между надѣленіемъ землею *побѣдоносныхъ гражданъ и заслуженныхъ солдатъ* съ окончаніемъ войнъ и слѣдовавшимъ за этимъ *основаніемъ новыхъ городовъ*¹⁰⁷) и указываетъ на то, что наградою за военную

лялъ земельный участокъ не одного надѣляемаго, а *цѣлаго десятка*, почему всѣ надѣляемые предварительно раздѣлялись на десятки (*decugiae*): 113, 1—14 (ср. *Hug. Grom.* p. 200); при надѣленіи старались избѣгать *черезполосицы* (130, 3—7); во избѣжаніе споровъ производилось въ позднее время обмежеваніе надѣльныхъ участковъ (121, 7—24); кромѣ того, этой же цѣли предупрежденія споровъ служили официальные планы, составлявшіеся для земель надѣльныхъ, квесторскихъ и пошлинныхъ (131, 10—13; 125, 19—126, 2); *заимочныя земли*, какъ о томъ свидѣтельствовалъ и Флаккъ, не имѣли официальныхъ документовъ; эти земли давали, слѣдовательно, мѣсто многимъ спорамъ; впрочемъ, и земли пошлинныя вели также ко многимъ недоразумѣніямъ (132, 9).

106) *Hug. Grom.*, De limitibus constituendis (Lachm.), p. 175, 15: „*Quem admodum ab antiquis acti sint limites, tractare coepimus.* . .“

107) *Hug. Grom.* 176, 1: „*finitis ergo ampliorum bellorum operibus, augendae rei publicae causa illustres Romanorum uiri urbes constituerunt, quas aut uictoribus populi Romani ciuibus aut emeritis militibus adsignauerunt et ab agrorum noua dedicatione culturae colonias appellauerunt: uictoribus autem adsignatae coloniae his qui temporis causa arma acceperant*“.

службу *въ то время* служила земля¹⁰⁸). Такимъ образомъ, согласно этому писателю, побѣдоносное войско непосредственно переходило отъ войны къ землепашеству¹⁰⁹; оно выводилось на поля подъ своими знаменами, съ своими значками, и ему распредѣлялась земля сообразно роду военной службы¹¹⁰). Юлій Цезарь и Августъ выводили также своихъ солдатъ по окончаніи войнъ и дѣлали изъ нихъ колонистовъ-землепашцевъ¹¹¹). Но, повидимому, тотъ же порядокъ надѣленія войска землею примѣнялся и въ глубокой римской древности. Въ этомъ отношеніи Гигинъ Громатикъ даетъ цѣнное указаніе: онъ сообщаетъ, что и *цари и диктаторы „выводили города“*, территоріи и населеніе которыхъ въ послѣдствіи *увеличивалъ* Августъ, и что во многихъ мѣстахъ сохранились отъ этого времени *древніе* слѣды дѣленія земли¹¹²).

Такимъ образомъ, Гигинъ Громатикъ представляетъ себѣ старый римскій строй земельныхъ отношеній по существу такимъ же, какимъ онъ былъ и въ его время; ни объ общинной формѣ землевладѣнія, ни объ усадебномъ только

108) *Hyg. Grom.* 176, 7: „non enim tantum, militum incremento, rei publicae populus Romanus habuit: erat *tunc* praemium terra et pro emerito habebatur“.

109) *Hyg. Grom.* 176, 9: „multis legionibus contigit bella feliciter transigere et ad laboriosam agri culturae requiem primo tirocinii gradu peruenire“.

110) *Hyg. Grom.* 176, 11: „nam cum signis et aquila et primis ordinibus ac tribunis deducebantur, modus agri pro portione officii dabatur. ferunt quidam postea indictum modum belli, et expleta centesima hostium congressione ad colendarum deductos terrarum agros“.

111) *Hyg. Grom.* 177, 1—13.

112) *Hyg. Grom.* 177, 13: „Illas quoque urbes quae deductae a *regibus* aut *dictatoribus* fuerant, quas bellorum ciuiliu interuentus exhauserat, dato iterum coloniae nomine numero ciuium ampliavit, quasdam et finibus. ideoque multis regionibus *antiquae* mensurae actus in diuersum nouis limitibus inciditur: nam tetrantum ueterum lapides *adhuc* parent“.

Въ приведенномъ текстѣ заключаются указанія большой цѣнности, потому что Гигинъ Громатикъ не отличаетъ порядки вывода колоній или основанія городовъ исконной эпохи *царей* отъ болѣе поздней эпохи *диктаторовъ* и даже времени Августа (см. контекстъ) и тѣмъ самымъ указываетъ на тождество и единство этихъ порядковъ для древней и позднѣйшей римской исторіи; кромѣ того, что не менѣе цѣнно, Гигинъ сообщаетъ о слѣдахъ древняго надѣльнаго измѣренія, сохранившихся до его времени и является, такъ сказать, очевидцемъ и свидѣтелемъ существованія надѣльныхъ порядковъ въ далекой римской старинѣ.

надѣленіи землею онъ не говоритъ. Наоборотъ, и помимо того, что онъ не выдѣляетъ изъ системы своего изложенія древній выводъ колоній царями и диктаторами, — все его сочиненіе носитъ на себѣ признаки той мысли, что въ древнемъ и позднѣйшемъ Римѣ господствовала *одинаковая система* надѣльнаго землевладѣнія. Такъ, на примѣръ, происхожденіе землемѣрнаго искусства своего времени Гигинъ Громятикъ относитъ не къ какому либо опредѣленному моменту римской исторіи, но къ этрускамъ ¹¹³⁾; онъ сообщаетъ, далѣе, о постройкѣ *древними* городовъ, не дѣлая никакихъ ограниченій или оговорокъ въ отношеніи надѣленія землею ¹¹⁴⁾.

Все изложенное заставляеть, поэтому, невольно думать, что и этотъ писатель-землемѣръ, подобно первымъ двумъ, или не зналъ вовсе объ исконныхъ формахъ римскаго землевладѣнія, или, если зналъ (это скорѣе надо предположить), то представлялъ ихъ, себѣ одинаковыми для исконнаго и позднѣйшаго Рима.

XXVI. О томъ же основаніи римской надѣльной системы, заключающемся въ предварительномъ пріобрѣтеніи войною непріятельскихъ земель, говоритъ и еще одинъ агримензоръ *Фронтинъ*: землю надѣлялись, согласно этому писателю, *ветераны* ¹¹⁵⁾. При этомъ самое изложеніе трактата Фронтинна указываетъ на то, что и этотъ авторъ представляетъ себѣ систему надѣльнаго землевладѣнія въ ея существенныхъ чертахъ *одинаковой* для своего и для древняго времени. Это видно изъ того, что Фронтинъ, какъ и Гигинъ, считаетъ римскія *земельныя мѣры* происхожденія этрускаго, т. е. времени болѣе древняго, чѣмъ самый Римъ ¹¹⁶⁾ и также нерѣдко, при изложеніи современныхъ ему земельныхъ порядковъ, дѣлаеть *ссылки на старину* безъ того, чтобы отмѣтить какія-либо особенности ¹¹⁷⁾.

Но помимо всего этого общаго съ данными предыдущихъ писателей-землемѣровъ, Фронтинъ, какъ и Флаккъ, даетъ цѣнное указаніе на то, что въ глубокой римской ста-

113) *Hyg. Grom.* 166, 10, 12. *Front.* 27, 13.

114) *Hyg. Grom.* p. 178, 19—179, 3.

115) *Front.* (ed. Lachm.) 45, 7—9; 48, 21—22; 51, 18—52, 2; 53, 16—18.

116) *Front.* 27, 13: „limitum prima origo, sicut Varro descripsit, a disciplina Etrusca. . .“

117) *Front.* 5, 6—6, 4; 28, 5; 57, 8—11.

ринѣ существовалъ земельный надѣлъ и именно *въ два югера, называвшійся „жребіемъ“ (sors) и представлявшій изъ себя, по буквальному выраженію Фронтинъ, „поле“ (ager), а (добавимъ отъ себя) не огородную землю (hortus)*¹¹⁸⁾. При этомъ, земельный надѣлъ въ два югера Фронтинъ ставитъ въ связь съ образованіемъ *центурии* — мѣры измѣренія вообще полей, а не только огородной земли¹¹⁹⁾.

Объ общинномъ землевладѣніи пахотными полями или даже только объ усадебномъ надѣленіи землею въ римской старинѣ Фронтинъ, какъ и другіе агримензоры, ничего не говоритъ¹²⁰⁾.

XXVII. Прежде чѣмъ перейти къ изложенію общихъ результатовъ, полученныхъ отъ изученія сочиненій землемѣровъ (§ 10), необходимо остановить вниманіе еще на одномъ источникѣ, данныя котораго приобрѣтаютъ тѣмъ большее значеніе, что они стоятъ подъ покровомъ религіи и находятся въ связи съ древнѣйшимъ сакральнымъ способомъ дѣленія неба и земли на четыре части двумя перпендикулярно пересѣкающимися линіями. Источникъ этотъ настолько любопытенъ, что отрывокъ изъ него, относящійся къ нашему предмету изслѣдованія, мы приводимъ цѣликомъ:

„*Quare per aedes publicas in ingressus antiqui fecerunt crucem, antica, et postica? quia aruspices secundum aruspicium in duabus partibus orbem terrarum diuiserunt; una parte ab oriente in occidentem, alia a meridiano in septentrionem. ideoque si qui imperatorum aut consulum pugnantes terras adquisierunt nomini Romano et partiti sunt ueteranis aut militibus Romanis, et pro uoto suo dis templum aedificauerunt, ut sciretur a posteris quia adquisierant terras nomini Romano, secundum aruspicium signum fecerunt in aedes deorum suorum, ut scriberent antica et postica (Ex libris dolabellae въ Grom. vet. ed. Lachm. p. 303).*

118) *Front. 30, 12: „ex actibus conicio acnuam primum appellatum, . . . dictum fundum. hi duo fundi iuncti iugerum definiunt. deinde haec duo iugera iuncta in unum quadratum agrum efficiunt, quod sint in omnes partes actus bini, in hunc modum. quidam primum appellatum dicunt sortem, et centies ductum centuriam“.*

119) *Front. 30, 17 - 22.* См. предыдущее примѣчаніе.

120) Нѣтъ какихъ-либо указаній на общинно-пахотное землевладѣніе или на усадебный только надѣлъ и въ трактатахъ еще двухъ землемѣровъ: *Agemii Urbici de controuersiis agrorum* (ed. Lachm. p. 59) и *Marci Iuni Nipsi* (ed. Lachm. p. 285).

Такимъ образомъ, уже въ древнее время полководцы и консулы, завоеывая у непріятели земли, *дѣлили ихъ солдатамъ и ветеранамъ* и воздвигали, согласно своимъ обѣтамъ, храмы, дабы знали будущіе роды о величїи римскаго имени. Раздѣлъ завоеванной земли воинамъ восходитъ, слѣдовательно, къ глубокой римской старинѣ и стоитъ въ явномъ противорѣчїи съ теорїей общиннаго землевладѣнія и усадебнаго только надѣленія землею въ древнемъ Римѣ. Наоборотъ, свидѣтельство этого источника стоитъ въ полной гармонїи съ представленїями Сикюла Флакка, Гигина Громатика и другихъ землемѣровъ о томъ, что воинское надѣленіе землею есть древнѣйшїй институтъ Рима. Въ особенности слѣдуетъ здѣсь напомнить то мѣсто изъ Гигина Громатика, гдѣ этотъ землемѣръ говоритъ, что „выводили города“ въ древности *цари и диктаторы*, и что слѣды межеванія ими надѣльной земли сохранились въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ до его времени (см. стр. 35).

§ 10. Общїе результаты изученїя сочиненїй землемѣровъ. Колонїальныя книги (*Libri coloniarum*) и аграрный законъ 643 г. отъ основанїя Рима (*Lex agraria*).

XXVIII. Изученїе трактатовъ агримензоровъ приводитъ въ концѣ концовъ къ слѣдующимъ положенїямъ :

1. Если оставить въ сторонѣ квесторскїя земли, то въ римской жизни дѣйствовали три основныя *системы землевладѣнія*: а) *надѣльная*, б) *заимочная* и в) *помѣстная или арендная*.

2. При господствѣ этихъ системъ землевладѣнія *угодья лѣсныя и пастбищныя* по общему правилу состояли въ *общемъ обладанїи*; земля же *пахотная* составляла, наоборотъ, предметъ *частнаго, индивидуальнаго владѣнія*.

3. Въ основанїи всѣхъ системъ землевладѣнія лежало *завоеванїе земли*, какъ *необходимое, жизненное условїе ихъ возникновенїя*.

4. Въ связи съ капитальнымъ значенїемъ въ римскомъ земельномъ строѣ *завоеванїя земли* находился первостепенной важности фактъ *солдатскаго или воинскаго землевладѣнія*, лежавшїй въ основанїи *надѣльной римской системы*. По общему правилу надѣлялся завоеванной землей *солдатъ-побѣдитель*, переходившїй отъ *оружїя къ плугу*.

5. *Займочное* землевладѣніе, представлявшее изъ себя противоположность землевладѣнію *надѣльному*, такъ какъ въ его основаніи лежалъ *трудъ* не *война*, а *земледѣльца, рабочаго человека*, играло, однако, *немаловажную роль* въ римскомъ государственномъ хозяйствѣ. Если земли годныя для культуры, обработанныя можно было *приобрѣсть* у *непріятеля оружіемъ*, то земли дикія, *невоздѣланныя* необходимо было „*приобрѣсть*“ не только оружіемъ, а еще и *плугомъ* ¹²¹⁾.

Съ положеніями, отмѣченными цифрами 4 и 5, согласуются воплнѣ данныя Колоніальныхъ книгъ и аграрнаго закона 643 г. отъ основанія Рима.

XXIX. *Колоніальныя книги* ¹²²⁾ говорятъ краснорѣчиво и убѣдительно, что надѣльное землевладѣніе было *солдатскимъ* или *воинскимъ*. Онѣ буквально испещрены указаніями на основаніе колоній изъ солдатъ и ветерановъ ¹²³⁾. Нѣтъ основаній думать, что седьмое, восьмое и девятое столѣтія отъ основанія Рима, къ которымъ относятся эти указанія, представляли изъ себя что-либо особенное сравнительно съ древнимъ временемъ. Наоборотъ, тотъ фактъ, что основаніе колоній изъ солдатъ и ветерановъ совпадаетъ съ эпохой созданія и первоначальнаго роста новаго римскаго строя принципата, говоритъ лишь объ умѣлой политикѣ принципсовъ, съумѣвшихъ укрѣпить старыми сред-

121) Слѣдуетъ, однако, оговориться, что на практикѣ римляне не ограничивались займкою невоздѣланныхъ земель; такъ, напримѣръ, отрѣзные участки, представлявшіе изъ себя и землю обработанную (см. стр. 29), случалось, захватывались отдѣльными лицами (*Gromat. veteres*. Ed. Lachm. p. 398, 4; p. 284, 1—7). Вообще, займка государственныхъ земель въ недозволенныхъ границъ — обычное явленіе въ Римѣ; иногда государство пытается установить предѣлы займочнаго землевладѣнія: см. примѣч. 135; ср. примѣч. 136.

122) *Grom. vet.* ed. Lachm. p. 209.

123) *Lib. col.* p. 211, 14, 18; p. 213, 12; p. 214, 12; p. 216, 5, 13; p. 220, 8; p. 221, 15; p. 224, 12; p. 227, 9; p. 229, 1, 17, 23; p. 230, 14, 17, 20; p. 231, 7, 8, 12, 15; p. 232, 2, 8, 12, 17, 18; p. 233, 5, 8, 11, 17; p. 234, 9, 15, 19; p. 235, 3, 6, 10; 236, 1, 5, 13, 19; p. 237, 6, 9, 19; p. 238, 7, 21; p. 242, 7, 15. Cf. p. 244, 5—15; p. 246, 23; p. 252, 25; p. 259, 17.

Необходимо обратить вниманіе еще на слѣдующія мѣста: *Grom. vet.* Ed. Lachm. p. 176—178; p. 304; p. 395, 396.

Такимъ образомъ, существованіе въ римской жизни *воинскаго* землевладѣнія устанавливается довольно прочно уже на основаніи изученія только данныхъ писателей-землемѣровъ и Колоніальныхъ книгъ.

ствами новый порядокъ вещей и привязать къ себѣ земледѣльческій слой народа путемъ созданія въ это время многихъ колоній изъ земледѣльцевъ-солдатъ.

Въ частности, на основаніи Колоніальныхъ книгъ устанавливаются нѣкоторыя подробности воинскаго надѣленія:

1. Солдаты могли надѣляться землей и прежде ея завоеванія ¹²⁴⁾.

2. Солдаты надѣлялись землей *обработанной или годной для сельско-хозяйственной культуры* ¹²⁵⁾.

3. Солдатской *заслугой* опредѣлялась величина надѣльнаго участка ¹²⁶⁾.

4. Надѣленіе солдатъ землей было возможно и безъ раздѣла ея на центуриі ¹²⁷⁾.

5. „Наслѣдственные земли“, занятыя прежде народомъ, случалось, оставлялись за нимъ и при надѣленіи солдатъ ¹²⁸⁾.

124) *Lib. col.* p. 220, 8: „Colonia Veios prius quam oppugnaretur, ager eius militibus est adsignatus ex lege Iulia“.

125) Въ Колоніальныхъ книгахъ мы встрѣчаемъ выраженія: „ubi cultura“ (p. 225, 16; p. 236, 15; p. 254, 27; p. 257, 20; p. 259, 2) и „pro parte cultu“ (p. 236, 20).

126) Колоніальныя книги употребляютъ терминъ: „pro merito“ (p. 232, 2, 12, 21; p. 233, 2). Что касается, въ частности, *надѣльной мѣры*, то она, согласно Колоніальнымъ книгамъ, колебалась отъ 25 до 60 югеровъ на солдата. См. *Lib. col.* p. 214, 14: „in quibus centuriis unus quisque miles accepit XXV et L et XXXV et LX“. *Lib. col.* p. 218, 9: „Campi Tiberiani in iugeribus uicenis quinque sunt adsignati a Tiberio Caesare“. Cf. *Hug. Grom.* p. 200, 3–6; p. 201, 1–6: солдатскій надѣлъ равняется $66 \frac{2}{3}$ югерамъ; ср. еще *Marci Iuni Nipsi* (ed. Lachm.) p. 295, 6. См. также *T. Liv.* XXXV, 9, 8; XXXV, 40, 6; XXXVII, 57, 8; XL, 34, 2; согласно даннымъ Ливія, надѣлъ на пѣхотинца колебался между 15 и 50 югерами; ср. у насъ очеркъ третій, таблица III. Свѣдѣнія о величинѣ солдатскихъ надѣловъ относятся у Ливія ко второй половинѣ 6 вѣка о. о. Рима. Такимъ образомъ, на основаніи всѣхъ перечисленныхъ источниковъ солдатскій надѣлъ колебался для 6–9 столѣтій о. о. Рима *между 15 и $66 \frac{2}{3}$ югерами*. О причинахъ увеличенія солдатскаго надѣла въ это время сравнительно съ древней эпохой, когда надѣлъ равнялся 2 и 7 югерамъ, см. очеркъ третій, XXIV.

127) Такое надѣленіе землей безъ предварительнаго ея раздѣла на центуриі носитъ техническое названіе надѣленія „in nominibus“: *Lib. col.* p. 238, 5, 8, 18; p. 239, 2, 6, 12; cf. p. 228, 5. Ср. еще *Sic.* p. 154, 9–12; p. 160, 14–22.

128) *Lib. col.* p. 257, 21: „et multa loca hereditaria accepit eorum populus“. Cf. p. 258, 7; p. 259, 4, 10.

XXX. Что касается *заимочнаго* землевладѣнія, то данныя Колоніальныхъ книгъ не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что эта система земельного обладанія была довольно широко распространена въ жизни. Согласно этимъ книгамъ, устанавливается тотъ въ высшей степени любопытный фактъ, что даже цѣлыя городскія поселенія возникли путемъ простой заимки земель¹²⁹⁾.

Характерныя черты этого рода заимочнаго землевладѣнія слѣдующія:

1. Заимочныя земли могли быть въ послѣдствіи „назначены“ [ассигнованы]¹³⁰⁾ лицамъ, занявшимъ ихъ¹³¹⁾.

2. Надѣльная мѣра могла равняться при этомъ количеству занятой каждымъ лицомъ земли¹³²⁾.

3. Лицами, занимавшими земли, были въ большинствѣ случаевъ, указанныхъ Колоніальными книгами, *солдаты*¹³³⁾. Такимъ образомъ, воинское землевладѣніе является характернымъ и для заимочной системы.

О господствѣ у римлянъ заимочнаго землевладѣнія говоритъ еще съ неменьшею убѣдительностью одинъ *аграрный законъ* 643 г. отъ основанія Рима.

Въ этомъ законѣ неоднократно говорится о старозаимочномъ землевладѣніи¹³⁴⁾, проводится разграниченіе между

129) *Lib. col.* p. 211, 6; p. 231, 11; p. 232, 20 — 233, 4; p. 234, 15; p. 236, 22; p. 238, 1; p. 261, 24. Cf. p. 240, 17; p. 242, 3. См. I, прим. 200. Совершенно понятно становится отсюда, почему и писатели-землемѣры удѣлили такъ много мѣста въ своихъ сочиненіяхъ заимочнымъ землямъ.

130) *Lib. col.* p. 211, 6: „cetera autem prout quis occupavit postiore tempore censita sunt et ei possidenti adsignata, ab imp. Vespasiano censita ex iussione“. См. еще *Lib. col.* p. 233, 4; p. 261, 24.

131) *Lib. col.* p. 211, 6; p. 231, 12; p. 261, 24.

132) *Lib. col.* p. 211, 6: „... prout quisque occupavit...“ (см. примѣч. 130). См. еще *Lib. col.* p. 231, 12; 233, 1; p. 261, 24. Съ сказаннымъ слѣдуетъ сопоставить характерное выраженіе Колоніальныхъ книгъ: „*agrum eius ex occupatione milites ueterani tenuerunt in sorte*“ (p. 231, 12).

133) *Lib. col.* p. 231, 12; p. 233, 1; p. 234, 16; 238, 1. Заимочными землями владѣли и храмы: *Lib. col.* p. 236, 22.

134) Текстъ аграрнаго закона 643 г. о. о. Рима помѣщенъ у *P. Girard'a* въ его „*Textes de droit romain*“ (Paris 1903) p. 45 и слѣд. У него же тамъ даны указанія и на литературу, относящуюся къ этому закону. Мы не входимъ здѣсь въ подробное изученіе всего аграрнаго закона и ограничиваемся тѣми небольшими ссылками на него, поскольку онѣ требуются въ интересахъ даннаго изслѣдованія. О старо-

заимочными землями и публичными или государственными, запрещается заимка этих послѣднихъ земель на будущее время ¹³⁵), и, кромѣ того, санкционируется опредѣленный размѣръ частнаго землевладѣнія въ 30 югеровъ заимочной земли ¹³⁶).

XXXI. Чтобы покончить съ вопросомъ объ усадебномъ надѣлѣ и общинномъ землевладѣніи въ представленіяхъ писателей-землемѣровъ, намъ остается сказать, что системы землевладѣнія, какъ онѣ отчетливо изображены въ правилахъ межеванія у агримензоровъ и демонстрированы въ Колоніальныхъ книгахъ, отчасти и въ аграрномъ законѣ 643 г. отъ основ. Рима, — являются не созданными въ эпоху землемѣровъ, но предполагаются ими, въ существенныхъ чертахъ, какъ древнеримскія, исконныя. При изложеніи современныхъ агримензоровъ порядковъ земельныхъ отношеній, они путемъ ссылокъ на римскую старину указываютъ на тождество системъ землевладѣнія въ свое и древнее время. При этомъ, нѣкоторые изъ агримензоровъ опредѣляютъ размѣръ древняго надѣла въ два югера земли и ставятъ его въ связь съ образованіемъ земельной мѣры центурии.

Возникаетъ вопросъ, если дѣйствительно римскіе писатели-агримензоры представляютъ себѣ и древній, и современный имъ земельный строй тождественнымъ, разумѣется, въ главныхъ основаніяхъ, то означаетъ ли это непрѣмнно вмѣстѣ съ тѣмъ, что и самый древній, или, лучше сказать, *исконный* порядокъ земельныхъ отношеній въ Римѣ былъ такимъ же? Иными словами, вопросъ сводится къ тому: понятіе о римской древности у агримензоровъ заключало ли въ себѣ моментъ первоначальной жизни Рима? Общій характеръ изложенія трактатовъ агримензоровъ заставляеть

заимочномъ землевладѣніи см., на примѣръ, слѣдующія мѣста аграрнаго закона: 2, 13, 16, 21, въ которыхъ рѣчь идетъ о „vetus possessor“.

135) *Lex agr.* 24, 25: „*Ager locus quei supra scriptus est, quod ejus agrei loci post h(ance) l(egem) rog(atam) publicum populei Romanei erit, extra eum agrum locum, quei publice usui destinatus est vel publice locatus est, in eo agro quei volet pascito . . . || . . . neive is ager compascuos esto, neive quis in eo agro agrum occupatum habeto neive defendito, quo minus quei velit compascere liceat*“.

136) *Lex. agr.* 14: „*agri colendi causa in eum agrum agri jugra non amplius XXX possidebit habebitve: is ager privatus esto*“. Такимъ образомъ, размѣръ заимочнаго участка опредѣлялся въ 30 югеровъ, — мѣра въ среднемъ близкая къ размѣру воинскаго надѣла: см. примѣч. 126.

отвѣтить утвердительно; кромѣ того, нѣтъ никакихъ внутреннихъ основаній придавать ссылкамъ агримензоровъ на древность узкій смыслъ не всей римской старины, а съ исключеніемъ изъ нея первоначальныхъ моментовъ жизни римскаго народа. Тѣмъ не менѣе, основывать прочный выводъ на данныхъ только агримензоровъ по такому трудному и сложному вопросу, какъ объ *исконныхъ* формахъ землевладѣнія въ Римѣ, будетъ все-же нѣсколько рискованнымъ. Для наибольшей убѣдительности слѣдуетъ, поэтому, обратиться къ другимъ писателямъ римской древности и провѣрить по ихъ даннымъ правильность основной мысли о единствѣ формъ земельного обладанія въ исконномъ и позднѣйшемъ Римѣ. При этомъ, наилучшимъ критеріемъ для сужденія о тождествѣ земельныхъ порядковъ въ самое древнее и болѣе позднѣе время послужить *единство основаній ихъ возникновенія*. Мы видѣли, что такими основаніями были, согласно агримензорамъ, *завоеваніе земли и надѣленіе солдата-побѣдителя этою землею*. Отсюда слѣдуетъ, что, если въ исконномъ Римѣ существовали и дѣйствовали тѣ же самыя *основанія* земельного строя, что и въ Римѣ позднѣйшемъ, то и системы землевладѣнія въ своихъ главныхъ и существенныхъ чертахъ должны были быть также одинаковыми для всего этого времени, какъ покоющіяся на одномъ и томъ же краеугольномъ камнѣ жизни.

При этомъ, необходимо замѣтить, что предметомъ дальнѣйшаго изложенія будутъ опять *представленія* самихъ древнихъ писателей о первоначальной жизни римскаго народа и распредѣленіи имъ земли.

IV.

Историки.

§ 11. Титъ Ливій.

XXXII. Изъ древнихъ авторовъ, писавшихъ по римской исторіи, остановимся прежде всего на Титѣ Ливіѣ¹³⁷⁾ и посмо-

137) Римскій историкъ Титъ Ливій родился въ 59 г. до Р. Хр., ум. въ 17 г. по Р. Хр. Свою „Римскую исторію“ онъ началъ писать между 27 и 25 гг. до Р. Хр. и въ этой работѣ пользовался готовыми посо-

тримъ, какъ онъ представлялъ себѣ исконный римскій строй въ его главныхъ жизненныхъ основаніяхъ.

Совершенно понятно, что для насъ не могутъ имѣть значенія нападки, дѣлаемая въ современной литературѣ на Ливія, въ смыслѣ нѣкотораго недовѣрія къ его исторіи, разъ предметомъ нашего изслѣдованія является представленіе самого писателя объ аграрной старинѣ, поскольку и какъ она отразилась въ его сочиненіи.

Въ исторіи Тита Ливія о первыхъ моментахъ существованія Рима красною нитью проходитъ одна основная мысль о постепенномъ ростѣ города за счетъ разнообразнаго населенія, живущаго въ той мѣстности. Различіе состава римскаго населенія было явленіемъ исконнымъ¹³⁸⁾; оно же положило основаніе могуществу Рима и въ дальнѣйшей его исторіи. Въ этомъ отношеніи, въ особенности, обращаетъ на себя вниманіе то мѣсто изъ Ливія, гдѣ онъ говоритъ, что Ромуль въ цѣляхъ заселенія только что построеннаго имъ города прибѣгъ къ *старинному способу основателей городовъ*, которые открывали убѣжища, чтобы привлечь въ городъ темную и низкую толпу. Слѣдуя этому примѣру, Ромуль открылъ *убѣжище* (asylum)¹³⁹⁾, куда устремились во множествѣ изъ сосѣднихъ городовъ и свободные и рабы¹⁴⁰⁾. Ясно, что Римъ, какъ принадлежащій къ разряду древнихъ городовъ, возникшихъ, по представленію Ливія, съ помощью „убѣжища“, имѣлъ въ своихъ стѣнахъ населеніе, бѣжавшее изъ сосѣднихъ мѣстностей и состоящее отчасти изъ бѣглыхъ рабовъ; понятно также, что онъ пользовался, поэтому, презрѣніемъ окружавшихъ его народовъ¹⁴¹⁾. Съ

біями, трудами такъ называемыхъ анналистовъ для древняго времени. Такимъ образомъ, въ передачѣ Ливіемъ своихъ представленій о начальныхъ земельныхъ порядкахъ Рима слѣдуетъ видѣть указанія вмѣстѣ съ тѣмъ и на представленія объ этомъ предметѣ болѣе древнихъ авторовъ, чѣмъ Ливій.

138) *Liv.* I, 8, 1. Ср. *Plut. Rom.*, 9.

139) *Liv.* I, 8, 5: „deinde, ne vana urbis magnitudo esset, allicientiae multitudinis causa, vetere consilio condentium urbes, qui obscuram atque humilem conciendo ad se multitudinem natam e terra sibi prolem ementiebantur, locum qui nunc saeptus descendentibus inter duos lucos est, asylum aperit“. Ср. *Liv.* I, 9, 3.

140) *Liv.* I, 8, 6. Ср. *Plut.*, *Rom.* 9.

141) *Liv.* I, 9, 2—6.

другой стороны, не менѣе понятно и то, что городъ, возникшій, такъ сказать, путемъ самопроизвольнаго зарожденія, могъ опираться въ своемъ существованіи только на собственную силу ¹⁴²⁾ и былъ занятъ постоянными войнами ¹⁴³⁾. Въ этомъ отношеніи древній Римъ представлялъ изъ себя скорѣе *воинскій лагерь (castra)*, чѣмъ *городъ*; такъ дѣйствительно и смотрѣли на него окружающіе народы ¹⁴⁴⁾.

Въ такомъ видѣ передаетъ Ливій о зарожденіи Рима — „*города*, возникшаго съ помощью *убѣжища*“; онъ не настаиваетъ на безусловной достовѣрности во всѣхъ подробностяхъ такого происхожденія Рима, въ особенности, чудеснаго и божественнаго элемента его возникновенія, но онъ и не опровергаетъ того преданія, которое сохранилось до него о первоначальныхъ временахъ Рима ¹⁴⁵⁾.

Возникаетъ вопросъ: чему наиболѣе соотвѣтствуетъ такое происхожденіе Рима: общинному землевладѣнію или индивидуальному? Чуждые другъ другу люди, собравшіеся съ разныхъ сторонъ, одиночки, способные образовать только въ будущемъ роды, такіе люди, надо думать, не были склонны къ общинному хозяйству.

XXXIII. Путемъ сліянія разнородной массы людей въ одно цѣлое выросталъ и крѣпкъ Римъ также въ дальнѣйшей своей исторіи: побѣждая народы и переселяя ихъ частями къ себѣ, онъ увеличивалъ свое могущество ¹⁴⁶⁾. Одновременно съ этимъ шло расширеніе и его территоріи ¹⁴⁷⁾.

Такимъ образомъ, „*завоеваніе*“ представляетъ изъ себя основу или, лучше сказать, фундаментъ, на которомъ воздвигается съ самыхъ первоначальныхъ временъ величественное зданіе римскаго государства. вмѣстѣ съ тѣмъ легко объясняется, почему Ливій, говоря о требованіи плебса передѣлать завоеванныя земли, замѣчаетъ отъ себя, что передѣлъ грозилъ

142) *Liv.* I, 19, 1.

143) *Liv.* I, 19, 2. Ср. *Plut.*, Numa 8. *Cic. de re pub. lib.* II, 13; — II, 14.

144) *Liv.* I, 21, 2: „... tum finitimi etiam populi, qui antea castra, non urbem positam in medio ad sollicitandam omnium pacem crediderant“...

145) *Liv. Praef.*, 6—7. Cf. *Liv.* I, 3, 2; — I, 16, 4.

146) *Liv.* I, 11; — I, 28; — I, 33. Ср. *Dion.* II, 50; II, 55. *Plut. Rom.* 15; — 17; — 24. *Cic. de re pub.* II, 18.

147) *Liv.* I, 15; — I, 33. Ср. *Dion.* II, 35; II, 50; II, 53; II, 54; II, 55; V, 49. *Plut. Rom.* 25; *Plut. Numa*, 16. *Liv.* II, 41; VIII, 1; VIII, 14.

патриціямъ потерю ихъ владѣній, такъ какъ Римъ почти не имѣлъ земли, которая не была бы завоевана народомъ ¹⁴⁸). Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что Ливій своей передачей традиціи о возникновеніи Рима и его первоначальномъ существованіи констатируетъ „начало завоеванія“, которое, какъ мы видѣли раньше, является основаніемъ системъ римскаго землевладѣнія.

Что касается самаго надѣленія завоеванной землей, то о правѣ на нее солдата-завоевателя Ливій свидѣтельствуетъ неоднократно, возводя такое надѣленіе даже въ принципъ справедливости ¹⁴⁹).

Наконецъ, Ливій даетъ указанія и на то, что размѣръ земельного надѣла отдѣльнаго „мужа“ (*viritim*) равнялся двумъ югерамъ ¹⁵⁰).

Такимъ образомъ, не входя здѣсь въ подробный разборъ всѣхъ данныхъ Ливія о древнемъ римскомъ землевладѣніи, мы находимъ, однако, у него подтвержденіе той основной мысли, что завоеваніе земли и распределеніе ея между завоевателями было явленіемъ общимъ какъ для первоначальнаго, такъ и для позднѣйшаго Рима, и что нѣтъ, поэтому, основаній ссылкамъ агримензоровъ на римскую старину придавать значеніе, такъ сказать, какой-то „уръзанной древности“.

§ 12. Діонисій Галикарнасскій и Плутархъ.

XXXIV. Но если Титъ Ливій не сообщаетъ о конкретныхъ случаяхъ надѣленія *солдатъ-побѣдителей* завоеванной землей въ періодъ самой первоначальной римской древности, то другой писатель, по происхожденію грекъ, *Діонисій Галикарнасскій* даетъ и этому примѣры.

Такъ, легендарные цари Ромулъ и Тацій, побѣдивъ камеринянъ, раздѣлили своимъ гражданамъ все принадлежащее побѣжденнымъ и предоставили послѣднимъ право переселиться въ Римъ. Переселившихся около четырехъ тысячъ камеринянъ цари расписали по куріямъ, а городъ ихъ, бывший еще

¹⁴⁸) *Liv.* IV, 48, 3: „*nec enim ferme quicumque agri, ut in urbe alieno solo posita, non armis partum erat, nec, quod venisset assignatumve publice esset, praeterquam plebs habebat*“. Ср. *Plut.* Numa, 16.

¹⁴⁹) *Liv.* II, 24, 2; — V, 20, 6; — X, 17, 5. См. у насъ очеркъ третій, XXXI.

¹⁵⁰) *Liv.* VI, 36, 11. Ср. *Liv.* IV, 47, 7: — IV, 49, 6; — VI, 16, 6; — VIII, 11, 14.

до основанія Рима поселеніемъ альбанцевъ, обратили въ римскую колонію ¹⁵¹⁾. Позднѣе, Ромуль одинъ беретъ Фидены и часть принадлежащей этому городу земли дѣлится между своими (солдатами); самый же городъ обращаетъ въ римскую колонію; раньше въ немъ жили колонисты Альбы ¹⁵²⁾.

Въ обоихъ случаяхъ надѣленіе завоеванною землею слѣдовало непосредственно за побѣдой надъ непріателемъ; а что надѣлялись землею именно *солдаты-побѣдители*, это съ ясностью слѣдуетъ изъ другого мѣста Діонисія, гдѣ онъ говоритъ о значительной части плебса, *неучаствовавшей въ войнахъ Ромула и оставшейся, поэтому, безъ земельного надѣла* ¹⁵³⁾.

Такимъ образомъ, эти свидѣтельства Діонисія, заимствованныя имъ, разумѣется, изъ римскаго преданія, говорятъ опредѣленно о тѣхъ же самыхъ основаніяхъ земельных системъ Рима, что и агримензоры: *о завоеваніи земли и о надѣленіи ею солдатъ-побѣдителей*. Данныя преданія, сообщаемыя Діонисіемъ, имѣютъ лишь то особое преимущество въ сравненіи съ агримензорскими, что они непосредственно относятся къ *исконной* римской старинѣ.

Ко всему сказанному слѣдуетъ добавить, что завоевываемыя легендарными царями территории, конечно, не были исключительно усадебной землей; а такъ какъ именно онѣ и шли въ надѣлъ солдатамъ, то, слѣдовательно, нѣтъ основаній считать римскій исконный надѣлъ усадебнымъ и предполагать рядомъ съ нимъ еще общинное землевладѣніе пахотными полями ¹⁵⁴⁾.

XXXV. Несмотря, однако, на то, что Діонисій устанавливаетъ завоеваніе земли и распредѣленіе ея между завоевавшими, какъ исконное начало римской древности, возможны все-же возраженія противъ его свидѣтельства въ смыслѣ достовѣрности самого источника. Въ римской историко-юридической литературѣ встрѣчается скептическое отношеніе къ Діонисію ¹⁵⁵⁾, и съ этой стороны, пожалуй, слѣдуетъ срав-

151) *Dion.* II, 50. Ср. — II, 54.

152) *Dion.* II, 53. Ср. — II, 54.

153) *Dion.* II, 62. Ср. I, прим. 164.

154) См. *Dion.* II, 50; — II, 54.

155) На критикѣ Діонисія, какъ источника нашихъ познаній о римской жизни, мы не останавливаемся, т. к. изслѣдуемъ „представленія“ Діонисія.

нить данныя Діонисія съ указаніями другого писателя, также, правда, грека, но челоувѣка, пользовавшагося большимъ почетомъ какъ у грековъ, такъ и у римлянъ за прекрасное, многостороннее образованіе ¹⁵⁶).

По преданію, передаваемому Плутархомъ, первоначальный составъ населенія Рима былъ также разнороднымъ ¹⁵⁷); при этомъ, увеличеніе народонаселенія шло тѣмъ же путемъ переселенія побѣжденнаго непріятели въ городъ побѣдителя ¹⁵⁸). Плутархъ сообщаетъ, далѣе, что и при Ромулѣ надѣленіе землею слѣдовало за ея завоеваніемъ ¹⁵⁹), и что ея надѣлялись *солдаты* ¹⁶⁰). Любопытно при этомъ и то, что иногда количество выселявшихся гражданъ изъ Рима соотвѣтствовало такому же числу переселявшагося въ Римъ побѣжденнаго непріятели ¹⁶¹); тамъ, въ завоеванной странѣ, римскіе коло-

156) Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что и Плутархъ и Діонисій передаютъ не свое, ими выдуманное, а взятое посредственно или непосредственно изъ работъ анналистовъ. Съ этой стороны, независимо отъ довѣрія или недовѣрія къ тому или другому писателю важно единство традиціи, съ которымъ мы встрѣчаемся въ дошедшихъ до насъ сочиненіяхъ древнихъ авторовъ.

157) *Plut. Rom.* 9.

158) *Plut. Rom.* 16: „οὐ μὴν ἠδίκησε τοὺς ἐγκαταληφθέντας, ἀλλ' ἢ τὰς οἰκίας ἐκέλευσε καθελόντας ἀκολουθεῖν εἰς Ῥώμην, ὡς πολίτας ἐπὶ τοῖς ἴσοις ἕσομένους. Τοῦτου μὲν οὖν οὐκ ἔστιν ὃ τι μᾶλλον ἠβέησε τὴν Ῥώμην, ἀεὶ προσποιούσαν ἑαυτῇ καὶ συννέμουσαν ὡν κρατήσειεν.“ Ср. *Plut. Rom.* 17.

159) *Plut. Rom.* 17; — 23; — 24.

160) *Plut. Rom.* 27: „Καὶ τᾶλλα μὲν ἦν ἐλάττονα, τῆς δὲ γῆς τὴν δορυκτητῶν αὐτοῦ ἀφ' ἑαυτοῦ δασάμενος τοῖς στρατιώταις . . .“ Въ этомъ текстѣ рѣчь идетъ объ одномъ изъ обвиненій Ромула патриціями въ томъ, что онъ управлялъ государственными дѣлами самостоятельно и, въ частности, не испрашивая ихъ согласія, *раздавалъ завоеванныя земли солдатамъ*. Такимъ образомъ, въ этомъ текстѣ Плутарха мы имѣемъ *общее указаніе* на дѣятельность Ромула по надѣленію имъ солдатъ завоеванной землей. Любопытно, что это свидѣтельство Плутарха вполне согласуется съ извѣстнымъ уже намъ указаніемъ Діонисія (см. стр. 47) на то, что послѣ смерти Ромула остались обдѣленными тѣ римскіе граждане, которые не принимали участія въ войнахъ Ромула. Важно въ этихъ данныхъ Діонисія и Плутарха именно то, что оба они говорятъ о римскомъ преданіи, т. е., о томъ, какъ сами древніе римляне представляли себѣ исконную римскую старину. Эти представленія, независимо отъ того, существовали или нѣтъ на самомъ дѣлѣ Ромуль, показываютъ намъ, что древніе римляне считали возможнымъ понимать аграрную римскую старину такъ же, какъ о ней говорили и *агримензоры* (см. въ этомъ очеркѣ отдѣлъ III).

161) *Plut. Rom.* 24.

нисты получали въ надѣлъ земли выселенныхъ въ Римъ и устраивались въ ихъ жилищахъ ¹⁶²⁾. Побѣжденный народъ не былъ выселяемъ весь; оправившись съ теченіемъ времени и воспользовавшись удобнымъ случаемъ, онъ возставалъ, изгонялъ и умерщвлялъ римскихъ колонистовъ ¹⁶³⁾. Отсюда видно, что завоеваніе земли, надѣленіе ею завоевателя и охрана имъ пріобрѣтеннаго такимъ образомъ надѣла принадлежатъ къ исконнымъ и основнымъ учрежденіямъ Рима. Эти учрежденія, проникнутыя духомъ индивидуализма, стоятъ въ полномъ противорѣчій съ общиннымъ землевладѣніемъ.

XXXVI. Надѣленіе солдата завоеванной землей не составляло, однако, единственную и исключительную форму надѣльнаго землевладѣнія въ исконномъ Римѣ; рядомъ съ нарѣзкою воинскихъ участковъ тамъ возможно было надѣленіе землею бѣдныхъ гражданъ независимо отъ того, являлись ли они солдатами или нѣтъ. Такъ, о надѣльномъ землевладѣніи прежде безземельныхъ гражданъ свидѣтельствуешь Плутархъ, когда онъ сообщаетъ о раздѣлѣ Нумою неимущимъ гражданамъ земель, завоеванныхъ его предшественникомъ Ромуломъ ¹⁶⁴⁾. Вообще, вся дѣятельность Нумы, согласно Плутарху, была направлена на поднятіе земледѣлія въ цѣляхъ культурнаго преуспѣянія Рима; поэтому Нума, въ противоположность Ромулу, не ведетъ войнъ съ сосѣдями, а заботится создать изъ римлянъ, привыкшихъ къ войнамъ, прочный классъ земледѣльцевъ и поставить работу ихъ подъ государственный контроль ¹⁶⁵⁾. Въ связи съ этимъ понятно, далѣе, почему Нума раздѣлилъ земли, завоеванныя Ромуломъ, бѣднымъ гражданамъ, грозившимъ своимъ беспокойствомъ существованію Рима, и раздѣлилъ земли, не только оставшіяся отъ Ромула свободными, но, какъ свидѣтельствуешь Діонисій ¹⁶⁶⁾, и часть государственныхъ земель.

162) *Plut. Rom.* 25. Собственно говоря, въ данной главѣ рѣчь идетъ о требованіи веіентовъ возвратитъ имъ назадъ занятыя римлянами жилища и земли. Ср. *Plut. Rom.* 23.

163) *Plut.*, *Rom.* 25; ср. — 23.

164) *Plut. Numa*, 16: „Ὁὐ μὴν οὐδὲ ἦν θαφιλῆς χώρα τῇ πόλει κατ' ἀρχάς, ἀλλὰ τὴν πολλὴν αἰχμῇ προσεκτήσατο Ῥωμύλος· καὶ ταύτην πᾶσαν ὁ Νουμᾶς διένευμε, τοῖς ἀπόροις τῶν πολιτῶν, ὡς ἀνάγκην ἀδικίας ἀφαιρῶν τὴν ἀπορίαν, καὶ τρέπων ἐπὶ γεωργίαν τὸν δῆμον ἀμα τῇ χώρᾳ συνεξημερούμενον.“ Ср. *Dion.* III, 1, 48; — IV, 10, 13.

165) *Plut. Numa*, 16.

166) *Dionys* II, 62.

Наконецъ, Плутархъ въ одномъ случаѣ даетъ указаніе на величину римскаго исконнаго надѣла въ *два югера земли* ¹⁶⁷⁾.

Такимъ образомъ, и у Плутарха нѣтъ указаній на то, что въ древнѣйшемъ Римѣ существовало надѣленіе лишь усадебной землей, а пахотная земля находилась въ общественной запашкѣ.

§ 13. Цицеронъ.

XXXVII. Согласно Плутарху и Діонисію (см. § 12), дѣятельность Нумы выразилась *прежде всего* въ раздѣлѣ завоеванной Ромуломъ земли *безземельнымъ* римскимъ гражданамъ. Мы знаемъ также, что надѣленіе землею безземельныхъ гражданъ независимо отъ того, несли ли они солдатскую службу или нѣтъ, было вызвано необходимостью укрѣпить новое государство путемъ развитія и поддержанія въ немъ созидающаго земледѣльческаго труда ¹⁶⁸⁾.

Но не только историки, греки по происхожденію, считали возможнымъ занести въ свои сочиненія традицію о раздѣленіи Нумою гражданамъ земель, завоеванныхъ Ромуломъ, въ цѣляхъ умиротворенія новаго государства; римскій ораторъ и писатель *Цицеронъ*, опиравшійся въ своемъ трудѣ „о Республикѣ“ на первоисточники ¹⁶⁹⁾, считалъ правдоподобнымъ въ 54 году до Р. Хр. (время написанія этого сочиненія) говорить о той же традиціи. Желаніе Нумы ослабить нѣсколько воинственный духъ римлянъ и заставить ихъ понять всѣ выгоды мирнаго преуспѣвающаго земледѣльческаго труда побудило этого царя *прежде всего* раздѣлить гражданамъ земли, завоеванныя Ромуломъ ¹⁷⁰⁾. Правда, Цицеронъ не даетъ всѣхъ подробностей этого раздѣла (сочиненіе „о Республикѣ“, преслѣдующее цѣли философскія, бѣдно историческимъ содержаніемъ); такъ, на примѣръ, онъ не сообщаетъ, что надѣлены были безземельные граждане и изъ земель, оставшихся отъ Ромула за надѣленіемъ его солдатъ; не говоритъ онъ, далѣе, и того, что безземельные граждане грозили своимъ

167) *Plut. Poplicola*, 21: „... καὶ χώραν ἀπένευθεν ἐκάστην δυοῖν πλέθρων παρὰ τὸν Ἀνίωνα ποταμὸν . . .“

168) См. I, xxxvi.

169) *Cic. de re pub.* II, 15; II, 20; V, 2.

170) *Cic. de re pub.* II, 14: „Ac *primum* agros, quos bello Romulus ceperat, divisit viriitum civibus“ . . . См., вообще, II, 13 и 14.

безпокойствомъ существованію Рима ¹⁷¹⁾, но *цѣль* надѣленія землею гражданъ — *умиротвореніе* новаго государства — одна и та же у Діонисія, Плутарха и Цицерона; одинаково двое изъ этихъ писателей сообщаютъ и о той *постыжності*, съ которой была „*прежде всего*“ проведена эта земельная реформа царемъ Нумою ¹⁷²⁾.

Любопытно, что, говоря о раздѣлѣ земли, *завованной* Ромуломъ, Цицеронъ ни однимъ словомъ не обмолвился о какомъ-либо общинномъ землевладѣніи; болѣе того, само желаніе Нумы укрѣпить въ Римѣ земледѣліе раздѣломъ земли безземельнымъ гражданамъ говоритъ противъ существованія въ немъ обыкновенно прочныхъ формъ общиннаго землевладѣнія.

XXXVIII. Но кромѣ свидѣтельства Цицерона о надѣленіи Нумою римскихъ гражданъ землей, остававшейся отъ Ромула, мы находимъ у этого писателя и еще одно любопытное указаніе, относящееся непосредственно къ эпохѣ Ромула. Опредѣляя, въ чемъ состояла тогда зажиточность, Цицеронъ указываетъ на обладаніе скотомъ и на владѣніе землями; онъ говоритъ, что въ то время штрафы уплачивались быками и овцами, и что въ зависимости отъ размѣра обладанія скотомъ и владѣнія землями богатые люди получили соотвѣтствующее названіе ¹⁷³⁾. Въ этомъ сообщеніи Цицерона особенное вниманіе обращаетъ на себя то, что онъ употребляетъ

171) *Dionys.* II, 62; *Cic. de re pub.* II, 14. Ср., впрочемъ, *Plut.* Numa, начало 16-ой главы.

172) См. примѣч. предыдущее.

173) *Cic. de re pub.* II, 9: „*multaeque dictione ovium et boum, quod tum res in pecore et locorum possessionibus, ex quo pecuniosi et locupletes vocabantur, non vi et suppliciis coercebat*“. Ср. *Isidor.*, *Orig.* X, 155: „*locuples, quasi locis plenus, et possessionum plurimarum possessor, quemadmodum docet Tullius de Republica in libro II: multaeque dictione ovium et boum, quod tunc erat res in pecore et in locorum possessionibus: ex quo pecuniosi et locupletes vocabantur*“. *Plin.* H. N. XVIII, 3: „*Hinc et locupletes dicebant, loci, hoc est, agri plenos. Pecunia ipsa a pecore appellabatur. Etiam nunc in tabulis censoriis pascua dicuntur omnia, ex quibus populus reditus habet, quia diu hoc solum vectigal fuerat. Multatio quoque non nisi ovium boumque impendio dicebatur: non omittenda priscarum legum benevolentia; cautum quippe est, ne bovem, priusquam ovem, nominaret, qui indiceret multam*“. *Q. Terentii Scavrii de orthographia (ex Veteribus Grammaticis excerpta)*: „*locuples, qui multas possessiones tenet*“. *C. Fronto (ex Veter. Gramm. excerpta)*: „*locuples a copia locorum*“. Ср. *Cic. de re pub.* I, 14; — II, 22; — II, 24. *Festus*: „*Possessiones appellantur agri late patentes publici pri-*

терминъ „владѣнія землями“ (*locorum possessiones*), который обыкновенно обозначаетъ фактическое (поссessorное) обладаніе землею. Изъ предыдущаго изслѣдованія источниковъ мы уже знаемъ, что подъ этотъ типъ владѣнія землею вполне подойдетъ обладаніе заимочными и такъ называемыми пошлинными землями. Такимъ образомъ, Цицеронъ косвенно свидѣтельствуетъ о существованіи въ самомъ древнѣйшемъ Римѣ заимочнаго и пошлиннаго землевладѣнія. Совершенно понятно, что зажиточность и богатство могли создаваться въ ту отдаленную ромуловскую эпоху только путемъ послѣднихъ формъ землевладѣнія, такъ какъ *равный* двухъюгеровый наделъ самъ по себѣ не могъ бы создать въ жизни понятіе *богатаго* челоуѣка въ отличіе отъ *бѣднаго*.

Мы увидимъ ниже¹⁷⁴⁾, что писатели римской древности выраженіе Цицерона: „владѣнія землями“ (*locorum possessiones*) понимали также въ смыслѣ именно фактическаго обладанія, которое характеризуетъ владѣніе заимочными и пошлинными землями. Но, и помимо этого, на основаніи *самого Цицерона* можно установить смыслъ его выраженія: „владѣнія землями“. Въ 63 г. до Р. Хр. народный трибунъ Сервилій Руллъ внесъ законопроектъ о раздачѣ государственныхъ земель. Противъ этого законопроекта возсталъ Цицеронъ и въ особенности противъ того мѣста въ немъ, гдѣ за фактическими владѣльцами признавались права собственниковъ. При этомъ, Цицеронъ для обозначенія фактическаго обладанія землей употребляетъ терминъ: „владѣнія“ [*possessiones, possessa*]¹⁷⁵⁾, т. е. тотъ же самый терминъ, которымъ онъ обозначилъ обладаніе землями во времена Ромула. Нѣтъ никакихъ основаній думать, что въ послѣднемъ случаѣ Цицеронъ понималъ терминъ „владѣнія“ (*possessiones*) иначе, чѣмъ въ первомъ.

vatique, quia non mancipatione, sed usu tenebantur, et ut quisque *occupaverat*, collidebat“. Ср. *Festus*, *Possessio*.

174) См. отдѣлъ V: грамматики (Исидоръ Севильскій).

175) *Cic.* De leg. agrar. III. 2. §§ 7 и слѣд.: „Qui post Marium et Carbonem consules agri, aedificia, lacus, stagna, loca, *possessiones* publice data, assignata, vendita, concessa sunt . . . Quae data, donata, concessa, vendita. Patior, audio. Quid deinde? Possessa. Hoc tribunus plebis promulgare ausus est, ut, quod quisque post Marium et Carbonem consules *possideret*, id eo jure teneret, quo quod optimo privatum est? Etiamne si vi deiecit? Etiamne si clam, si precario venit *in possessionem*? Ergo hac lege jus civile, *causae possessionum*, praetorum interdicta tollentur“. См. I, прим. 183.

XXXIX. Съ только что сказаннымъ слѣдуетъ сопоставить еще одно мѣсто изъ Цицерона, гдѣ онъ даетъ своеобразную оцѣнку системы земельныхъ отношеній въ царскій періодъ римской исторіи. Онъ говоритъ, что *поля, пашни, лѣса и пастбища* разсматривались въ то время какъ бы принадлежавшими царямъ и какъ бы обрабатывались для нихъ¹⁷⁶⁾.

Такая формулировка противорѣчитъ общинному землевладѣнію, но она дѣлается понятной при томъ укладѣ жизни, когда земля завоевывается царемъ и имъ, какъ верховнымъ начальникомъ, раздается солдатамъ или предоставляется гражданамъ просто во владѣніе.

Однако, какъ бы ни понимать немногія и разрозненныя мѣста изъ Цицерона, но строить на нихъ общинное землевладѣніе въ исконномъ Римѣ, хотя бы только и для *эпохи Ромула*, невозможно¹⁷⁷⁾. Наоборотъ, и Цицеронъ предполагаетъ ту же концепцію возникновенія и развитія Рима, какъ она дана Діонисіемъ и Плутархомъ. Какихъ-либо данныхъ объ усадебномъ землевладѣніи въ исконномъ Римѣ Цицеронъ также не даетъ¹⁷⁸⁾.

XI. Въ заключеніе слѣдуетъ отмѣтить, что Цицеронъ такъ же, какъ другіе древніе авторы, ставитъ раздѣлъ земли непосредственно въ связь съ ея завоеваніемъ¹⁷⁹⁾; кромѣ того,

176) *Cic. de re pub. V, 2: „quod jus privati petere solebant a regibus; ob easque causas agri, arvi et arbusti et pascui lati atque uberes definiebantur, qui essent regii, qui colerenturque sine regum opera et labore, ut eos nulla privati negotii cura a populorum rebus abduceret“.* При чтеніи этого текста невольно возникаетъ мысль о земляхъ, подлежащихъ пошлинѣ, которыя, какъ мы видѣли выше, находились въ фактическомъ обладаніи частныхъ лицъ, и за пользованіе которыми уплачивалась казнѣ, такъ сказать, арендная плата (*vestigial*).

177) На основаніи словъ Цицерона о томъ, что во времена Ромула богатство состояло „во владѣніяхъ землями“ Моммсенъ пытается утвердить свою теорію общинно-родового землевладѣнія въ исконномъ Римѣ; см. объ этомъ очеркъ II.

178) Моммсенъ видитъ, впрочемъ, въ текстѣ Цицерона о раздѣлѣ Нумою земли, завоеванной Ромуломъ, указаніе на то, что до Нумы земля находилась въ общинномъ обладаніи, и что этотъ царь *первый* раздѣлилъ общинныя пашни въ частную собственность гражданъ; этимъ Моммсенъ думаетъ установить характеръ *ромуловскаго* надѣла, какъ усадебнаго, а не пахотнаго надѣла; см. объ этомъ очеркъ II.

179) *Cic. de re pub. II, 18: „... quosque agros sererat, divisit“.* Здѣсь рѣчь идетъ о дѣятельности Анка Марція, какъ равно и въ примѣчаніяхъ 180—182. См. *Cic. de re pub. II, 14* (примѣч. 170).

онъ отмѣчаетъ, что земли, завоеванныя у непріятеля, но не обработанныя, объявлялись общественнымъ достояніемъ¹⁸⁰⁾; слѣдовательно, надо думать, земли, годныя для земледѣлія, обработанныя, шли въ надѣлъ гражданамъ; земли же дикія въ качествѣ свободной, государственной территоріи подлежали заимкѣ со стороны работоспособныхъ гражданъ. Цицеронъ сообщаетъ также, что переселеніе въ Римъ побѣжденнаго непріятеля съ дарованіемъ ему правъ гражданства¹⁸¹⁾ и выселеніе изъ Рима гражданъ путемъ основанія колоній¹⁸²⁾ восходятъ къ древнѣйшимъ временамъ римской исторіи.

Наконецъ, Цицеронъ не дѣлаетъ никакой оговорки относительно того, что въ древнѣйшее время примѣнялись иные способы возникновенія частнаго обладанія на землю, чѣмъ въ его время. А между тѣмъ, въ одномъ изъ своихъ сочиненій Цицеронъ непосредственно касался вопроса о способахъ возникновенія *частнаго* обладанія на землю и далъ ихъ категорическій перечень, въ которомъ нѣтъ и намека на существовавшее когда-либо общинное землевладѣніе¹⁸³⁾.

§ 14. Діонъ Кассій.

XLI. Ближайшею причиною надѣленія земель римскихъ гражданъ, какъ мы только что видѣли¹⁸⁴⁾, было, согласно представленіямъ объ этомъ *Діонисія, Плутарха и Цицерона*, желаніе Нумы умиротворить новое государство, обративъ его на путь преуспѣвающаго земледѣлія. Любопытно, что въ дальнѣйшей римской исторіи, при полномъ ея свѣтѣ, мы встрѣчаемся съ прямымъ указаніемъ на такой же мотивъ надѣленія землею безземельныхъ гражданъ. *Діонъ Кассій*, писатель второй половины II-го вѣка и начала III-го по Р.

180) *Cic. Rep. II, 18*: „et silvas maritimas omnes publicavit quas ceperat“.

181) *Cic. Rep. II, 18*: „Qui cum latinis bello devicisset, adscivit eos in civitatem“.

182) *Cic. Rep. II, 18*: „et ad ostium Tiberis urbem condidit, colonisque firmavit“.

183) *Cic. De off. I, 7*: „Sunt *privata* nulla natura, sed aut vetere occupatione ut qui quondam in vacua venerunt, aut victoria ut qui quondam potiti sunt, aut lege, pactione, sorte . . . Similisque est privatorum *possessionum* descriptio. Ex quo, quia suum cuiusque fit: eorum, quae *natura* fuerant communia, quod cuique obtigit, id quique teneat, ex quo si quis sibi plus appetet, violabit *jus humane societatis*“.

184) См. §§ 12, 13.

Хр., рассказываетъ въ своей „Римской исторіи“, что аграрный законопроектъ Цезаря раздѣлить государственныя земли, за исключеніемъ Кампаніи, былъ такъ имъ обоснованъ, что никто не могъ пожаловаться на это мѣропріятіе Цезаря. Суть же дѣла состояла въ томъ, что около 695 отъ основ. Рима городское населеніе его чрезмѣрно возрасло, и это увеличеніе было главною причиною возстаній въ немъ; путемъ же надѣленія землею *солдатъ и всѣхъ гражданъ римское населеніе возвращалось къ труду и сельской жизни*, а вмѣстѣ съ тѣмъ заселялась и большая часть мѣстностей Италіи, обезлюдѣвшей за это время¹⁸⁵⁾. При этомъ, дальнѣйшимъ обоснованіемъ предположеннаго раздѣла земель — его справедливости — служило и то, что государственныя земли, находившіяся въ это время въ частномъ обладаніи, могли быть выкуплены, хотя и принудительно, но по добровольной оцѣнкѣ за счетъ государства, такъ какъ казна наполнена была деньгами отъ военныхъ добычъ и налоговъ, — тѣхъ и другихъ, пріобрѣтенныхъ трудами же гражданъ¹⁸⁶⁾. Еще болѣе рѣзко подчеркнуто было право солдатъ и народа на надѣленіе ихъ землей въ рѣчи Помпея, приглашеннаго Цезаремъ высказаться въ народномъ собраніи по поводу его аграрнаго законопроекта. Помпей энергично заявилъ, что солдаты и граждане должны воспользоваться плодами ихъ общихъ трудовъ и быть надѣлены землей¹⁸⁷⁾.

Такимъ образомъ, въ самомъ концѣ VII-го столѣтія существованія Рима мы встрѣчаемся не только съ тѣми же мотивами глубокой древности надѣленія землей для поддержанія земледѣлія и умиротворенія государства, но и съ тѣмъ же правомъ солдата и гражданина на пріобрѣтенную ими землю, какъ основаніемъ римской надѣльной системы.

XLII. Діонъ Кассій отмѣчаетъ и еще одну любопытную черту надѣленія солдатъ землею въ позднѣйшемъ Римѣ. Онъ говоритъ, что вожди стремились пріобрѣтать расположеніе войска посредствомъ надѣленія его землею¹⁸⁸⁾; а для того, чтобы легче провести солдатское надѣленіе, они привлекали къ участію въ этихъ раздѣлахъ и всѣхъ гражданъ¹⁸⁹⁾. Это

185) *Dio XXXVIII, 1.*

186) *Dio XXXVIII, 1.*

187) *Dio XXXVIII, 5.* Ср. *Cic. de leg. agr. II, 26, § 69.*

188) *Dio XLVIII, 6—8; — XLV, 9.* Ср. еще — *XXXVIII, 2.*

189) *Dio XXXVII, 50.*

указаніе Діона Кассія на придобаніе вождемъ расположенія солдатъ посредствомъ надѣленія ихъ землей невольно вызываетъ въ памяти разсказъ легендарной римской традиціи о томъ, что Ромулъ надѣлялъ землею своихъ воиновъ¹⁹⁰⁾, и что воины его обожали¹⁹¹⁾, а патриціи ненавидѣли¹⁹²⁾.

Другой любопытной чертой поздняго времени является указанія Діона Кассія на то, что самый раздѣлъ земли производился „по мужамъ“¹⁹³⁾, т. е. такъ же, какъ при Ромулѣ и въ послѣдующее за нимъ время, и что не всякой землей надѣлялись въ Римѣ граждане, а только годной для обработки¹⁹⁴⁾.

Такимъ образомъ, изъ всего изложеннаго слѣдуетъ, что *характерныя черты исконнаго римскаго землевладѣнія не измѣняются и въ болѣе позднее время*: надѣленіе землею солдатъ и гражданъ, надѣленіе завоеванною землею, раздѣлъ этой земли „по мужамъ“ — все это обще римской исторіи и ея легендамъ. Увеличеніе населенія въ Римѣ и умиротвореніе государства путемъ развитія въ немъ земледѣлія побудили одинаково какъ легендарнаго царя Нуму, такъ и историческаго Юлія Цезаря надѣлать изъ государственныхъ земельныхъ запасовъ нуждающихся въ землѣ гражданъ.

§ 15. Веллей Патеркулъ и Діодоръ Сицилійскій.

XLIII. Было замѣчено выше (стр. 32), что представленія самихъ римлянъ о возникновеніи и развитіи ихъ государства вполне отвѣчаютъ римской надѣльной системѣ, основанной главнымъ образомъ на раздѣлѣ солдатамъ завоеванной земли. Если даже оставить въ сторонѣ римскихъ историковъ, грековъ по происхожденію, Діонисія и Плутарха (I, § 12), то, и за этимъ исключеніемъ, мы располагаемъ данными Тита Ливія (I, § 11) и Цицерона (I, § 14) о томъ, что исконный Римъ эпохи Ромула представлялся имъ какъ бы военнымъ поселеніемъ (I, прим. 144 и 170). Въ связи со сказаннымъ умѣстно, поэтому, обратить вниманіе еще на одного писателя римской древности, по происхожденію римлянина, *Веллея Па-*

190) *Plut. Rom.* 27.

191) *Liv.* I, 15.

192) *Plut. Rom.* 27; *Liv.* I. 16.

193) *Dio XLVIII*, 8: „ . . . ἢ καὶ ἕτεροὶ τινες ἐλάττω τῆς κατ' ἀνδρα τοῖς ἐστρατευμένοις διδομένης γῆς ἐκέκτηντο, ἀπέχετο“.

194) *Dio XLV*, 9.

*теркула*¹⁹⁵). Этотъ историкъ, родившійся въ концѣ послѣдняго столѣтія до Р. Хр., говоритъ, что Римъ былъ основанъ Ромуломъ съ помощью *латинскихъ легионовъ*. По его собственнымъ словамъ, въ этомъ мнѣніи о происхожденіи Рима онъ *охотно* слѣдовалъ за другими писателями, державшимися того же взгляда, такъ какъ Ромулъ едва ли бы могъ съ помощью одного невоинственнаго пастушескаго населенія утвердить новооснованный городъ, сосѣдями котораго были веянты и другіе этруски, а также сабиняне¹⁹⁶).

Веллей говоритъ такъ же, какъ и Ливій, что усиленію города способствовало открытіе въ немъ „убѣжища“¹⁹⁷).

Итакъ, слѣдуетъ считать, что въ *первомъ* вѣкѣ по Р. Хр. существовало, согласно Веллею, научное мнѣніе о возникновеніи Рима съ помощью латинскихъ солдатъ. Возможно, что римскіе писатели ошибались въ своемъ представленіи о воинскомъ происхожденіи Рима, но остается фактъ, что сами римляне допускали идею возникновенія новыхъ городовъ въ глубокой древности изъ военныхъ поселеній.

XLIV. Съ представленіемъ Веллея о военномъ возникновеніи Рима хорошо согласуется свидѣтельство его о дальнѣйшемъ ростѣ Рима, какъ государства. Прежде чѣмъ дать общій перечень колоній, основанныхъ римлянами послѣ взятія ихъ города галлами, онъ дѣлаетъ оговорку о томъ, что изъ этого перечня имъ исключаются „военныя колоніи“, такъ какъ ихъ имена и имена ихъ основателей, а равно и причины ихъ основанія хорошо извѣстны¹⁹⁸). Различая два рода колоній военныхъ и гражданскихъ, Веллей, повидимому, говоритъ, что послѣднія колоніи не основывались изъ солдатъ. Такое заключеніе будетъ, однако, неправильно. Что и гражданскія колоніи составлялись также изъ солдатъ или, по крайней мѣрѣ, изъ лицъ, способныхъ носить оружіе, это слѣдуетъ изъ словъ самого Веллея, когда онъ говоритъ, что

195) Веллей Патеркуль, римскій историкъ, родился около 19 г. до Р. Хр.; онъ написалъ: „*Historiae romanae ad M. Vinicium libri II*“.

196) *Vell.* I, 8: „*Id gessit Romulus, adjutus legionibus Latini, avi sui; libenter enim his, qui ita prodiderunt, accesserim: quum aliter firmare urbem novam, tam vicinis Veientibus, aliisque Etruscis, ac Sabinis, cum imbelli et pastorali manu vix potuerit*“.

197) *Vell.* I, 8: „*Quamquam, jam asylo facto inter duos lucos auxit*“ . . . Ср. I, примѣч. 139.

198) *Vell.* I, 14.

во время пребывания Аннибала въ Италіи и въ первые годы по его отбытіи не было основано римлянами ни одной колоніи, такъ какъ во время войны они думали скорѣе, гдѣ разыскать *солдатъ*, чѣмъ о томъ, чтобы разсылать ихъ, а по заключеніи мира заботились больше о возстановленіи своихъ силъ, чѣмъ объ ихъ разсѣяніи¹⁹⁹⁾. Слѣдуетъ еще отмѣтить, что колоніи могли возникать, согласно Веллею, и путемъ заимки земли. Онъ указываетъ, что колоніи Firmum, основанная въ 490/264 г., и Castrum въ 555/199 г. населены были именно такимъ образомъ²⁰⁰⁾.

XLV. Но, если Веллей Патеркуль указываетъ на военный характеръ и происхожденія Рима, и развитія его въ послѣдующее время, чѣмъ косвенно отмѣчаетъ, что надѣленіе землею въ колоніяхъ было по существу *солдатскимъ* надѣленіемъ, то другой историкъ, *Діодоръ Сицилійскій*²⁰¹⁾, даетъ возможность судить о римскомъ надѣльномъ землевладѣніи не только взятюмъ самимъ по себѣ, но и въ сопоставленіи его съ древнею системою надѣленія земель вообще. Онъ оставилъ сочиненіе по всеобщей исторіи; умѣстно, поэтому, поставить вопросъ: представлялъ ли себѣ этотъ историкъ, что въ древности, насколько описаніе ея нашло себѣ мѣсто въ его историческомъ трудѣ, существовало *одно* лишь усадебное надѣленіе землею и рядомъ съ нимъ, или, даже безъ него, *общинное* владѣніе пашней? Излагая исторію Египта, Греціи, Рима и другихъ государствъ съ древнѣйшихъ временъ ихъ существованія, Діодоръ отмѣчаетъ, какъ исключительный, заслуживающій особаго вниманія фактъ существованія общественной запашки на Липарскихъ островахъ. Эта форма общаго обладанія землей представляется историку настолько любопытной, что онъ сообщаетъ о ней и подробности; между прочимъ, онъ отмѣчаетъ, что съ теченіемъ времени обще-

199) *Vell.* I, 15: „Deinde, neque dum Annibal in Italia moratur, neque proximis post excessum ejus annis, vacavit Romanis colonias condere, quum esset in bello conquiendus potius miles, quam dimittendus; et post bellum vires refovendae magis, quam spargendae“.

200) *Vell.* I, 14: „At initio primi belli Punici Firmum et Castrum colonis *occipata*“. Такимъ образомъ, возникновеніе колоніи путемъ заимочнаго землевладѣнія встрѣчается уже въ концѣ V столѣтія отъ осн. Рима.

201) *Діодоръ Сицилійскій* жилъ во время Цезаря и Августа въ Римѣ, гдѣ и написалъ свою „Историческую Библіотеку“.

ственная запашка уступила мѣсто періодическому передѣлу земли черезъ промежутки въ 20 лѣтъ²⁰²). Совершенно естественно было бы ожидать, что если система общаго обладанія землею привлекала вниманіе Діодора, то онъ не преминулъ бы сообщить о ней и въ другихъ случаяхъ. На самомъ дѣлѣ, Діодоръ нигдѣ болѣе не говоритъ объ общинной запашкѣ, и фактъ существованія ея на Липарскихъ островахъ остается исключительнымъ. Дѣйствительно, частное обладаніе землею представляется для Діодора *основнымъ* явленіемъ древней жизни; болѣе того, онъ отмѣчаетъ постоянно на страницахъ своей исторіи фактъ *солдатскаго* землевладѣнія, лежащій въ основѣ древней надѣльной системы²⁰³). Не лишнимъ интереса представляется, поэтому, отмѣтить нѣкоторыя характерныя черты этой системы и, въ особенности, тѣ изъ нихъ, съ которыми мы уже встрѣчались при изложеніи римскаго надѣльнаго землевладѣнія.

1. Необходимымъ условіемъ солдатскаго обладанія землей было предварительное приобрѣтеніе ее *завоеваніемъ*²⁰⁴).
2. Надѣленіе солдата производилось по *заслугамъ*²⁰⁵).
3. Солдатамъ раздавалась *лучшая* земля²⁰⁶).
4. Дѣлилась просто завоеванная земля (*χώρα*) безъ какого бы то ни было упоминанія о землѣ усадебной²⁰⁷).
5. Надѣлы распредѣлялись *по жребію*²⁰⁸).
6. Надѣленіе землею по жребію имѣло мѣсто не только при *основаніи* городовъ и вообще заселеніи новыхъ мѣстъ²⁰⁹), но и въ случаяхъ позднѣйшаго *увеличенія* населенія²¹⁰).

202) *Diod. V, 9*. При этомъ, для обозначенія раздѣла земли, хотя и во временное, но довольно продолжительное (20 лѣтъ) частное обладаніе онъ употребилъ выраженіе: „*πάλιν κληρουχούσιν*“.

203) *Diod. I, 54*; — *I, 67*; — *I, 73*; ср. — *XII, 11*. Ср. *Herod. II, 164—168*.

204) *Diod. I, 54*; — *I, 67*; — *I, 74*; ср. — *XV, 23*.

205) *Diod. I, 55* (*κατὰ τὴν ἀξίαν*); рѣчь идетъ здѣсь собственно о надѣленіи дарами.

206) *Diod. I, 54*.

207) *Diod. I, 54*; — *I, 67*; — *V, 15*; — *XII, 34*; — *XIV, 102*.

208) *Diod. I, 54*; — *I, 67*; — *V, 9*; — *V, 15*; — *V, 84*; — *XII, 11*; — *XII, 34*; — *XIV, 102*; ср. — *XV, 23*; — *V, 53*. Для обозначенія „надѣленія землею по жребію“ Діодоръ употребляетъ выраженіе: „*τὴν χώραν κληρουχούσων*“, съ которымъ онъ связываетъ понятіе о надѣленіи въ частное, индивидуальное обладаніе. Ср. *Diod. I, 24* (*ἐκκληρονόμησε*).

209) *Diod. V, 15*; — *V, 53*; — *V, 84*; — *XII, 34*.

210) *Diod. XII, 11*.

7. Въ частности, въ Египтѣ имѣло мѣсто дѣленіе территоріи на три части: на земли жреческія, царскія и воинскія; что касается земледѣльцевъ по профессіи, то они обрабатывали главнымъ образомъ земли жреческія и царскія, уплачивая за это особую пошлину (*прόσσοδος*)²¹¹). Такимъ образомъ, въ древнѣйшемъ Египтѣ существовало то дѣленіе земли на три части, о которомъ говорить и Діонисій при изложеніи имъ первоначальной исторіи Рима, упоминая о земляхъ жреческихъ, царскихъ и воинскихъ²¹²). Вмѣстѣ съ

211) *Diod. I, 73, 74*. Ср. *Diod. I, 54*. См. *Waszynski, Die Bodenschicht. Agrargeschichtliche Papyrusstudien (Leipz. 1905). Bd. I. S. 73*.

212) Для большѣй наглядности мы позволимъ себѣ сравнить нѣсколько мѣстъ изъ Діонисія и Діодора по вопросу о распредѣленіи земельной собственности между отдѣльными классами населенія въ Египтѣ и Римѣ. 1. *Diod. I, 73*: „τῆς δὲ χώρας ἀπάσης εἰς τρία μέρη διηρημένης...“ *Dionys. II, 7* (см. тексты, приведенные въ этомъ примѣчаніи подъ цифрою 2). 2. *Diod. I, 73*: „τὴν μὲν πρώτην ἔχει μερίδα τὸ σύστημα τῶν ἱερέων . . . τὴν δὲ δευτέραν μοῖραν οἱ βασιλεῖς παρελήφασιν εἰς προσόδους . . . τὴν δὲ μερίδα τὴν τελευταίαν ἔχουσιν οἱ μάχιμοι καλούμενοι, καὶ πρὸς τὰς λειτουργίας τὰς εἰς τὴν στρατείαν ὑπακούοντες. Ἴν' οἱ κινδυνεύοντες εὐνοῦσταιοι τῇ χώρᾳ διὰ τὴν κληρουχίαν ὄντες πάνυ γε προθύμως ἐπιδέχωνται τὰ συμβαίοντα κατὰ τοὺς πολέμους δεῖνά“. *Dionys. II, 7*: „διελὼν τὴν γῆν εἰς τριάκοντα κλήρους ἴσους, ἐκάστη φράτρη κλῆρον ἀπέδωκεν ἕνα, ἐξελὼν τὴν ἀρκοῦσαν εἰς ἱερά καὶ τεμένη, καὶ τινα καὶ τῇ κοινῇ γῆν καταλιπόν“. Слѣдуетъ отмѣтить, что раздѣлъ римскаго населенія на 30 курій былъ, согласно Діонисію, дѣленіемъ военнымъ; члены этихъ курій находились подъ властью своихъ полководцевъ: „τριχῆ νεῖμας τὴν πληθὺν ἄπασαν, ἐκάστων τῶν μοιρῶν τὸν ἐπιφανέστατον ἐπέστησεν ἡγεμόνα· ἔπειτα τῶν τριῶν πάλιν μοιρῶν ἐκάστην εἰς δέκα μοίρας διελὼν, ἴσους ἡγεμόνας καὶ τούτων ἀπέδειξε τοὺς ἀνδρειοτάτους (II, 7)“. Такимъ образомъ, при раздѣлѣ Ромуломъ земли часть ея, пошедшая въ надѣленіе курій была по существу воинской надѣльной землей. О царскихъ земляхъ въ Римѣ см. *Dionys. III, 1*: „χώραν εἶχον ἐξαιρετοὶ οἱ πρὸ αὐτοῦ βασιλεῖς πολλὴν καὶ ἀγαθὴν, ἐξ ἧς ἀναιρούμενοι τὰς προσόδους, ἱερά τε θεοῖς ἐπέτελουν καὶ τὰς εἰς τὸν ἴδιον βίον ἀφθόνοους εἶχον εὐπορίας, ἣν ἐκτίσαστο μὲν Ῥωμύλος πολέμῳ τότε κατασχόντας ἀφελόμενος· ἐκείνου δὲ ἀπαιδος ἀποθανόντος, Πομπίλιος Νομάς ὁ μετ' ἐκείνου βασιλεύσας ἐκαρπούτο. ἦν δὲ οὐκ ἔτι δημοσία κτήσις, ἀλλὰ τῶν αἰεὶ βασιλέων κλήρος. ταύτην ὁ Τύλλιος ἐπέτρεψε τοῖς μηδένα κλῆρον ἔχουσι Ῥωμαίων κατ' ἄνδρα διανεμίσσασθαι, τὴν πατρίαν αὐτῷ κτήσιν ἀρκοῦσαν ἀποφαίνων εἰς τε τὰ ἱερά καὶ τὰς τοῦ βίου δαπάνας. ταύτη δὲ τῇ φιλανθρωπιᾷ τοὺς ἀπόρους τῶν πολιτῶν ἀνέλαβε, παύσας λατρεύοντας τοῖς ἄλλοις“. 3. *Diod. I, 74*: „οἱ μὲν οὖν γεωργοὶ μικροῦ τινοῦ τὴν καρποφόρον χώραν τὴν παρὰ τοῦ βασιλέως καὶ τῶν ἱερέων καὶ τῶν μάχιμων μισθοῦμενοι, διατελοῦσι τὸν ἅπαντα χρόνον περὶ τὴν ἐργασίαν ὄντες τῆς χώρας . . . ὁ δ' αὐτὸς λόγος ἐστὶ καὶ περὶ τῶν νομέων . . .“ *Dionys. II, 9*: „τοῖς δὲ δημοτικοῖς, τούτων μὲν ἀπολεῦσθαι τῶν πραγμάτων, ἀπειροῦς τε αὐτῶν ὄντας, καὶ δι' ἀπορίαν χρημάτων ἀσχόλους· γεωργεῖν δὲ καὶ κτηνοτροφεῖν, καὶ τὰς χρηματοποιούς ἐργάζεσθαι τέχνας . . . παρακαταθήκας δὲ ἔδωκε τοῖς πατρικίους

тѣмъ, стало быть, въ древнѣйшемъ Египтѣ, согласно Діодору, господствовала *пошлинная* система землевладѣнія, которая имѣла мѣсто и въ Римѣ, какъ о томъ говорятъ римскіе землемѣры²¹³).

XLVI. Въ довольно многочисленныхъ случаяхъ Діодоръ говоритъ о раздѣлахъ земли въ *частное* обладаніе и употребляетъ терминъ: „κληρουχεῖν“. Важно отмѣтить, что этимъ же терминомъ пользуется онъ, говоря и о раздѣлахъ земли въ Римѣ.

Такъ, Діодоръ говоритъ, что въ 312/442 г. при выводѣ колонистовъ въ Ардею римляне раздѣлили имъ землю по жребію (τὴν χώραν κατεκληρούχησαν)²¹⁴); или: въ 370/384 г. римляне раздѣлили землю веентовъ по жребію (τὴν χώραν κατεκληρούχησαν); при этомъ каждый надѣляемый „мужъ“ (κατ' ἄνδρα) получилъ на свою долю надѣлъ въ четыре югера, а по мнѣнію нѣкоторыхъ, — въ двадцать восемь югеровъ²¹⁵).

τοὺς δημοτικούς, ἐπιτρέψας ἑκάστῳ τῶν ἐκ τοῦ πλήθους ὃν αὐτὸς ἐβούλετο, νέμειν προσάτην“.

„Земледѣлец“ не былъ, слѣдовательно, солдатомъ, такъ какъ онъ не принадлежалъ къ воинскому классу въ Египтѣ и не состоялъ членомъ воинской куріальной организаціи въ Римѣ. Въ Египтѣ „земледѣлец“ обрабатывалъ, согласно Діодору, земли жреческія, царскія и воинскія; тѣмъ же самымъ, повидимому, занимался „земледѣлец“ и въ Римѣ (ср. *Dionys.* II, 9 и III, 1; см. тексты, приведенные въ этомъ примѣчаніи подъ цифрами 2 и 3). „Земледѣлец“ — тотъ, кто не имѣетъ своей земли; такой выводъ напрашивается невольно изъ сравненія только что данныхъ текстовъ Діодора и Діонисія. Ошибались ли Діодоръ и Діонисій, когда они передавали о распредѣленіи земли, первый — въ Египтѣ, второй — въ Римѣ, это вопросъ, который мы оставляемъ открытымъ. Но во всякомъ случаѣ, тѣ земельныя отношенія, которыя описаны обоими историками, не могутъ уместиться въ рамки общинно-пахатнаго землевладѣнія.

213) Что и жреческія земли отдавались во владѣніе лицъ съ уплатой за пользованіе особой пошлины, объ этомъ сообщаетъ, напр., *Гигинъ*: „Virginum quoque Vestalium et sacerdotum quidam agri uectegalibus redditi sunt locatim . . . solent uero et hi agri accipere per singula lustra mancipem: sed et annua conductione solent locari“ (р. 117, 5. Ed. Lachm.). Ср. *Diod.* I, 73: ἐκ δὲ τούτων τῶν προσόδων τὰς τε θυσίας ἀπάσας τὰς κατ' Αἴγυπτον συντελοῦσι, καὶ τοὺς ὑπηρέτας τρέφουσι καὶ ταῖς ἰδίαις χρεῖαις χορηγοῦσιν“.

214) *Diod.* XII, 34: „κατὰ δὲ τὴν Ἰταλίαν οἱ Ῥωμαῖοι πέμψαντες ἀποίκους εἰς Ἀρδεα, τὴν χώραν κατεκληρούχησαν“.

215) *Diod.* XIV, 102: „τούτων δὲ πραχθέντων, Ῥωμαῖοι τὴν τῶν Οὐδεξιῶν χώραν κατεκληρούχησαν, κατ' ἄνδρα δόντες πλέθρα τέτταρα, ὡς δὲ τινες, εἰκοσιοκτῶ“.

Въ очеркѣ второмъ мы вернемся къ рассмотрѣнію этого текста.

Такимъ образомъ, согласно Діодору, можно думать, что по крайней мѣрѣ, въ IV вѣкѣ отъ основанія Рима не существовало ни въ Римѣ, ни въ его колоніяхъ (Ардея) какъ усадебнаго надѣленія, такъ и общинно-пахотнаго землевладѣнія²¹⁶).

Что касается древнѣйшаго времени римской исторіи, то за отсутствіемъ какихъ-либо положительныхъ данныхъ трудно судить о томъ, представлялъ ли себѣ Діодоръ древнѣйшій римскій строй общиннымъ или индивидуальнымъ. Можно строить лишь догадку, что Діодоръ не представлялъ себѣ исконнаго строя Рима общиннымъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ онъ упомянулъ бы объ этомъ; ибо, судя по тому, что онъ обратилъ вниманіе на общинное землевладѣніе даже Липарскихъ острововъ, о чемъ уже было упомянуто, онъ едва ли бы обошелъ молчаніемъ значительный фактъ существованія общиннаго землевладѣнія въ Римѣ.

§ 16. Аппіанъ.

XLVII. Среди писателей по римской исторіи заслуживаетъ особаго вниманія Аппіанъ²¹⁷). Въ его сочиненіи, посвященномъ исторіи развитія Римской имперіи отъ царей до Траяна, имѣется нѣсколько въ высшей степени интересныхъ мѣстъ, *непосредственно* относящихся къ распредѣленію въ Римѣ завоеванной земли. Благодаря этому, открывается возможность познакомиться съ системами древнѣйшаго римскаго землевладѣнія *непосредственно*, а не путемъ сравненія основаній этихъ системъ съ позднѣйшими. Кромѣ того, такъ какъ сочиненіе Аппіана представляетъ изъ себя компилятивную работу (см. прим. 217), то вмѣстѣ съ тѣмъ возможно узнать о представленіяхъ не только этого автора, но и тѣхъ писателей, изъ сочиненій которыхъ онъ позаимствовалъ матеріалъ для своей исторіи. Въ этомъ отношеніи, по счастливой случайности, устанавливается, что важное для насъ

216) Это указаніе Діодора имѣетъ ту особую цѣнность, что въ современной исторической литературѣ многими изслѣдователями, вслѣдъ за Момсенемъ, признается существованіе общиннаго землевладѣнія, по крайней мѣрѣ, въ колоніяхъ даже въ 5 вѣкѣ отъ основанія Рима.

217) *Аппіанъ*, римскій историкъ изъ Александріи, жилъ во II в. по Р. Хр. при Траянѣ, Адрианѣ и Антонинѣ Піѣ. Его трудъ по римской исторіи (*Ῥωμαϊκὰ*) представляетъ изъ себя компиляцію, страдающую многими недосмотрами.

мѣсто изъ сочиненія Аппіана, то, которое непосредственно относится къ распредѣленію завоеванной земли въ древнѣйшемъ Римѣ ²¹⁸⁾, заимствовано имъ, по догадкѣ Нибура ²¹⁹⁾, изъ труда писателя, жившаго до Р. Хр., *Посидонія* ²²⁰⁾. Такимъ образомъ, если вѣрна догадка Нибура, упомянутое мѣсто изъ Аппіана относится не къ II вѣку по Р. Хр., а къ VII отъ основанія Рима; и такъ какъ, далѣе, Посидоній писалъ свою исторію (прим. 220), надо думать, на основаніи болѣе древнихъ источниковъ, то, едва ли, будетъ ошибкой отнести содержаніе заимствованнаго мѣста Аппіаномъ у Посидонія къ еще болѣе древнему времени, чѣмъ VII в. отъ основанія Рима.

XLVIII. Въ главѣ седьмой первой книги о „Междоусобныхъ войнахъ“ Аппіанъ сообщаетъ въ видѣ общаго, постоянно существующаго въ Римѣ порядка вещей, что по мѣрѣ того, какъ римляне подчиняли своей власти населеніе Италии, они отбирали у побѣжденныхъ народовъ часть принадлежащихъ имъ территорій. На отобранной у непріятели землѣ римляне основывали города, или, если на ней уже прежде существовали города, то посылали туда своихъ колонистовъ, которые и замѣняли имъ гарнизоны. Что касается, далѣе, распредѣленія завоеванной территоріи, то римляне держались двойаго порядка въ отношеніи земли обработанной и необработанной. *Обработанную* землю они дѣлили даромъ новымъ колонистамъ, или *продавали*, или отдавали въ наемъ, въ откупъ. *Необработанную* же землю, которая составляла постоянно большую часть завоеванной земли, они не дѣлили, а объявляли всенародно, что всякій, кто имѣетъ охоту, можетъ ее воздѣлать съ уплатой за это государству ежегодной пошрины въ размѣрѣ $\frac{1}{10}$ изъ посѣяннаго и $\frac{1}{5}$ изъ посаженнаго. Уплата пошрины подлежала и та часть необработанной земли, которая

218) *Appian. de bellis civilibus* (ed. Didot), lib. I, 7 и слѣд.

219) *Niebuhr, Röm. Gesch.* Bd. II. S. 61, Anm. 104 и Bd. III. S. 621, Anm. 953.

220) *Посидоній*, стоическій философъ, изъ Апаменіи въ Сиріи, род. 135 г. ум. 50 г. до Р. Хр. Цицеронъ былъ его слушателемъ. Посидоній принадлежалъ къ ученѣйшимъ людямъ древности. Главнымъ его произведеніемъ, высоко цѣнимымъ всѣми позднѣйшими писателями, была „Всеобщая исторія“ въ 52 книгахъ. Эта исторія составляла продолженіе Полибія и обнимала собою время отъ 145—82 гг. Такимъ образомъ, въ лицѣ Посидонія философа мы имѣемъ также и историка.

ходила подъ скотомъ; при чемъ размѣръ этой пошлыны былъ неодинаковъ для мелкаго и крупнаго скота ²²¹).

Въ приведенномъ сообщеніи Аппіана о распредѣленіи въ Римѣ завоеванной земли обращаетъ прежде всего на себя вниманіе полное сходство земельныхъ порядковъ съ тѣми, которые описаны, какъ мы видѣли выше (I, § 5 и слѣд.), землемѣрами ²²²). Часть территории отбиралась у побѣжденнаго непріятели ²²³); изъ обработанной ея части создавались земли надѣльныя ²²⁴), квесторскія или проданныя ²²⁵), а также пошлинныя ²²⁶); изъ необработанной — земли заимочныя ²²⁷) и пастбищныя ²²⁸). Сообщеніе Аппіана о томъ, что за завоеваніемъ земли слѣдовало у римлянъ основаніе городовъ, согласуется также вполне съ данными объ этомъ писателей-землемѣровъ ²²⁹).

Такимъ образомъ, системы землевладѣнія, какъ онѣ даны землемѣрами и историкомъ Аппіаномъ, представляются совершенно *одинаковыми*. Но, очевидно, при господствѣ въ жизни этихъ системъ нѣтъ возможности серьезно представлять ихъ себѣ въ видѣ индивидуальнаго обладанія лишь усадебною землею или въ формѣ общинной записки. Съ другой стороны, Аппіанъ такъ же, какъ и писатели-землемѣры, представляетъ себѣ господство этихъ системъ землевладѣнія явленіемъ, *искони* присущимъ Риму. Самая форма выраже-

221) *Appian. de bell. civ. I, 7*: „Ῥωμαῖοι τὴν Ἰταλίαν πολέμῳ κατὰ μέρη χειροῦμενοι, γῆς μέρος ἐλάβρανον, καὶ πόλεις ἐνφικίζον, ἣ ἐς τὰς πρότερον οὐσας κληροῦχοι ἀπὸ σφῶν κατέλεγον καὶ τότε μὲν ἀντὶ φρουρίων ἐπενόουν. Τῆς δὲ γῆς τῆς δορικτῆτου σφίσιν ἐκάστοτε γιγνομένης, τὴν μὲν ἐξεργασμένην αὐτίκα τοῖς οἰκιστομένοις ἐπιδηροῦν, ἣ ἐπίπρασκον, ἣ ἐξεμίσθουν· τὴν δ' ἄργον ἐκ τοῦ πολέμου τότε οὔσαν, ἣ δὴ καὶ μάλιστα ἐπλήθουν, οὐκ ἄγοντές πο σχολὴν διαλαχεῖν, ἐπεκῆρυττον ἐν τοσφθε τοῖς ἐθέλουσιν ἐκπονεῖν, ἐπὶ τέλει τῶν ἐτησίων καρπῶν, δεκάτη μὲν τῶν σπειρομένων, πέμπτη δὲ τῶν φυτευσόμενων. Ὀριστο δὲ καὶ τοῖς προβατεύουσι τέλῃ μειζόνων τε καὶ ἐλαττόνων ζῶων“.

222) Ср., въ частности, I, прим. 54, 101. См. слѣдующія примѣчанія.

223) Ср. I, примѣчанія: 54, 58, 82; I, стр. 37; ср. I, прим. 147.

224) Ср. I, примѣчанія: 52, 81, 101, 107; I, стр. 37. Что дѣлилась обработанная земля, объ этомъ см. I, прим. 87, 98, 125.

225) Ср. I, примѣчанія: 54, 76.

226) Ср. I, примѣчанія: 54, 102.

227) Ср. I, примѣчанія: 54, 64, 66. Почему и заимочныя земли подлежали, согласно Аппіану, также пошлынѣ, объ этомъ см. ниже въ изложеніи нашемъ о *Lex Manciana*.

228) Ср. I, примѣчанія: 75, 88, 104.

229) Ср. I, примѣчанія 107; ср. III, 112.

нія: по мѣрѣ того, какъ римляне подчиняли своей власти населеніе Италіи и т. д., употребленная Аппіаномъ, говоритъ за то, что порядокъ распредѣленія земли, описанный этимъ историкомъ, долженъ быть отнесенъ къ древнѣйшимъ временамъ Рима²³⁰). Во всякомъ случаѣ, обратное предположеніе не имѣетъ за собою серьезныхъ основаній²³¹).

XLIX. Но не только о системахъ землевладѣнія, имѣвшихъ мѣсто въ древнѣйшемъ Римѣ, сообщаетъ Аппіанъ. Въ томъ же сочиненіи о „Междоусобныхъ войнахъ“ онъ даетъ цѣнныя указанія по вопросу о надѣленіи землею *солдата*, отмѣчая это явленіе въ качествѣ *общаго института* древнеримской жизни. Правда, взгляды Аппіана по этому предмету выражены имъ въ формѣ *рѣчи*, вложенной въ уста Брута; весьма вѣроятно, что Брутъ такой именно рѣчи не произносилъ передъ народомъ и что даже не самъ Аппіанъ сочинилъ эту рѣчь, а кто-либо другой изъ болѣе древнихъ писателей; — и тѣмъ не менѣе этотъ источникъ не лишенъ научной цѣнности. Путемъ *сравненія* съ другими данными эта рѣчь неизвѣстнаго автора можетъ послужить къ уясненію основнаго вопроса объ исконности солдатскаго или воинскаго надѣльнаго землевладѣнія въ древнемъ Римѣ²³²).

230) Предположеніе, что Аппіанъ не представлялъ себѣ вовсе римской старины не можетъ быть допущено: см. *Appian* b. c. I, 1—2, гдѣ онъ говоритъ о начальныхъ временахъ Рима и, между прочимъ, о раздорахъ между сенатомъ и народомъ изъ-за раздѣловъ земли. Предположеніе, что Аппіанъ, хотя и представлялъ себѣ древнѣйшій Римъ, но ошибался въ своихъ представленіяхъ о немъ, — возможно; однако, такое теоретическое предположеніе, по меньшей мѣрѣ, бесплодно.

231) *Нибуръ* (R. G. Berlin, 1830. Bd. II, S. 182) говоритъ, что земельные порядки въ царскій періодъ Рима были „безъ сомнѣнія“ тѣми же самыми, что и въ болѣе позднее время; при этомъ онъ ссылается на только что приведенный нами текстъ Аппіана (b. c. I, 7; см. у насъ въ этомъ очеркѣ прим 221). Ср. „Hierüber ist Appian de bell. civ. I, 7. höchst bestimmt und zuverlässig (*Niebuhr*, R. G. II. S. 182 Anm. 347). *Швеглеръ* (R. G. Tübingen, 1856. Bd. II. S. 422) относитъ заимку земли (occupatio) къ *исконнымъ* явленіямъ римской жизни; при этомъ дѣлаетъ ссылку на Аппіана b. c. I, 7 (см. R. G. Bd. II. S. 433) и считаетъ эту ссылку достовѣрной (R. G. Bd. II. S. 405). Ср. *Karlowa* R. G. Leipzig, 1885. Bd. I. S. 95; *Napoléon III*, Histoire de Jules César. Paris. 1865. t. I. p. 40 et suiv. Болѣе подробно по данному вопросу см. ниже очеркъ I, отдѣлъ VI.

232) На стр. 63 нами замѣчено, что мѣсто о системахъ землевладѣнія въ древнѣйшемъ Римѣ (b. c. I, 7) было заимствовано, согласно

Л. Брутъ произноситъ свою рѣчь, по словамъ Аппіана, въ собраніи гражданъ, которые уже получили земельные на- дѣлы или только должны были ихъ получить ²³³).

Обращаясь къ этимъ-то лицамъ, Брутъ говоритъ, что они поступили хорошо, явившись сюда вмѣстѣ съ другими гражданами. Необходимо, чтобы они, получивъ отъ отече- ства должныя почести и награды, оплатили ему равнымъ об- разомъ. Народъ поручилъ ихъ Цезарю для войны съ гал- лами и бритами; своими побѣдами тамъ они *заслужили по- чести и награды*. Цезарь же, обязавъ ихъ новою присягою, по- велъ ихъ противъ отечества, хотя этого они совѣсмъ не хотѣли ; повелъ ихъ и въ Африку противъ самыхъ лучшихъ гражданъ также вопреки ихъ желанію. Если бы они совершили *под- виги* только въ этихъ *послѣднихъ походахъ*, то можетъ-быть имъ и было-бы совѣстно *требовать* за это награды (*ἀριστεία*). Но такъ какъ ни зависть, ни время, ни человѣческая забыв- чивость не могутъ изгладить подвиги, совершенные ими въ войнѣ съ кельтами и бритами, то они справедливо имѣютъ за это награды (*ἀριστεία*), которыя *издревле (πάλαι) народъ имѣлъ обыкновеніе давать воинамъ (στρατευομένοις ὁ δῆμος ἐδίδου)*, не отнимая при этомъ земель у согражданъ или у людей,

Нибуру, Аппіаномъ у писателя *Посидонія*, умершаго приблизительно въ 50 г. до Р. Хр. (см. на той же стр. прим. 220). Однако, если принад- лежность Посидонію даже этого мѣста не можетъ быть признана вполне достовѣрной (ср. *Wachsmuth*, Einleitung in das Studium der alten Ge- schichte. Leipz. 1895. S. 605; *Pauly-Wissowa*, Real-encyclopädie s. v. Ap- rian), то тѣмъ болѣе рѣчь, произнесенная Брутомъ по случаю убійства Цезаря, не могла быть сочинена Посидоніемъ, такъ какъ онъ умеръ раньше Цезаря. Независимо отъ того, кто является авторомъ рѣчи Брута, слѣдуетъ замѣтить, что достоинство „*рѣчей*“ въ качествѣ *исто- чниковъ* оцѣнивается въ современной литературѣ невысоко. Если, тѣмъ не менѣе, мы останавливаемъ свое вниманіе на рѣчи Брута, то дѣлаемъ это потому, что данныя ея о надѣленіи землею и въ связи съ этимъ нѣ- которыя другія ея свѣдѣнія вполне согласуются съ представленіями древнихъ писателей о земельномъ строѣ древняго Рима. Этою рѣчью, кѣмъ-бы она ни была составлена, можетъ-быть и нѣсколько тенден- ціозно, подчеркивается, однако, основаніе древнеримскаго строя: на- дѣленіе солдата завоеванной имъ землею.

233) *Appian*. b. c. II, 139 (конецъ) и 140 (начало главы). Рѣчь Брута мы приводимъ въ косвенномъ оборотѣ, не вездѣ цѣликомъ и дословно. Въ тѣхъ же мѣстахъ, которыя имѣютъ ближайшее отно- шеніе къ нашему вопросу, рядомъ съ русскимъ текстомъ приводимъ греческій подлинникъ.

ни въ чемъ не провинившихся, и не раздавая однимъ того, что было несправедливо отнято у другихъ. Даже одержавъ побѣду надъ врагами, наши предки не отнимали у нихъ всей земли, но только *часть* ея; и на этой части они поселяли отслужившихъ солдатъ, дабы *тѣ* были *стражами* окончившихъ сражаться (*καὶ ἐς τὸ μέρος φέρον τοὺς ἐστρατεύμενους, φύλακας εἶναι τῶν πεπολεμηκότων*). Если же случалось, что завоеванной земли не доставало, то они давали надѣлы и изъ *государственной земли* (*καὶ τὴν δημοσίαν ἐπένεμον*), или съ этою цѣлью *прикупали* землю. Итакъ, въ древнія времена народъ выводилъ такимъ образомъ колоніи, что отъ этого никому не приходилось страдать. Но Сулла и Цезарь, напавъ съ оружіемъ въ рукахъ на отечество, какъ на вражескую страну, нуждались въ гарнизонахъ и тѣлохранителейъ противъ и отечества; они не отпустили солдатъ на родину, *не покупали* для нихъ земель, а только раздѣлили землю, конфискованную у гражданъ, не утѣшали и лишенныхъ земли *денежнымъ вознагражденіемъ*, хотя у нихъ было много денегъ изъ государственной кассы и отъ конфискованныхъ имуществъ. Но въ самой Италіи, которая ни въ чемъ не провинилась и не совершила никакого преступленія, на основаніи *права войны и также грабежа* (*πολέμου νόμου καὶ ληστῆριου νόμου*) отнимали у прежнихъ владѣльцевъ *землю, дома, кладбища и храмы*, чего римляне не дѣлали даже въ отношеніи иноплеменныхъ враговъ, заставляя ихъ *платить лишь десятую часть урожая* ²³⁴⁾.

Сулла же и Цезарь, продолжаетъ Брутъ ²³⁵⁾, раздѣлили солдатамъ земли единоплеменниковъ, по повелѣнію которыхъ подъ командою Цезаря они предприняли походъ противъ кельтовъ и которые много молились за ихъ побѣды. Сулла и Цезарь *поселили солдатъ вмѣстѣ подъ воинскими значками и въ военномъ порядкѣ*, чтобы нельзя было ни наслаждаться миромъ, ни жить въ безопасности со стороны изгнанныхъ. Въдъ всякій обиженный и лишенный имуществъ будетъ насторожѣнъ, выжидая только удобнаго момента, чтобы вредить. Этого тираны больше всего и желали. Не *доставить* землю думали они своимъ солдатамъ, такъ какъ землю они могли имѣть и въ другихъ мѣстахъ, но они хотѣли, чтобы ихъ сол-

234) *Appian. b. c. II, 140.*

235) *Appian. b. c. II, 141.*

даты всегда имѣли враговъ, готовыхъ имъ вредить, и такимъ образомъ они сдѣлались надежными защитниками власти, совершившей съ ними одно и то же преступленіе. Къ тиранамъ потому такъ привязаны ихъ тѣлохранители, что они совершили вмѣстѣ съ ними тѣ же преступленія и раздѣляютъ тотъ же страхъ. И это предпріятіе, сопровождаемое слезами единоплеменниковъ и изгнаніемъ ни въ чемъ не провинившихся, о боги, они называютъ *основаніемъ колоній!*

Высказавъ мысль о преступномъ образованіи колоній за счетъ единоплеменниковъ, Брутъ заканчиваетъ свою рѣчь непреложнымъ обѣщаніемъ примирить надѣленныхъ землею солдатъ съ прежними владѣльцами земли, уплативъ этимъ послѣднимъ изъ государственной казны стоимость отнятыхъ у нихъ владѣній, такъ чтобы надѣлы не только прочно находились въ новыхъ рукахъ, но чтобы получившимъ эти надѣлы никто и не завидовалъ.

II. Приступая къ *анализу* рѣчи Брута, прежде всего необходимо поставить общій вопросъ: понималъ ли Аппіанъ, или, лучше сказать, неизвѣстный авторъ этой рѣчи, ссылку на прошлыя времена, на старину (*πάλαι*) въ смыслѣ, какъ мы выше выразились „урѣзанной древности“²³⁶? Старый порядокъ надѣленія солдатъ землею противопоставляется въ рѣчи Брута новому, имѣвшему мѣсто во времена Суллы и Цезаря. Такимъ образомъ, старый порядокъ дѣйствовалъ до 7 вѣка отъ основанія Рима; но Брутъ не говоритъ, когда начался въ жизни римскаго народа этотъ старый порядокъ. Повидимому, въ рѣчи Брута онъ предполагается исконнымъ явленіемъ въ Римѣ, наслѣдіемъ сѣдой старины²³⁷). Болѣе важнымъ представляется, однако, не это. Вѣдь и авторъ рѣчи Брута могъ ошибаться въ своихъ представленіяхъ о порядкахъ глубокой римской древности. Правильнѣе будетъ, поэтому, уяснить себѣ вопросъ съ другой стороны: провѣрить,

236) См. у насъ стр. 46 и 42—43.

237) Выраженіе Брута, что именно *народъ* (*ὁ δῆμος*) имѣлъ обыкновеніе издревле надѣлять солдатъ землею, понятно въ устахъ оратора въ обращеніи съ народомъ, и это выраженіе ничего еще не говоритъ, на нашъ взглядъ, противъ того, что старинный порядокъ, описанный въ рѣчи Брута, не имѣлъ, напр., мѣста въ царскій періодъ. Кромѣ того, Аппіанъ употребляетъ слово „*πάλαι*“ и въ томъ случаѣ, когда говоритъ, напр., объ изгнаніи изъ Рима царей (Appian. b. c. II, 120), т. е. придаетъ этому слову значеніе глубокой римской древности.

насколько черты, которыми въ рѣчи Брута характеризуется старый порядокъ надѣленія землею, являются вмѣстѣ съ тѣмъ общими чертами древнѣйшаго періода римской исторіи. Въ этомъ отношеніи и слѣдуетъ изучить рѣчь Брута, сравнивъ ее данныя съ изслѣдованными уже источниками.

ЛП. г. Такъ, изъ рѣчи Брута выясняется, что солдаты за свои побѣды награждались *издревле* тѣмъ, что были поселяемы на отнятой у непріятеля землѣ²³⁸). Такимъ образомъ, приобрѣтеніе территоріи силою оружія составляло необходимое условіе надѣльнаго воинскаго землевладѣнія. Изученные нами источники вполне согласуются съ этимъ указаніемъ изъ рѣчи Брута²³⁹).

2. Аппіанъ говоритъ, далѣе, что нарѣзка земли гражданамъ могла быть производима не только изъ завоеванной земли, но, въ случаѣ недостатка въ ней, и изъ *земли государства*. Легендарная римская традиція дѣйствительно знаетъ такой случай надѣленія землею: Діонисій Галикарнассскій передаетъ, что Нума раздѣлилъ безземельнымъ гражда-

238) Побѣда надъ непріателемъ сопровождалась у римлянъ по общему правилу отнятіемъ земли, обыкновенно — какой либо части: *Dionys.* II, 35, 50, 53, 54; IV, 27; V, 43, 49, 60; VI, 32; IX, 17; *Liv.* I, 15; II, 25, 31, 41; III, 67; VIII, 1, 11, 14; X, 1; XXXV, 9; XXXVI, 39; XXXVIII, 48. *Sic.* 155, 3 (см. у насъ примѣч. I, 81); *Hug.* 116, 7 (см. I, 101); *Hug. Crom.* 176, 1 (см. I, 107); *ex lib. Dolabellae* (см. у насъ стр. 37); *Plut. Rom.* 27 (I, 160). *Cic. de re pub.* II, 14 (I, 170), II, 18 (I, 179); *Cic. pro Fontejo* 1, 2, 8; *Cic. pro Balb.* 18.

239) *Col.* I, praef. 14 (I, 40); *Sic.* 136, 14 (I, 54); 153, 26 (I, 58); 155, 3 (I, 81); *Hug.* 116, 7 (I, 101); 176, 1 (I, 107); 176, 9 (I, 109); *ex lib. Dolab.* (см. у насъ стр. 37); *Dionys.* II, 50, 62 (см. у насъ стр. 47); *Plut. Rom.* 17, 23, 24 (см. у насъ стр. 48), 27 (I, 160); *Dio Cass.* XXXVIII, 1 (см. у насъ стр. 55). *Диодоръ* также отмѣчаетъ, что за завоеваніемъ земли слѣдовало надѣленіе ею солдатъ: „Κελίαν καὶ τὴν Νωλανῶν ἀκρόπολιν ἐξεπολιόρχησε, καὶ λαφύρων μὲν πλῆθος ἀπέδοτο, τοῖς δὲ στρατιώταις πολλὴν τῆς χώρας κατεκληροῦχησεν (XIX, 101).“ Въ этомъ текстѣ говорится о надѣленіи солдатъ землею Квинтомъ Фабіемъ, побѣдителемъ самнитянъ во второй половинѣ V вѣка отъ основанія Рима; слѣдовательно, фактъ надѣленія землею *солдатъ* относится къ довольно древнему времени римской исторіи. Ср. еще *Diod.* XII, 34 и XIV, 102 (I 214 и 215). Эти данныя говорятъ, что выраженіе Аппіана въ рѣчи Брута: „& (т. е. ἀριστεία=награды, по смыслу рѣчи, землею) καὶ τοῖς πάλαι στρατευομένοις ὁ δῆμος ἐδίδου (б. с. II, 140)“ дѣйствительно могло имѣть значеніе общаго правила для древнѣйшаго періода римской исторіи. Болѣе подробно см. ниже въ первомъ очеркѣ, отдѣлѣ шестомъ

намъ (плебеямъ) не только земли, завоеванныя Ромуломъ, но и часть *государственной земли* ²⁴⁰⁾.

3. Цѣль основанія колоній была *издревле*, какъ это слѣдуетъ изъ рѣчи Брута, *охрана государства* противъ окончившихъ сражаться враговъ ²⁴¹⁾. Дѣйствительно, это указаніе Аппіана находитъ себѣ полное подтвержденіе въ римской исторіи, не исключая и самаго *древнѣйшаго* ея періода. *Военныя цѣли* основанія колоній — фактъ, хорошо извѣстный въ литературѣ, и нѣтъ надобности, поэтому, останавливаться на немъ подробно; тѣмъ болѣе, что къ этому вопросу намъ придется вернуться еще разъ ²⁴²⁾.

Въ связи съ тѣмъ, что колоніи служили защитой государства отъ непріятели, становится понятнымъ и тотъ фактъ, что солдаты выводились въ колоніи подъ *своими значками* и въ *военномъ порядкѣ* ²⁴³⁾.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ ²⁴⁴⁾, что древній порядокъ осно-

240) *Dionys.* II, 62 (см. у насъ стр. 49). Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что ни Плутархъ (см. стр. 49), ни Цицеронъ (стр. 50), сообщая о раздѣлѣ земли Нумою, не упоминаютъ, что дополнительно въ раздѣлъ пошла и часть государственной земли. Необходимо, однако, при этомъ помнить, что раздѣлъ *государственной* земли (*ager publicus*) гражданамъ имѣлъ мѣсто рядомъ съ раздѣломъ *завоеванной* земли на протяжении всей римской исторіи. Въ связи съ этимъ понятно упоминаніе Аппіана и о томъ, что въ древности земля *прикупалась* съ цѣлью надѣленія ею солдатъ (см. указаніе на это въ рѣчи Брута). О *прирѣзкѣ* земли изъ сосѣднихъ территорій говорятъ агримензоры: см., напр., *Sic.* 159, 26 (у насъ I, 91).

241) Аппіанъ собственно такъ выражается: „*φύλακας εἶναι τῶν πεπολεμηκότων* (б. с. II, 140)“. Ср. *Dionys.* II, 52.

242) *Dionys.* II, 35, 36, 52, 53, 54; III, 49; V, 43, 60; VI, 32, 34; VII, 13. *Liv.* I, 56; II, 34; IV, 11; X, 1, 10, 21. Цицеронъ (*de leg. agr.* II, 73) говоритъ прямо о колоніяхъ: „*ut esse non oppida Italiae, sed propugnacula imperii viderentur*“. Ср. *Cic. de leg. agr.* II, 75; *pro Fontio* 3; *Phil.* V, 10; *Sic.* 135, 20—23. Ср. у насъ стр. 49, примѣч. 163. Въ пользу мнѣнія о колоніяхъ, какъ военныхъ поселеніяхъ, высказались: *N. Madvig*, *Opusc. acad.* (Hauniae. 1887) S. 182; *Niebuhr*, R. G. (Berlin. 1830) Bd. II, S. 51; *Kornemann* sub verbo „*coloniae*“ (*Pauly-Wissowa*), т. IV, стр. 561, 10.

243) *Hug. Grot.* 176, 9, 11 (см. у насъ I, 109 и 110); *Cic. Phil.* II, 102; *de leg. agr.* II, 86; *Plut.* C. Gracch. 11.

244) Мы оставляемъ пока въ сторонѣ нѣкоторыя другія болѣе мелкія черты, характеризующія земельные порядки древняго Рима, въ томъ числѣ, напр., то, что съ побѣжденнаго непріятели взималась пошлина въ размѣрѣ $\frac{1}{10}$ урожая (Ср. *Appian. de reb. ital.* II, 18).

ванія колоній въ отношеніи *солдатскаго надѣльнаго землевладѣнія*, о чемъ сообщаетъ Аппіанъ, передавая рѣчь Брута, дѣйствительно былъ исконнымъ и основнымъ явленіемъ древнеримской жизни. Нѣтъ поводовъ умалять, поэтому, цѣнность сообщеній Аппіана по вопросу объ основаніи и способахъ распредѣленія земли между гражданами, суживая его ссылку на старину или сомнѣваясь въ достовѣрности самой ссылки.

Воинское землевладѣніе является, такимъ образомъ, на самомъ дѣлѣ основнымъ институтомъ земельного строя въ древнѣйшемъ Римѣ.

ЛШ. Въ результатѣ изученія представленій историковъ (отдѣлъ IV), на поставленный выше вопросъ (стр. 42—43) о тождествѣ системъ земельного обладанія въ исконномъ и позднѣйшемъ Римѣ слѣдуетъ отвѣтить *утвердительно*. *Завоеваніе земли и наръзка ея на солдата-побѣдителя* составляютъ *жизненный нервъ* римскаго надѣльнаго землевладѣнія, начиная уже съ глубокой древности до періода имперіи включительно²⁴⁵). Отсюда съ необходимостью слѣдуетъ, что позднѣйшіе земельные порядки, какъ о нихъ говорятъ римскіе землемѣры, были въ главныхъ чертахъ тѣми же самыми и въ древнѣйшее время римской исторіи; отсюда необходимо, далѣе, и ссылкамъ римскихъ землемѣровъ на старину придавать значеніе свидѣтельствъ о старинѣ исконной. Въѣстѣ съ тѣмъ, сама собою отпадаетъ мысль о солдатскомъ надѣлѣ, какъ только объ усадебной землѣ.

V.

Грамматики и поэты.

§ 17. Секстъ Помпей Фестъ (Веррій Флаккъ и Павелъ Діаконъ).

LIV. Намъ остается перейти къ изученію *представленій* послѣдней группы писателей римской древности — *грамматиковъ и поэтовъ* по вопросу объ усадебномъ надѣлѣ въ

245) Византійское государство, наслѣдникъ Рима, продолжало охранять воинское надѣльное землевладѣніе; въ X столѣтіи предпринимается цѣлый рядъ мѣръ, направленныхъ къ его поддержанію; см. объ этомъ новеллы, приведенныя *Васильевскимъ* (Жур. Мин. Нар. Просв. 1879).

связи съ общественной запашкой, или общинно-пахотнымъ землевладѣніемъ.

Къ числу римскихъ грамматиковъ принадлежитъ Секстъ Помпей *Фестъ*, жившій, вѣроятно, во 2 или даже въ 3 вѣкѣ по Р. Хр. Цѣнность данныхъ этого автора сравнительно поздняго времени увеличивается, однако, тѣмъ, что онъ въ своей работѣ „О значеніи словъ“²⁴⁶⁾ далъ не самостоятельный трудъ, а лишь алфавитное сокращеніе недошедшаго до насъ обширнаго труда того же названія извѣстнѣйшаго грамматика Августова вѣка *Веррія Флакка*. Такимъ образомъ, на сохранившіяся до насъ свѣдѣнія изъ сочиненія Феста слѣдуетъ смотрѣть какъ на источникъ болѣе древній, чѣмъ то подсказываетъ время жизни его автора. То же самое необходимо сказать и объ эпитоматорѣ *Павль Діаконъ*; хотя этотъ писатель и жилъ въ 8 столѣтіи отъ Р. Хр., но онъ оставилъ опять лишь *извлечение* изъ вышеназванной работы Феста, представляющей изъ себя въ свою очередь, какъ мы только что сказали, сокращеніе труда Веррія Флакка²⁴⁷⁾.

Обращаясь къ римскимъ грамматикамъ, мы находимъ у нихъ слѣдующія представленія о надѣльной системѣ въ древнемъ Римѣ:

1. Надѣленіе землею было исконнымъ явленіемъ въ Римѣ, такъ какъ грамматики считаютъ возможнымъ для себя относить самые первые раздѣлы земли въ Римѣ къ эпохѣ его основателя *Ромула*²⁴⁸⁾;

2. Римскій народъ надѣлялся землею „*по-мужамъ*“, т. е. надѣлъ шелъ *на каждого мужа* въ отдѣльности²⁴⁹⁾;

246) *Sexti Pompei Festi de verborum significatu quae supersunt cum Pauli epitomae*. Budapestini. 1889. См. еще *Corpus grammaticorum latinorum veterum*. Lipsiae. 1832. t. II, 2 и *Auctores latinae linguae in unum redacti corpus cum notis* Dionys. Gothofredi. 1585, p. 118

247) Это извлечение Павла Діакона составляетъ главный, дошедшій до насъ памятникъ сочиненія Феста и вмѣстѣ съ тѣмъ Веррія Флакка. Впрочемъ, сохранилась еще сильно попорченная рукопись XI-го вѣка, содержащая въ себѣ непосредственно сочиненіе и-самого Феста (codex Farnesianus).

248) *Paul. Diac.* p. 53: „Centuriatus ager in ducena iugera definitus, quia *Romulus* centenis civibus ducena iugera tribuit“. Cf. *Varr.* R. R. I, 10, 2. *Non. sub. verbo heredium*.

249) *Paul. Diac.*: „Viritanus ager dicitur, qui *viritim* populo distribuitur“. *Paul. Diac.*: „Viritim dicitur dari, quod datur per singulos viros.

3. Исконный надѣлъ равнялся *двумъ югерамъ*, такъ какъ Ромуль давалъ на сто гражданъ всего двѣсти югеровъ земли²⁵⁰).

4. Завоеваніе земли обуславливало собою возникновеніе поселеній и даже цѣлой трибы²⁵¹).

Изъ этихъ данныхъ слѣдуетъ, что въ исконномъ Римѣ существовало индивидуальное землевладѣніе и этимъ самымъ исключалась система общаго обладанія землей.

LV. Мысль о томъ, что надѣльное землевладѣніе ограничивалось въ исконномъ Римѣ *только усадебной землей* и что, поэтому, пахотная земля находилась въ *общинномъ обладаніи*, не имѣетъ за собою достаточныхъ оснований, по крайней мѣрѣ, въ передачѣ объ этомъ грамматиковъ *Прямой смыслъ* только что приведенныхъ въ примѣчаніяхъ текстовъ (см. 248—250) говорить противъ возможности такого предположенія. Однако, и помимо прямого смысла этихъ текстовъ, въ пользу надѣленія землею вообще, а не въ узкомъ значеніи нарѣзки исключительно усадебной или дворовой земли, имѣется у грамматиковъ одно любопытное данное. Дѣло въ томъ, что усадебная земля, называемая у позднѣйшихъ римлянъ словомъ „hortus“, въ древности не имѣла даже названія, такъ какъ этимъ словомъ обозначалась у древнихъ не усадебная земля, а только одна *усадыба*²⁵²); для обозначенія же земли усадебной или точнѣе того, что у позднѣйшихъ римлянъ называлось именемъ „hortus“ — огородъ, употреблялся терминъ общаго содержанія „*наслѣдственный участокъ*“ — heredium²⁵³). А подъ этимъ терминомъ, согласно грамматикамъ, нельзя разумѣть только лишь усадебную землю, но просто — *всякій, небольшой участокъ земли*²⁵⁴).

Cato: Praeda quae capta est, viritim divisa.“ Non.: „Viritim dictum est separatim, et per singulos viros“. Priscian.: „Viritim quod Graeci ἀνδρακᾶς dicunt, id est per singulos viros (Gramat. latini Keili. III, p. 465, 28). Cp. Paul. sent. IV, 8 § 19.

250) См. примѣч. 248.

251) Paul. Diac.: „Romulia tribus dicta, quod ex eo agro censebantur. quem Romulus ceperat ex Veientibus“. Cp. Auctores latinae linguae Dionys. Gothofredi. 1585. p. 167 Romuliam tribum. Varr. de ling. lat. V, 56.

252) Paul. Diac.: „Hortus apud antiquos omnis villa dicebatur, quod ibi, qui arma capere possint, orientur“. Cf. Plin. H. N. XIX, 4.

253) Plin. H. N. XIX, 4: „In XII tabulis legum nostrarum nusquam nominatur villa, semper in significatione ea hortus: in horti vero, heredium“. Cf. Varr. R. R. I, 10, 2; Non. Heredium.

254) Paul. Diac.: „Heredium, praedium parvulum“. — Словомъ же

Такимъ образомъ, изъ сказаннаго слѣдуетъ, что въ исконной римской старинѣ, согласно представленіямъ грамматиковъ Веррія Флакка и Секста Феста, существовало частное надѣльное землевладѣніе *въ полномъ смыслѣ этого слова*, исключавшее общинное обладаніе пахотной землей.

§ 18. Исидоръ Севильскій (Гиспальсь).

LVI. Въ дополненіе данныхъ грамматиковъ Феста и Флакка, опредѣленно передающихъ о существованіи въ исконномъ Римѣ надѣльнаго землевладѣнія, у *Исидора Севильскаго*²⁵⁵⁾ имѣются любопытныя указанія на господство въ исконной римской старинѣ землевладѣнія *заимочнаго*.

Такъ какъ размѣръ обладанія заимочной землей, что было выше замѣчено, опредѣлялся возможностью дѣйствительной ея обработки, то въ области заимочнаго землевладѣнія скорѣе всего могло образоваться экономическое неравенство. Въ согласіи съ этимъ Исидоръ указываетъ, что заимочныя владѣнія простирались на значительныя пространства²⁵⁶⁾ и даетъ

„*praedium*“ обозначалось у римлянъ всякое недвижимое имущество городское и сельское: постройки (I. 198 D. 50, 16), садо-огородный участокъ (I. 198 D. 50, 16) и *всякій участокъ земли въ хозяйствѣ римлянина: ager или даже possessio* (I. 115 D. 50, 16); болѣе подробно см. *Heumann's Handlexicon zu den Quellen des R. R. von Seckel. 1907 s. v. praedium. Cf. Isid. XV, 13, 5.*

255) Сочиненіе епископа Исидора Севильскаго „*Originum sive etymologiarum libri XX*“, одного изъ выдающихся писателей ранней эпохи среднихъ вѣковъ (570—636 по Р. Хр.), останавливается на себѣ вниманіе не потому, что представленія этого сравнительно поздно жившаго писателя объ исконной римской старинѣ имѣютъ большую цѣнность сами по себѣ. Исидоръ Севильскій въ своемъ вышеупомянутомъ сочиненіи является добросовѣстнымъ компиляторомъ; въ этой то компиляціи и состоитъ цѣнность данныхъ, почерпаемыхъ у Исидора для уясненія воззрѣній римлянъ на исконныя у нихъ формы землевладѣнія.

256) *Isid. XV, 13, 3: „Possessiones sunt agri late patentes publici privatique, quos initio non mantipatione, sed quisque ut potuit occupavit, atque possedit, unde et nuncupati“.* Ср. *Fest. (fragm. e cod. farn. L. XVI): Possessiones* (у насъ прим. 143). *Fest.: „Possessio est, ut definit Gallus Aelius, usus quidam agri, aut edifici, non ipse fundus aut ager“.* *Front. p. 36, 3: „et stipendiarios . . . qui nexum non habent, neque possidendo ab alio quaeri possunt. possidentur tamen a privatis, sed alia conditione: et*

опредѣленіе челоѣка *богатаго* (*locuples*): имъ былъ тотъ, кто имѣлъ землю въ избыткѣ и былъ владѣльцемъ многихъ заимочныхъ земель²⁵⁷). При этомъ нужно обратить *особенное вниманіе* на то, что въ подтвержденіе даннаго понятія о богатомъ челоѣкѣ Исидоръ *ссылается* на извѣстный намъ текстъ Цицерона о заимочномъ землевладѣніи *въ эпоху Ромула*, когда, по свидѣтельству Цицерона, богатство состояло въ обладаніи скотомъ и во владѣніяхъ землею²⁵⁸). Такимъ образомъ, изъ этой ссылки на Цицерона слѣдуетъ, что Исидоръ представлялъ себѣ заимочное землевладѣніе тождественнымъ въ исконномъ *ромуловскомъ Римѣ* и въ Римѣ позднѣйшемъ. Этой ссылки Исидоръ не могъ бы сдѣлать, если бы онъ текстъ Цицерона понималъ въ смыслѣ не просто заимочнаго владѣнія, а общиннаго обладанія землей.

LVII. Независимо отъ вопроса о заимочномъ землевладѣніи любопытно еще отмѣтить опредѣленіе, данное Исидоромъ относительно „пастбищнаго поля“, подъ которымъ онъ разумѣетъ участокъ земли, оставленный сосѣдямъ при нарѣзкѣ имъ земли *нераздѣленнымъ* въ качествѣ общаго выгона для ихъ скота²⁵⁹). Къ сказанному слѣдуетъ еще прибавить, что не только въ этомъ опредѣленіи, но и во всей 13 главѣ XV книги, гдѣ Исидоръ даетъ перечень различнаго рода полей, онъ не сдѣлалъ никакого намека на существованіе въ древности общинно-пахотнаго поля²⁶⁰).

У Исидора же мы находимъ указаніе и на то, что „наслѣдственный участокъ“ (*heredium*), составлявшій, согласно Фесту, „небольшое недвижимое имущество“ (*praedium parvu-*

ueueunt, sed nec mancipatio eorum legitima potest esse“. См. у насъ стр. 51, примѣч. 173. См. *Niebuhr*, R. G. Bd. II. S. 156, 161, Anm. 297; *Schwegler*, R. G. II, 407, 4; 408, 1. *Dubois*, De l'occupation et de la concession par l'état ou par la „gens“. Lille. 1893 (Thèse), p. 94, 3. *Beaudouin* l. c. t. XVII, p. 601, note 1 et suiv., p. 677—684; t. XVIII, p. 161 et suiv. (см. у насъ прим. 57 на стр. 22).

257) *Isid.* X, 155: „*Locuples, quasi locis plenus, et possessionum plurimarum possessor, quemadmodum Tullius de Republica in libro 11.: Multaque dictione ovium et bovis, quod tunc erat res in pecore et in locorum possessionibus: ex quo pecuniosi et locupletes vocabantur*“.

258) См. предыдущее примѣчаніе.

259) *Isid.* XV, 13, 9: „*Compascuus ager dictus, qui a diuisoribus agrorum relictus est ad pascendum communiter vicinis*“. Cf. *Varr.* de ling. lat. V, 36 *Saltus* (см. у насъ I, 33).

260) Ср. *Varr.* de ling. lat. V, 34—40.

lum) не могъ быть „только усадебной землей“²⁶¹). Пусть даже будутъ неправильны тѣ объясненія, которыя приводитъ Исидоръ, когда онъ сближаетъ происхождение слова „praedium“ съ „quasi praevidium“, или съ „praeda“, т. е. съ взятой на войнѣ добычей, но ни то, ни другое филологическое толкованіе не говоритъ, конечно, за представленіе Исидора о „praedium“, какъ только объ усадебномъ участкѣ земли.

§ 19. Децимъ Юній Ювеналъ и Валерій Максимъ.

LVIII. Согласно Исидору, или, лучше сказать, тѣмъ представленіямъ древности объ исконныхъ формахъ земле-владѣнія, какъ онѣ переданы Исидоромъ, устанавливается фактъ существованія въ римской старинѣ *заимочнаго обладанія землей*; согласно же Фесту и другимъ грамматикамъ, — наличность *надѣльнаго землевладѣнія въ эпоху Ромула*. Грамматиками былъ отмѣченъ и размѣръ надѣльнаго ромуловскаго участка всего въ два югера земли. Обращаясь, далѣе, къ сопоставленію двухъ римскихъ писателей *Ювенала* и *Валерія Максима*, мы найдемъ, что и въ сравнительно позднее время двухъюгеровой надѣль былъ еще обычной нормой римлянина-солдата, а семиюгеровой участокъ составлялъ все недвижимое имущество даже славныхъ полководцевъ и вообще великихъ людей римской древности.

Римскій сатирикъ *Децимъ Юній Ювеналъ*, родившійся около 60 г. по Р. Хр. и умершій въ 130 г., въ одной изъ своихъ знаменитыхъ сатиръ 14-ой: „О воспитаніи дѣтей“ сообщаетъ, что солдаты получали за понесенные ими труды во время пунической войны и сраженій съ Пирромъ едва по два югера земли; эта награда за кровь и трудъ никому изъ нихъ не казалась, однако, недостаточной; и такой клочекъ земли питалъ цѣлую семью²⁶²).

261) *Isid.* XV, 13, 5: „Praedium, quod ex omnibus patrifamilias maxime praevidetur, id est apparet, quasi praevidium, vel quod *antiqui agros, quos bello ceperant, ut praedae nomine habebant*“.

262) *Juv.* XIV, 161:

„Mox etiam fractis aetate ac Punica passis
Praelia, vel Pyrrhum immanem, gladiosque Molossos.
Tandem pro multis vix iugera bina dabantur
Vulneribus. Merces ea sanguinis, atque laboris
Nullis visa unquam meritis minor, aut ingratae

Обращая затѣмъ свой взоръ отъ этого прошлаго къ современному, Ювеналь не можетъ удержаться отъ сравненія и вмѣстѣ тѣмъ упрековъ своему времени: теперь, продолжаетъ онъ, такое пространство земли не достаточно для нашего огорода (*hortus*)²⁶³). Это сравненіе земельного надѣла въ два югера съ усадьбой земли времени Ювенала особенно любопытно и оно показываетъ, что Ювеналь не представлялъ себѣ исконнаго двухъюгероваго надѣла усадьбой землей; въ противномъ случаѣ онъ едва ли бы могъ послать въ такой формѣ упрекъ своимъ современникамъ. Такимъ образомъ, сдѣланное Ювеналомъ сравненіе вполнѣ согласуется съ его утвержденіемъ достаточности земельного надѣла въ два югера для пропитанія римлянъ²⁶⁴).

LIX. Въ сочиненіи римскаго писателя *Валерія Максима*: „О знаменитыхъ словахъ и дѣяніяхъ“²⁶⁵) содержатся опредѣленные указанія на *семьюгеровый* надѣлъ, котораго относятся такъ же, какъ и у Ювенала, ко времени сравнительно позднему. Впрочемъ, мы уже видѣли, что указанія на семьюгеровый надѣлъ встрѣчаются и у другихъ писателей римской древности²⁶⁶); однако, у Валерія Максима эти указанія окрашены

Curta fides patriae. saturabat glebula talis
Patrem ipsum, turbamque casae, qua foeta jacebat
Uxor, et infantes ludebant quatuor, unus
Vernula, tres domini: sed magnis fratribus horum
A scrobe vel sulco redeuntibus, altera coena
Amplior, et grandes fumabant pultibus ollae.
Nunc modus hic agri nostro non sufficit horto.“

263) См. примѣч. предыдущее.

264) Ювеналь приводитъ кромѣ того мудрое правило далекой старины добывать плугомъ столько, сколько нужно для пропитанія (*Juv.* XIV, 180—182; cf. 316—326).

265) *Valerii Maximi factorum et dictorum memorabilium libri novem*. Этотъ сборникъ написанъ Валеріемъ Максимомъ между 28 и 32 гг. по Р. X.; и хотя его авторъ нерѣдко относился къ матеріаламъ безъ достаточной критики, однако онъ бралъ ихъ изъ *старыхъ источниковъ*, и въ этомъ состоитъ цѣнность сообщаемыхъ имъ свѣдѣній. Кромѣ того насъ интересуеетъ вопросъ и о возрѣніяхъ самого писателя, и съ этой стороны рассказы Валерія Максима приобрѣтаютъ свой особый интересъ. Валерій Максимъ отнесенъ нами въ отдѣлъ поэтовъ, такъ какъ онъ стоитъ къ нимъ ближе, чѣмъ къ историкамъ. — Объ источникахъ Валерія Максима и о пользованіи его трудомъ см. *Wachsmuth*, 1 с. S. 266 f.

266) См. *Plin.* XVIII, 3, (стр. 11, прим. 14); *Varr.* R. R. I, 2, 9 (стр. 15); *Col.* R. R. I praef., 14 (стр. 16); *Col.* R. R. I, praef., 13 (стр. 16).

въ особенно яркій цвѣтъ, такъ какъ онъ даетъ цѣлый рядъ лицъ изъ портретной галереи великихъ людей древняго Рима. Вотъ передъ нами проходитъ уже знакомая крупная фигура суровой древности величественнаго въ своей простотѣ Л. Квинція Цинцинната; этотъ римлянинъ владѣлъ, согласно Валерію Максиму, участкомъ земли въ семь югеровъ. Однако, знаменитый римлянинъ сумѣлъ сохранить достоинство отца семейства, работая даже и на *четырехъ* югерахъ земли, такъ какъ три ему пришлось потерять при поручительствѣ за своего друга ²⁶⁷⁾. Итакъ, по воззрѣніямъ Валерія Максима, *вождь* и *диктаторъ* римскаго народа, а имъ былъ Цинциннатъ, могъ кормиться на *четырехъ* югерахъ земли.

Другой примѣръ *семиюгероваго* владѣнія въ древности даетъ Валерій Максимъ въ лицѣ знаменитаго *Регула*, римскаго полководца въ первую пуническую войну. Цѣнность этого извѣстія увеличивается тѣмъ, что, по словамъ самого Регула, этотъ участокъ земли кормилъ его семейство: жену и дѣтей; и Регуль просить, поэтому, сенатъ разрѣшить ему сдать командованіе арміей и вернуться съ войны, дабы устроить этотъ участокъ, запустѣвшій по независящимъ отъ него обстоятельствамъ ²⁶⁸⁾.

На *семиюгеровомъ* участкѣ малопродуктивной при томъ земли жилъ, наконецъ, и еще одинъ римскій полководецъ Фабій Максимъ ²⁶⁹⁾.

Но помимо приведенныхъ примѣровъ владѣнія семиюгеровыми участками и даже довольствія всего *четырьмя* югерами, какъ то явствуетъ изъ примѣра Цинцинната, Валерій Максимъ сообщаетъ еще о семиюгеровыхъ владѣніяхъ великихъ людей древности въ *видѣ общаго правила*, отмѣчая вмѣстѣ съ тѣмъ неплодородіе владѣемой ими земли ²⁷⁰⁾.

267) *Valer. Maxim.* IV, 4, 7: „Aeque magna latifundia L. Quinctii Cincinnati fuerunt: *septem enim* iugera agri possedit... Et tamen ei quatuor iugera *aranti*, non solum dignitas patris familiae constitit, sed etiam dictatura delata est“. Cf. *Liv.* III, 26; *Pers. Sat.* I, 73; *Colum. R. R.* I, praef., 13.

268) *Valer. Maxim.* IV, 4, 6: „... Ideoque petere ut sibi successor mitteretur, ne deserto agro non esset unde *uxor ac liberi sui alerentur*“. Cf. *Liv. Epit.* 18.

269) *Valer. Maxim.* IV, 8, 1.

270) *Valer. Maxim.* IV, 4, 11: „Nullum aut admodum parvi ponderis argentum, paucos servos, *septem iugera aridae terrae*...“ Cf. IV, 8, 1.

Здѣсь слѣдуетъ упомянуть и о той горечи души, съ которой Валерій Максимъ такъ же, какъ и Ювеналь, отмѣчаетъ недовольство своихъ богатыхъ современниковъ, считавшихъ себя стѣсненными, когда ихъ жилища не занимали пространства болѣе, чѣмъ владѣнія Цинцинната въ четыре югера земли ²⁷¹⁾.

Такимъ образомъ, согласно Валерію Максиму, въ болѣе позднее время, чѣмъ исконная римская старина, даже полководцы и вообще великіе римляне довольствовались семиюгеровыми и четырехюгеровыми участками и при томъ мало-плодородной земли! Эту землю они сами лично пахали и засѣвали ²⁷²⁾; слѣдовательно, эта земля была пахотнымъ полемъ, съ котораго они кормились. Неудивительно, поэтому, что простые граждане могли довольствоваться двухюгеровымъ надѣломъ; объ этомъ не говорить, правда, самъ Валерій Максимъ, но писатели римской древности и въ томъ числѣ, какъ мы только что видѣли, римскій сатирикъ Ювеналь сообщаютъ объ этомъ единодушно ²⁷³⁾.

Итакъ, хотя данныя, почерпаемая нами изъ Ювенала и Валерія Максима не относятся непосредственно къ исконной римской старинѣ, тѣмъ не менѣе прямыя свидѣтельства обоихъ авторовъ о наличности въ *періодъ республики* владѣній въ два и семь югеровъ говорятъ за *возможность* существованія такихъ участковъ *пахотной* земли и *въ болѣе глубокой римской древности*.

§ 20. Виргилій, Тибуллъ, Овидій и Гораций.

LX. Нѣкоторые римскіе поэты сохранили въ своихъ произведеніяхъ легенду о „золотомъ вѣкѣ“, изъ которой слѣдуетъ, что частное землевладѣніе, поскольку оно связано

271) *Valer. Maxim.* IV, 4, 7: „Anguste se habitare nunc putat cujus domus tantum patet, quantum Cincinnati rura patuerunt“.

272) *Valer. Maxim.* IV, 4, 7 (стр. 78, прим. 267) и IV, 4, 8: „Quid Aelia familia? quam locuples? sexdecim eodem tempore Aelii fuerunt, quibus una domuncula erat eodem loci, quo nunc sunt Mariana monumenta: et unus in agro Veiente fundus, minus *cultorum* desiderans, quam dominos habedat“. Ср. IV, 4, 5.

273) *Varr.* I, 10, 2; *Plin.* H. N. XVIII, 2; *Paul. Diac.* ap. Festus: Centuriatus ager; *Sic.* (Cromatici vetetes ed. Lachman) p. 153, 28; *Liv.* VI, 36, 11; *Plut.* Popl. 21; *Juv.* Sat. XIV, 161; болѣе подробно см. у насъ *таблицу первую* въ очеркѣ: Подушный надѣлъ.

съ измѣреніемъ и раздѣломъ земли, возникло *не* во времена Ромула, а въ эпоху болѣе отдаленную — въ царствованіе *Юпитера*; это же послѣднее царствованіе было то, которое пришло на смѣну „золотого вѣка“, связаннаго съ именемъ *Сатурна*.

Такъ, *Виргилій* разсказываетъ, что до воцаренія Юпитера земледѣльцы не обрабатывали полей; не было позволительно тогда *раздѣлять* и землю²⁷⁴). *Тибуллъ* передаетъ, что въ вѣкъ Сатурна люди жили счастливо. Тогда быкъ не гнулъ подъ ярмомъ своей шеи; дома стояли открытыми, и не были установлены *границы пашней*. Тогда люди не знали ни скорби, ни насилія, ни войнъ, ни солдатъ, и кузнецъ не коваль губительнаго оружія. Все это измѣнилось въ царствованіе *Юпитера*²⁷⁵). *Овидій* говоритъ, что въ вѣкъ *Юпитера* земле-

274) *Virgilii* georg., I, 125:

„Ante Iovem nulli subigebant arva coloni,
„Nec signare quidem aut partiri limite campum
„Fas erat; in medium quaerebant, ipsaque tellus
„Omnia liberius, nullo poscente, ferebat.

Здѣсь же слѣдуетъ отмѣтить, что во всей первой книгѣ, посвященной Виргиліемъ земледѣлію, и несмотря на упоминаніе о Ромулѣ (I, 498), поэтъ такъ ведетъ свой разсказъ, что нигдѣ не даетъ основанія предположить порядокъ землевладѣнія въ исконной старинѣ инымъ сравнительно съ позднѣйшимъ временемъ существованія Рима. Такимъ образомъ, указаніе Виргилія на раздѣлъ земли въ вѣкъ Юпитера слѣдуетъ скорѣе понимать въ смыслѣ возникновенія частнаго обладанія на землю въ полномъ смыслѣ этого слова, чѣмъ въ смыслѣ лишь общиннаго землевладѣнія; съ такимъ пониманіемъ наиболѣе согласуется и само только что приведенное изъ Виргилія четырехстишіе.

275) *Tibulli* I, eleg. 3, 35:

„Quam bene Saturno vivebant rege, priusquam
„Tellus in longas est patefacta vias!

„Illo non validus subiit iuga tempore taurus;

„Non domus ulla fores habuit; non fixus in agris;
„Qui regeret certis finibus arva, lapis.

„Nunc Iove sub domino caedes, nunc vulnera semper;
„Nunc mare; nunc leti mille repente viae.

Любопытно отмѣтить у Тибуллы противоположеніе имъ своего времени *непосредственно* эпохѣ Сатурна. Изъ этого слѣдуетъ, что вѣкъ Юпитера есть вмѣстѣ съ тѣмъ и время Тибуллы. Такимъ

Проф. Н. К. Грунскій.

ЛЕКЦІИ
ПО
ПЕДАГОГИКЪ.

Въ 1904 г. возникъ при нашемъ Университетѣ студенческій педагогическій кружокъ. Привѣтствуя такое симпатичное начинаніе, возникшее по инициативѣ студентовъ историко-филологическаго факультета, я тогда же, въ качествѣ руководителя кружка, такъ въ заключеніе своей рѣчи формулировалъ задачи кружка:

Мы не должны здѣсь задаваться широкими цѣлями, здѣсь лишь маленькое дѣло: наша дѣятельность здѣсь маленькій узенькій мостикъ, который мы перебрасываемъ къ будущей практической дѣятельности. Ту работу, которая вамъ предстоитъ на первыхъ порахъ вашей самостоятельной дѣятельности, мы переносимъ сюда, въ стѣны Университета. Попытаемся же сдѣлать ее общими силами. Правда, предъ нами не будетъ того многосторонняго матеріала въ лицѣ нашего младшаго, подрастающаго поколѣнія, но и это къ лучшему. Немного освоившись съ разнообразными педагогическими вопросами, съ разными вопросами педагогической техники, вы затѣмъ будете подвергать менѣе мучительной вивисекціи своихъ будущихъ питомцевъ. Я боюсь подробнѣе говорить о предстоящей дѣятельности нашего Кружка, предварительно подробно начерчивать ходъ нашихъ занятій. Какъ то невольно вспоминается при этомъ, что, вѣдь, у насъ былъ цѣлый рядъ предшественниковъ, съ строго выработанной, опредѣленной физиономіей — въ лицѣ Педагогическихъ Курсовъ, Институтовъ. Исторія педагогическихъ учреждений покажетъ вамъ, что у насъ много разъ назрѣвала мысль о недостаточности прохожденія лишь одного университетскаго курса для будущихъ педагоговъ. Мысль созрѣвала, получала воплощеніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ не

получалось нужныхъ результатовъ. Какимъ трагическимъ, въ сущности, финаломъ нашихъ педагогическихъ учреждений является основаніе филологической семинаріи въ Лейпцигѣ! Неужели же и нашему кружку выпадеть на долю одна изъ прежнихъ проторенныхъ дорожекъ? Но здѣсь является и маленькая надежда на лучшее: вѣдь, кружокъ созданъ вашей инициативой, онъ ваше дѣтище, а не что либо навязанное вамъ, и потому вы же должны поддержать и развить, воспитать его. Наша школа переживаетъ въ настоящее время трудную долю. Она терпитъ перестройки. Раздаются голоса за полную ея ломку, за то, что не стоитъ накладывать заплатъ, что необходимо новое зданіе. Среди общества раздаются рѣзкіе отзывы о негодности программъ, учебниковъ, о томъ, что составляютъ будто-бы эти программы, и учебники не съ точки зрѣнія живой дѣтской и юношеской души, а съ точки зрѣнія какой-то черезчуръ отвлеченной, далекой отъ жизни, что вся наша средняя школа это „какіе то объѣдки со стола учебного спутанные и испорченные черновики ученыхъ конспектовъ.“ Но часто не программы виноваты. Дѣло — въ исполнителяхъ, а ихъ то общество еще и не успѣло создать.

Но кружокъ не сумѣлъ выполнить намѣченныхъ задачъ и сама дѣятельность его, живо начавшаяся, прекратилась за недостаткомъ рефератовъ.

Приступая теперь къ чтенію лекцій по педагогикѣ, я далекъ отъ мысли, что мой теоретическій курсъ могъ бы замѣнить собою ту самостоятельную работу, которая требовалась отъ участниковъ Кружка. Мой курсъ лишь попытка дать учебникъ по педагогикѣ нѣсколько новаго типа сравнительно съ имѣющимися у насъ учебниками. Особенное же значеніе я придаю нашимъ „практическимъ занятіямъ по педагогикѣ“: изъ нихъ, можетъ быть, удастся сдѣлать хотя отчасти то, что не удалось сдѣлать изъ занятій педагогическаго кружка.

До сихъ поръ не пришли ни къ какимъ опредѣленнымъ результатамъ насчетъ того, какова должна быть педагогическая подготовка для учителей средне-учеб. заведеній: основать ли кафедру педагогики въ университетахъ, цѣлѣн ли педагогическій факультетъ, или педологическій институтъ.

При мысли о наиболѣе дѣйствительномъ въ данномъ случаѣ, о педагогическихъ факультетахъ, невольно вспоми-

наются тѣ проекты, которые высказывались уже давно, и высказывались глубоко продуманными, нашимъ знаменитымъ педагогомъ К. Д. Ушинскимъ.

„Общественное воспитаніе совсѣмъ не такое малое дѣло, чтобы оно не заслуживало особаго факультета“, говоритъ Ушинскій. „Цѣль педагогическаго факультета могла бы быть даже опредѣленнѣе цѣли другихъ факультетовъ. Этой цѣлью было бы изученіе человѣка во всѣхъ проявленіяхъ его природы, со специальнымъ приложеніемъ къ искусству воспитанія. Практическое значеніе такого педагогическаго или вообще антропологическаго факультета было бы велико. Педагоговъ численно нужно не меньше, а даже еще больше, чѣмъ медиковъ, и, если медикамъ мы ввѣряемъ наше здоровье, то воспитателямъ ввѣряемъ нравственность и умъ дѣтей нашихъ, ввѣряемъ ихъ душу и вмѣстѣ съ тѣмъ и будущность нашего отечества“. Отсюда ясно почему въ качествѣ стронника и поборника общественнаго воспитанія Ушинскій въ основѣ наукъ для приготовленія къ педагогической дѣятельности ставилъ науку о человѣкѣ, объ обществѣ и всестороннемъ развитіи человѣчества. Поэтому, по его мнѣнію, программа педагогическихъ факультетовъ должна была состоять изъ анатоміи, фізіологіи, патологіи человѣка, психологіи, логики, сюда же присоединялись филологія, географія, статистика, политическая экономія, исторія, съ подраздѣленіями на исторію религіи, цивилизациі, философскихъ системъ, литературъ, искусствъ и собственно воспитанія.

Ушинскій не считалъ возможнымъ для человѣка, занимающагося педагогіей, не быть хорошимъ психологомъ, такъ какъ педагоги — „единственный классъ людей, для практической дѣятельности которыхъ изученіе духовной стороны человѣка является такимъ же необходимымъ, какъ для медика изученіе тѣлесной“. Потому изученіе этого отдѣла для педагоговъ Ушинскій особо подчеркивалъ. Если университеты его времени имѣли факультеты медицинскій, камеральный, а не имѣли педагогическаго, объясненіе такого явленія Ушинскій находилъ въ вѣрномъ признакѣ большей заботы людей о здоровьи своего тѣла и кармана, чѣмъ о здоровьи нравственномъ и разумномъ будущемъ своего молодого поколѣнія. Если общество болѣе обращаетъ вниманіе на специальное образованіе, заботяся болѣе о медикахъ, математикахъ, архитекторахъ, техникахъ и т. п. чѣмъ о подго-

товкѣ воспитателей, то является вполне естественнымъ, что грандіозныя фабрики, великолѣпныя биржи и т. п., далеко не соотвѣтствуютъ нравственному уровню общества.

Мысль Ушинскаго относительно организаціи педагогическихъ факультетовъ не нашла себѣ поддержки у современниковъ. Она показалась имъ излишкомъ увлеченія; съ тѣхъ поръ проектъ антропологическихъ факультетовъ и постигла печальная участь. Проектъ этотъ остался только прекрасной мечтой своего времени, мечтой, безнадежно сланной въ архивъ. Узнать о ней мы можемъ только изъ произведеній Ушинскаго. Но, не говоря уже о современникахъ Ушинскаго, много ли мы, позднѣйшее поколѣніе, успѣли почерпнуть изъ этой мечты и перенести въ свою дѣйствительность? Дошли ли мы до признанія необходимости болѣе широкой подготовки для педагогическаго дѣла, о чемъ такъ горячо ратовалъ и убѣдительно доказывалъ Ушинскій?

Наши филологическіе факультеты, прежде всего, не имѣютъ даже кафедръ педагогики. Можетъ ли педагогъ по окончаніи курса обладать основательной подготовкой къ своей дѣятельности, когда онъ прямо со студенческой скамьи переходитъ на кафедру учителя? А въ сущности, прекрасная мечта Ушинскаго развѣ не могла бы найти себѣ до извѣстной степени осуществленія въ дѣйствительности настоящаго времени при нѣкоторомъ видоизмѣненіи цикла предметовъ нашихъ филологическихъ факультетовъ? Многія изъ тѣхъ наукъ, на необходимость изученія которыхъ для педагоговъ вполне основательно указываетъ Ушинскій, вѣдь, имѣются у насъ на другихъ факультетахъ. Сознвая ихъ необходимость для педагоговъ, почему бы человѣку, готовящемуся къ этому поприщу, не слушать ихъ частью у медиковъ, частью у естественниковъ, частью у юристовъ? При такихъ условіяхъ, конечно, будущій педагогъ получилъ бы несравненно болѣе возможности серьезно и обстоятельно изучить человѣческую природу въ ея главнѣйшихъ проявленіяхъ, а если къ тому же студентъ-филологъ будетъ имѣть возможность необходимаго опыта, у насъ менѣе будетъ появляться тѣхъ узкихъ подчасъ специалистовъ, которые нерѣдко оказывается теперь среди нашихъ учителей. Мы будемъ имѣть болѣе твердую почву для педагогической подготовки, и завѣты нашего „учителя учителей“ выйдутъ изъ области неосуществленной мечты.

I.

Объ основахъ педагогической дѣятельности.

Часто приходится наблюдать, какъ родители беззавѣтно любятъ своихъ дѣтей, какъ горячо желаютъ дать имъ отъ жизни возможно лучшее. И нерѣдко всѣ эти старанія, даже при полномъ забвеніи личныхъ, эгоистическихъ интересовъ, не только не достигаютъ своей цѣли, а наоборотъ: всѣ благія намѣренія приводятъ къ совершенно нежелательнымъ результатамъ. Почему же? Вѣдь, горячая, преданная любовь, безкорыстное желаніе блага, повидимому, такія могучія силы! Да, эти силы, дѣйствительно, могучи; онѣ способны двигать горами, но при одномъ непремѣнномъ условіи — онѣ должны быть разумны. А можно ли это утвердительно сказать въ большинствѣ случаевъ относительно родительской любви? Нельзя отрицать, что невѣжество часто черезчуръ густымъ туманомъ заволакиваетъ предъ людьми настоящую дорогу, оставляя имъ только ложные, проторенные рутинной пути. Для истиннаго же блага необходимо, чтобы люди въ своей безпредѣльной привязанности къ дѣтямъ не шли исключительно путемъ слѣпой инстинктивной любви животнаго, а находили себѣ опору въ умѣ, въ знаніи. Ихъ чувство любви должно оставаться только въ качествѣ интенсивнаго стимула, а путеводной звѣздой все же должно быть знаніе. Наука и выработанныя ею истины — единственная вѣрная дорога къ разумному благополучію и счастью человѣчества. Сама же цѣль тѣмъ скорѣе и успѣшнѣе можетъ быть достижима, чѣмъ болѣе сознательно будетъ относиться къ ней общество и чѣмъ шире допустить въ свою среду примѣненіе научныхъ выводовъ.

Достаточно бросить хотя бѣглый взглядъ на картину современной культуры съ ея упорными стремленіями къ опредѣленнымъ цѣлямъ, чтобы убѣдиться, какую массу энергіи и силъ можетъ проявить человѣкъ. Каждая выработанная мысль, каждое открытіе и изобрѣтеніе — ничто иное, какъ результатъ тяжелаго, медленнаго прогресса, которое человѣчество дѣлало шагъ за шагомъ, передавая свой трудъ въ видѣ наслѣдства изъ поколѣнія въ поколѣніе. Само даже слово „культура“ мы понимаемъ не иначе, какъ объединеніе всѣхъ наиболѣе цѣнныхъ приобрѣтеній человѣчества, ранѣе жившаго и теперь живущаго. Какъ дѣло слишкомъ важное и сложное, культура требуетъ много заботъ для введенія въ нее молодого поколѣнія. Эти заботы и беретъ на себя воспитаніе (въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова). Культуру до извѣстной степени можно сравнить съ великимъ скульпторомъ. Тяжелый молотъ и рѣзецъ въ рукахъ его — это воспитаніе. Изъ грубой и безформенной глыбы мрамора сильными ударами своего молота и рѣзца великій скульпторъ стремится создать все болѣе и болѣе совершенную статую.

Во всѣ времена и у всѣхъ народовъ основное вліяніе въ дѣлѣ воспитанія всегда было со стороны такъ называемой интеллигенціи. Изъ этой общей группы въ свою очередь всегда выдѣляются отдѣльныя личности — дѣятели науки, писатели, художники и т. п., которые оказываютъ руководящее и воспитательное вліяніе на общество, являясь учителями въ школѣ жизни. Конечно, не всѣ могутъ разумно дѣлать выборъ и заимствовать непосредственно у этихъ учителей жизни. Проводникомъ же этого воспитательнаго элемента на подрастающее поколѣніе, популяризаторомъ его является педагогъ, который потому и долженъ быть до извѣстной степени типичнымъ представителемъ интеллигенціи. Вполнѣ понятно, что къ человѣку, посвятившему себя педагогическому дѣлу можно предъявлять и требованія, соответствующія такой великой цѣли.

Но кто же можетъ быть педагогомъ? На этотъ вопросъ въ общемъ его понятіи очень удачно отвѣчаетъ одинъ изъ современныхъ писателей. „Тотъ, кто къ жизни и къ ученю своему относится съ полной серьезностью, безъ всякаго эгоизма; кто тяжелой борьбой достигъ мудрости, которой не только поучаетъ, но и слѣдуетъ въ жизни; кто, кромѣ того, благодаря своимъ дарованіямъ можетъ дѣйстви-

вать на людей своими художественными произведениями или высокими дѣяніями, — тотъ долженъ быть воспитателемъ народа“. „Дѣйствительное воспитаніе исполнимо только философомъ“, замѣчаетъ по тому же поводу Спенсеръ. Доказать эту истину было бы и не трудно, ссылаясь на исторію древней Греціи и Рима. Но хотя философы нашего времени рѣдко бываютъ заняты воспитаніемъ, однако каждый, взявшійся за это великое и отвѣтственное дѣло, не долженъ прежде всего забывать надписи, сдѣланной древними греками на дверяхъ оракула: „учись познавать себя.“

Воспитывая другихъ, педагогъ въ то же время необходимо долженъ слѣдить зоркими критическими глазами за самимъ собой и прежде всего воспитывать самого себя. Побѣдить, перевоспитать самого себя — это одна изъ болѣе славныхъ побѣдъ человѣка въ жизни. Необходимо признать, что на многотрудное дѣло воспитанія можетъ потому съ успѣхомъ посвятить себя единственно только тотъ, кому оно дорого и мило, кто можетъ быть преданъ ему всей душой и готовъ ему собою всецѣло жертвовать. Единственно только тотъ и будетъ въ силахъ осуществить великую и высокую цѣль воспитанія. Любовь и интересъ къ своему дѣлу — это основныя условія его успѣшности. Они, эти двигатели, главнымъ образомъ въ состояніи поднять и возбудить въ работникѣ ту силу воодушевленія, безъ чего его трудъ не выйдетъ изъ сферы служебнаго формализма и неминуемо свернетъ на путь сухой чиновничьей лямки. Педагогъ изъ числа тѣхъ „добрыхъ, благородныхъ, сильныхъ, любящихъ душой“, которые дѣйствительно вкладываютъ свою душу и посвящаютъ всѣ свои силы дорогому для нихъ дѣлу воспитанія, никогда не сможетъ вогнать свою работу и свое рвеніе въ рамки схоластически черстваго формализма, никогда не будетъ грубымъ рутинеромъ. Какъ человѣкъ, работающій по убѣжденію и любящій свое дѣло, онъ вѣритъ въ него и тѣмъ самымъ дѣлаетъ его полнымъ своеобразной поэзіи и прелести. Онъ не дойдетъ до того, что сдѣлается похожимъ на „старый, съ пожелтѣвшими листьями, истрепанный учебникъ, въ захватанномъ, старомъ переплетѣ, жиденькій и тощій, въ которомъ все давнымъ давно извѣстно, и изъ котораго не вычитаешь ни одной новой мысли, ни одного новаго слова“, какъ характерно выразился о себѣ одинъ изъ представителей педагогіи въ разсказѣ Ломакина „Старый

учебникъ“. Онъ не дойдетъ также и до состоянія общеизвѣстнаго чеховскаго „человѣка въ футлярѣ“. Его безпредѣльная любовь къ своему дѣлу въ видѣ награды всегда должна найти себѣ живой откликъ. Она сдѣлаетъ его полезнымъ для всѣхъ, съ кѣмъ такой педагогъ придетъ въ соприкосновеніе въ жизни и дастъ ему вѣрный ключъ къ возможному для человѣка счастью.

Задача воспитанія черезчуръ сложна и отвѣтственна и потому ничего нѣтъ болѣе возмутительнѣе педагоговъ-ремесленниковъ, смотрящихъ на свое дѣло исключительно съ точки зрѣнія бюрократической карьеры. Быть подведеннымъ подъ общій ранжиръ бюрократической работы педагогическое дѣло не можетъ по самому своему существу.

Кто можетъ взять на себя великое дѣло воспитанія, тотъ, безъ сомнѣнія, долженъ быть твердо убѣжденъ въ полной разумности и состоятельности выработаннаго имъ въ этомъ отношеніи идеала. Своему выработанному идеалу педагогъ необходимо долженъ быть искренно преданъ, такъ какъ сама истинная педагогическая дѣятельность не можетъ быть иначе, какъ дѣятельностью разумнаго убѣжденія и совѣсти.

Если педагогическая дѣятельность будетъ выражаться главнымъ образомъ въ передачѣ фактическихъ свѣдѣній, практическихъ пріемовъ, она неизбежно окажется процессомъ подготовленія тѣхъ сторонниковъ общественной рутинѣ и гнета, „культурныхъ дикарей“, по характерному опредѣленію проф. Милюкова, которые съ перваго взгляда, внѣшнимъ образомъ, и могутъ производить впечатлѣніе людей образованныхъ. Люди этой категоріи могутъ имѣть въ достаточной степени теоретическихъ свѣдѣній, а въ то же время самое элементарное развитіе ихъ чувствованій будетъ стоять далеко не на томъ же уровнѣ. Одно фактическое усвоеніе знаній не въ силахъ оказать достаточнаго вліянія на нравственный кругозоръ человѣка и потому не въ силахъ повліять благотворно на характеръ его душевной дѣятельности. Самый способъ обученія при такихъ условіяхъ далеко уже не будетъ воспитывающимъ, какъ было бы желательно. Его скорѣе можно будетъ назвать сложной и довольно трудной выучкой, но ужъ далеко не тѣмъ гуманизирующимъ образованіемъ, къ которому должны быть направлены стремленія педагога.

Задача учительства оказывается несравненно шире и сложнѣй. На педагога, въ сущности, возлагается требованіе: мало того, что сообщать фактическія свѣдѣнія своимъ питомцамъ, но въ то же время вырабатывать изъ нихъ „истинныхъ людей“. Какъ прямое слѣдствіе — это возникновеніе у нихъ сознанія своихъ обязанностей въ отношеніи къ обществу, сознаніе, которое постепенно формируется по мѣрѣ усвоенія плодовъ культуры. Если человѣкъ сознательно и дѣлательно работаетъ для общаго блага и по мѣрѣ силъ дѣлаетъ свой вкладъ въ совмѣстную культурную работу, онъ всегда будетъ цѣнить собственный трудъ, высоко ставить личное достоинство и параллельно съ этимъ будетъ относиться съ уваженіемъ къ личности другого. Входя въ тѣсный союзъ съ себѣ подобными и гармонически сливаясь съ ними, онъ не утратитъ своей личности, если будетъ ставить свои собственные интересы въ зависимость отъ общихъ.

Настоящее учительство немислимо, какъ безъ пробужденія въ людяхъ опредѣленнаго чувства, желанія и стремленія работать и развиваться умственно и нравственно, такъ и безъ стремленія неменьшаго со стороны самого учительствующаго продолжать постоянно работать надъ собственнымъ совершенствованіемъ. Дѣло воспитанія — дѣло живое и въ силахъ развиваться и итти впередъ лишь тогда, когда развивается и совершенствуется прежде всего самъ педагогъ. Дистервегъ того мнѣнія, что „учитель учитъ до тѣхъ поръ, пока самъ учится. Кто бросилъ ученье, пересталъ образовываться, тотъ не можетъ образовывать другихъ . . . Безъ чувствъ и стремленій къ дальнѣйшему образованію въ человѣкѣ умираетъ учитель.“

Вполнѣ естественно, что человѣкъ не въ состояніи двигать своего дѣла впередъ, если самъ остановился на точкѣ замерзанія. Въ сущности онъ неправъ и вести его. Педагогъ, почившій на лаврахъ и вообразившій себя дошедшимъ до предѣла совершенства, чуждъ общей работы, какъ человѣкъ остановившійся. Такой именно педагогъ не развивается, а только бываетъ способенъ дѣлать чисто механическое сообщеніе знаній. Для него трудно поддерживать тотъ огонь въ другихъ, который у него самого уже погасъ окончательно. Потому естественно, что между подобнымъ педагогомъ и воспитанникомъ не можетъ возникнуть связи, которая бы сдружила, сроднила ихъ.

Воспитывая другого, руководитель, какъ старшій, естественно, передаетъ ему опредѣленные убѣжденія, мнѣнія, взгляды и до извѣстной степени стремится оказать свое вліяніе на весь строй и укладъ его жизни. Онъ дѣлится съ воспитанникомъ своимъ пережитымъ опытомъ, своими глубоко продуманными, прочувствованными и, можетъ быть, даже выстраданными идеями. Вполнѣ понятно, что при такихъ условіяхъ между воспитателемъ и его воспитанникомъ должна возникнуть та внутренняя связь, которая можетъ наложить прочное начало будущему человѣку, и, если будетъ поддерживаться надлежащимъ образомъ, то будетъ въ силахъ способствовать воспитанію одного изъ нихъ и усовершенствованію другого. Нельзя не притти къ выводу, что часто въ продолженіе всей жизни человѣка все теченіе его мыслей и чувствъ можетъ находиться въ тѣсной связи и зависимости отъ привычекъ, случайно сложившихся подъ вліяніемъ личности воспитателя. Въ прямой зависимости отъ этого условія можетъ произойти и тяготѣніе человѣка къ положительному или отрицательному полюсу этики. Конечно, педагогъ не въ силахъ создать цѣликомъ міровоззрѣній своего воспитанника. Окончательная выработка міровоззрѣній является всегда результатомъ самостоятельной дѣятельности каждаго въ его дальнѣйшей жизни. Тѣмъ не менѣе нельзя отрицать и того, что педагогъ можетъ съ своей стороны заложить ихъ твердый и прочный фундаментъ. Дѣло же педагога дать своему питомцу первоначальный разумный взглядъ на весь окружающій его внѣшній міръ и міръ людей. Его обязанность — указать, въ чемъ заключается жизнь природы, какова въ ней роль человѣка и тѣмъ самымъ дать ясное представленіе объ окружающихъ условіяхъ и о требуемомъ въ данномъ случаѣ характерѣ дѣятельности. Такимъ образомъ педагогъ и положить до извѣстной степени основы убѣжденій своего питомца и первый начнетъ формировку и направленіе въ ту или другую сторону его міровоззрѣній. Если же воспитаніе не будетъ упрочено на твердыхъ устояхъ, воспитанникъ можетъ быть всецѣло преданъ впоследствии во власть чисто внѣшнихъ и случайныхъ условій жизни и борьбы за существованіе.

Дѣло педагога можно сравнить въ нѣкоторомъ родѣ съ дѣломъ проводника. Знающій и опытный проводникъ всегда увѣренъ въ себѣ и ведетъ за собой также увѣренно. Ему

хорошо знакомъ и извѣстенъ цѣлый рядъ извилистыхъ и запутанныхъ тропинокъ, по которымъ онъ можетъ вывести на просторъ, на широкую дорогу. Окажись проводникъ, сверхъ ожиданій, неопытнымъ или черезчуръ самонадѣяннымъ и путникъ въ большой опасности. Ему предстоитъ долго и томительно блуждать по дебрямъ и, можетъ быть, окончательно сбиться съ дороги. При этомъ каждому проводнику болѣе или менѣе и самому должно быть извѣстно, что чѣмъ болѣе онъ сосредоточенъ и не отвлекается въ сторону, тѣмъ цѣль его лучше достижима.

Дѣлая сравненіе педагога съ проводникомъ, на опытность послѣдняго мы указали, какъ на одно изъ главныхъ условій успѣха. Дѣйствительно, педагогу не менѣе, чѣмъ инженеру необходимо техническое умѣнье, которое пріобрѣтается только практикой. Если бы эта практика не имѣла теоретическихъ основаній, сама по себѣ она могла бы быть, конечно, вредна, одинаково, какъ и теорія, не связанная съ опытомъ, мало плодотворна. Теоретикъ съ своими отвлеченными формулами такъ же далеко не уйдетъ, какъ и практикъ съ своими всегда готовыми рецептами. Ясно, что теоретическая подготовка должна лечь въ основу педагогической дѣятельности, а опредѣленные приемы, умѣнье и наблюдательность необходимо выработать самому педагогу. Каждый предусмотрительный земледѣлецъ, прежде чѣмъ дѣлать посѣвъ, изучаетъ и примѣняется къ почвѣ, чтобы опредѣлить безъ ущерба для себя, какія растенія могутъ пустить въ ней корни и какія бесплодно заглохнуть. На томъ же основаніи и для педагога существуютъ не одни абсолютные законы, которыхъ онъ долженъ придерживаться неуклонно. Приступая къ своему дѣлу, онъ также старается составить себѣ вполнѣ ясное представленіе какъ объ индивидуальныхъ качествахъ своего воспитанника, такъ и о состояніи той среды и общества, которыя его окружаютъ. Примѣниться къ этимъ условіямъ имѣетъ большое значеніе. Въ обыденной жизни бываетъ, вѣдь, часто труднѣе разобраться, чѣмъ въ самыхъ мудреныхъ клинообразныхъ надписяхъ. Въ жизни за той условностью, которую мы сами же въ нее вложили, чуется всегда что то свое, особенное. Иной разъ намъ кажется, что мы шагнули въ жизни сильно впередъ, но, едва мы хотимъ твердо опереться на что либо, начинаемъ замѣчать, что у насъ подъ ногами не твердая почва, какъ мы могли

разсчитывать, а дымное облако, грозящее разсѣяться, какъ сонная греза. Сама человѣческая натура, въ сущности, тотъ же сложный музыкальный инструментъ. Въ рукахъ опытнаго музыканта клавиатура инструмента даетъ стройные, гармоническіе звуки. Но въ то же время отдѣльные клавиши то и дѣло способны поражать музыканта чѣмъ либо неожиданнымъ, и потому онъ всегда долженъ чутко прислушиваться къ ихъ тонамъ.

Проникнутый убѣжденіемъ, что среди самаго лучшаго общества какъ нѣтъ вполнѣ безупречно нравственныхъ людей, такъ и нѣтъ ужъ такихъ закоренѣлыхъ злодѣевъ, въ которыхъ бы случай или опытное руководство не могли зажечь огня высокаго чувства, педагогъ не станетъ относиться враждебно къ недостаткамъ и порокамъ отдѣльных личностей или цѣлаго общества. По мѣрѣ силъ и возможности, онъ будетъ считать своею обязанностью стремиться исправлять недостатки, противодѣйствовать имъ и парализовать ихъ вредное вліяніе. Педагогъ во многихъ случаяхъ тотъ же врачъ, котораго не можетъ и не долженъ пугать ужасный видъ язвъ его пациентовъ. Подобно врачу, онъ хорошо уже знакомъ со всѣми условіями, способствовавшими развитію этихъ язвъ. Какъ раньше лѣченія, такъ и раньше воспитанія необходима постановка опредѣленнаго діагноза; необходимо отдѣлить врожденныя качества воспитанника отъ приобретенныхъ, необходимо изучить его основныя способности и индивидуальныя особенности. И только этимъ путемъ есть возможность уяснить себѣ тѣ или другіе переходы въ развитіи даннаго лица. Подобно врачу, педагогъ долженъ свыкнуться съ идеей, что его долгъ состоитъ въ томъ, чтобы мужественно переносить и явленія, вызывающія отвращеніе, и даже обиды со стороны своихъ больныхъ. Проникнутый убѣжденіемъ, что все глупое и безнравственное, совершающееся наперекоръ знаніямъ и логикѣ, есть та же болѣзнь, онъ только съ безпредѣльной любовью проявитъ готовность, по силѣ и возможности, уврачевать эти недуги, но ужъ ни въ коемъ случаѣ не возьметъ на себя роль палача.

Если мы примемъ за правило положеніе Канта, что человѣкъ — художникъ прежде всего и искусство — его истинное назначеніе на землѣ, то видѣть въ лицѣ педагога художника одно изъ болѣе желательныхъ.

Наблюдения и опыт могут указать на каждом шагу, что знание и способность передать его другому, умѣнье — далеко не одно и то же. Умѣнье передать это въ своемъ родѣ искусство и, какъ каждое искусство, можетъ быть доведено до степени художественности. Но обладаетъ вполнѣ этимъ искусствомъ, къ сожалѣнію, меньшинство.

Казалось бы, чѣмъ обширнѣе познанія педагога, тѣмъ больше плодотворности можно ожидать въ его дѣятельности. Но, такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Вѣдь, бываютъ случаи, что педагога можно считать человѣкомъ въ полномъ смыслѣ слова образованномъ, къ тому же еще владѣющимъ обширными свѣдѣніями по своей специальности. Повидимому, все на сторонѣ того, что само дѣло будетъ итти образцово, а между тѣмъ въ результатѣ оказывается иное. Причина въ томъ, что при всей широтѣ своихъ познаній педагогъ не умѣетъ передать ихъ, не обладаетъ искусствомъ примѣниться къ пониманію и запросамъ своихъ воспитанниковъ и поэтому не въ силахъ заинтересовать ихъ въ достаточной степени. Сама передача знаній въ этомъ случаѣ будетъ механической, которая не въ состояніи возбудить самодѣятельности у слушателей и вмѣсто желанной пользы произведетъ подчасъ какой то беспорядочный и досадный сумбуръ въ ихъ головахъ. Но если педагогъ — настоящій художникъ своего дѣла, картина совершенно измѣняется. У такого педагога, будетъ ли это классъ или аудиторія, будетъ вполнѣ его студія. Очень можетъ быть, что по своимъ научнымъ познаніямъ онъ будетъ и ниже стоять перваго, но онъ умѣетъ вести свое дѣло, умѣетъ вліять на учениковъ и его уроки не пройдутъ безслѣдно. Присутствіе искры художественности дастъ возможность человѣку съ меньшимъ сравнительно научнымъ багажемъ вести удачно своего дѣло. Искра художественности всегда производитъ сильное впечатлѣніе на чуткую душу молодежи, и если впечатлѣніе къ тому же умѣло поддерживается, оно всегда оставитъ глубокой слѣдъ. Да и можетъ ли быть иначе, если преподаваніе педагога-художника ведется такъ тепло, согрѣто такой искренней задушевностью, которая чувствуется всегда, даже ясно не высказываясь.

Какъ въ каждой сферѣ художественнаго творчества, веденіе дѣла педагогомъ-художникомъ всегда будетъ имѣть субъективный оттѣнокъ. Всякій истинный художникъ творить до известной степени самобытно и не можетъ быть

рабомъ самыхъ образцовыхъ программъ и предначертаній. А. Мюссе очень характерно выразился, сказавъ о себѣ: *mon verre est petit, mais je bus de mon verre* (хотя мой стаканъ малъ, но пью изъ моего стакана). Въ сущности этого маленькаго „verre“ и скрывается вся тайна вліянія и успѣха. Что можетъ дѣлать при такихъ условіяхъ выдающійся талантъ, болѣе или менѣе извѣстно каждому. Но будь даже талантъ такого педагога и не изъ выдающихся, если вдобавокъ къ нему есть характеръ, есть свой отчетливый, ясный взглядъ на вещи и опредѣленное настроеніе, педагогъ этотъ не пройдетъ безслѣдно. Онъ оставитъ послѣ себя, можетъ, и не грандіозное, но все же непремѣнно что либо цѣльное.

Педагогъ не можетъ быть названъ художникомъ, если онъ не психологъ. Не говоря уже о его теоретическихъ познаніяхъ въ области психологии, его умѣнье наблюдать дастъ ему возможность скоро замѣтить, что всѣ знанія, добываемыя его питомцемъ, идутъ для него медленнымъ, послѣдовательнымъ путемъ. И лишь тѣ знанія, которыя будутъ построены на фактахъ и въ чемъ питомецъ убѣдится болѣе или менѣе самъ, — тѣ знанія окажутся для него вполне существенными. Однимъ словомъ, педагогъ-художникъ всегда будетъ сторонникомъ того вывода, что только самобытно созданное человѣкомъ можетъ составить вполне реальное его пріобрѣтеніе. Основываясь на этомъ, сама передача знаній такимъ педагогомъ ни въ коемъ случаѣ не будетъ догматической, какъ и правилъ нравственности — на вѣру. Онъ пойметъ, что такое воспитаніе, уничтожая у ученика навыкъ къ анализу, подавить вмѣстѣ съ тѣмъ у него стремленіе провѣрять чужія мысли фактами и вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ ослабить даже способность мышленія. Если же педагогъ позволитъ себѣ увлечься и будетъ побуждать ученика дѣлать рѣзкія скачки, такая антигигиеническая гимнастика укажетъ только на недостатокъ опытности у педагога. Какъ истый художникъ, живущій всегда среди міра красокъ и образовъ, такой воспитатель, особенно въ началѣ дѣла, на первый планъ будетъ стремиться выдвигать все, говорящее болѣе чувствамъ, фантазіи, все болѣе легко усваиваемое. Онъ во всемъ и всегда сторонникъ большей наглядности. Изложеніе имъ каждаго знанія живо, образно. Сама привлекательность науки безусловно находится въ зависимости не отъ однихъ ея научныхъ данныхъ и свойствъ,

но и отъ живого и разнообразнаго ихъ изложенія. Каждому болѣе или менѣе извѣстно, что одна и та же наука можетъ и выигрывать, и проигрывать въ своей притягательной силѣ для учениковъ, все смотря по преподаванію. Примѣръ преподавателя всегда заразителенъ. Живой интересъ къ наукѣ со стороны его способенъ увлечь и побудить заниматься иногда повидимому самымъ сухимъ предметомъ и, наоборотъ, его индифферентизмъ найдетъ въ той же мѣрѣ свое отраженіе въ его ученикахъ.

Достоинства педагога-художника находятся также въ тѣсной зависимости отъ его способности и умѣнья спускаться до точки зрѣнія и чувствъ, возможныхъ въ періодъ возраста его питомца. На этомъ основаніи настоящій педагогъ никогда не станетъ навязывать воспитаннику что либо свое, личное, а будетъ болѣе наблюдать за его естественнымъ развитіемъ и стремиться его улучшить, усовершенствовать. Если педагогъ не забылъ своей школьной поры, своей молодости, онъ будетъ требовать отъ воспитанника лишь то, что въ силахъ тотъ дать въ данное время, но ужъ, конечно, никоимъ образомъ не позволитъ себѣ примѣненія къ нему своего собственнаго масштаба.

Передъ своими учениками педагогу мало быть учителемъ, преподавателемъ, а надо быть прежде всего человекомъ, который сумѣлъ бы согрѣть и освѣтить теплыми и яркими солнечными лучами ихъ утро жизни. Поэтому педагогъ въ полномъ смыслѣ этого слова всегда знаетъ болѣе или менѣе, насколько для него необходимъ и цѣненъ тактъ и умѣнье опредѣлить состояніе интеллекта своего воспитанника въ каждый изъ моментовъ воспитанія, настолько же ему необходима при этомъ достаточная сила самоуправленія. Выработавъ ее и обладая ею, онъ будетъ въ состояніи сдерживать свои порывы, спускаясь до умственно-нравственнаго уровня своего питомца.

Задача педагога — задача черезчуръ трудная и требующая для своего рѣшенія очень многого. И если педагогъ, минуя всѣ терніи на своемъ пути, достигнетъ своей возвышенной цѣли и, привлекая къ себѣ людей, окажется способнымъ вызвать въ нихъ энтузіазмъ ко всему великому и возвышенному въ жизни, этимъ онъ докажетъ присутствіе въ себѣ той искры прометеева огня, который нѣкогда былъ похищенъ у боговъ Олимпа и принесенъ въ даръ страждущему человѣчеству.

II.

Педагогика и новѣйшія теченія въ ней.

Слово „педагогъ“ мы употребляемъ сравнительно рѣдко. Мы говоримъ: „учитель“, „воспитатель“, но въ то же время „педагогическое поприще“, „педагогическая дѣятельность“. Дословный переводъ этого греческаго слова: „дѣтководитель“ и этимъ терминомъ обозначался созданный греческой жизнью разрядъ рабовъ, на обязанности которыхъ было сопровождать дѣтей въ школу. Значеніе термина теперь измѣнилось: „дѣтководитель“ обратился въ „воспитателя“, „учителя“, понятіе сдѣлалось обширнѣе, и въ то же время неопредѣленнѣе.

„Педагогика“, т. обр., есть то, что касается вопросовъ воспитательства, она заключаетъ въ себѣ то, что нужно знать учителю-воспитателю.

Воспитаніе имѣетъ цѣлью развитіе физической и духовной стороны организма человѣка. Для того чтобы умѣть развивать эти стороны, нужно быть знакомымъ съ жизнью и законами этого организма. Дѣтскій міръ, которымъ особенно должно заниматься воспитаніе, представляетъ человѣческій міръ въ миниатюрѣ, слѣдовательно, для воспитателя необходимо быть въ общемъ знакомымъ со всѣми науками, касающимися человѣка.

Отсюда мы видимъ, что „педагогика“ не есть какая-то самостоятельная наука, это система, основанная на цѣломъ рядѣ теорій, взятыхъ изъ различныхъ наукъ, свѣдѣнія относительно законовъ физической жизни она черпаетъ изъ физиологіи, относительно душевной жизни — изъ психологіи, логики, исторіи, социологіи.

Несмотря на свою извѣстность съ давнихъ временъ, педагогика долго не могла считаться поставленной на вполне научную почву, такъ какъ сами науки, служившія ея основаніемъ, находились въ младенческомъ состояніи.

Въ настоящее же время въ тѣсномъ союзѣ съ психофизиологіей педагогика начала быстро подвигаться впередъ по пути научности. Конечно, и въ настоящее время многое еще въ педагогикѣ является неустойчивымъ. И это вполне естественно: даже въ нашемъ такъ называемомъ точномъ знаніи приходится итти нерѣдко ощупью, если не въ потемкахъ, то въ сумеркахъ, и въ каждой наукѣ остается много вопросительныхъ знаковъ и на каждомъ шагу — запертыя двери.

За послѣднее время педагогика сдѣлала для себя очень цѣнное пріобрѣтеніе введеніемъ новаго метода — экспериментальнаго. вмѣстѣ съ прежнимъ методомъ — наблюдательнымъ новый методъ, проводимый систематически, можетъ открыть широкіе перспективы педагогикѣ.

Все это стоитъ въ связи съ развитіемъ такъ называемой экспериментальной психологіи. Если раньше психологія ограничивалась наблюденіемъ, то теперь не удовлетворяются этимъ: прибѣгаютъ къ разнообразнымъ опытамъ и стремятся обставить эти опыты такими условіями, которые сдѣлали бы выводы наиболѣе точными. Выводы, сдѣланные путемъ наблюденія, могутъ такъ обр. являться уже не такими голословными, съ одной стороны, съ другой — нѣкоторыя наблюденія могутъ быть признаны невѣрными, въ самихъ выводахъ, полученныхъ путемъ опыта, является большая или меньшая точность, что дѣлаетъ и основы психологіи болѣе твердыми, и психологія приближается къ наукамъ естественнымъ. Взять для примѣра вопросъ о памяти. Устанавливается прежде всего нѣсколько спеціальныхъ видовъ памяти: память зрительная, слуховая, моторная. Для провѣрки силы различныхъ родовъ памяти производятъ такіе, напр., опыты: диктуется въ различныхъ классахъ въ опредѣленный часъ рядъ несвязанныхъ между собою словъ, или показывается рядъ различныхъ предметовъ, затѣмъ учащіеся воспроизводятъ слышанное или видѣнное. Работы просматриваются, вырабатывается статистическая таблица ошибокъ и вѣрно-воспроизведеннаго. Подобные же опыты производятся въ цѣломъ рядѣ учебныхъ заведеній; чѣмъ больше число под-

вергавшихся подобнымъ опытамъ, тѣмъ большую точность получаютъ выводы. Кульминаціонной точкой своей экспериментальная психологія считаетъ то положеніе, когда психическія явленія могутъ быть вычислены, измѣнены и даже, какъ то ни странно, взвѣшены. Еще вопросъ, конечно, возможно ли достигнуть подобнаго положенія, подобнаго сближенія явленій міра психики съ міромъ физическимъ, но попытки къ этому дѣлаются. Для этого же служатъ и нѣкоторые изобрѣтенные приборы, напр., хроноскопъ (измѣряющій скорость психическихъ процессовъ), тахистоскопъ (скорость воспріятій и анализъ зрительныхъ впечатлѣній), аппараты для изученій памяти и пр.

Въ связи съ новымъ теченіемъ въ психологіи выдѣляется и особая „наука“ — педологія, наука о дѣтяхъ, представляющая, въ сущности, комплексъ точныхъ свѣдѣній добытыхъ различными науками. Педологія и педагогика, такимъ образомъ, теперь могутъ ужъ быть разграничены. Педологъ можетъ быть и не педагогомъ, а только научнымъ изслѣдователемъ, объектъ его изслѣдованій ребенокъ, педагогъ же непременно долженъ быть знакомъ съ изслѣдованіями педолога, но для него ребенокъ матеріалъ не для изслѣдованія, а для наблюденія и для созидающей работы.

Для производства опытовъ экспериментальной психологіи требуется созданіе массы условій, требованій, которыя иной разъ престапаютъ современныя изслѣдованія. Педологія пока даетъ слишкомъ мало матеріала для практической педагогической дѣятельности.

Для того, чтобы дать себѣ ясный отчетъ, какъ трудно производить и съ какой осторожностью должно производить опыты, достаточно привести здѣсь тезисы одного изъ докладовъ сдѣланнаго на I-мъ всеросс. съѣздѣ по педагогич. психологіи (д-ра Виреніуса):

1) Психологическія изслѣдованія надъ учащимися допустимы индивидуальныя; коллективныя же (групповыя) только при равныхъ по возможности условіяхъ организаціи экспериментируемыхъ и окружающей обстановки послѣднихъ (гигіенической, соціальной). 2) Изслѣдованія эти должны быть производимы на субъектахъ вполне здоровыхъ, неодолимыхъ никакими недостатками или пороками нарушающими жизнедѣятельность организма. 3) Они должны быть производимы въ условіяхъ вполне гигиеничныхъ относительно физиче-

скихъ и химическихъ качествъ воздуха, свѣта и пр. классныхъ помѣщеній, относительно дѣятельности всѣхъ отправленій тѣла и душевнаго настроенія учащихся. 4) Они должны быть производимы лицами, близкими учащимся (воспитателями, учителями, врачами заведеній), но не посторонними лицами. 5) Производимы такъ, чтобы учащіеся и не подозрѣвали, что служатъ объектами изслѣдованія, слѣпыми орудіями въ рукахъ экспериментатора. 6) Необходимо, чтобы изслѣдуемые ученики въ состояніи были запомнить сообщаемое, интересовались имъ, сосредоточивали на немъ надлежащее вниманіе и понимали его. 7) Въ случаѣ необходимости производства надъ учащимися опытовъ лицами посторонними, безусловно слѣдуетъ, насколько возможно, тщательно выяснять молодымъ людямъ всю важность и серьезность значенія опытовъ этихъ для науки и ту пользу, какую они могутъ принести дѣлу добросовѣстнымъ съ ихъ стороны отношеніемъ къ изслѣдованіямъ. 8) Наиболѣе подходящимъ слѣдуетъ признать производство сказанныхъ изслѣдованій надъ лицами взрослыми или, по крайней мѣрѣ, надъ юношами, а не надъ отроками или дѣтьми, въ виду серьезности отношенія къ дѣлу, самаго тщательнаго къ нему вниманія со стороны изслѣдуемыхъ.

Нельзя не согласиться съ тѣми выводами, которые формулированы были въ рефератѣ проф. Челпанова (на томъ же съѣздѣ) „О преподаваніи психологіи въ средней школѣ“ и въ отдѣльныхъ его возраженіяхъ, что для преподаванія въ средней школѣ нужно съ большой осторожностью пользоваться опытами экспериментальной психологіи, что преподаватель, самъ не прошедшій въ этомъ отношеніи извѣстной школы и не долженъ браться за эту задачу, да и небольшая сравнительно бѣда, если не будутъ передъ учащимися продѣлываться подобные опыты.

III.

Значеніе и цѣли воспитанія.

Въ былыя времена была довольно распространена мысль о полномъ всемогуществѣ воспитанія. Мысль о возможности созданія лучшей породы людей путемъ воспитанія упорно не покидала многихъ ученыхъ въ теченіе цѣлыхъ столѣтій. Напримѣръ, по мнѣнію Гельвеція, всѣ люди рождаются съ одинаковыми способностями и только воспитаніе причина ихъ различія. Не менѣе всемогуще воспитаніе было въ глазахъ Лейбница и Локка. Лейбницъ считалъ возможнымъ въ теченіе столѣтія при посредствѣ воспитанія измѣнить лицо Европы. Локкъ въ своемъ взглядѣ на воспитаніе имѣлъ много общаго съ Гельвеціемъ. Онъ признавалъ, что изъ ста человѣкъ болѣе девяноста полезны или вредны для общества главнымъ образомъ по винѣ воспитанія. Всѣ мнѣнія такого рода были основаны на томъ, что организмъ человѣка обладаетъ въ совершенствѣ развитою способностью поддаваться вліянію окружающаго, самъ же по себѣ человѣкъ не имѣетъ ничего твердаго, устойчиваго и опредѣленнаго, но такого рода мнѣнія и взгляды успѣли уже устарѣть и оказываются несостоятельными.

Воспитаніе можетъ принимать всѣ зависящія отъ него мѣры и средства, тѣмъ не менѣе всѣ его воздѣйствія на воспитанника и результаты вполнѣ могутъ оказаться далеко не равносильны. Многое въ данномъ случаѣ будетъ зависѣть отъ индивидуальной природы самого воспитанника. Въ этомъ отношеніи можно взять довольно наглядный примѣръ изъ античнаго еще міра: напр., Алкивіадъ въ жизни и Алкивіадъ — ученикъ Сократа. Въ сущности это было два разныхъ лица. Не даетъ ли этотъ поводъ думать, что

Алкивиадъ и раньше, какъ ученикъ Сократа, въ душѣ былъ тѣмъ именно, чѣмъ и проявилъ себя въ послѣдствіи въ жизни.

Тамъ же самымъ объясняется и то, что дѣти, которыхъ воспитываетъ одно и то же лицо при одинаковыхъ условіяхъ, могутъ оказаться людьми различныхъ полюсовъ. Нашъ доморощенный философъ-педагогъ Сковорода очень мѣтко выразился по этому поводу: „сокола скорѣе научишь летать, но не черпаху. Орла во мгновение научишь взирать на солнце и забавляться, но не сову“.

Что произвести радикальную перемѣну въ человѣкѣ немислимо, а необходимо всегда имѣть въ виду его индивидуальныя особенности, за это можетъ говорить много фактовъ.

Новѣйшія изслѣдованія указываютъ на массу примѣровъ самаго тщательнаго и строго обдуманнаго воспитанія, но въ то же время имѣвшаго крайне печальныя результаты. Чѣмъ же объяснить такого рода явленіе? Конечно, отчасти тѣмъ, что при всѣхъ данныхъ положительнаго характера, воспитаніе, къ сожалѣнію, никогда не можетъ быть изолировано. Обыкновенно параллельно съ нимъ на человѣка также предъявляютъ свои права другіе факторы, по силѣ и значенію не только неуступающіе воспитательному, но нерѣдко даже его превосходящіе — это внѣшняя природа, среда и наслѣдственность. Смотря по условіямъ, воспитаніе въ нихъ можетъ видѣть или своихъ сильныхъ сторонниковъ, съ которыми смѣло и дружно можетъ идти рука объ руку, или же опасныхъ противниковъ, съ которыми принуждено будетъ вести долгую, упорную и подчасъ безуспѣшную борьбу. Въ качествѣ основныхъ законовъ человѣческаго развитія такіе факторы, какъ внѣшняя природа, среда и наслѣдственность, способны держать человѣка въ своихъ оковахъ отъ колыбели его и до могилы. Они способны вселять въ человѣка различнаго рода наклонности, которыя могутъ явиться одинаково источникомъ его силы и безсилія. Естественно, что воспитаніе не должно выпускать этого изъ вида.

Для воспитанія прежде всего оказывается необходимымъ возможно болѣе всестороннее изученіе сложнаго человѣческаго организма и его основныхъ свойствъ. Затѣмъ, въ виду того, что дѣло воспитанія всегда развивалось и продолжаетъ развиваться въ связи съ общимъ ходомъ прогресса, для

болѣе точнаго своего выполненія, помимо знанія основныхъ свойствъ человѣческаго организма, оно также требуетъ и болѣе точнаго опредѣленія, какъ и во имя чего работать.

При такихъ условіяхъ, конечно, никто не станетъ сомнѣваться, что воспитаніе, да еще поставленное на степень систематическаго, представляетъ собою силу, способную оказывать безусловно громадное вліяніе. Еще древніе признавали, что организмъ человѣка представляетъ собою двѣ стороны, тѣсно связанныя между собой и взаимно одна отъ другой зависящія. Стороны эти — тѣло и душа человѣка. Психическая жизнь всегда вѣрный спутникъ жизни физической и наоборотъ. Внимательное наблюденіе надъ нашими физическими и психическими явленіями всегда укажетъ на эту ихъ важную особенность, ихъ непосредственную связь между собою.

Что состояніе всего нашего организма находится въ тѣсной зависимости отъ каждой отдѣльной его отрасли, убѣдиться довольно легко. Кто, напримѣръ, въ обыденной жизни не замѣчалъ, что выходъ изъ нормы какого либо изъ нашихъ органовъ неизбѣжно отражается на всемъ нашемъ организмѣ. Всякое колебаніе въ питаніи, кровообращеніи, все это оставляетъ неизбѣжно свой слѣдъ на нашей психикѣ. Бодро-ли, устало-ли наше тѣло, это имѣетъ въ данномъ случаѣ большое значеніе. Мысль наша способна работать слабѣй или сильнѣй въ прямой зависимости отъ этихъ условій.

Въ свою очередь каждая перемѣна въ нашей психикѣ всегда властно отражается на всемъ состояніи физической жизни нашего организма. Что психика оказываетъ свое безусловное вліяніе на питаніе, кровообращеніе и т. п. физиологическіе процессы, безъ особаго труда можетъ замѣтить каждый изъ насъ. По словамъ Паскаля, самый оригинальный умъ не въ силахъ выходить изъ зависимости и власти тѣла. Самъ геній способенъ, оказывается, принятъ съ успѣхомъ за свое дѣло исключительно лишь съ согласія своего организма. Стоитъ появиться какой либо случайности, способной произвести неправильность, напр., кровообращенія въ организмѣ, вообще могущей дать ему уклоненіе отъ нормы, и это получить свое неизбѣжное послѣдствіе. Чтобы нагляднѣе и лучше увидѣть это, обратимся къ указаніямъ самой исторіи. Доказано уже исторически, напр., что такая въ сущности незначительная случайность, какъ на-

сморокъ, разстройство желудка и т. п. бывали причиной неудачъ у великихъ Наполеона, Лейбница, Ньютона, влекли за собой большія слѣдствія, обрекая на временное бездѣйствіе гениальныя ихъ способности.

Итакъ, чѣмъ больше организмъ человѣка имѣетъ возможности свободнѣе и лучше обновляться, тѣмъ шире всѣ его отдѣльныя органы получаютъ силу и крѣпость, и обратно, чѣмъ организмъ нашъ ослабляется, утомляется, тѣмъ болѣе болѣзненны и вялы становятся его части. На этомъ основаніи для сохраненія необходимаго равновѣсія въ организмѣ человѣка обѣ его стороны, тѣло и душа, требуютъ въ отношеніи себя непрерывнаго и обязательнаго ухода. Вполнѣ понятно, что, задаваясь намѣреніемъ воспитать человѣка, воспитать также самого себя, необходимо съ одинаковымъ вниманіемъ отнестись къ физической и психической природѣ.

Человѣкъ не можетъ разсчитывать на исключеніе изъ общаго міроваго закона. Хотя съ момента своего рожденія онъ уже представляетъ собою очень сложный аппаратъ, тѣмъ не менѣе въ теченіе всей своей жизни не можетъ оставаться неизмѣннымъ. „Человѣческой организмъ, какъ всѣ другіе окружающіе его организмы, какъ все живущее, находится въ постоянной метаморфозѣ т. е. постоянно обновляется“, замѣчаетъ Шнелли.

Доказано научно, что съ самаго момента появленія своего на свѣтъ каждый организмъ обладаетъ уже своими опредѣленными свойствами. Развитие же каждаго организма — это сама его жизнь, когда онъ дѣятельно стремится проявлять всѣ свои свойства и дѣйствовать всѣми сторонами своей натуры.

Какъ показываютъ наблюденія и опытъ, все живое въ въ мірѣ, стремится развивать свои свойства прежде всего путемъ самодѣятельности. Поэтому, какъ въ физическомъ, такъ и въ психическомъ отношеніи человѣкъ — существо саморазвивающееся прежде всего. Этотъ процессъ саморазвитія у человѣка — явленіе вполнѣ аналогичное процессу саморазвитія у растений и низшихъ животныхъ. Только въ качествѣ организма болѣе сложнаго, человѣкъ обладаетъ большимъ количествомъ разнообразнымъ свойствъ, въ своемъ же процессѣ развитія слѣдуетъ все тѣмъ же общимъ природнымъ законамъ.

Исходя изъ того положенія, что человѣкъ, какъ и все въ природѣ, прежде всего существо саморазвивающееся, на процессъ его саморазвитія, какъ на одну изъ основныхъ способностей, естественно, должно быть обращено особое вниманіе. Процессъ саморазвитія потому и основа, одинъ изъ коренныхъ элементовъ воспитанія.

Что люди получаютъ свое развитіе прежде всего путемъ самодѣятельности, можно легко видѣть наблюдая дѣтство. Ребенокъ, въ сущности, самъ учится совершать цѣлый рядъ движеній, начиная отъ самыхъ простыхъ до самыхъ сложныхъ. Онъ самъ научается ходить, сидѣть и стоять.

Процессъ дѣтской самодѣятельности вообще простирается очень далеко. Дѣти сами учатся наблюдать окружающія ихъ явленія, дѣлаютъ изъ нихъ собственные выводы, учатся соображать и бороться съ окружающими ихъ препятствіями, хотя при этомъ не обходится безъ вмѣшательства воспитателей, но это вмѣшательство оказывается сравнительно менѣе значительнымъ.

Всѣ искусственныя мѣры, какъ бы рациональна ни была ихъ постановка, могутъ оказаться безсильны, пока ребенокъ самъ не найдетъ въ себѣ достаточно силы. Наблюденія и опытъ доказали, что побуждать ребенка, напр., ходить, сидѣть раньше времени, т. е. раньше его собственныхъ къ тому попытокъ, безусловно вредно и влечетъ за собой искривленіе или ослабленіе нѣкоторыхъ у него органовъ. Посторонняя помощь въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, оказывается дѣйствительной, если она скорѣе предохранительнаго характера. Воспитанію необходимо приходится итти параллельно саморазвитію ребенка, приходится подавать главнымъ образомъ ему при случаѣ необходимую помощь. Воспитанію необходимо лишь заботиться, чтобы всѣми зависящими отъ него мѣрами поощрить самодѣятельность ребенка и тѣмъ самымъ доводить ребенка болѣе самостоятельными усиліями до необходимыхъ открытій.

Человѣкъ появляется на свѣтѣ сравнительно менѣе развитымъ, чѣмъ низшее животное, такъ какъ сама утробная жизнь его занимаетъ относительно малый періодъ. Періодъ физическаго развитія у человѣка также болѣе продолжителенъ. Постепенно укрѣпляясь физически, организмъ ребенка, хрупкій и нѣжный, постоянно требуетъ поддержки. Ребе-

нокъ самъ начнетъ ходить, сидѣть, однако, за нимъ необходимъ въ то же время неусыпный надзоръ, иначе онъ нерѣдко рискуетъ на всю жизнь стать калѣжкой.

Но саморазвитіе физическое еще не можетъ имѣть столько дурныхъ послѣдствій, когда оно лишено надзора, какъ саморазвитіе психическое. У ребенка наблюдается черезчуръ большая несоразмѣрность въ развитіи различныхъ частей нервной организациі. Число нашихъ нервныхъ волоконъ постоянно какъ для взрослога, такъ и для ребенка. Но размѣръ тѣла взрослога растягиваетъ нервную сѣть на пространство сравнительно большое, тогда какъ у ребенка та же сѣть является сгущенной на его маленькомъ тѣлѣ, отсюда и сама повышенная его чувствительность. Предоставленная на произволъ судьбы и не контролируемая еще разумомъ, эта повышенная чувствительность не всегда можетъ повлечь къ хорошимъ послѣдствіямъ. Проф. Мечниковъ указываетъ довольно примѣровъ появленія дурныхъ задатковъ у дѣтей самый ранній періодъ дѣтства. На то же указываетъ и проф. Ломброзо. „Я въ своей практикѣ, замѣчаетъ онъ, не разъ имѣлъ возможность констатировать типъ преступника у дѣтей самага ранняго возраста и обращалъ вниманіе родителей и воспитателей на преступныя наклонности дѣтей и неизбѣжныя въ будущемъ ихъ послѣдствія. Я предостерегалъ родителей и совѣтовалъ имъ совсѣмъ особымъ способомъ воспитывать ненормальнаго ребенка, съ чрезвычайной точностью наблюдать всѣ дурныя его наклонности, для борьбы съ ними примѣнять самыя энергичныя мѣры.“

Слѣдовательно, уходъ за юнымъ челоувѣчествомъ имѣетъ громадное значеніе для всей послѣдующей его жизни, почему и необходимо долженъ стоять на высотѣ научной техники. По характеру своей дѣятельности потому каждое рачіональное воспитаніе можетъ быть сравниваемо или съ ученымъ, опытнымъ садовникомъ, или съ таковымъ же искуснымъ врачомъ. Оно должно умѣть выдѣлить у дѣтей особенности, требующія воспитанія и требующія лѣченья.

Каждый опытный садовникъ прекрасно знаетъ, что при всѣхъ ухищреніяхъ нельзя розу превратить въ лилію, грушу въ яблоню.

Нельзя по желанію видоизмѣнить природу растенія. Опытный садовникъ потому прежде всего является въ ка-

чествѣ умѣлаго помощника природѣ, не претендуя на занятіе непринужденнаго ему по праву перваго мѣста. Въ качествѣ умѣлаго, систематическаго помощника природѣ онъ стремится быть согласнымъ съ ней, доставляя каждому растенію все необходимое и тѣмъ самымъ умѣло полагая начало возможно болѣе полному его процвѣтанію.

Свѣдущій, искусный врачъ при посредствѣ своихъ познаній также стремится помогать природнымъ силамъ чело-вѣка одолѣвать болѣзни.

При этомъ необходимо замѣтить, что въ иныхъ случаяхъ можетъ быть достаточно однѣхъ природныхъ силъ организма, которыя оказываются въ состояніи самостоятельно справляться съ своими болѣзнями. Безъ содѣйствія же природныхъ силъ все напрасно, самый искусный садовникъ и врачъ одинаково безсильны. При всѣхъ своихъ познаніяхъ они могутъ только поддержать силы, данныя природой, укрѣпить ихъ до извѣстной степени. Садовникъ безсиленъ въ измѣненіи природы растеній, какъ и врачъ не можетъ дать вполне здороваго члена общества, не можетъ произвести коренной переворотъ въ чело-вѣкѣ безъ участія самой его натуры.

Но признавая полную невозможность видоизмѣнить по произволу природу растенія, опытный садовникъ понимаетъ, что заботливо и умѣло культивируя растеніе, до извѣстной степени возможно облагородить его и, наоборотъ, самое культивируемое растеніе, оставленное совершенно на свободѣ, съ теченіемъ времени дичаетъ и способно снова принять своей первобытный видъ. Воспитаніе, въ сущности, должно насъ вести тѣмъ же путемъ. Признавая, что способностями награждаетъ чело-вѣка сама природа съ момента его рожденія, для болѣе широкой возможности пользоваться ими, воспитаніе считаетъ необходимымъ послѣдовательно и постепенно упражняя культивировать ихъ.

Не выходя изъ предѣловъ помощника природы, воспитаніе развиваетъ врожденные способности чело-вѣка, въ своихъ законахъ всегда сообразуясь съ природными законами развитія организма чело-вѣка, его тѣла и духа. Горькій опытъ успѣлъ уже достаточно убѣдить людей, что пренебрегать природой очень опасно: она черезчуръ сильна и способна

жестоко отмстить за себя. Никогда не нужно забывать очень мѣткого выраженія Карменъ Сильвы: „люди простятъ, Богъ проститъ, но природа никогда“.

Но признавая все великое значеніе природы, органичиться буквально только ролью помощника ея для воспитанія является немыслимымъ. Если бы человѣкъ обладалъ исключительно задатками совершенства, воспитанію оставалось бы только изыскивать съ своей стороны всѣ мѣры, стараясь развить эти прекрасныя качества, какъ естественныя свойства. Къ сожалѣнію, человѣкъ черезчуръ далекъ отъ совершенства. У людей такъ много различнаго рода недочетовъ въ физическомъ и моральномъ отношеніи. При такихъ условіяхъ воспитывать согласно буквально природѣ не значитъ ли въ сущности оказывать одинаково систематическую помощь положительному и отрицательному? Не походило ли бы это на одинаково заботливое культивированіе вмѣстѣ и благородныхъ растений, и сорныхъ травъ? Ясно, что руководиться такого рода положеніемъ невозможно, его необходимо органичить и дополнить, иначе врядъ ли оказывалась бы возможность признать и пользу самаго воспитанія. Воспитаніе далеко не такъ узко понимаетъ свою задачу.

Самое глубоко обдуманное воспитаніе не въ силахъ создать въ человѣкѣ какую-либо совершенно новую способность, но въ то же время неоспоримо, что у воспитанія есть вѣрныя средства сдѣлать природное дарованіе болѣе яркимъ и производительнымъ. Иначе говоря, воспитаніе имѣетъ возможность отточить, отшлифовать наши природныя данныя. Систематически преслѣдуя свою цѣль, воспитаніе въ состояніи дать способностямъ человѣка разнообразный матеріалъ для упражненій и тѣмъ самымъ выработать ихъ большую гибкость и подвижность. Если садовникъ не можетъ претендовать на коренное измѣненіе свойствъ культивируемыхъ имъ растений, онъ можетъ ихъ совершенствовать. Съ этою цѣлью онъ обставляетъ растеніе всѣми условіями, въ данномъ случаѣ благоприятствующими процвѣтанію и усовершенствованію. Определеннымъ способомъ обрабатываетъ садовникъ грунтъ, въ определенной дозѣ доставляетъ растенію соответствующую пищу въ видѣ влаги, свѣта, тѣни, защищаетъ его отъ холода и т. п. При этомъ необходимо замѣтить, что садовникъ всегда зорко слѣдитъ, чтобы на пути своего

роста и развитія культивируемое растеніе избѣгало всѣхъ случайностей, которыя могли бы заставлятъ его уклоняться въ сторону.

Насколько борьба съ недостатками представляетъ собою задачу трудную и даже рѣдко совершенно выполнимую, каждый воспитатель можетъ убѣдиться на собственномъ опытѣ. Казалось бы, достаточно понять вредъ своихъ многихъ особенностей, чтобы понять и необходимость сдерживать проявленіе ихъ дѣятельности при случаѣ, иначе говоря, постараться побороть проявленіе своего недостатка, но это далеко не такъ легко достижимо, какъ кажется.

Не только трудно уничтожить свой недостатокъ, но и сознавая его, мы бываемъ часто безсильны помѣшать ему показываться при первомъ удобномъ случаѣ. Къ сожалѣнію, недостатки обладаютъ способностью укрѣпляться довольно прочно и особенно въ этомъ отношеніи оказываются сильны недостатки наслѣдственные.

Теперь уже не возникаетъ никакого сомнѣнія, что наслѣдственность свойственна каждому человѣку. Она связываетъ въ одинъ тѣсный узелъ его прошлое и настоящее и потому не проходитъ безслѣдно. Наслѣдственныя свойства человѣкъ можетъ получать въ даръ какъ отъ своихъ ближайшихъ, такъ и отдаленныхъ предковъ. Эти свойства у cadaго являются на ряду съ его общечеловѣческой природой. Человѣкъ не властенъ принять и не принять это наслѣдіе, и потому люди какъ невольные обладатели своего наслѣдія, изнываютъ подъ его гнетомъ и въ то же время бываютъ безсильны его съ себя сбросить. Наслѣдственность нерѣдко съ убійственной ироніей можетъ доказать людямъ, что она хотя и грозитъ имъ часто только въ видѣ призрака, но въ этомъ призракѣ болѣе силы и реальности, чѣмъ во всѣхъ усиліяхъ ихъ настоящаго. Сразу не бросающаяся въ глаза, что бываетъ очень часто, наслѣдственность играетъ черезчуръ видную роль, тѣмъ болѣе, что служитъ однимъ изъ главныхъ отличій людей между собой.

Первое наглядное проявленіе наслѣдственности выражается, конечно, въ внѣшнемъ нашемъ строеніи. Напр., дѣти очень часто имѣютъ внѣшнее сходство со своими родителями. Исторія указываетъ довольно примѣровъ какихъ либо внѣшнихъ детальныхъ передачъ потомству въ теченіе мно-

гихъ поколѣній, таковы, напр.: большой носъ фамиліи Бурбоновъ, выдающаяся нижняя губа фамиліи Габсбурговъ и т. п.

Внѣшнее проявленіе наслѣдственности даетъ полное основаніе считать возможнымъ такое же ея проявленіе и внутреннее. Такъ, по мнѣнію Рибо, наслѣдственность часто управляетъ соразмѣрностью нервной системы человѣка. Проявленія ея не только обнаруживаются въ размѣрѣ мозга, какъ главнаго органа нашей нервной системы, но на размѣрѣ и количествѣ самихъ его извилинъ. Въ этомъ находятъ себѣ объясненіе, почему дѣти культурныхъ родителей проявляютъ сравнительно большую способность къ усвоенію многого того, что бываетъ болѣе трудно ребенку малокультурной среды.

Гельмгольцъ отсутствіе музыкальнаго слуха объясняетъ ненормальностію нерва ушной улитки. Съ теченіемъ же времени все большее и большее приспособленіе этой части организма способствовало развитію самой музыкальной способности человѣка, которая и передавалась по наслѣдству потомкамъ. Какъ на наглядный примѣръ такого рода передачи указываютъ на фамилію Бетховена, гдѣ насчитывался цѣлый рядъ музыкантовъ. Въ такомъ же родѣ примѣровъ можно привести довольно.

Законы наслѣдственности вообще не могутъ еще считаться вполне изученными и потому во многихъ отношеніяхъ не перестаютъ быть загадочными для психологовъ. Оказывается, что человѣку вовсе не требуется непременно обладать всѣми пороками и быть лишеннымъ добродѣтелей, чтобы потерять равновѣсіе и пойти ко дну. Многое говорить за то, что достаточно какой либо порочной наклонности сдѣлаться наслѣдственной, чтобы нейтрализовать многія добрыя качества.

Призракъ часто одерживаетъ побѣду надъ реальностію, и прошлое своей тѣнью способно затмить и потушить свѣтъ настоящаго. Живучесть прошлаго въ видѣ наслѣдственности имѣетъ загадочный и даже опасный характеръ, являясь нерѣдко въ видѣ какого то возмездія. Въ лицѣ наслѣдственности исполняется какъ бы библейское пророчество объ искупленіи дѣтьми грѣховъ родителей. Согласно старинному предразсудку, наслѣдственность, дѣйствительно, фигурировала въ видѣ библейскаго проклятія, которое распространя-

лось и тяготѣло на нѣсколькихъ поколѣніяхъ. Это былъ въ своемъ родѣ рокъ, гдѣ умолкала логика справедливости, такъ какъ въ сущности бываетъ наказана личность ребенка, еще не успѣвшая сдѣлать ничего дурного въ своей жизни. И потому, на наслѣдственность изстари принято было смотрѣть какъ на нѣчто отрицательное. Въ настоящее время это положеніе стремятся опровергать массой противоположныхъ примѣровъ. Научно уже доказано, что наслѣдственные свойства неисключительно отрицательны, но могутъ быть и положительны. И вотъ положительныя изъ нихъ воспитаніе стремится укрѣплять, а съ отрицательными, какъ съ недостатками, вести борьбу.

Какъ вообще было замѣчено, наслѣдственные свойства, всегда очень устойчивыя и упорныя, требуютъ болѣе совершенной воспитательной хирургіи. Подавляемая, она проявляетъ способность снова быстро появляться и расцвѣтать еще роскошнѣй, едва только устраняется задерживавшее ихъ вліяніе. Подавленные на время, они только прячутся и исчезаютъ съ горизонта, но при первомъ удобномъ случаѣ всегда готовы вновь возвратиться въ видѣ Немезиды. Поэтому и борьба съ наслѣдственными недостатками единственно можетъ подать надежду на успѣхъ лишь тогда, когда будетъ вестись строго систематически даже не въ одномъ, а въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ. Великое значеніе воспитанія при этомъ доказывается наглядно. Воспитательное вліяніе бываетъ часто въ силахъ ослабить проявленіе наслѣдственности, какъ мы уже успѣли замѣтить. Если это вліяніе и не будетъ имѣть возможности совершенно вырвать корни наслѣдственности, оно все же въ состояніи ихъ сильно расшатать.

На измѣненіе человѣческой природы въ смыслѣ совершенствованія воспитательное вліяніе оказала культура. Съ развитіемъ ея и послѣдовало развитіе и видоизмѣненіе свойствъ человѣка, которыя дотолѣ у него не проявлялись или находились въ потенциальномъ видѣ. Свойства эти, начиная проявляться въ одномъ поколѣніи съ трудомъ, другому, третьему становились болѣе естественны. Безконечное разнообразіе природныхъ свойствъ человѣка наглядно можетъ говорить о томъ, какимъ количествомъ пріемовъ и средствъ необходимо обладать воспитанію, чтобы быть

дѣйствительнымъ благодѣтелемъ человѣчества. Каждое рациональное воспитаніе потому и должно владѣть разнообразіемъ количества пріемовъ и мѣръ, чтобы дать людямъ возможность настоящаго ихъ развитія. Конечно, природныя свойства людей такъ различны, что при всемъ усиліи и умѣнши со стороны воспитанія какъ нельзя достигнуть равенства ихъ, такъ и привести ихъ на одну ступень развитія и совершенства. Предѣлъ возможнаго усовершенствованія для человѣка, какъ видимъ, заключается въ самомъ размѣрѣ его силъ, иными словами, каждый человѣкъ есть мѣрило возможнаго собственнаго усовершенствованія и развитія. Потому, въ виду общепризнанной индивидуальности человѣка, когда воспитаніе имѣетъ дѣло съ отдѣльнымъ ребенкомъ, оно всегда должно быть соотвѣтствующаго характера. Въ такомъ случаѣ ему приходится собразоваться прежде всего съ свойствами и способностями ребенка и тогда уже примѣнять въ отношеніи его ту или другую изъ своихъ системъ.

Задаваясь намѣреніемъ усовершенствованія человѣка, воспитаніе нисколько не уклоняется отъ своей первоначальной основы — помощи саморазвитію организма, а только дѣлаетъ ее шире и полнѣй. Насколько воспитаніе саморазвитія человѣка необходимо должно быть приведено въ стройную и глубоко продуманную систему, настолько же заботы объ усовершенствованіи человѣка должны быть разносторонни и должны быть явленіемъ неслучайнымъ, а постояннымъ. Строго судя, саморазвитіе и усовершенствованіе — оба одинаково существенные, основные элементы взаимодополняющіе. Только на первый взглядъ оба эти начала могутъ показаться какъ бы противорѣчивыми и несогласными между собой. Такъ при процессѣ саморазвитія человѣкъ является личностью активной и свободной; при процессѣ же усовершенствованія онъ, повидимому, пассивенъ и фигурируетъ болѣе въ качествѣ пациента, которому врачъ-воспитаніе дѣлаетъ, по своему мнѣнію, необходимыя операціи. Но болѣе глубокій анализъ всегда убѣждаетъ, что саморазвитіе имѣетъ много общаго съ усовершенствованіемъ. При процессѣ саморазвитія, организмъ человѣка становится крѣпче, сильнѣй, иными словами, совершенствуется. При подавленіи же саморазвитія, невозможно и усовершенствованіе, какъ немыслимо расчитывать на силу, не поддерживая ее, а, наоборотъ, стараясь уничтожить ея корни.

Оба эти элемента, повидимому, какъ бы различные, но въ сущности необходимо дополняющіе другъ друга, только взятыя вмѣстѣ составляютъ стройное гармоническое цѣлое. Находясь всегда въ тѣсной связи и зависимости другъ отъ друга, эти необходимыя условія раціональнаго воспитанія, только соединяясь въ одно цѣлое, въ силахъ дать возможность воспитанію достигнуть намѣченныхъ себѣ цѣлей общаго развитія человѣка.

Строго судя, каждая гармонія требуетъ для себя равенства въ развитіи своихъ составныхъ силъ. Если же съ этой точки зрѣнія начать разсматривать человѣческой организмъ, онъ далеко не будетъ удовлетворять требованіямъ. Найти человѣка безъ дефектовъ и дисгармоніи въ строеніи, по духу и тѣлу, вещь невозможная. Въ большинствѣ случаевъ все въ немъ негармонично и неравномѣрно. Напр., со стороны физической у людей можно найти довольно недочетовъ и сравнительно рѣдкую гармонію между отдѣльными органами. Аполлона Бельведерскаго или Венеру Милосскую не только теперь, въ нашъ хилый вѣкъ, но и въ добрыя старыя времена встрѣтить было не легко. Физическое совершенство человѣка возможно было только въ произведеніяхъ Фидія Праксителя. Въ дѣйствительности же съ увѣренностью можно сказать, что нельзя найти человѣка, отдѣльные органы котораго были бы совершенны и работали бы съ одинаковой силой и энергіей. Насколько органы нашего тѣла по своему строенію и силѣ далеки отъ равенства, настолько же энергія нашихъ процессовъ душевныхъ непропорціональна. Не трудно наблюдать, что при всѣхъ умственныхъ данныхъ люди не обладаютъ часто характеромъ и наоборотъ. Примѣровъ въ этомъ отношеніи можно привести довольно. Какая же можетъ быть въ такомъ случаѣ гармонія? Вѣдь, уравнивать всѣ эти данныя, сдѣлать равными, естественно, задача невыполнимая. Но дѣло въ томъ, что воспитаніе нѣсколько иначе смотритъ на гармонію развиваемыхъ имъ способностей человѣка. Взглядъ въ этомъ отношеніи воспитанія имѣетъ много общаго съ взглядомъ на гармонію въ музыкѣ. Для музыкальной гармоніи неважно и даже не требуется равенства звуковъ, а важно и болѣе необходимо опредѣленное ихъ соотношеніе между собой. Берется какой либо основной тонъ и вокругъ него группируются всѣ частности въ видѣ

дополнительныхъ аккордовъ. Другими словами, всѣ музыкальные звуки должны быть въ опредѣленномъ соотношеніи между собой, должны быть тѣсно связаны между собой и не должны противорѣчить другъ другу. Тоже самое и въ воспитаніи: гармонія развитія способностей человѣка понимается не въ смыслѣ равнаго, а болѣе въ смыслѣ объединеннаго и связнаго развитія, въ своемъ родѣ представляющаго нѣчто цѣльное при всемъ несовершенствѣ нашихъ свойствъ.

IV.

Воспитаніе, обученіе и образованіе.

Для всего живого въ природѣ главную задачу и цѣль представляетъ желаніе жизни. Жить и жить какъ можно полнѣй и всестороннѣй — вотъ вѣчный стимулъ всѣхъ стремленій, поэтому и девизомъ для всего живого въ природѣ должно одинаково служить: надо научиться жить.

Вполнѣ естественно, что вопросъ какъ лучше достигнуть этой основной цѣли и что для этого необходимо, всегда долженъ былъ представлять собой для человѣка вопросъ первой важности.

Сначала болѣе инстинктивно, а затѣмъ все болѣе и болѣе сознательно, человѣкъ понялъ, что жизнь суровая и безпощадная борьба, что желаннымъ гостемъ въ ней всегда оказывается только сильный, слабый же постоянно рискуетъ быть безжалостно выброшеннымъ за борть. И вотъ, чтобы не погибнуть въ жизненной пучинѣ, чтобы поддержать свою жизнь въ общей природѣ и сдѣлать ее лучше, человѣку становилось все болѣе необходимо укрѣплять свои силы и умѣть приспособляться къ жизненнымъ условіямъ, пользоваться ими какъ орудіемъ для своихъ цѣлей. На этой почвѣ и возникла впервые идея воспитанія и неразрывно связаннаго съ ней обученія.

Сама природа первая наглядно указала на степень значенія того и другого, заложивъ идею воспитанія и обученія во все животное царство въ первоначальной формѣ инстинкта. Что же какъ не инстинктъ заставлялъ всѣхъ обитателей земного шара заботиться о своихъ дѣтенышахъ и сообщать имъ тѣ или другіе приемы, необходимые для дальнѣйшаго ихъ существованія. Инстинктъ заставлялъ и нашего

первобытнаго предка, несмотря на всю еще дикость, незамысловатость и первобытную простоту его быта, по своему уже проявлять опредѣленное стремленіе воспитывать и обучать свое подрастающее поколѣніе.

Въ теченіе долгихъ вѣковъ человѣкъ велъ и ведетъ упорную борьбу съ природой, мучается, изобрѣтая различнаго рода пути и средства, чтобы подчинить себѣ природу, перехитрить ее. Все человѣчество съ непрерывнымъ настойчивымъ трудомъ и усиліями работаетъ для своего блага, подобно грандіозному муравейнику. Терпѣливые муравьи-работники, всегда дѣятельные, неутомимо суетятся, строятъ свои замысловатые ходы и выходы, но одинъ мигъ, какая либо несчастная случайность, непредусмотрительность и плоды многихъ усилій работниковъ способны сильно пострадать. Не то ли можетъ быть наблюдаемо и въ нашей жизни, когда всѣ планы, вся долгая и упорная работа человѣка рискуетъ быть обреченной на гибель, возставшей противъ него природой?

Жизнь долгаго времени, повидимому, должна уже дать довольно наглядныхъ доказательствъ нерѣдко увлекающемуся человѣчеству, что если оно и получаетъ до извѣстной степени возможность владычества надъ природой, и подчиняетъ себѣ ея силы, то не иначе какъ при главномъ и неизбѣжномъ условіи — внимательномъ изученіи вѣчныхъ міровыхъ законовъ природы и не менѣе внимательномъ стремленіи научиться приспособляться къ нимъ.

Что наша мать - природа находится всегда въ тѣсномъ союзѣ съ тѣмъ, кто требуетъ отъ нея чего либо во имя лишь ея законовъ, а въ противномъ случаѣ черезчуръ неуступчива и способна обречь на гибель всѣ усилія, всю работу самыхъ избранныхъ своихъ дѣтей, на это съ успѣхомъ можетъ указать не только настоящее, но и цѣлый рядъ картинъ прошлаго.

Теперь, когда человѣкъ, повидимому, успѣлъ уже довольно хорошо изучить законы природы, онъ и долженъ научиться лучше сообразовать свою жизнь съ ними. Если бы человѣкъ былыхъ временъ имѣлъ возможность воскреснуть, онъ счелъ бы за чудеса все то, что чѣмъ за послѣднее время его потомки оказались обязанными наукѣ и знанію. На каждомъ шагу нашъ воскресшій предокъ могъ бы переходить отъ удивленія къ удивленію и, пожалуй, сразу пришелъ

бы къ твердому заключенію, что счастливый потомокъ живеть въ томъ золотомъ вѣкѣ, о которомъ его предокъ не смѣлъ даже и мечтать. Тѣ страшныя и непреодолимыя силы природы, передъ которыми человекъ былого времени такъ трепеталъ, которыя внушали ему непреодолимый суевѣрный страхъ и постоянно грозили опасностью, могли его уничтожить, тѣ же силы оказались далеко не настолькоъ непреодолимыми. Если умудренный знаніемъ и опытомъ потомокъ уже въ достаточной степени научался примѣняться къ нимъ, онѣ становились въ его распоряженіи. Потому въ свою побѣдную колесницу онъ и впрягъ священный огонь, своей вѣстницей сдѣлалъ небесную молнію, заставилъ прежде внушавшія ужась силы покорно переносить себя черезъ громадныя пространства и т. д.

Знанія добывались человекомъ медленнымъ и долгимъ путемъ изъ внѣшней природы, житейскаго, а за тѣмъ историческаго опыта. Всѣ знанія человека имѣли, понятно, первоначально хаотическій характеръ. Знанія накапливались, и вмѣстѣ съ тѣмъ шло культурное развитіе человека.

Постепенно измѣняя характеръ и образъ жизни нашего первобытнаго предка, сложныя, культурныя условія тѣмъ самымъ способствовали измѣненію его первоначальныхъ свойствъ. Они помогли развитію тѣхъ изъ нихъ, которыя дотолѣ у человека не проявлялись и въ то же время ослабили или заглушили многія прежнія, уже ненужныя.

Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ больше систематизировались знанія; систематическія знанія, науки, должны были становиться тѣмъ руководящимъ принципомъ, тѣмъ фундаментомъ, на которомъ основывалось каждое уже культурное воспитаніе и обученіе. Въ наукѣ человекъ нашелъ себѣ вѣрнаго помощника и друга.

Науки занимаются изученіемъ, изслѣдованіемъ явленій законовъ природы и жизни человека. Цѣль науки познать эти явленія и законы, душа же науки заключается въ безпристрастной критикѣ и строгомъ наблюденіи. Выработанныя наукой истины, пріучая умъ человека относиться ко всему болѣе критически, тѣмъ самымъ не даютъ ему возможности довольствоваться какого либо рода вымышленными мѣрами.

Вмѣстѣ съ накопленіемъ знаній и систематизаціей ихъ прежнее „обученіе“ въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи получило новый характеръ, явилось новое понятіе „образованіе“.

Конечно, вселенная и жизнь слишком велики и богаты, всего узнать нельзя, всѣхъ существующихъ наукъ не постигнешь, да и странна была бы въ этомъ отношеніи претензія со стороны скромнаго простаго смертнаго. Но хотя въ большинствѣ случаевъ человѣку и приходится довольствоваться знаніемъ сравнительно болѣе энциклопедическаго характера, все же образование его въ общемъ должно получить такого рода постановку, чтобы послужить вѣрнымъ путемъ для пониманія сущности культуры и возможности стоять на ея современной высотѣ и запросахъ.

Образованіе можно поэтому назвать только полнымъ лишь въ томъ случаѣ, если оно является прежде всего общимъ, а за тѣмъ специальнымъ, если есть въ томъ необходимость. Вѣдь только общее образованіе прежде всего вооружаетъ человѣка знаніями, необходимыми въ его жизни. Только при посредствѣ основательнаго знакомства съ трудами въ области общей культуры вполнѣ выясняется человѣку существующая связь между его прошлымъ и настоящимъ, т. е. между культурой древней и современной. Вполнѣ понятно, что чѣмъ шире будетъ постановка общаго образованія, чѣмъ выше сама степень его, тѣмъ скорѣе будетъ достигнута его истинная цѣль.

Что касается специальныхъ познаній, ими возможно владѣть въ обширныхъ размѣрахъ и въ то же время далеко не стоять на высотѣ культурнаго уровня. Широта умственнаго кругозора далеко не обязательна при занятіи какимъ либо чисто специальнымъ, даже научнымъ изслѣдованіемъ. Общепризнанный хорошій специалистъ очень нерѣдко можетъ быть далекъ до признанія за нимъ полной культурности. Односторонность его развитія характеризуется тѣмъ, что онъ проявляетъ основательное знаніе въ опредѣленной области, способенъ въ этой сферѣ безъ труда ориентироваться, переходъ же въ другую область представляется для него часто затруднительнымъ. Это не будетъ тотъ человѣкъ, который, обладая научными свѣдѣніями, обладаетъ и широкимъ умственнымъ кругозоромъ, духовнымъ богатствомъ, богатствомъ понятій.

Иногда можно видѣть, что люди обладаютъ большимъ количествомъ знаній, но знанія эти у нихъ равносильны мертвому капиталу. Имѣя даже основательныя знанія въ

опредѣленной области, эти люди не обладаютъ, къ сожалѣнію, необходимымъ умѣніемъ къ ихъ примѣненію.

Чтобы имѣть значеніе, каждое знаніе должно обнаруживать всегда свои силы, должно быть въ состояніи всегда увеличивать способности человѣка къ его активной работѣ въ жизни. Будетъ всегда имѣть силу не количество знаній, а болѣе глубокое пониманіе, умѣніе владѣть ими, въ этомъ главное могущество образованія.

Въ настоящее время принято считать, что воспитаніе начинается съ самой колыбели и семья наша первая руководительница. Что же касается до сообщенія знаній, то оно представляетъ собою болѣе дѣло специальности и профессіи и потому можетъ считаться дѣломъ школьнымъ. Но и школа, особенно средняя и высшая, должны обладать воспитательнымъ вліяніемъ. Трудно не признать того, чтобы знанія, обширныя, основательныя и серьезныя, не были бы способны дѣйствовать на человѣка облагораживающе.

Входя въ близкое соприкосновеніе со сферой науки и искусства, съ этимъ царствомъ вѣчной истины и красоты, человѣкъ не можетъ остаться внѣ сферы ихъ вліяній. Повидимому, чѣмъ больше человѣкъ пріобрѣтаетъ научныхъ свѣдѣній и познаній, тѣмъ больше пріучается онъ систематически сосредоточивать свою мысль и вниманіе на предметахъ и вопросахъ касающихся высшаго разума. Онъ получаетъ въ то же время большую возможность переносить свою мысль изъ обыденной матеріальной сферы въ сферу болѣе высшую.

Сообразно съ этимъ, естественно, понятіе „воспитаніе“ дѣлается болѣе обширнымъ, оно можетъ заключать въ себѣ и понятіе общаго образованія и понятія той силы, которую сообщаетъ изученіе отдѣльныхъ наукъ.

„Воспитаніе есть все, что мы дѣлаемъ для самихъ себя и что сдѣлано для насъ другими съ опредѣленной цѣлью приблизить насъ къ совершенству“, говоритъ Милль. Свою первоначально высказанную черезъ чуръ широкую точку зрѣнія Милль находитъ возможнымъ нѣсколько сузить и сдѣлать такимъ образомъ болѣе ясной. Онъ сравниваетъ воспитаніе съ культурой, „которой каждое поколѣніе намѣрено подвергать своихъ пріемниковъ, для того чтобы

сдѣлать ихъ способными, по меньшей мѣрѣ, удержаться на уровнѣ достигнутаго прогресса и, если возможно, пойти еще дальше“.

Бэнъ замѣчаетъ, что многіе полагаютъ воспитаніе въ стремленіи достигнуть счастья, добродѣтели, совершенства человѣка, съ своей же стороны Бэнъ на воспитаніе смотритъ какъ на „единичный факторъ въ дѣлѣ достиженія этой все-объемлющей цѣли“.

По опредѣленію гр. Л. Толстого: „воспитаніе есть образованіе наилучшихъ людей сообразно съ выработаннымъ извѣстной эпохой идеаломъ“.

Опредѣляя значеніе самого термина „воспитанія“ Ушинскій вполне ясно и просто указываетъ, повидимому, на основную его программу. Согласно взгляду Ушинскаго, „воспитывать — значитъ давать возможность развитія организма человѣка черезъ посредство свойственной ему пищи, одинаково матеріальной и духовной“.

Причины удовлетворительности и неудовлетворительности конечныхъ результатовъ образованія и воспитанія для человѣка всегда надо искать въ прямомъ отношеніи, въ пропорціональности вліяній обоихъ факторовъ — семьи и школы. Въ настоящее время никто уже не сомнѣвается, что условія, при которыхъ протекаетъ дѣтство и школьная пора человѣка, оставляютъ свое неизбѣжное отраженіе нерѣдко на всей послѣдующей жизни человѣка. Вполнѣ понятно, взаимное отношеніе семьи и школы, если они нормальны, ихъ взаимное воздѣйствіе явится для человѣка положительнымъ. Если же семья и школа не идутъ дружно рука объ руку, ихъ столкновеніе и рознь оказываются нерѣдко причиной нашихъ многихъ недоразумѣній и страданій въ жизни.

Конечно, семья можетъ обладать своими недостатками и въ то время предъявлять черезъ чуръ большую требовательность по отношенію къ школѣ. Также и школа не всегда бываетъ свободна отъ обвиненій. Такимъ образомъ объ одинаково могутъ явиться виновниками разлада, а платится при этомъ болѣе всего ребенокъ, который менѣе всего виновать.

И вотъ согласовать, соединить болѣе тѣсно вліяніе семьи и школы, сдѣлать его болѣе общимъ, составляетъ

главную заботу всей педагогической постройки въ настоящее время. Понятно, чѣмъ болѣе можетъ быть общеніе между семьей и школой, тѣмъ больше и шансовъ на выработку всесторонне подготовленныхъ къ жизни людей. Въ виду общихъ интересовъ семья и школа должны войти въ болѣе тѣсную связь между собой, чтобы обоюдными усилиями стремиться къ общей цѣли-развитію и образованію чловѣка. Для этого необходимо свести до возможно меньшей величины .могущую быть между ними рознь. По пути къ сближенію и единодушію семьи и школы придется, естественно, сдѣлать еще очень многое. Въ настоящее время желательно было бы хотя частичное устраненіе ихъ розни, потому не лишнимъ является поднимать старые вопросы и напоминать о старыхъ истинахъ въ надеждѣ насколько возможно полнѣй и ярче освѣтить ихъ по послѣднимъ изысканіямъ науки.

V.

Идеалы воспитанія.

Съ возникновеніемъ мысли о необходимости усовершенствованія, въ воспитаніи неизбѣжно должно возникнуть стремленіе слѣдовать въ этомъ отношеніи какому либо опредѣленному идеалу. Иначе, какое бы могло быть и усовершенствованіе, если не было бы опредѣлено, во имя чего оно достигается. На этомъ основаніи само воспитаніе является уже не только органической необходимостью, но и дѣятельностью, соотвѣтствующей опредѣленнаго, рода идеаламъ. Если нѣтъ идеально совершенныхъ людей въ какомъ либо отношеніи и идеала совершенства человѣкъ никогда не достигаетъ, это еще не исключаетъ для него возможности стремиться стать лучше.

Естественно, возникаетъ вопросъ: откуда воспитаніе можетъ брать свой идеалъ?

Идеалъ каждаго времени имѣетъ всегда свою опредѣленную окраску. Необходимо также замѣтить, что каждый идеалъ представляетъ собою неизбѣжно не одно какое либо качество, свойство, а цѣлую группировку ихъ, потому и воспитательное усовершенствованіе личности согласно идеалу можетъ быть только всестороннимъ. Такъ, если когда либо говорятъ, напр., „идеальный человѣкъ“, подъ этимъ неизбѣжно подразумѣвается все лучшее въ человѣкѣ, связанное съ окраской его современности.

Основой каждаго идеала прежде всего, конечно, служить сама человѣческая природа, затѣмъ уже, благо человѣка, его личные интересы даннаго времени. На этомъ основаніи за идеалъ самого усовершенствованія личности воспитаніе и можетъ брать нѣчто собирательное, избранное изъ выдающихся современныхъ требованій, таковыхъ

же личностей и ихъ лучшихъ качествъ. Что касается идеала современнаго воспитанія одной изъ выдающихся его сторонъ можно считать стремленіе развить въ молодомъ поколѣніи возможно болѣе способность къ выработкѣ собственныхъ твердыхъ взглядовъ, убѣжденій и умѣнья примѣнять ихъ въ жизни. Наша молодежь должна сумѣть понять запросы своего времени и должна удовлетворять ихъ требованіямъ, согласуясь съ общими интересами и общими идеалами.

Вполнѣ естественно, что каждый человѣкъ имѣлъ бы возможность жить, развиваться и воспитываться, какъ хочетъ или какъ можетъ, лишь въ томъ случаѣ, если живетъ совершенно особнякомъ. Кому какое дѣло и до него, и до самага характера его дѣятельности? Процессъ саморазвитія личности въ данномъ случаѣ можетъ являться элементомъ индивидуальнымъ, эгоистичнымъ. „Сверхчеловѣкъ“ Ницше — преувеличеніе со стороны автора выгодъ одиночества на счетъ жизни въ обществѣ.

Совершенно изолироваться, отрѣшиться отъ себѣ подобныхъ, человѣкъ въ состояніи только въ исключительныхъ случаяхъ, да и то врядъ ли бываетъ въ силахъ совершенно предать забвенію людей. До извѣстной степени это и можетъ оказаться исполнимымъ для анахорета или живущаго на необитаемомъ островѣ, подобно Робинзону. Во всѣхъ же иныхъ случаяхъ судьба человѣка, его интересы, всегда неизбѣжно тѣсно связаны съ той сферой, въ которой этотъ человѣкъ вращается.

Исторія человѣческаго рода намъ говорить, что человѣкъ никогда не былъ существомъ одиночнымъ. Вся жизнь его какъ проходила, такъ и проходитъ неизмѣнно въ обществѣ ему подобныхъ и зависимость его отъ нихъ обусловливается самими условіями жизни. Нѣтъ того дѣла, гдѣ бы не было посторонняго участія; нѣтъ такого желанія, гдѣ бы такъ или иначе не соприкасались интересы наши собственные и интересы нашихъ ближнихъ. Вообще, каждое положеніе всегда опредѣляется разнообразными социальными отношеніями.

Единственно лишь при условіи общихъ къ тому усилій люди получили возможность лучше устраивать свою жизнь. Уже съ самыхъ древнихъ временъ люди пришли къ тому заключенію, что единичныя усилія какъ не могутъ предо-

хранить ихъ отъ всевозможныхъ опасностей, такъ и одинаково не могутъ гарантировать имъ удовлетворенія многихъ ихъ потребностей. Человѣкъ издавна оказался не въ силахъ жить внѣ общества. Само развитіе этой потребности явилось первымъ условіемъ благосостоянія человѣка и въ то же время главной основой, способствующей его прогрессу.

Итакъ, вступая въ общество, человѣкъ становится отъ него во всѣхъ отношеніяхъ въ тѣсную зависимость. Онъ можетъ слѣдовать своимъ личнымъ желаніямъ, побужденіямъ лишь настолько, насколько ему это позволяютъ окружающія условія. Въ своихъ поступкахъ онъ также необходимо долженъ не менѣе руководствоваться общими интересами. Личный опытъ каждаго изъ насъ первый научаетъ и указываетъ, какъ мы должны поступать въ отношеніи къ своимъ ближнимъ и что можемъ ожидать себѣ въ отплату.

Ослабленію развитія и проявленія личного эгоизма человѣка прежде всего помогло возникновеніе семьи. Семья первая способствовала тому многими своими условіями.

Каждую семью прежде всего можно разсматривать, какъ развитіе отдѣльныхъ индивидуальностей, поставленныхъ въ опредѣленную связь и зависимость между собой. Семья кладетъ первыя основы проявленію альтруизма въ виду того, что всѣ семейныя отношенія, въ сущности, представляютъ собою сочетаніе общихъ интересовъ ея отдѣльныхъ членовъ. Здѣсь человѣкъ необходимо долженъ заботиться объ интересахъ своихъ близкихъ, иногда и не безъ ущерба для себя; здѣсь на первомъ планѣ всегда интересы семейные. „Семья — это то же общество въ миниатюрѣ“, характерно замѣчаетъ проф. Габріэли. Она служитъ тѣмъ источникомъ, смотря по своимъ даннымъ, чистымъ или зараженнымъ, изъ котораго общество черпаетъ свои руководящія правила и законы.

Распространена очень вѣрная поговорка: „Семья создаетъ человѣка“. Гдѣ же, какъ не здѣсь, онъ получаетъ свои первыя основы физическаго и моральнаго развитія. По мнѣнію Смальса, въ ней человѣкъ получаетъ свое лучшее или худшее воспитаніе, почерпаетъ тѣ правила своего поведенія, которыя не покидаютъ его уже въ теченіе всей жизни. „Семья — это одна изъ тѣхъ счастливо организованныхъ школъ, говоритъ проф. Вагнеръ, гдѣ мы всему науча-

емся почти внезапно. Я не знаю, чѣмъ въ ней сильнѣе всего воспринимаются познанія — умомъ, сердцемъ или душою, но во всякомъ случаѣ она захватываетъ человѣка сразу, со всѣхъ сторонъ, слабыхъ и сильныхъ“. Слѣдовательно, каждая семья и должна быть міромъ, налагающимъ на своихъ членовъ собственный неизгладимый отпечатокъ. Такъ какъ семья служитъ основой обществу, государству, то и само культурное состояніе народа находится всегда въ прямомъ отношеніи къ культурному состоянію его семьи. Что состояніе семьи народа являлось первой причиной процвѣтанія, порчи и паденія народа, въ этомъ уже не возникаетъ никакого сомнѣнія. Почему Англія можетъ похвалиться стойкостью и мощью своего народа? Потому, что англійская семья вполне можетъ служить образцомъ нормальной и благоустроенной семьи. Если бы римская семья не дошла до послѣдней степени разложенія и упадка, Римъ не подвергся бы такому жалкому разрушенію. Если бы была возможность предположить, что въ какомъ либо изъ государствъ все образцово: законы, государственный строй, школы, и есть одно только больное мѣсто — семья, одного этого оказывается вполне довольно, чтобы парализовать вліяніе всѣхъ этихъ элементовъ. Можетъ ли человѣкъ, не имѣющій любящаго сердца для самыхъ ему близкихъ, претендовать по праву на истинную любовь къ человѣчеству? Человѣкъ, который любитъ свою семью, будетъ не менѣе искренно любить свою родину и служить ей. Безукоризненное выполненіе обязанностей въ отношеніи своей семьи служитъ не малой и вполне всегда цѣлесообразной подготовкой для выполненія общественныхъ обязанностей для жизни общественной. Въ противномъ же случаѣ, если въ основѣ гражданскихъ добродѣтелей не лежатъ освящающія ихъ семейныя добродѣтели, не оказывается ли такого рода гражданская добродѣтель въ сущности болѣе сценической?

На семью необходимо смотрѣть, какъ на самый вліятельный изъ элементовъ общества, государства, уже по одному тому, что люди изъ семьи вступаютъ въ жизнь, становясь гражданами, общественными дѣятелями. Такимъ образомъ, хорошо или дурно будетъ воспитаніе, первоначально получаемое человѣкомъ въ молодости въ семьѣ, оно дастъ соотвѣтствующихъ же членовъ общества, обладающихъ большей или меньшей степенью цивилизаціи и гуманности.

Въ тѣсной зависимости отъ того, будетъ ли семейный кругъ человѣка чрезчуръ тѣсенъ, заставляя человѣка вращаться исключительно въ сферѣ узкихъ семейныхъ интересовъ или же откроетъ ему болѣе широкой горизонтъ, изъ человѣка можетъ выработываться или въ своемъ родѣ обособленная единица, поглощенная исключительно только своими семейными интересами, или же личность отзывчиво относящаяся ко всѣмъ реальнымъ страданіямъ нашей многотрудной жизни.

Спору нѣтъ, что семейная сплоченность — великое дѣло. Но въ преувеличеніи въ этомъ отношеніи есть своего рода бѣда. Кому не случалось наблюдать, какъ это семейное взаимодействіе переходитъ нерѣдко въ узкій семейный эгоизмъ, ограниченность. Заставляя человѣка вращаться исключительно въ своей тѣсной сферѣ, въ сферѣ только интересовъ своей семьи, и въ виду ихъ не замѣчать ничего остального, семья развиваетъ въ человѣкѣ тотъ родъ эгоизма, который по силѣ своихъ достоинствъ не уступитъ эгоизму личному.

Интересы семьи настолько способны нерѣдко поглотить собою человѣка, что совершенно лишаютъ его возможности принимать какое либо участіе въ общемъ дѣлѣ. Когда человѣкъ всецѣло погруженъ мыслею только въ то, какъ бы лучше гарантировать только свои семейные интересы, гдѣ ужъ ему помышлять о какихъ либо общественныхъ обязанностяхъ. Сами общественныя обязанности, если такой человѣкъ ихъ и имѣетъ, служатъ ему лишь средствомъ для большей гарантіи все тѣхъ же его семейныхъ интересовъ только. На первомъ планѣ всегда и вездѣ „мой сынъ“, „моя дочь“ и вообще — „моя семья“, дальше этого все чужое. Дѣти такихъ семей привыкаютъ во всемъ сохранять свою обособленность, не довѣряя себѣ подобнымъ. Семейная монополія способна въ конецъ изсушить ихъ души и впоследствии способна выливаться въ крайне уродливое явленіе, когда дѣтямъ приходится устраивать собственную семью.

Такое злоупотребленіе властью семьи, засасываніе ею всего человѣка, конечно, большее зло, чѣмъ проявленіе личнаго эгоизма. Эгоизмъ личный менѣе опасенъ для общественнаго благосостоянія уже по одному тому, что никто не рѣшится признать его за добродѣтель, и онъ

подвержень общему осужденію. Что же касается семейнаго эгоизма, по мнѣнію большинства, онъ фигурируетъ въ качествѣ именно добродѣтели, тѣмъ болѣе и представляетъ собою опасности. Названіе „добрый, хорошій семьянинъ“ пользуется всегда общей симпатіей.

Само общественное мнѣніе, всегда склонное карать проявленіе личнаго эгоизма, можетъ относиться не только снисходительнѣе, но даже сочувственнѣе къ проступкамъ, мотивомъ которыхъ были интересы семьи, заботы о ней. Не встрѣчая со стороны общественнаго мнѣнія такого противодѣйствія, какъ эгоизмъ личный, семейный эгоизмъ, несомнѣнный фактъ, — болѣе опасный врагъ для интересовъ общества. Только сознаніе своей солидарности съ обществомъ и въ состояніи бороться съ его проявленіями. Безспорно, что только вполне и всесторонне развитой человекъ, а не узкій эгоистъ, можетъ исполнять свое настоящее назначеніе какъ семьянъ, такъ и въ обществѣ, и въ государствѣ.

Каждая семья до известной степени можетъ воспитывать своихъ дѣтей, какъ находитъ для себѣ лучше и удобнѣй, т. е. согласно самую ея составленному въ этомъ отношеніи себѣ идеалу. Не выходя изъ ея узкой сферы, личной, семейной, идеаль этотъ одинаково можетъ встрѣтить и не встрѣтить себѣ послѣдователей. Примѣненіе на практикѣ онъ можетъ найти среди заинтересованныхъ имъ лицъ, тѣмъ не менѣе широкое распространеніе онъ въ состояніи получить лишь тогда, когда успѣетъ приобрѣсть настолько сторонниковъ, чтобы получить тѣмъ самымъ общественный характеръ. Воспитательный идеаль, какъ и каждый идеаль вообще, до тѣхъ поръ, пока не выходитъ изъ тѣсной сферы, не въ силахъ имѣть первенствующаго значенія.

Не отдѣльныя личности и семьи, а цѣлая группировка ихъ, общество, вырабатываетъ всегда свой опредѣленный быть, государственный строй, религію и т. п. Отсюда и самъ идеаль каждаго воспитанія опредѣленнаго времени, представляя собою связь личности съ обществомъ, всегда будетъ находиться въ соотвѣтствіи съ идеаломъ социальнымъ. Воспитательный идеаль потому и долженъ всегда стремиться направить все развитіе личности, ея достоинствъ и борьбу съ ея недостатками, болѣе сообразуясь съ общими

современными запросами и требованіями. Опредѣляя сущность каждаго воспитанія не иначе какъ систематической помощью саморазвитія человѣка, нельзя упускать того изъ виду, что цѣль эта достижима лишь при усовершенствованіи личности, какъ по мѣрѣ самихъ ея силъ, такъ и сообразуясь съ современнымъ социальнымъ идеаломъ. Въ сущности самый процессъ усовершенствованія личности и не можетъ быть иначе разсматриваемъ, какъ процессъ общественный, социальный и потому альтруистическій. Чѣмъ лучше и совершеннѣе человѣкъ, чѣмъ шире его развитіе, тѣмъ менѣе онъ оказывается способенъ отдѣлять собственные интересы отъ общихъ, а старается слить ихъ возможно тѣснѣе другъ съ другомъ.

На основаніи того, что общественность человѣку не только свойственна, но прямо таки ему присуща, каждый человѣкъ является всегда созданіемъ современнаго ему общества, среды, продуктомъ ихъ взаимныхъ вліяній. Среда и общество въ немъ всегда живутъ, мыслятъ и дѣйствуютъ. На этомъ основаніи каждый необходимо долженъ воспитываться, какъ полезный членъ общества, въ виду блага его собственного и вмѣстѣ съ тѣмъ и блага общаго. Понятіе „полезный членъ общества“ поэтому должно соединять въ себѣ тѣсно слившіяся понятія „хорошаго семьянина“ и „хорошаго гражданина“.

Меньшинству оказывается возможность вписать свое имя на скрижаляхъ исторіи, а въ то же время большинство при внимательномъ къ нему отношеніи воспитанія было бы въ силахъ явиться въ качествѣ такого полезнаго члена общества. Цѣль достижима до извѣстной степени, когда воспитаніе одинаково внимательно преслѣдуетъ двѣ заботы, взаимно дополняющія одна другую. Первая изъ нихъ — развитіе индивидуальныхъ способностей человѣка, принятыхъ считать за положительныя, вторая — имѣть при этомъ въ виду ихъ общественное назначеніе. Руководствуясь такого рода воззрѣніями, воспитаніе должно съ своей стороны принять всѣ зависящія мѣры, чтобы на зарѣ жизни пробудить душу человѣка и научить его любить своего ближняго, уважать его права, кто бы онъ ни былъ, господинъ или слуга, богачъ или бѣднякъ. Если воспитатель не позаботится о внушеніи этого необходимаго

требованія своему воспитаннику, житейская тина, этот злѣйшій врагъ, быстро овладѣетъ его сердцемъ и можетъ направить его далеко не по желаемому направленію.

Могутъ ли, напр., люди стать настоящими членами общества, когда они съ дѣтства привыкаютъ относиться презрительно къ рабочей блузѣ и мозолистымъ рукамъ, а въ то же время научаются чтить только знаки отличія, или еще хуже — деньги?

„Какъ прочность стѣны зависитъ отъ состава кирпичей и отъ степени плотности скрѣпляющаго ихъ цемента, такъ и энергія общественной жизни зависитъ отъ личныхъ качествъ гражданъ и ихъ способности къ единенію“, характерно замѣчаетъ проф. Вагнеръ.

VI.

Принципiальность воспитанiя.

Хотя задача рациональнаго воспитанiя формулируется, повидимому, просто — приготовить человека къ разумной жизни, но при этомъ важенъ путь, по которому воспитанiе слѣдуетъ. Повседневная жизнь нерѣдко можетъ указать, что желая возможно лучше, разумнѣе воспитать своихъ дѣтей, мы часто встрѣчаемъ къ тому препятствiя, въ сущности, болѣе всего въ самихъ себѣ.

Никто не станетъ отрицать того, что мы не рѣдко готовы проявлять сильную склонность воспитывать дѣтей такъ, какъ воспитывали самихъ насъ, тѣмъ болѣе, что это и несравненно легче.

Въ былое старое время твердо вѣровали, что для младшаго поколѣнiя хорошо все то, что хорошимъ находило для себя старшее поколѣнiе. Тысячелѣтiями укоренилось обыкновенiе смотрѣть на своихъ дѣтей, какъ на существа слабыя, безправныя, безличныя, всегда нуждающiяся въ посторонней опекѣ. Поэтому дѣти, съ ранней поры — полная собственность своихъ воспитателей, должны были подчиняться имъ во всѣхъ своихъ желанiяхъ, склонностяхъ. Подчиненiе это постепенно получало возможность расти и расширяться, распространяясь вполнѣ въ послѣдствiи на чувства и идеи молодежи.

Стараясь воспитывать дѣтей по образу и подобию своему, старшiе старались внушать дѣтямъ свои взгляды, мнѣнiя и убѣжденiя при посредствѣ или строгой дисциплины, или же ласки и убѣжденiй. Въ чемъ истина, какъ нужно жить и какъ относиться къ людямъ, сообщается

дѣтямъ въ видѣ готовыхъ уже рѣшеній. Съ этой цѣлью старшее поколѣніе дѣлится съ младшимъ своими философскими и житейскими идеалами и опытами. Но дѣйствительно ли правильно рѣшены ими многіе изъ вопросовъ, у воспитателей-авторитетовъ рѣдко возникало въ этомъ отношеніи сомнѣніе.

Воспитательный произволъ во времена бывшаго царя открыто, проявлялся наглядно. Считается ли онъ уже погибшимъ теперь? Съ увѣренностью заявить объ этомъ трудно. И въ наше время безъ особаго труда можно найти воспитателей-господъ, которые всѣми силами стремятся выработать изъ дѣтей-рабовъ свое подобіе, которые мѣшаютъ свободному ихъ развитію, чуть ли не на каждомъ шагу стѣсняя дѣтскую личность. Въ наше время, какъ и въ былое, забывается нерѣдко, что взгляды и убѣжденія всегда прежде всего носятъ печать своего времени, они болѣе личные и по одному уже тому не могутъ претендовать на значеніе общихъ.

Если бы каждое поколѣніе только старалось копировать другое, съ своей стороны не внося ничего собственнаго, явилась бы полная невозможность и самаго прогресса. Въ виду того, что каждому поколѣнію приходится жить и дѣйствовать сообразно условіямъ и обстоятельствамъ своего времени, неизбѣжно ему самому приходится создавать для себя руководящія начала, а не брать ихъ уже готовыми отъ другихъ. Каждому всегда приходится жить своимъ умомъ, и какъ бы общепризнана ни была чужая мудрость, прожить ею оказывается нельзя. Сила убѣжденій въ неограниченность мудрости и опытности предковъ съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе колебалась. Воспитатели поняли, что ихъ руководящія начала имѣютъ характеръ болѣе личный, характеръ ограниченный, время же идетъ впередъ, а съ нимъ и люди, многое способно быстро оказываться устарѣвшимъ и утрачивалась прежняя твердая вѣра въ него. Къ тому же и бывшая старая вѣра, будто ребенокъ тотъ же воскъ, изъ котораго при желаніи можно вылѣпить какую угодно форму, начала сильно колебаться и отходить въ область преданій.

Долгій опытъ жизни убѣдилъ многихъ, что старшее поколѣніе какъ не въ силахъ переваривать пищу для

младшаго, такъ и не въ силахъ одинаково заставитьъ его не думать собственной головой. Исходя изъ такой точки зрѣнія, многіе начали проявлять склонность предоставлять молодежи свободнѣе и шире вырабатывать путь своего развитія, согласно обстоятельству и условіямъ времени. Иными словами, у молодого поколѣнія явилась большая возможность развитія способности къ самодѣятельности. При такомъ способѣ воспитанія прежде всего бралась во вниманіе личность ребенка, его индивидуальность. Способъ этотъ, понятно, представлялъ собою совершенную противоположность раньше указанному, и роли воспитателей и воспитанниковъ перемѣнились, и уже не дѣти были вещью для старшихъ, а старшіе считали для себя необходимымъ примѣняться къ дѣтямъ, воспитывать ихъ для нихъ самихъ. вмѣсто господъ-воспитателей появлялись на сцену господа-дѣти.

Господа-воспитатели и господа-дѣти, въ сущности, крайности и какъ каждая крайности рѣдко могутъ быть удобны. Въ первомъ случаѣ, при полномъ торжествѣ среды, личность ребенка сама по себѣ обезличивалась ради безграничной власти традицій; во второмъ, ребенокъ, какъ центръ всего окружающаго, чаще могъ являться въ качествѣ тирана безъ узды и закона. Рациональное воспитаніе не должно по своей основѣ позволять себѣ впадать въ такого рода крайности. Сущность рациональнаго воспитанія, какъ мы раньше замѣтили, опредѣляется не иначе, какъ систематической помощью саморазвитія ребенка, при чемъ никогда нельзя упускать изъ вида, что цѣль воспитанія оказывается достижимой исключительно лишь при условіи усовершенствованія личности какъ по мѣрѣ ея силъ, такъ и сообразуясь съ современнымъ социальнымъ идеаломъ.

Въ виду того, что воспитаніе необходимо должно сообразоваться съ требованіями современной жизни, основнымъ принципомъ его въ настоящее время должно быть — воспитать настоящаго члена общества.

Могутъ сказать, что всѣ принципы всегда условны. Конечно, отрицать этого нельзя. Но въ силу общаго прогресса, каждый принципъ рано или поздно совершенствуется и становится такимъ образомъ менѣе условнымъ. Затѣмъ, принципъ всегда можетъ устранять личный произволь. Отсюда уже прямое слѣдствіе, что принципальность воспитанія не только необходима, но и обязательна.

Указывают на то, что принципиальность воспитанія, повидимому, стремится втиснуть человѣка въ заготовленныя напередъ рамки, ведетъ его по разъ принятому шаблону, по своей проторенной дорогѣ и тѣмъ самымъ лишаетъ его до извѣстной степени свободы развитія.

Первый Ж. Ж. Руссо возставалъ и ратовалъ противъ принципиальности воспитанія. Онъ считалъ его насиліемъ и потому приносящимъ чаще вредъ. Взглядъ Руссо нашель себѣ довольно сторонниковъ. Со взглядами Руссо въ этомъ направленіи имѣеть много общаго, напр., Г. Спенсеръ и у насъ гр. Л. Толстой. Послѣдній сильно склоненъ былъ смотрѣть на наше воспитаніе, какъ на одну изъ формъ насилія.

Въ свое время ученье и взгляды Руссо произвели сильный переворотъ въ воспитательномъ мірѣ. Руссо не отрицалъ значенія воспитанія, но признавалъ его дѣйствительнымъ только при предоставленіи ребенка главнымъ образомъ благотворному вліянію природы. Въ качествѣ проповѣдника естественнаго воспитанія, воспитанія ближе къ природѣ, онъ стремился наглядно доказать въ своемъ „Эмилѣ“, что основой воспитанія должно быть только естественное развитіе способностей. Руссо признавалъ, что воспитаніе человѣка зависитъ отъ окружающей природы, затѣмъ отъ людей и окружающихъ предметовъ: воспитаніе природы проявляется въ насъ развитіемъ нашихъ внутреннихъ силъ, люди указываютъ намъ путь, какъ ими пользоваться, а окружающіе предметы даютъ намъ возможность опыта.

По мнѣнію Руссо, самый лучшій и естественный нашъ воспитатель — природа. Она безъ всякихъ искусственныхъ мѣръ и пособій даетъ возможность человѣку болѣе или менѣе полнаго развитія и исполняетъ свое дѣло всегда лучше семьи, школы и общества. Главный тезисъ Руссо заключался въ томъ, что въ природѣ все совершенно создано и люди сами извратили въ ней многое. На этомъ основаніи способностямъ человѣка должна быть всегда предоставлена полная свобода въ развитіи. Для того же, чтобы естественное воспитаніе достигало своей намѣченной цѣли, онъ считалъ необходимымъ предварительное разрушеніе уже сложившагося порядка культурной жизни. Руссо ненавидѣлъ прошлое человѣка, такъ какъ оно, по его мнѣ-

нiю, и было именно причиной искаженiя природы личности; культура заглушила будто бы голосъ природы. Къ этому же голосу Руссо всегда такъ внимательно старался прислушиваться, и потому такъ страстно проявлялъ свою ненависть къ культурѣ. Основываясь на такого рода воззрѣнiяхъ, онъ возставалъ и противъ самого будущаго, которое въ качествѣ естественнаго продолженiя прошлаго, только въ иныхъ размѣрахъ могло угрожать тѣмъ же самымъ.

Всѣ несовершенства человѣка и всѣ его несчастiя Руссо основывалъ на губительномъ влiянii на человѣка окружающей среды, цивилизации, характеръ воспитанiя которой оказывался для человѣка принудительнымъ. Основное же требованiе Руссо было — неограниченная и нестѣсненная никакими авторитетами свобода. Въ защиту этой свободы личности человѣка онъ написалъ довольно пламенныхъ страницъ.

Вмѣстѣ съ энциклопедистами Руссо свергъ старые авторитеты и потребовалъ для человѣка неограниченной свободы личности. Онъ считалъ это вполнѣ возможнымъ совмѣстить съ жизнью въ обществѣ. Къ сожалѣнiю, оказалось это только прекрасной мечтой, способной при первомъ столкновенii съ грубой дѣйствительностью разсѣиваться подобно облаку. Если бы воспитанiе, слѣдуя теорii Руссо, возлагало всѣ упованiя на природу и оставило всякую съ своей стороны попытку къ руководящей роли, не рисковало ли бы оно дѣйствительно какъ бы попасть въ положенiе волшебника, который забылъ слова заклинанiя, и не можетъ потому справиться съ вызванными имъ силами?

Каждое воспитанiе въ духѣ опредѣленнаго идеала немислимо безъ извѣстной степени воздѣйствiя на личность человѣка. Но принципъ воспитать „достойнаго члена общества“ исполнимъ лишь при необходимомъ условii — быть господиномъ самому себѣ, тогда только вполнѣ сознательно и возможно любить своего ближняго. Эти оба условiя должны быть неразрывно тѣсно связаны между собой у будущаго „достойнаго члена общества“. Потому, стремясь воздѣйствовать на ввѣренное его заботамъ еще маленькое существо, такого рода принципиальное воспитанiе необходимо должно твердо помнить оба основныхъ своихъ тезиса: научиться быть самимъ собою при условii научиться любви къ ближнему. Проф. Вагнеръ довольно

характерно говорить о томъ, какого рода авторитетъ долженъ быть у воспитанія. „Для ребенка чрезмѣрный личный авторитетъ родителей, учителей, учреждений имѣетъ такое же значеніе, какъ для молодого растенія прикрывающій его густой хворостъ, подъ нимъ оно блекнетъ и умираетъ. Безличный же авторитетъ чловѣка, который преклоняется передъ требованіями дѣйствительности и стремится подчинить имъ индивидуальную фантазію ребенка, представляетъ собою чистую и свѣтлую атмосферу. Онъ дѣятеленъ и вліяетъ на насъ по своему, но онъ питаетъ и укрѣпляетъ нашу собственную жизнь“.

„Главная задача воспитанія; замѣчаетъ Бэнъ, должна состоять въ стремленіи сообщить этой дѣятельности полезное направленіе, но важнѣйшее средство для этого состоитъ не въ томъ чтобы насиловать, а въ томъ, чтобы продолжить ее, воспользовавшись ею въ тотъ моментъ, когда она сама приметъ хорошее направленіе“.

Итакъ, если авторитетъ принципіальнаго воспитанія, о которомъ мы говоримъ, и насилуетъ до извѣстной степени чловѣка, противорѣча нѣкоторымъ его естественнымъ склонностямъ, которыя принято считать за недостатки, въ то же время это воспитаніе стремится сохранить личность чловѣка, поощряя ея самодѣятельность въ другомъ направленіи.

Если принципіальному воспитанію удастся подготовить почву къ образованію самостоятельности во взглядахъ и убѣжденіяхъ своего питомца, оно можетъ считать свою задачу блестяще исполненной. Воспитаніе это лишь въ томъ случаѣ можетъ явиться вреднымъ насиліемъ, когда оно не станетъ тщательно избѣгать всего, что въ состояніи вызвать въ дѣтской душѣ психозъ, или же употребить такіа средства, которыя способны извратить, исковеркать душу ребенка.

Задаваясь благою цѣлью сломить, восторжествовать надъ проявленіемъ злой воли ребенка подъ видомъ какого либо опредѣленнаго его недостатка, напр., лѣни, упрямства, грубости, дерзости и т. п., часто воспитатель, вооружившись, идетъ на дѣтскія недостатки приступомъ. Начинается безпощадная ломка ребенка и борьба съ его недостатками получаетъ крайне непривлекательный видъ.

Конечно, проявленіе такого рода вещей, какъ лѣнь, упрямство и т. д. въ ребенкѣ всегда неприятно, чловѣка

же несдержанного и горячаго это способно выводить изъ себя, возбуждая въ немъ сильныя вспышки гнѣва и побуждая его примѣнять въ отношеніи ребенка крутыя мѣры. Не умѣя иначе вліять на ребенка, онъ начинаетъ преслѣдовать его, наказывать, проявляетъ большую склонность къ суровой дисциплинѣ и даже къ насилію.

Самымъ простымъ и обыкновеннымъ въ отношеніи дѣтей принято дѣйствовать прежде всего путемъ власти. Повидимому, это коротко и ясно. Ребенку приказываютъ, если онъ повинуется, то и все какъ будто бы въ порядкѣ.

Задаваясь въ сущности благими намѣреніями и опасаясь, чтобы длительность борьбы не оказалась въ отношеніи гонимыхъ недостатковъ ребенка черезчуръ запоздалой, а потому и безнадежной, чтобы она не дала имъ возможности широко пустить корни, воспитаніе, увлекаясь, нерѣдко излишне энергично ведетъ свое дѣло вытравливанія. Не говоря уже о томъ, что такого рода стремленіе не имѣетъ никакого педагогическаго достоинства, оно грубая ошибка, объяснимая развѣ только чрезмѣрной поспѣшностью.

Если бы сторонникъ такого рода системы воспитанія въ силахъ былъ безпристрастно присмотрѣться къ дѣлу рукъ своихъ, онъ, можетъ быть, пришелъ бы въ ужасъ. Онъ увидалъ бы, насколько легко въ данномъ случаѣ злоупотреблять своею властью, тогда какъ въ дѣлѣ воспитанія авторитетъ, власть, управленіе другими никогда не должно являться цѣлью, а только лишь средствомъ, здѣсь же наоборотъ.

Позволяя себѣ насиліе, прибѣгая къ нему, воспитаніе ищетъ содѣйствія въ томъ злѣ, отъ примѣненія котораго никогда нельзя ждать хорошихъ послѣдствій. Насиліе и всегда съ нимъ тѣсно связанное безцеремонное вмѣшательство, вторженіе въ міръ дѣтской души, производитъ въ ней неизбѣжную ломку и разрушеніе. При этомъ силы ея неизбѣжно расшатываются въ своихъ основахъ, теряютъ необходимую устойчивость. Стремленіе же каждаго воспитанія должно быть — выработка людей энергичныхъ, людей инициативы, тогда какъ при такомъ веденіи дѣла оказывается лишь много шансовъ на воспитаніе безвольныхъ и безсильныхъ существъ, одинаково уже неспособныхъ и къ пороку, и къ добродѣтели.

Еще Монтэнъ находилъ, что принужденіе или насиліе при воспитаніи это главныя средства притупленія даровитой натуры. Если ребенокъ не можетъ похвалиться нравственными качествами, если онъ лѣнивъ и распущенъ, не малое участіе въ томъ, по мнѣнію Монтэня, всегда имѣетъ воспитаніе, яростно грозящее ребенку своимъ бичемъ.

Безспорно, ребенокъ съ ярко выраженными недостатками крайне непріятенъ и борьба съ такими его особенностями неизбѣжна. Но эта борьба должна быть чрезвычайно осторожна и осмотрительна, за что говорить много данныхъ. Хотя страхомъ, наказаніемъ, словомъ, грубымъ насиліемъ, повидимому, и можно будетъ вызвать у ребенка повиненіе, внѣшнее проявленіе хорошаго поведенія, но это далеко не значить, что употребленные приемы оказали благотворное вліяніе. Ребенокъ видимо побѣжденъ онъ сталъ послушнѣе, пересталъ грубить, сноснѣе отвѣчаетъ уроки и т. п., но болѣе внимательное наблюденіе при этомъ можетъ натолкнуть и на новое открытіе нерѣдко — ребенокъ сталъ скрытенъ и крайне недоувѣрчивъ. Достояна ли торжества побѣда?

Неосмотрительно воюя съ недостатками и прибѣгая къ помощи крутыхъ мѣръ, воспитаніе способно не подавлять, а наоборотъ еще усиливать существующую въ ребенкѣ порочную склонность, какъ видимъ, грубый, рѣзкій раньше, ребенокъ замѣтно утратилъ свою прежнюю цѣнную способность проявлять, напр., искренность и правдивость. Не является ли побѣда печальнѣе самаго полного пораженія? Потому, стараясь подавлять недостатки, всегда надо опасаться, чтобы не задѣтъ, не подавить и другой силы.

Примѣры жизни доказываютъ довольно наглядно, что видимые недостатки еще далеко не служатъ доказательствомъ отсутствія у того же ребенка очень цѣнныхъ достоинствъ. Сами недостатки могутъ являться лишь ни чѣмъ инымъ, какъ неправильнымъ приложеніемъ природной силы.

Наблюденія довольно нерѣдко могутъ доказать, что наши недостатки и достоинства иногда получаютъ общую основную почву, на которой способны дружно уживаться. Такъ, напр., замѣчено, что на общей почвѣ силы и энергіи личности при благопріятныхъ условіяхъ, въ качествѣ досто-

инствъ, могутъ быть развиваемы правдивость и искренность, которая благодаря неправильной формѣ своего проявленія, легко могутъ быть приняты за настоящіе недостатки, каковы, напр., грубость, рѣзкость, дерзость и т. п. И вотъ, задаваясь цѣлью бороться съ недостатками, никогда нельзя выпускать изъ вида этой очень важной особенности, т. е. тѣсной и сильной нерѣдко связи между гонимымъ недостаткомъ и очень цѣннымъ, только замаскированнымъ, достоинствомъ. Ускользнуть же отъ вниманія это можетъ довольно легко.

Печальный опытъ, повидимому, долженъ утвердить cadaго взяшагося за великое дѣло воспитанія въ той мысли, что всякое насиліе, всякая ломка дѣтской природы всегда чистѣйшій вредъ, прямое зло, способное принести только отрицательные результаты. Разумъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ позволять намъ этого. Если жизнь ребенка идетъ видимо правильнымъ и нормальнымъ ходомъ, нѣтъ необходимости прибѣгать къ какому либо рода репрессивнымъ мѣрамъ. Если же она уклоняется отъ нормы, если въ ребенкѣ какой либо недостатокъ не поддается вліянію, онъ уже требуетъ не столько воспитательныхъ, сколько чисто лѣчебныхъ мѣръ.

Въ дѣлѣ воспитанія гораздо дѣйствительнѣе насилія оказывается иной путь, этотъ путь-убѣжденіе, въ чемъ каждый воспитатель съ теченіемъ времени можетъ самъ удостовѣриться. Примѣняясь къ извѣстнымъ условіямъ, необходимо только употребить всѣвозможныя мѣры, чтобы выяснитъ, дать понять ребенку наглядно всю невыгоду и неудобство его недостатка для него же лично. Наглядный опытъ покажетъ ребенку всю непривлекательность его особенностей. На cadaго неглупаго ребенка такого рода воспитательная мѣра всегда окажетъ свое благотворное вліяніе. Чѣмъ нагляднѣе будетъ опытъ, тѣмъ доказательство сильнѣе. Эта наглядность доказательствъ и собственный опытъ ребенка въ соединеніи съ разумнымъ руководствомъ воспитателя-единственно вѣрный путь къ желаннымъ воспитательнымъ цѣлямъ. Ребенокъ самъ уже тогда будетъ слѣдить за собой, будетъ сознательно стараться избавиться отъ своихъ непривлекательныхъ сторонъ. До тѣхъ же поръ,

пока онъ самъ добровольно не согласится вести борьбу съ самимъ собой, воспитателю только остается вооружиться необходимымъ терпѣніемъ и продолжать настойчиво убѣждать, но ни въ коемъ случаѣ не позволять себѣ пригнетать дѣтскую волю. Воспитатель, хотя является лицомъ авторитетнымъ по отношенію къ своему питомцу, тѣмъ не менѣе онъ не долженъ забывать, что роль его болѣе служебная. Воспитатель существуетъ для питомца, а не наоборотъ, какъ и врачъ для больного, и садовникъ для растенія.

VII.

Семья и старшіе въ дѣлѣ воспитанія. Роль матери.

Интеллигентные родители, конечно, должны знать, что въ качествѣ воспитателей они возлагаютъ на себя основную обязанность: наблюдать, направлять натуру ребенка, а также нерѣдко и бороться съ ней. Въ виду такой цѣли, внимательно присматриваясь и изучая дѣтскую натуру, чутко прислушиваясь и зорко относясь ко всѣмъ ея проявленіямъ, свои требованія въ отношеніи ребенка родители должны ставить всегда черезчуръ осмотрительно и осторожно.

Если въ своихъ требованіяхъ родители будутъ стараться строго согласоваться съ натурой ребенка, они, естественно, станутъ въ то же время стремиться избѣгать придирчивости и не превышать въ своихъ требованіяхъ опредѣленной степени дѣтскаго пониманія. Такимъ образомъ, сами ихъ требованія, строго обдуманная и умѣло поставленная, не являясь противорѣчіемъ натурѣ ребенка, необходимо должны побуждать его относиться съ полнымъ довѣріемъ и уваженіемъ къ родительскимъ указаніямъ. Ребенокъ признаетъ авторитетъ своихъ старшихъ и совершенно незамѣтно для самого себя ему повинуются. Такимъ путемъ у ребенка сама собой сложится и привычка къ повиновенію.

Идеаль семья — это тѣсный дружескій союзъ всѣхъ ея членовъ. Какъ и въ каждомъ союзѣ, всѣ члены семьи имѣютъ свои права на личную и самостоятельную жизнь. Но имѣя опредѣленные права, неизбѣжно имѣть и таковыя же обязанности. Понятно, что вполне организованнымъ семейный союзъ можетъ явиться лишь тогда, когда всѣ члены семьи становятся людьми болѣе или менѣе взрослыми. Тогда, конечно, самое рациональное — не стремленіе къ подчи-

нению авторитету старших, а лишь сознательно твердое намѣреніе къ сохраненію обоюдныхъ правъ и исполненію собственныхъ обязанностей. Въ то же время, когда въ семьѣ есть различнаго возраста небольшія дѣти, само основное положеніе союза этимъ, въ сущности, нисколько не измѣняется, а только до поры до времени измѣняется нѣсколько его видъ и характеръ.

Если ребенокъ будетъ расти и развиваться въ семьѣ въ качествѣ хотя еще слабаго, но уже активнаго члена семейнаго союза, который по своему принимаетъ посильное участіе въ текущей вокругъ него общей жизни, когда у него съ самой ранней поры воспитывается чувство собственнаго человѣческаго достоинства, присутствіе этихъ маленькихъ личностей, въ качествѣ также имѣющихъ свои права членовъ, не исключаетъ возможности полнѣйшей дружественности семейнаго союза.

Пока въ семьѣ есть маленькія дѣти, старшіе въ отношеніи младшихъ всегда имѣютъ возложенныя на себя особыя обязанности. Само необходимое единство и солидарность членовъ семьи достижимо лишь тогда, когда старшіе вполне ясно опредѣляютъ себѣ и способы своего воздѣйствія и проявленія своего вліянія на дѣтей.

Что дѣтскій возрастъ всегда требуетъ подчиненія рациональному воспитательному режиму и не въ какомъ случаѣ не можетъ быть предоставленъ судьбѣ, въ этомъ трудно сомнѣваться. Ребенокъ предоставленный самому себѣ — настоящій дикарь. Въ этомъ можно убѣдиться, обративъ вниманіе на нѣкоторыя его игры, вообще очень характерную принадлежность дѣтства. Въ тѣхъ изъ нихъ, гдѣ ребенокъ почему либо считаетъ своимъ право сильного, онъ часто можетъ явиться большимъ хвастуномъ, убѣжденнымъ, что онъ лучше всѣхъ; онъ создаетъ себѣ право присваивать все, что только ему нравится и что доступно. Какъ у первобытнаго дикаря, у ребенка всегда оказывается такъ же необходимо воспитывать способность — умѣть подчинять свои низшіе инстинкты разуму и волѣ, умѣть не подчиняться вліянію случайныхъ аффектовъ, а умѣть относиться болѣе сознательно къ высшему требованію нравственнаго долга.

Конечно, отъ дѣтей не только нельзя требовать, но и ожидать сознательно великодушныхъ или безкорыстныхъ

проявленій. Нравственныя или этическія чувства, которыя по своей сущности должны служить опорой нашего хорошаго поведенія, для ребенка еще сравнительно мало понятны, потому и мало знакомы. Съ теченіемъ времени, когда подъ руководствомъ взрослыхъ онъ успѣетъ развить ихъ у себя, онъ и научится имъ повиноваться.

Нравственное развитіе представляетъ собою въ нѣкоторомъ родѣ навыкъ, привычку подавлять одни активныя стремленія ума и поощрять въ то же время другія, что и достигается обыкновенно особаго рода дисциплиной. Коснувшись въ данномъ случаѣ дисциплины, считаю необходимымъ замѣтить, что подъ этимъ именемъ я не хочу подразумѣвать исключительно дѣятельность характера выправки, внѣшней дрессировки. Дисциплина не всегда можетъ считаться только атрибутомъ какого либо занятія. Дисциплинируемо можетъ быть каждое дѣло, которое намъ необходимо выполнить, руководствуясь опредѣленными приѣмами, болѣе или менѣе правильно понимаемыми и такъ же примѣняемыми къ самому дѣлу.

Этическій законъ намъ предписываетъ поступать съ людьми такъ, какъ желательно, чтобы поступали и съ самими нами. Но это, къ сожалѣнію, больше только теорія. Что же касается практики, то въ большинствѣ случаевъ люди склонны отплачивать своимъ ближнимъ той же монетой. Въ дѣлѣ нравственнаго пониманія дѣти, естественно, проявляютъ болѣе стремленія къ этому практическому взгляду.

Въ сущности, не только ребенокъ, которому еще чуждо все абстрактное, но и сами взрослые всегда лучше склонны понимать наглядный примѣръ чѣмъ отвлеченное правило, иными словами, лучше всегда усваиваютъ добро или зло на дѣлѣ, чѣмъ въ теоріи. Въ разумной интеллигентной семьѣ ребенокъ будетъ видѣть стремленіе со стороны старшихъ подчинять свои склонности и влеченія руководящему контролю разума и на чуткую дѣтскую душу это необходимо должно положить свое отраженіе. Если съ ранней поры дѣтства жизнь его проходитъ среди семьи, которая стремится обставить себя возможно болѣе полной гармоніей между умомъ и сердцемъ, ребенокъ долженъ постоянно видѣть здѣсь разумное и вполнѣ человѣчное отношеніе къ людямъ и самъ съ этимъ постепенно свыкается.

Заимствовать многія черты родителей дѣти способны въ силу самой наслѣдственности, семейный же ихъ режимъ въ данномъ случаѣ всегда можетъ оказывать свое немалое содѣйствіе. Примѣръ въ дѣлѣ воспитанія получаетъ громадное значеніе уже по одному тому, что дѣти обладаютъ въ высшей степени развитой способностью къ подражанію.

Подражательная способность въ дѣтствѣ смѣло можетъ считаться преобладающей. Способность эта служить главнымъ источникомъ самовоспитанія ребенка. Подражаніе взрослымъ, сверстникамъ, животнымъ — это въ своемъ родѣ путь естественнаго развитія будущаго человѣка. Самый характеръ дѣтскихъ игръ, въ которыя ребенокъ обыкновенно вноситъ свои наблюденія надъ окружающимъ его міромъ, можетъ дать достаточно вѣрное объ этомъ понятіе.

Родители и ихъ жизнь, естественно, являются какъ первымъ предметомъ для наблюденій, такъ и первымъ образцомъ для подражаній дѣтямъ. Стремятся обыкновенно всѣми силами подражать тому, что получаетъ въ глазахъ значеніе неоспоримаго авторитета. Въ глазахъ ребенка въ этомъ отношеніи, конечно, кому же и быть этимъ авторитетомъ, какъ не первымъ его руководителямъ? Однако, не склонныли эти руководители часто требовать отъ дѣтей того, въ чемъ далеко не подаютъ имъ собою примѣра? Когда минуютъ годы дѣтства и ребенокъ выйдетъ изъ подъ ферулы родительской, часто со стороны родителей возникаютъ недоумѣнія и сѣтованія на судьбу, откуда бы могла появиться такая извращенность, такая безхарактерность, такое отсутствіе жизни и энергіи въ тѣхъ дѣтяхъ, которыя въ пору дѣтства, повидимому, такъ восхищали своими образцовыми качествами? Явленіе же это легко можетъ оказаться прямымъ слѣдствіемъ дурныхъ навыковъ и извращенныхъ взглядовъ, привитыхъ въ дѣтствѣ, совсѣмъ того не желая, самими же воспитателями.

Недоумѣвая и обвиняя судьбу, первые воспитатели, если бы могли, должны бы были прежде всего критически, безпристрастно взглянуть на самихъ себя. Имѣли ли они тотъ необходимый тактъ, то всегда бодрствующее вниманіе, отъ наблюденія котораго рѣдко что ускользаетъ? Обладали они воспитывая своихъ дѣтей необходимой опытностью, которая при такомъ отвѣтственномъ дѣлѣ всегда должна

Житопадеша.

Доброе Наставленіе.

Сборникъ древнеиндійскихъ разсказовъ

составленный **Нараяной.**

Перевелъ съ санскритскаго

Д. Кудрявскій.

Введеніе.

„Доброе наставленіе“, по санскритски Хитопадеша, принадлежитъ къ разряду дидактическихъ памятниковъ древнеиндійской литературы. Цѣль его — научить житейской мудрости (nīti). Однако это наставленіе не облечено въ форму сухого учебника; оно приправлено поучительными разсказами изъ жизни людей и животныхъ.

Съ точки зрѣнія индійскаго составителя самую важную часть книги составляютъ краткія стихотворныя изреченія. Ихъ, очевидно, заучивали наизусть, и многія изъ нихъ до сихъ поръ живутъ въ обиходѣ индійцевъ. Это — индійскія пословицы и поговорки.

Другая часть — басни и разсказы — играетъ въ книгѣ подчиненную роль иллюстрацій, хотя эти иллюстраціи для насъ во многихъ отношеніяхъ болѣе интересны, нежели стихотворныя изреченія. Многіе изъ сюжетовъ этихъ разсказовъ давно намъ знакомы: они изъ Индіи перешли и въ европейскую литературу.

Самая архитектура Хитопадеша — крайне оригинальна. Басни вплетены одна въ другую, такъ что каждая басня разсказывается лицомъ, дѣйствующимъ въ другой баснѣ. Это, конечно, должно разбивать цѣльность впечатлѣнія, такъ какъ читатель путается въ лабиринтѣ басень и изреченій и теряетъ нить основнаго разсказа. Однако при нѣкоторомъ напряженіи вниманія можно возстановить полную картину основнаго сюжета каждой книги. Если отбросить изреченія и вплетенныя басни, то обработкѣ cadaго сюжета нельзя отказать

въ художественности: характеры дѣйствующихъ лицъ обрисованы ярко и строго выдержаны; здоровый юморъ сквозить нерѣдко даже въ мелкихъ деталяхъ разсказа. Тѣми же достоинствами отличаются и отдѣльныя басни.

Общій планъ Хитопадеші слѣдующій. Въ городѣ Паталипúтрѣ на Гангѣ жилъ царь Сударшана. Его сыновья еще ничему не учились, а между тѣмъ надо было подумать объ образованіи будущихъ правителей. Царь собралъ совѣтъ ученыхъ людей и просилъ найти такого человѣка, который бы сумѣлъ обучить царевичей житейской мудрости. За это дѣло взялся брахманъ Вишнушарманъ. Въ видѣ трехъ интересныхъ разсказовъ онъ излагаетъ царевичамъ все, что имъ нужно знать. Разсказъ про ворона, черепаху, газель и мышъ содержитъ свѣдѣнія о томъ, какъ пріобрѣтаютъ друзей. Это составляетъ первую книгу Хитопадеші. Вторая книга разсказываетъ о томъ, какъ можно ссорить друзей: политика нерѣдко требуетъ отъ царя и этихъ знаній. Передъ нами картина придворныхъ интригъ двухъ опальныхъ шакаловъ при дворѣ льва. Въ результатѣ левъ убиваетъ своего любимца быка. Третья и четвертая книга имѣютъ общій сюжетъ — войну болотныхъ птицъ съ сухопутными. Третья книга излагаетъ самую войну, а четвертая трактуетъ о мирѣ.

Нѣкоторыя рукописи сохранили намъ имя автора этого собранія разсказовъ. Это былъ Нараяна. Но кромѣ имени мы ничего о немъ не знаемъ. Не знаемъ мы и того, когда онъ жилъ, хотя онъ сохранилъ намъ и имя своего покровителя. Это былъ Дхавалачандра — „высокій начальникъ провинціи.“

Авторъ Хитопадеші во вступленіи откровенно признается, что онъ заимствовалъ свои разсказы „изъ Панчатантры, а также изъ другой книги.“ Подъ именемъ Панчатантры намъ хорошо извѣстенъ другой подобный же сборникъ разсказовъ и басенъ. Этотъ сборникъ былъ составленъ не позднѣе VI в. по Р. Х., а древнѣшія рукописи Хитопа-

деши восходятъ къ XIV. в. Въ границахъ этихъ-то восьми вѣковъ отъ VII. до XIV. включительно и лежитъ время составленія Хитопадеши. Болѣе точныхъ данныхъ мы не имѣемъ.

Что касается моего перевода, то онъ сдѣланъ по тексту, изданія Peterson'a (Hitopadeśa by Nārāyana. Bombay 1887), которое представляетъ первую попытку критическаго установленія текста Хитопадеши. *) Конечно, не во всемъ я слѣдую Питерсону: кое что въ текстѣ изрѣченій заимствовано мною у Бетлингга (O. Böhtlingk. Indische Sprüche?). Въ иныхъ мѣстахъ я позволилъ себѣ и собственныя поправки текста.

Д. Кудрявскій.

Юрьевъ-Дерптъ, 2 февраля 1903 г.

*) Кромѣ того я постоянно справлялся съ текстами изданія Шлегеля-Лассена и туземнаго изданія Nārāyana Bālakrishna Godabole and Kāśināth Pāndurang Parab. Bombay, 1904.

Хитопадеша.

Доброе наставленіе.

1. «Да будетъ добрымъ удача въ начинаніи! Да поможетъ имъ аскетъ съ тяжелой косою*), на головѣ котораго сіяетъ рогъ мѣсяца подобно пѣнѣ въ водахъ Ганга!»
2. «Если прочтешь это „доброе наставленіе“, то оно дастъ тебѣ опытность въ литературныхъ выраженіяхъ, ознакомитъ съ разнообразіемъ значеній словъ въ различныхъ случаяхъ и научитъ житейской мудрости.»
3. «Разумный человекъ заботится о приобрѣтеніи знанія и имущества постоянно, какъ будто не грозятъ ему ни старость, ни смерть, и, какъ бы чувствуя смерть за спиною, неуклонно исполняетъ законъ.»
4. «Не даромъ говорятъ, что среди всѣхъ благъ нѣтъ блага выше знанія: его никто не похититъ, ему нѣтъ цѣны, и оно никогда не изсякнетъ.»
5. «Знаніе даетъ человекѣу доброе поведеніе, доброе поведеніе приводитъ его къ почету, благодаря почету онъ достигаетъ богатства, благодаря богатству онъ выполняетъ свой долгъ, и вотъ онъ счастливъ.»
6. «Два знанія ведутъ къ приобрѣтенію: знаніе искусства владѣть мечемъ и знаніе науки: первое въ старости можетъ возбудить только насмѣшки, второе всегда въ почетѣ.»

*) Шива.

7. «Какъ рѣка, текущая хотя бы по самымъ низкимъ мѣстамъ, все же приводитъ человѣка къ необозримо-мору, такъ знаніе, принадлежащее даже ничтожному человѣку, приводитъ его къ царю, а затѣмъ и къ дальнѣйшему счастью.»
8. «Здѣсь подъ видомъ сказокъ излагаются дѣтямъ правила житейской мудрости: вѣдь никогда не мѣняется узоръ, если его выдавить на свѣжемъ еще не высохшемъ глиняномъ сосудѣ.»
9. «Здѣсь вы найдете рассказы о „пріобрѣтеніи друзей“, о „ссорѣ друзей“, о „войнѣ“ и о „мирѣ“, рассказы, заимствованные изъ Панчатантры, а также и изъ другой книги.»

На берегу Ганга лежитъ городъ по имени Паталипúтра. Въ этомъ городѣ жилъ царь, одаренный всѣми царскими достоинствами, по имени Сударшана. Однажды этотъ царь услышалъ, какъ кто-то произнесъ слѣдующія двѣ строфы:

10. «Немало сомнѣній разрѣшаетъ наука, она открываетъ передъ нами невидимый міръ, и слѣпъ тотъ, у кого нѣтъ всевидящаго ока науки.»
11. «И молодость, и богатство, и власть, и неразуміе и въ отдѣльности каждое приносятъ вредъ; сколько же вреда приносятъ они всѣ четыре, соединяясь вмѣстѣ въ одномъ человѣкѣ!»

Услышавши это, царь взволновался мыслью о томъ, что слѣдуетъ позаботиться объ обученіи своихъ сыновей, которые еще не приступали къ наукѣ, и подумалъ:

12. «Что толку въ сынѣ, если онъ невѣжественъ и не исполняетъ закона? Что толку въ слѣпомъ глазѣ? Это не глазъ, а только мука.»

Далѣе:

13. «Только тотъ можетъ считаться дѣйствительно родившимся, кто ведетъ свой родъ къ возвышенію. А то кто-же послѣ смерти не рождается вновь, когда все вращается въ кругу перерожденій?»

Затѣмъ:

14. «Если можно считать, что мать имѣетъ сына, когда задумываешься его сразу причислить къ числу до-

бродѣтельныхъ людей, то, скажи, какую же женщину, придется считать бездѣтной?»

И еще:

15. «Кто совершитъ трудный подвигъ на какомъ-нибудь священномъ мѣстѣ купанія, у того сынъ будетъ послушенъ, богатъ, добродѣтеленъ и уменъ.»

Сказано также:

16. «Богатство и постоянное здоровье, любовница и ласковая жена, послушный сынъ и полезное знаніе — вотъ, другъ мой, шесть радостей жизни.»

Какъ же теперь сдѣлать моихъ сыновей добродѣтельными людьми? Вѣдь если и говорятъ, что

17. «Жизнь, занятіе, достатокъ, знаніе и смерть — всѣ эти пять вещей предопредѣляются человѣку еще въ то время, когда онъ находится въ утробѣ матери;»

что

18. «Неизбѣжныя состоянія бываютъ даже и увеликихъ существъ, какъ напр. Шива — нагъ, а Вишну лежитъ на огромной змѣѣ;»

и что

19. «Чему не бывать, тому не бывать, а чему быть, того не миновать. Отчего не пить этого бальзама, убивающаго ядъ заботъ?»

— все это — слова безсилія, придуманныя людьми, неспособными дѣлать дѣло. Вѣдь

20. «Какъ не можетъ ѣхать колесница на одномъ колесѣ, такъ не можетъ сбыться судьба безъ человѣческой дѣятельности.»
21. «Судьба есть не что иное, какъ дѣло, совершенное человѣкомъ въ его прежнемъ существованіи; поэтому слѣдуетъ неустанно влагать свои силы въ человѣческія дѣла.»
22. «Бодраго, мужественнаго человѣка посѣщаетъ счастье; только дрянные люди говорятъ: „пусть судьба пошлетъ“. Борись съ судьбой и дѣлай то, что въ твоихъ собственныхъ человѣческихъ силахъ: если при всемъ стараніи все же нѣтъ успѣха, что за бѣда?»
23. «Какъ изъ куска глины мастеръ вылѣпляетъ, что

хочетъ, такъ и человѣкъ пользуется въ жизни только плодами того, что онъ самъ сдѣлалъ.»

Да

24. «даже если человѣкъ наткнется и увидитъ передъ собою кладъ — неожиданно, какъ въ сказкѣ, — все же не сама судьба беретъ его, а ждетъ, чтобы это сдѣлалъ человѣкъ.»

Вѣдь сказано:

25. «Мать и отецъ — злые враги сыну, если они его не обучили: неказистъ онъ въ собраніи людей, словно цапля въ стадѣ фламинго.»

Подумалъ все это царь, велѣлъ созвать совѣтъ ученыхъ и сказалъ: „Послушайте, ученые! Можно-ли найти такого человѣка, который бы научилъ моихъ сыновей правиламъ житейской мудрости и возродилъ бы ихъ къ новой жизни? Они еще не приступили къ наукѣ и постоянно уклоняются отъ пути добродѣтели.“

26. «Стекло отъ соприкосновенія съ золотомъ принимаетъ смарагдовый блескъ; такъ отъ сообщества съ хорошимъ человѣкомъ и дуракъ становится дѣльнымъ.»

Говорятъ также:

27. «Уменьшается разумъ, другъ мой, отъ сообщества съ людьми, уступающими тебѣ въ умѣ; отъ сообщества съ равными онъ остается тѣмъ же, а отъ сообщества съ превосходящими тебя, онъ достигаетъ высшаго развитія.»

Тутъ заговорилъ великій ученый по имени Вишнушарманъ, знающій всѣ книги о житейской мудрости не хуже Брихаспати *):

„Государь! — сказалъ онъ — царевичи происходятъ изъ великой семьи и легко могутъ усвоить правила житейской мудрости. Правда,

28. «Всякій трудъ, вложенный въ негодный матеріалъ, пропадаетъ бесплодно: сколько ни старайся, не выучишь цаплю говорить, какъ попугая.»

Но съ другой стороны

29. «Въ этомъ родѣ не можетъ родиться безталанное

*) Наставникъ боговъ.

потомство: въ рубиновой копи откуда возьмется горный хрусталь?»

Поэтому я въ теченіе шести мѣсяцевъ берусь обучить твоихъ сыновей наукѣ житейской мудрости.“

На это царь смиренно отвѣтилъ :

30. „«Даже червякъ, сидя на цвѣткѣ подымается на голову добрыхъ людей; даже камень становится божествомъ, если великіе люди его какъ слѣдуетъ освятили.»

И еще:

31. «Какъ блеститъ предметъ на горѣ восхода, потому что онъ близокъ къ солнцу, такъ, сближаясь съ добрыми людьми, просвѣщается даже человѣкъ изъ низшей касты.»

И вотъ теперь я предоставляю на Ваше усмотрѣніе заботу о просвѣщеніи моихъ сыновей.“ Съ этими словами царь, выразивъ Вишнушарману свое уваженіе, поручилъ ему своихъ сыновей.

Когда царевичи покойно усѣлись на крышѣ дворца, нашъ ученый въ видѣ вступленія сказалъ имъ: „Такъ-какъ

32. «добрые люди проводятъ время, занимаясь чтеніемъ поэтическихъ или научныхъ сочиненій, и только дураки занимаются пустяками, спятъ или бранятся;»

то я, чтобы занять васъ хочу рассказать вамъ интересную сказку про ворона, черепаху и другихъ животныхъ.“ Царевичи сказали: „Расскажи!“

Книга первая.

Приобрѣтеніе друзей.

Вишнушарманъ началъ: „Сейчасъ вы услышите рассказъ о приобретеніи друзей, который начинается слѣдующей строфою:

1. «Воронъ, черепаха, газель и мышь, не имѣя никакого богатства, безъ особыхъ ухищреній быстро устраиваютъ свои дѣла, благодаря разсудительности и главнымъ образомъ тѣсной дружбѣ.»

Царевичи спросили:

„Какъ это?“ и Вишнушарманъ сталъ рассказывать.

На берегу рѣки Годавари росло большое дерево шалмали.*) Къ ночи сюда собирались со всѣхъ сторонъ птицы и располагались на ночлегъ. Однажды, когда ночь подходила къ концу, и мѣсяцъ, блаженный любовникъ лотоса, уже скрывался за вершиной горы заката, воронъ по имени Легколетъ проснулся и увидѣлъ охотника, который приближался подобный богу смерти. Замѣтивъ его воронъ подумалъ: „Съ раннего утра сегодня такая дурная встрѣча! Что-то недоброе она намъ готовить?“ Съ этими словами воронъ въ тревожномъ предчувствіи полетѣлъ вслѣдъ за охотникомъ.

2. «Вѣдь каждый день грозятъ намъ тысячи печалей и сотни опасностей; но эта угроза страшна только дураку, мудрецъ ея не боится.»

И вотъ еще что слѣдуетъ посоветовать всѣмъ, имѣющимъ брѣнное тѣло:

3. «Каждое утро, вставая, слѣдуетъ думать: большая опасность грозитъ мнѣ; что сегодня постигнетъ меня — смерть, болѣзнь или печаль?»

*) *Salmalia malabarica*.

А охотникъ сначала рассыпалъ рисовыя зерна, потомъ разставилъ сѣтъ. Въ это время леталъ надъ землею со своею свитою царь голубей, по имени Пестрошейка, и замѣтилъ рисовыя зерна. Голубьямъ захотѣлось рису, но царь голубей сказалъ имъ: „Откуда здѣсь, въ безлюдномъ мѣстѣ могли явиться рисовыя зерна? Вотъ о чемъ нужно подумать, и пока намъ нечему радоваться. А то изъ-за такой жадности къ рисовымъ зернамъ и съ нами можетъ случиться то же самое,

4. «что случилось съ тѣмъ путникомъ, который, польстившись на браслетъ, увязъ въ непроходимомъ болотѣ и былъ настигнутъ и сѣденъ дряхлымъ тигромъ.»

— „Какъ это такъ?“ спросили голуби, и онъ сказалъ: „Вотъ что видѣлъ я однажды, пролетая въ Южномъ лѣсу. Какой-то старый тигръ, совершивъ купаніе*), стоялъ на берегу озера съ травою куша**) въ лапахъ и говорилъ: „Эй, прохожіе! Возьмите кто-нибудь этотъ золотой браслетъ!“ Тутъ одинъ путникъ, ослѣпленный жадностью, подумалъ про себя: „При счастьѣ и такое дѣло удается. Правда въ данномъ случаѣ, когда сомнителенъ успѣхъ дѣла, не слѣдуетъ и братья за него, такъ какъ

5. «если возьмешь отъ врага что-нибудь даже полезное, пользы не будетъ: въ чемъ есть примѣсъ яда, будь то даже напитокъ безсмертія, все равно — отравя.»

Но вѣдь всякое предпріятіе для добыванія богатства — рискованно. Не даромъ сказано также, что

6. «не отважившись на опасное дѣло, человѣкъ никогда не увидитъ добра; а рѣшившись идти на опасность, коли останешься живъ, увидишь и счастье.»

Вотъ только въ чемъ предварительно нужно мнѣ удостовѣриться.“ И сказалъ громко: „Гдѣ же этотъ браслетъ?“ Тигръ, протянулъ лапу и показалъ. Прохожіи сказали: „Какъ же я могу тебѣ довѣрять?“ Тигръ отвѣтилъ: „Я теперь постоянно совершаю купанія и даю подаванія; я — старъ

*) Купаніе обычно у индійцевъ во многихъ обрядахъ. Здѣсь оно упоминается какъ внѣшній признакъ благочестія.

**) Священная трава, употребляемая при жертвоприношеніи.

и уже потерялъ и когти, и зубы: какъ же ты можешь мнѣ не вѣрить? Вѣдь

7. «жертва, чтеніе священнаго писанія, даръ, самоистязаніе, правдивость, умѣренность, терпѣніе и нестяжательность — вотъ восемь видовъ пути закона;»

8. «изъ нихъ первые четыре иногда выполняются и ради обмана, но вторые четыре можно встрѣтить только у истинно великихъ людей.»

Я такъ далекъ отъ всякаго любостыжанія, что даже хочу кому-нибудь отдать золотой браслетъ со своей лапы. Однако всетаки трудно бороться противъ людской молвы, будто тигръ ѣсть человѣка.

9. «Толпа любитъ идти по торной дорожкѣ: никогда она не признаетъ правой сводню, хотя бы она и дѣло говорила, какъ всегда правъ у нея брахманъ, будь онъ даже убійца коровы*.)»

А я читалъ и книги закона. Послушай:

10. «Какъ тебѣ самому жизнь дорога, такъ же дорога она и всѣмъ живымъ существамъ: благодаря сравненію съ самимъ собою добрые люди чувствуютъ состраданіе ко всѣмъ существамъ.»

А вотъ и другое изреченіе:

11. «При разрѣшеніи вопроса, слѣдуетъ-ли человѣку отказать или дать, и при различеніи чужого счастья отъ несчастія, радости отъ горя, человѣкъ находитъ истинную мѣрку, поставивъ себя на мѣсто другого.»

Я вижу что ты бѣденъ, и потому тебѣ хочу отдать этотъ браслетъ. Вѣдь сказано также:

12. «Бѣдняковъ поддерживай, о сынъ Кунти**), и не давай своего имущества богачу: больному лѣкарство полезно, а здоровому къ чему оно?» —

И далѣе:

13. «Тотъ даръ, который дается изъ убѣжденія, что дать слѣдуетъ; который дается тому, отъ кого

*) Убійство коровы — самое тяжкое преступленіе. Оно приравнивается убійству брахмана.

**) Царь Юдхштхира, герой Махабхараты, откуда взято это изреченіе.

нельзя ожидать услуги; который дается у мѣста во время достойному лицу; — такой даръ называется истиннымъ даромъ.»

И такъ выкупайся здѣсь въ озерѣ и прими этотъ золотой браслетъ.“ Подъ дѣйствіемъ чарующей силы этихъ словъ проходій повѣрилъ тигру. Пробираясь къ озеру, онъ увязъ въ топкомъ болотѣ и бѣгство было уже невозможно. „Я вытащу тебя изъ болота“ — сказалъ тигръ, и съ этими словами неторопясь, подошелъ къ нему и поймалъ его. Тутъ проходій подумалъ:

14. „Никакого значенія не имѣеть то обстоятельство, что злой человѣкъ читаетъ книги закона или даже изучаетъ священные вѣды: онъ золь отъ природы такъ же, какъ отъ природы сладко коровье молоко.“

И —

15. «поступки людей, не владѣющихъ ни чувствами, ни мыслями, подобны купанью слона: знаніе безъ дѣла — это такая же лишняя обуза, какъ украшенія на противной женщинѣ.»

Несчастье мое, что я повѣрилъ этому злодѣю! Не даромъ говорится, что

16. «въ каждомъ человѣкѣ нужно отличать природную основу отъ другихъ качествъ: ибо природная основа, господствуя надъ всѣми качествами, стоитъ во главѣ характера.»“

Такъ подумалъ проходій, а тигръ убилъ и съѣлъ его. Поэтому я и говорю: «что случилось съ тѣмъ путникомъ, который, польстившись на браслетъ» и т. д. Никогда не слѣдуетъ поступать необдуманно. Сказано также:

17. «Хорошо переваренная пища, благоразумный сынъ, хорошо воспитанная жена, хорошо чтимый царь, хорошо обдуманное слово и хорошо взвѣшенное дѣло — все это долгое время остается неизмѣннымъ.»“

Выслушавъ все это одинъ гордый голубь сказалъ: „Ахъ! О чемъ тутъ говорить:

18. «Слова стариковъ безусловно слѣдуетъ исполнять, только когда придетъ несчастье: слѣдуя постоянно ихъ разсужденіямъ, останешься даже безъ пищи.» Ибо:

19. «всякое добываніе пищи и питья на землѣ сопряжено съ заботами; поэтому бездѣйствіе недопустимо, — иначе какъ возможно жить?»

Вѣдь сказано также:

20. «Завистливый, сострадательный, недовольный, сварливый, постоянно угнетаемый заботами о хлѣбѣ и живущій на чужой счетъ — вотъ шесть вѣчно несчастныхъ существъ.»

Услышавъ это, всѣ голуби опустили на этомъ мѣстѣ.

21. «Даже великіе ученые, знатоки обширныхъ книгъ, разрѣшители сомнѣній — и тѣ страдаютъ заблужденіемъ жадности.»

Тотчасъ же всѣ голуби попались въ сѣть, отъ которой была проведена нитка. Тутъ всѣ накинулись на того голубя, по совѣту котораго они здѣсь опустили. Не даромъ сказано:

22. «Не становись во главѣ толпы: въ случаѣ успѣха дѣла ты получишь столько же, сколько и другіе, а если предпріятіе не удастся, то тутъ и смерть предводителю.»

Услышавши, какъ стали бранить этого голубя, Пестрошейка сказалъ: „Онъ въ этомъ не виноватъ:

23. «Даже благожелательный человѣкъ можетъ оказаться виновникомъ приключившагося несчастья: и нога матери превращается въ столбъ, когда къ ней привяжутъ теленка.»

А съ другой стороны:

24. «Истинный другъ тотъ, кто находитъ въ себѣ силу избавить отъ бѣды своихъ друзей, впавшихъ въ несчастіе, а не тотъ, который умѣетъ только бранить несчастный случай, когда уже поздно его предупреждать.»

Смушеніе въ несчастіи — признакъ труса; поэтому будемъ мужественны и постараемся найти выходъ изъ нашего положенія:

25. «Мужество въ несчастіи, состраданіе въ благополучіи, краснорѣчіе въ собраніи, храбрость въ сраженіи, любовь къ славѣ и усердіе въ изученіи священнаго писанія — вотъ врожденныя качества великихъ людей.»

И далѣе:

26. «Шесть недостатковъ долженъ побороть человѣкъ,

если онъ хочетъ достигнуть полнаго счастья здѣсь на землѣ: сонливость, вялость, трусость, злобу, мягкость и нерѣшительность.»

А теперь вотъ что сдѣлаемъ: всѣ, единодушно соединившись, унесемъ эту сѣть. Вѣдь

27. «единеніе со своими близкими, какъ бы слабы они ни были, приносить счастье; и шелуха даетъ силу зерну риса: безъ нея оно не прорастаетъ.»

28. «Соединеніе даже ничтожныхъ вещей ведетъ къ достиженію цѣли: тонкія нити, сплетенныя въ канатъ связываютъ бѣшеныхъ слоновъ.»

Проникнувшись этими мыслями, птицы разомъ всѣ поднялись вмѣстѣ съ сѣтью. Охотникъ, увидѣвъ издалека, какъ они уносятъ его сѣть, побѣждалъ за ними слѣдомъ, думая :

29. «Соединившись, эти птицы уносятъ мою сѣть; а когда поссорятся, тогда мнѣ достанутся.»

Однако, когда затѣмъ птицы скрылись изъ глазъ, охотникъ повернулъ обратно. Замѣтивъ, что охотникъ повернулъ обратно, голуби сказали: „Что же теперь слѣдуетъ дѣлать?“ Пестрошейка отвѣтилъ :

30. „Мать, отецъ и другъ — эти трое уже по своей природѣ благосклонны къ тебѣ; бываютъ благосклонно настроены и другіе, но лишь имѣя что-либо въ виду.»

Такъ вотъ, есть у меня другъ, царь мышей, по имени Золотистый. Живетъ онъ въ Пестромъ лѣсу на берегу рѣки Гандакѣ. Онъ разгрызетъ намъ сѣти.“ Въ этой надеждѣ всѣ они полетѣли къ норѣ Золотистаго. А Золотистый, чтобы имѣть возможность каждую минуту бѣжать, жилъ здѣсь въ норѣ съ цѣлою сотнею выходовъ. Испуганный шумомъ спустившихся голубей, онъ притаился. Пестрошейка сказалъ: „Другъ мой, Золотистый, что ты насъ не встрѣчаешь съ привѣтомъ?“ Узнавши голосъ Пестрошейки, Золотистый поспѣшно вышелъ изъ норы и сказалъ: „Ахъ, какъ я радъ видѣть дорогаго друга Пестрошейку!“ Но замѣтивъ, что всѣ они связаны сѣтью, онъ на минуту остановился въ изумленіи и потомъ сказалъ: „Другъ мой, что это значить?“ Пестрошейка отвѣчалъ: „Это, другъ мой, не что иное, какъ воздаяніе за наши грѣхи, совершенные въ прежнихъ перерожденіяхъ. Вѣдь

31. «болѣзни, страданья, печали, плѣнь и всякія не-приятности — это плоды съ деревьевъ собствен-ныхъ грѣховъ тѣлесныхъ существъ.»

Тутъ Золотистый бросился разгрызать сѣть Пестрошейки, но Пестрошейка сказалъ: „Нѣтъ, другъ мой, не дѣлай этого; а сначала разгрызи сѣти вотъ этимъ моимъ подданнымъ.“ Золотистый отвѣчалъ: „Я не силенъ, и зубы мои слабы. Какъ же я могу разгрызть такія большія сѣти? Лучше буду я грызть твою сѣть, пока мои зубы цѣлы, а потомъ насколько силъ хватить, стану разгрызать и ихъ пути.“ Пестрошейка отвѣтила: „Хотя бы даже и такъ, всетаки освобождай отъ сѣтей сначала ихъ, насколько силъ хватить.“ Золотистый возразилъ: „Нѣтъ, знатоки правилъ житейской мудрости не одобряютъ такой защиты подданныхъ, которая доходитъ до самопожертвованія. Вѣдь

32. <богатство надо хранить на черный день, жену надо хранить даже цѣною богатства, а себя надо постоянно хранить, даже жертвуя женою и богатствомъ.>

И потомъ, вѣдь

33. <только жизнь даетъ возможность исполнять законъ, пріобрѣтать имущество, удовлетворять свои потребности и достигать освобожденія души; кто губить жизнь, тотъ губить все это; кто ее хранить, тотъ сохраняетъ всѣ эти блага.>“

Пестрошейка возразилъ: „Другъ мой, конечно, таковы дѣйствительно правила житейской мудрости; и всетаки я не могу спокойно смотрѣть на несчастье своихъ подданныхъ. Вѣдь

34. <и деньгами и жизнью разумный человекъ долженъ жертвовать ради другого: вѣдь и то и другое неизбѣжно погибнетъ, такъ лучше отдать ихъ на доброе дѣло.>

Кромѣ этой есть у меня и другая, особенная причина:

35. <и происхожденіемъ, и внѣшностью, и силой я съ ними равенъ: въ чемъ же можетъ сказаться для нихъ польза отъ того, что я ихъ царь?>“

И кромѣ того

36. <не ожидая никакой награды, они никогда меня не покидаютъ: спаси же жизнь моихъ подданныхъ, хотя бы даже цѣною моей жизни!>

37. «Оставивъ заботу о брѣнномъ тѣлѣ, состоящемъ изъ мяса, мочи, кала и костей, спаси мнѣ, о другъ, мою славу!»

Подумай :

38. «Если бы вѣчную чистую славу можно было добыть при посредствѣ брѣннаго нечистаго тѣла, тогда легко можно было бы достигнуть всего,»

такъ какъ

39. «тѣло отъ добродѣтели отдѣляется безконечно глубокая пропасть: тѣло разрушается мгновенно, а добродѣтель стоитъ до скончанія вѣка.»⁴

Услышавши это, Золотистый такъ обрадовался, что у него даже шерсть поднялась, и онъ сказалъ : „Хорошо, мой другъ, хорошо! За такую любовь къ подданнымъ ты заслуживаешь быть царемъ надо всѣми тремя мірами.“ Сказавъ это, Золотистый разгрызъ всѣмъ голубямъ сѣти и, съ почтеніемъ поклонившись имъ, сказалъ : „Другъ Пестрошейка, за то, что вы попались въ сѣти, тебѣ во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ упрекать себя, предполагая недостаточную предусмотрительность. Вѣдь

40. «за сто и болѣе верстъ видитъ птица приманку, и она же по волѣ рока не замѣчаетъ тутъ же разставленныхъ сѣтей.»

И далѣе :

41. «Когда видишь, какъ демонъ Граха терзаетъ луну и солнце*), когда видишь, что ловятся даже слоны и змѣи, когда видишь, что мудрецы живутъ въ нищетѣ, невольно думается мнѣ: увы! судьба сильна!»

Наконецъ :

42. «Птицы, даже когда онѣ только летаютъ въ небесахъ, иногда попадаютъ въ бѣду; ловкіе люди ловятъ рыбъ даже въ бездонной пучинѣ моря. Какая же разница здѣсь на землѣ между добрыми и злыми поступками? Или какой толкъ въ достиженіи извѣстнаго положенія? Нѣтъ мѣста, гдѣ бы не настигъ тебя рокъ, всюду протягивающій свои жадныя руки!»⁴

*) Демонъ Граха, по воззрѣніямъ индійцевъ, производитъ затменіе луны и солнца.

Послѣ этого поученія Золотистый предложилъ Пестрошейкѣ угощеніе и, обнявъ, отпустилъ. Пестрошейка вмѣстѣ со свитой полетѣлъ, куда хотѣлъ, а Золотистый ушелъ въ свою нору.

Между тѣмъ Легколетъ, видѣвшій все это происшествіе, сказалъ, полный удивленія: „Ахъ, Золотистый! Ты достоинъ всякой похвалы. И я тоже ищу твоей дружбы. Такъ прими же и меня въ свое содружество.“ Услышавши это, Золотистый спросилъ изъ глубины норы:

— „Кто ты?“

Тотъ отвѣтилъ:

— „Я воронъ, по прозванью Легколетъ.“

Золотистый засмѣялся и сказалъ:

— „Какая же у меня съ тобою можетъ быть дружба?“

Вѣдь

43. «мудрый долженъ соединять только то, что можетъ быть вообще соединено: я — пища, а ты — ея пожиратель; какъ же возможна между нами дружба?»

И далѣе:

44. «такъ какъ дружба того, кто составляетъ пищу, съ тѣмъ, кто ее ѣстъ, ведетъ къ несчастью, то этимъ и объясняется, что газель изъ-за шакала попала въ сѣть, и только воронъ спасъ ее.»

Воронъ спросилъ:

— „Какъ это такъ?“

И Золотистый сталъ рассказывать:

„Въ странѣ Магадхѣ есть лѣсъ, по имени Чампаковый. Въ немъ долго жили въ большой дружбѣ газель и воронъ. Вотъ однажды, когда газель, счастливая и сытая, бродила, гдѣ хотѣла, ее замѣтилъ одинъ шакалъ и подумалъ: „Ахъ! Какъ бы мнѣ отвѣдать этого вкуснаго мяса?... Вотъ что. Попробую пока войти къ ней въ довѣріе.“ Подумавъ такъ, онъ подошелъ къ газели и сказалъ: „Здравствуй, другъ!“ — „Кто ты?“ спросила газель. — „Я шакалъ, по имени Хитроумъ“ — отвѣтилъ шакалъ: „Живу въ этомъ лѣсу безъ друзей, и жизнь мнѣ не въ жизнь. Теперь, найдя въ тебѣ друга, я снова ожилъ. Отнынѣ я долженъ постоянно сопровождать тебя.“ Между тѣмъ зашло святое лучезарное солнце, и оба друга пришли въ жилище газели. Тутъ же на суку чампаки жилъ и другъ газели воронъ, по имени Доброумъ.

Онъ спросилъ: „Другъ мой, газель, кто же это съ тобою?“ — „Это пришелъ шакаль; онъ ищетъ нашей дружбы“ — отвѣчала газель. Услышавъ это, воронъ сказалъ: „Не слѣдуетъ довѣрять каждому встрѣчному. Вѣдь говорятъ:

45. «Не пускай никого въ домъ, если не знаешь ни его происхожденія, ни его нрава: хитрость kota погубила коршуна, по прозванью Стараго Быка.»

Газель и шакаль спросили: „Какъ же это?“ и воронъ сталъ рассказывать:

„На берегу Ганга, на горѣ, называемой Коршуновою Вершиной, стояло большое дерево паркати*). Въ его дуплѣ жилъ коршунъ по имени Старый Быкъ, лишившійся глазъ по волѣ злого рока Птицы, жившій на томъ же деревѣ, удѣляли кое что изъ своей пищи на поддержаніе его жизни. Тѣмъ онъ только и жилъ. Вотъ однажды пришелъ туда котъ, по имени Долгоухъ, чтобы поживиться птичьими птенцами. Замѣтивъ, какъ онъ подкрадывается, птенцы въ страхѣ подняли громкій крикъ. Услышавъ его, Старый Быкъ спросилъ: „Кто это подкрадывается?“ Долгоухъ, замѣтивъ коршуна, въ страхѣ подумалъ: „Ахъ! Пропаль я! Теперь я слишкомъ близко подошелъ, и бѣжать уже невозможно. Такъ будь же, что будетъ! Подойду къ нему поближе.“ Съ этими мыслями котъ подошелъ къ коршуну и сказалъ: „Привѣтъ тебѣ, господинъ!“ Коршунъ спросилъ: „Кто ты?“ Тотъ отвѣтилъ: „Я котъ.“ — „Такъ уходи прочь; а не то я тебя убью!“ Котъ сказалъ: „Выслушай только мое слово, а потомъ, если я достоинъ того, убивай! Вѣдь,

46. „Развѣ позволительно кого-нибудь убивать или почитать, глядя только на его происхожденіе? Лишь ознакомившись съ жизнью человѣка, можно его либо убить, либо чтить.“»

Коршунъ сказалъ: „Говори!“ — „Я живу здѣсь, на берегу Ганга, — началъ котъ — совершая постоянныя купанія, не вкушая мяса, соблюдая цѣломудріе и выполняя обѣтъ чандраяны**). Птицы, которымъ я вполне довѣряю, всѣ въ одинъ голосъ постоянно восхваляютъ мнѣ Васъ, какъ зна-

*) Ficus infectoria.

***) Обѣтъ состоящій въ томъ, что ежедневная порція пищи уменьшается соотвѣтственно съ уменьшеніемъ луны, и пища совершенно не принимается въ дни новолунія.

тока священнаго закона. Вотъ и пришолъ я сюда поучиться закону отъ Васъ, почтеннаго какъ знаніемъ, такъ и возрастомъ. И что же? Вы, оказывается, такъ хорошо знаете священный законъ, что собираетесь убить меня, Вашего гостя! А вотъ что предписываетъ законъ домохозяину:

47. «Даже врагу, пришедшему въ домъ, подобаесть оказать обычное гостепріимство: дерево не лишаетъ своей тѣни даже того, кто его рубить.»

Если нѣтъ угощенія, то хоть только привѣтливымъ словомъ все же нужно почтить гостя. Вѣдь извѣстно изреченіе:

48. «Трава для постилки, земля, вода и дружеское слово — эти четыре вещи всегда найдутся въ жилищѣ добрыхъ.»

И еще:

49. «Добрый чувствуетъ состраданіе даже къ дурнымъ существамъ: не отвращаетъ своего свѣта луна даже отъ хижины чандάла*).»“

Коршунъ отвѣтилъ: „Да, вѣдь, кошки любятъ мясо; а здѣсь живутъ птичьи птенцы. Потому я такъ и сказалъ.“ Котъ, прикоснувшись лапой къ землѣ, потомъ коснулся ушей**): „Вѣдь я изучалъ книги закона — сказалъ онъ — и, свободный отъ страстей, принялъ на себя этотъ трудный обѣтъ. Хоть часто книги закона одна другой противорѣчатъ, но въ томъ, что запрещеніе убивать кого бы то ни было есть высшая заповѣдь, въ этомъ всѣ согласны. Сказано также:

50. «Тѣ люди, которые воздерживаются убивать кого бы то ни было, все терпѣливо выносятъ и всѣмъ даютъ зашиту, тѣ люди переселяются въ небеса.»

И еще:

51. «Одинъ только другъ, добродѣтель, слѣдуетъ за нами и послѣ смерти; все остальное такъ же погибаетъ, какъ и тѣло.»

И далѣе:

52. «Когда одинъ поѣдаетъ другого, поглядите, какая разница въ положеніи обоихъ: одному это — минутное удовольствіе, для другого — лишеніе жизни!»

*) Членъ самой презрѣнной касты.

***) Жестъ недоумѣнія и негодованія.

53. «Если представить себѣ, какое страданіе испытываетъ человѣкъ при мысли, что онъ долженъ сейчасъ умереть, — это соображеніе можетъ заставить защищать даже врага.»

И выслушай еще только это:

54. «Можно насытиться и дико растущими въ лѣсу овощами. Кто же ради насыщенія грѣшной утробы рѣшится на великій грѣхъ?»

Такъ убѣдилъ котъ коршуна и поселился въ дуплѣ дерева. Дни проходили, и котъ ловилъ птенцовъ, приносилъ ихъ въ дупло и съѣдалъ. И вотъ тѣ птицы, у которыхъ дѣти были съѣдены, въ тоскѣ съ крикомъ стали ихъ разыскивать. Понявъ въ чемъ дѣло, котъ выскочилъ изъ дупла и убѣжалъ. А птицы, разыскивая всюду птенцовъ, нашли въ дуплѣ ихъ кости и тотчасъ рѣшили, что коршунъ съѣлъ птенцовъ. Тутъ они всей стаей и убили коршуна.

Вотъ почему я и говорю: „Не пускай никого въ домъ, если не знаешь ни его происхожденія, ни его нрава и т. д.“

Услышавъ это, шакаль въ гнѣвѣ сказалъ: „Въ тотъ день, когда вы увидѣлись впервые съ газелью, она тоже не знала ни Вашего происхожденія, ни Вашего нрава. Однако почему же, не смотря на это, дружба ея съ Вами до сихъ поръ чѣмъ дальше, тѣмъ больше крѣпнетъ? Съ другой стороны:

55. «Только мелкіе души задаются вопросомъ „что, онъ — нашъ или чужой?“ Для высокихъ натуръ вся земля — одна семья.»

Поэтому для меня какъ эта газель, такъ и Вы одинаково близки.“ — „И къ чему этотъ разговоръ? — сказала газель: Будемъ жить всѣ вмѣстѣ, мирно бесѣдовать, и будетъ хорошо.“ — „Пусть такъ“ — согласился воронъ.

Утромъ всѣ расходились, кому куда хотѣлось. Вотъ однажды шакаль таинственно сказалъ газели: „Другъ газель, въ этомъ лѣсу въ одномъ мѣстѣ есть засѣянное поле. Я тебя проведу и покажу.“ Такъ онъ и сдѣлалъ, и газель каждый день стала ѣсть посѣвъ. Замѣтивъ это, хозяинъ поля поставилъ въ томъ мѣстѣ сѣти. Лишь только газель снова пришла туда, она запуталась въ сѣтяхъ, и подумала: „Кто кромѣ моего друга можетъ освободить меня отъ этихъ сѣтей охотника, роковыхъ, какъ сѣти бога смерти?“ Между тѣмъ и шакаль, подойдя и остановившись недалеко, размышлялъ:

„Вотъ, какая мнѣ удача въ награду за хитрость! И желаніе мое навѣрно исполнится: когда ее убьютъ, то кости ея, покрытыя кровью и остатками мяса достанутся мнѣ!“ Замѣтила шакала газель и въ волненіи обратилась къ нему: „Другъ, разгрызи петлю, въ которую я попала! Скорѣе спаси меня! Вѣдь

56. «Друга познаешь въ несчастіи, героя — въ битвѣ, честнаго — въ уплатѣ долга, жену — при потери имущества, родныхъ въ горѣ.»“

Шакаль, взглянувъ на петлю, подумалъ: „Веревка достаточно крѣпка“ и сказалъ: „Другъ, вѣдь веревка то эта сдѣлана изъ жилъ; какъ же можно мнѣ сегодня, въ праздникъ*) прикоснуться къ ней своими зубами? Не думай, другъ, дурно обо мнѣ: завтра на зарѣ я исполню то, что ты просишь.“

Раннимъ утромъ воронъ, замѣтивъ, что газель не возвращалась, отправился на поиски за нею и, увидя, въ какомъ печальномъ положеніи она находится, спросилъ ее: „Другъ, что это?“ Газель отвѣчала: „Это наказаніе за то, что я не обратила вниманія на слова друга. Сказано:

57. «Кто не слушаетъ словъ друзей, желающихъ добра, тому грозитъ близкая гибель, тотъ доставляетъ радость своимъ врагамъ.»“

Воронъ спросилъ: „А гдѣ же шакаль?“ — „Вонъ тамъ стоитъ и ждетъ моего мяса,“ — отвѣтила газель. Воронъ сказалъ: „Другъ, вѣдь говорилъ же я, что

58. «нельзя довѣрять другому только потому, что самъ его не обижалъ: отъ злыхъ опасность грозитъ даже и добрымъ.»“

И вздохнувъ, онъ продолжалъ: „Ахъ, обманщикъ! что ты, злодѣй, надѣлалъ!

59. «Какъ можно обманывать тѣхъ, кого ты привлекъ ласковой рѣчью, кого покорилъ притворной дружбой, полныхъ надежды и вѣры въ тебя, — обманывать тогда, когда они тебя просятъ?»

И

60. «какъ можешь ты, святая земля, носить такого лживаго человѣка, который дѣлаетъ зло добруму, довѣрчивому и чистому сердцемъ?»

Но такова ужъ повадка злодѣевъ:

*) День солнца, воскресенье.

61. «Оводъ вьется въ переднихъ ногахъ, а кусаетъ спину, нѣжно и мило напѣваетъ въ ухо свою красивую пѣсню и, замѣтивъ незащищенное мѣсто, быстро и смѣло бросается туда: оводъ вполне подражаетъ повадкѣ злодѣя.»

На разсвѣтѣ воронъ, замѣтивъ хозяина поля, который съ палкою въ рукѣ приближался къ этому мѣсту, сказалъ газели: „Другъ, притворись мертвымъ, а потомъ, когда я закричу, вставай и скорѣе бѣги.“ Съ широко открытыми отъ радости глазами, увидѣлъ хозяинъ поля притворившуюся мертвой газель. „Ахъ, она сама околѣла!“ сказалъ охотникъ и, развязавъ веревку, сталъ свертывать сѣти. Въ это время газель услышала крикъ ворона, быстро вскочила и убѣжала. За нею въ догонку охотникъ бросилъ палку, которая попала въ шакала и убила его. Вѣдь сказано, что

62. «за очень большія добрыя дѣла или грѣхи можно получить возмездіе уже на этомъ свѣтѣ либо черезъ три года, либо черезъ три мѣсяца, либо черезъ три половины мѣсяца, либо даже черезъ три дня.»

Поэтому я и говорю: „такъ какъ дружба того, кто составляетъ пищу, съ тѣмъ кто ее ѣстъ и т. д.“

Воронъ возразилъ:

63. „Если бы даже я и съѣлъ Васъ, то не велика была бы мнѣ оттого прибыль, между тѣмъ отъ Вашего существованія, дорогой мой, зависитъ и моя жизнь, и жизнь Пестрошейки.“

И далѣе:

64. «Даже между животными существуетъ довѣріе, если они дѣлаютъ только добро: вѣдь природа добрыхъ всюду одинаково сказывается въ добротѣ.»

Наконецъ:

65. «Сердце добраго не мѣняется, даже если его грубо оскорбили: не закипитъ море отъ пламени пучка травы.»

Золотистый отвѣчалъ: „Ты ненадеженъ; а съ ненадежнымъ ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ вступать въ дружбу. Вѣдь что сказано:

66. «Кошка, буйволъ, баранъ, воронъ и злодѣи имѣютъ силу тогда, когда имъ довѣряютъ: не слѣдуетъ имъ довѣрять.»

Къ тому же Вы стоите на сторонѣ моихъ враговъ; а сказано:

67. «Съ врагомъ не слѣдуетъ вступать въ союзъ, какъ бы онъ ни казался прочнымъ: какъ бы ни была горяча вода, она все же заливаеъ огонь.»

И еще сказано:

68. «Невозможное — невозможно, возможно только возможное: не ѣздитъ повозка по водѣ, не ходитъ лодка по землѣ.»

И далѣе:

69. «Кто вѣритъ врагамъ и разлюбившимъ женщинамъ, тотъ теряетъ свое имущество, какъ бы велико оно ни было.»

Легколетъ возразилъ: „Другъ, все это я выслушалъ; но я твердо рѣшилъ, во что бы то ни стало, вступить съ тобою въ дружбу и, если ты будешь противиться этому, то я уморю себя голодомъ у входа въ твое жилище. Вѣдь

70. «дружба со злымъ подобна глиняному горшку: ее легко разбить, но трудно возстановить; а дружба съ хорошимъ человѣкомъ подобна золотому сосуду: ее трудно разбить и скоро можно возстановить.»

Далѣе:

71. «Металлы соединяются вслѣдствіе своей плавкости, звѣри и птицы — для какой нибудь цѣли, дураки — изъ боязни или изъ алчности, а добрые сходятся, узнавши другъ друга.»

Когда знаешь это, естественно стараешься сходиться, какъ сходятся добрые. Ибо

72. «даже послѣ разрыва дружбы съ добрыми, ихъ добрыя качества не мѣняются: даже при изломѣ стеблей лотоса нити, заключенныя въ нихъ, могутъ связывать.»

Послушай и еще:

73. «Другъ долженъ обладать честностью, щедростью, мужествомъ, участіемъ въ радости и въ горѣ, ласковостью, любовью и правдивостью.»

Кого же другого могу я найти, кто обладалъ бы этими качествами?“

Золотистый вышелъ наружу и сказалъ: „Оживило меня Ваше слово, какъ напитокъ безсмертія. Такъ сказано:

74. «Радость, которую доставляет томимому зноем купанье въ холодной водѣ, жемчужное ожерелье и сандаловая мазь, втираемая въ каждую часть тѣла, не можетъ сравниться съ тѣмъ удовольствіемъ, какое обыкновенно доставляетъ уму бесѣда добрыхъ людей, обладающая чарующей силой убѣждать умныхъ людей, полная разумныхъ доводовъ.»

И далѣе:

75. «Выдача тайны, попрошайничество, грубость, непостоянство, раздражительность, лживость и увлеченіе азартной игрой — вотъ недостатки друга.»

И изъ всего этого перечня въ тебѣ ни одного недостатка не сыскать. Вѣдь

76. «ловкость и правдивость можно замѣтить во время разговора, а скромность и серьезность замѣтны съ перваго взгляда.»

И затѣмъ:

77. «Дружба человѣка чистаго сердцемъ и рѣчь человѣка, мысль котораго отравлена ложью, — это двѣ вещи различныя.»

Такъ пусть же будетъ такъ, какъ Вы хотите!»

Съ этого времени между ними установилась дружба. Золотистый, вступивши въ дружбу съ ворономъ и накормивши его отборною пищею, ушелъ въ свою нору, и воронъ также отправился домой. Каждый день теперь давали они другъ другу пищу и другіе подарки, спрашивали другъ друга о здоровьѣ и проводили время въ дружеской бесѣдѣ.

Однажды воронъ сказалъ Золотистому: „Другъ, въ этихъ мѣстахъ трудно доставать пищу, и я хочу покинуть ихъ и отправиться въ другое мѣсто.“ Золотистый отвѣтилъ: „Другъ, куда итти?“

78. «Разумный, ступая одною ногою, остается стоять на другой: не слѣдуетъ покидать стараго мѣста, не ознакомившись съ новымъ.»“

— „Есть, другъ мой, хорошо знакомое мѣсто“ — сказалъ воронъ.

— „Какое такое?“ спросилъ Золотистый, и воронъ сталъ рассказывать: „Въ лѣсу Дánдака есть озеро, по имени Карпурагáура. Тамъ живетъ мой хорошій пріятель, черепаха, по имени Медлитель, достигшій уже почтеннаго возраста, честный отъ природы.“

79. «Поучать другихъ у всѣхъ людей ума хватаетъ, а самому честно вести себя удается немногимъ сильнымъ характерамъ.»

Онъ будетъ кормить меня прекрасной рыбной пищей.“ Золотистый сказалъ: „Такъ что же я буду дѣлать, оставшись здѣсь? Вѣдь

80. «гдѣ нѣтъ ни почета, ни друзей, ни родныхъ, ни возможности приобрѣтать знанія, такой мѣстности слѣдуетъ избѣгать.»

И далѣе:

81. «Не слѣдуетъ останавливаться для жительства тамъ, гдѣ нѣтъ богатаго человѣка, ученаго брахмана, царя, рѣки и, пятого — врача.»

Такъ веди же и меня туда.“ И воронъ вмѣстѣ со своимъ другомъ за различными разговорами и незамѣтили, какъ пошли къ озеру. Между тѣмъ Медлитель издали замѣтилъ Легколета, всталъ и, принявъ его, какъ гостя, оказалъ гостепріимство также и мыши. Ибо

82. «кто бы ни пришелъ въ домъ — мальчикъ, старикъ или юноша, ему слѣдуетъ оказать гостепріимство: всякій пришелецъ долженъ быть чтимъ.»

Воронъ сказалъ: „Другъ, ему ты окажи особенный почетъ: это — необыкновенно добродѣтельный царь мышей, по имени Золотистый, неистощимый источникъ состраданія. Его добродѣтель достойно прославить могъ бы развѣ только владыка змѣй со своею тысячью языковъ.“ И онъ разсказалъ исторію Пестрошейки. Медлитель, усердно почтивъ Золотистаго, сказалъ ему: „Разскажите, пожалуйста, что привело Васъ въ тотъ безлюдный лѣсъ.“ Золотистый отвѣтилъ: „Слушайте: я разскажу. —

Въ городѣ Чампа есть монастырь нищенствующихъ монаховъ. Тамъ жилъ одинъ монахъ по имени Чудакарна. Онъ обыкновенно ложился спать, повѣсивши на слоновомъ клыкѣ свою чашку, въ которую онъ собиралъ подаваніе, состоявшее изъ остатковъ всякой пищи; а я, взобравшись туда, ѣлъ эту пищу. Вотъ однажды пришелъ къ нему его хорошій пріятель, тоже нищенствующій монахъ, по имени Винакарна. Бесѣдуя съ нимъ о различныхъ предметахъ, Чудакарна ударялъ по сухой бамбуковой палкѣ, чтобы спугнуть меня. Винакарна обратился къ нему съ вопросомъ: „Что это Вы не слушаете моихъ словъ, а заняты чѣмъ то

другимъ?“ Чудакарна отвѣчалъ: „Другъ мой, я слушаю Васъ, но дѣло въ томъ, что мышь постоянно поѣдаетъ находящуюся въ горшкѣ пищу и тѣмъ вредитъ мнѣ.“ Винакарна взглянулъ на слоновый клыкъ и сказалъ: „Какъ эта слабая мышь можетъ такъ высоко взобраться? Тому должна быть какая-нибудь причина. Вѣдь говорятъ:

83. «Не даромъ молодая жена крѣпко обнимаетъ старика мужа и цѣлуетъ его, привлекая къ себѣ его голову: тутъ должна быть какая-нибудь причина.»

Чудакарна спросилъ: „Какъ это такъ?“ и Винакарна стала рассказывать.

Въ странѣ Гауда есть городъ, по имени Каушамби. Тамъ жилъ одинъ богатый купецъ, по имени Чанданадаса. Хотя онъ былъ уже старъ, но его сердце поразила любовь, и онъ, гордый своимъ богатствомъ, женился на дочери одного купца, которую звали Лилаваті. Она была молода и красива, побѣдоносно несла знамя бога любви, и старикъ мужъ не радовалъ ее.

84. «Какъ луна не радуется того, кому холодно, а солнце того, кому жарко, такъ женщинѣ не радуется мужъ, чувства котораго притупились отъ старости.»

И далѣе:

85. «Какая можетъ быть любовь къ мужчинѣ, когда у него появилась сѣдина? Женщины принимаютъ его, какъ лѣкарство, а сами думаютъ о другомъ.»

А старикъ-то былъ сильно въ нее влюбленъ. Вѣдь

86. «всегда дороги богатство и пища для тѣхъ, кто желаетъ жить, а молодая жена старику дороже самой жизни.»

И съ другой стороны:

87. «Старикъ не можетъ ни наслаждаться, ни избавиться отъ желанія наслаждаться: онъ подобенъ беззубой собакѣ, которая можетъ только языкомъ облизывать кость.»

И вотъ Лилаваті въ своемъ юношескомъ увлеченіи перешла границы семейной нравственности и вступила въ связь съ однимъ купеческимъ сыномъ. Вѣдь

88. «Свобода, жизнь въ отцовскомъ домѣ, посѣщеніе

торжественныхъ процессій, развязность при мужчинахъ въ обществѣ, жизнь на чужой сторонѣ, частые разговоры съ публичными женщинами, потеря собственныхъ средствъ къ жизни, старость мужа, его ревность и отъѣзды — все это можетъ вести женщину къ гибели.»

И далѣе:

89. «Пьянство, общеніе съ дурными людьми, разлука съ мужемъ, странствованіе на чужой сторонѣ, несвоевременный сонъ и жизнь въ чужомъ домѣ — вотъ шесть причинъ гибели женщинъ.»

90. «При взглядѣ на красиваго мужчину, будь то даже братъ или сынъ, у женщинъ vulva дѣлается влажной, какъ необожженный горшокъ отъ воды.»

И потомъ:

91. «Цѣломудріе женщинъ, о Нарада*), обусловлено только тѣмъ, что нѣтъ либо мѣста для его нарушенія, либо случая, либо любовника.»

И еще:

92. «Женщина подобна горшку съ масломъ, а мужчина — раскаленнымъ углямъ: масло и огонь нужно держать отдѣльно.»

Наконецъ:

93. «Отецъ охраняетъ женщину въ дѣтствѣ, мужъ — въ юности и сыновья — въ старости: женщина не должна пользоваться самостоятельностью.»

Вотъ однажды Лилаваті, удобно развалившись на софѣ, блестящей лучами различныхъ драгоценныхъ камней, дружески болтала съ купеческимъ сыномъ и вдругъ замѣтила какъ-то неслышно подошедшаго мужа; тутъ она быстро вскочила, взяла его за голову, крѣпко обняла и поцѣловала. А любовникъ тѣмъ временемъ убѣжалъ. Эти объятія видѣла бывшая по близости сводня и подумала: „Не даромъ это.“

Потомъ она узнала, что это было сдѣлано ради любовника, сообщила это старику мужу, и Лилаваті была наказана**).

*) Герой Махабхараты, откуда взято это изреченіе.

***) По видимому, позднѣйшая прибавка къ разсказу. Слова сводни должны повторять сентенцію разсказа: „Не даромъ молодая жена..“ (см. выше начало разсказа).

Поэтому я и говорю, что сила мышенка должна опираться на какую-нибудь причину.“ Минуту подумавъ, Винакарна прибавилъ: „И въ такихъ случаяхъ причина по большей части заключается въ богатствѣ. Вѣдь

94. «всякій богачъ на свѣтѣ всегда и вездѣ оказывается сильнымъ: даже власть царей въ корнѣ исходитъ изъ богатства.»“

Тутъ взявъ этотъ монахъ лопату, раскопалъ мою нору и забралъ все мое богатство, накопленное за долгіе годы. Съ этого времени я лишился своей силы, утратилъ радость жизни и потерялъ даже способность добывать себѣ пищу. Дрожа отъ страха, медленно-медленно ползъ я, когда замѣтилъ меня Чудакарна и сказалъ:

95. „«Всякій силенъ только богатствомъ, богатство дѣлаетъ его и умнымъ: посмотри, какъ этотъ мышенокъ, лишившись имущества, сталъ совсѣмъ такимъ же, какъ и другіе его собратья.»

96. «Когда у человѣка небольшого ума нѣтъ денегъ, то всѣ его дѣла пропадають, какъ мелкія рѣченки въ жаркое лѣто.»

И далѣе:

97. «У кого деньги, у того и друзья; у кого деньги, у того и родственники; у кого деньги, тотъ и баринъ; у кого деньги, тотъ и умень.»

И еще:

98. «У кого нѣтъ сына или истиннаго друга, тому пусть кажется домъ; для дурака пусто сердце*), все пусто для бѣдняка.»

И еще:

99. «Тѣ же неизмѣнно остаются органы чувствъ, то же имя, не тронуть умъ, та же рѣчь; и вдругъ, въ одно мгновеніе тотъ же человѣкъ становится другимъ, когда онъ лишенъ огня богатства, — удивительное превращеніе!»“

Услышавши все это, я подумалъ: Теперь не слѣдуетъ мнѣ оставаться въ этомъ мѣстѣ. Но не слѣдуетъ также и рассказывать кому-нибудь постороннему объ этомъ происшествіи, такъ какъ

*) Вар.: „пустъ міръ“.

100. «Разумный человекъ не долженъ сообщать о потерѣ денегъ, о душевномъ горѣ, о домашнихъ дрязгахъ, объ обманѣ и о презрѣннѣ.»

Сказано также :

101. «Когда судьба совершенно отвернется и человѣческія старанія останутся безплодными, гдѣ кромѣ лѣса*) искать утѣшенія мудрому бѣдняку?»

И далѣе :

102. «Мудрый скорѣе умретъ, чѣмъ станетъ жаловаться: погаснуть можетъ огонь, но никогда не станетъ холоднымъ.»

И еще :

103. «Для мудраго, какъ для цвѣтовъ, возможна двоякая судьба: либо букетомъ красоваться выше всѣхъ людей**), либо вянуть въ лѣсу.»

Но жить подаянiемъ хуже всего.

104. «Бѣдняку лучше отдать свою жизнь огню***), чѣмъ обращаться съ просьбою къ черствымъ и скупымъ людямъ.»

И еще :

105. «Бѣдность заставляетъ человека стыдиться, стыдящійся лишается мужества, лишеннаго мужества всѣ унижаютъ, униженный впадаетъ въ отчаяніе, отчаявшася охватываетъ печаль, печаль лишаетъ разсудка, а лишенный разсудка гибнетъ. Увы! Бѣдность источникъ всѣхъ несчастій!»

Далѣе :

106. «Лучше молчать, чѣмъ сказать ложь; лучше мужское безсиліе, чѣмъ связь съ чужою женою; лучше умереть, чѣмъ находить удовольствіе въ словахъ клеветниковъ; лучше питаться подаянiемъ, чѣмъ наслаждаться счастиемъ, пользуясь чужимъ добромъ.»

Наконецъ :

107. «Какъ прислуживаніе уничтожаетъ всякую честь, какъ лунный свѣтъ прогоняетъ тьму, какъ старость губитъ красоту, какъ произнесеніе имени

*) Уединенія.

**) Какъ головное украшеніе.

***) Разумѣтся самосожженіе.

Вишину или Шивы уничтожаетъ грѣхъ, такъ попросайничество губить сотню добродѣтелей.»

И я подумалъ: „Зачѣмъ я питаюсь чужою пищей. Горе мнѣ! Вѣдь это вторая дверь смерти“.

108. «Ученость въ пустякахъ, покупная любовь и пища изъ чужихъ рукъ — вотъ три вещи, дѣлающія мужчину смѣшнымъ.»

И еще:

109. «Для больного, для уѣхавшаго далеко на чужую сторону, для питающагося чужимъ хлѣбомъ и для живущаго въ чужомъ домѣ жизнь — это смерть, а смерть — успокоеніе.»

Но не смотря на эти мысли, я все же изъ жадности снова пытался воспользоваться чужимъ имуществомъ. Вѣдь сказано:

110. «Жадность омрачетъ разумъ, жадность порождаетъ ненасытность, а ненасытный человѣкъ терпитъ горе и здѣсь и на томъ свѣтѣ.»

За то и побилъ меня Винакарна своею сухой бамбуковой палкой, и я подумалъ: „Да, жадный и ненасытный всегда самъ себя вредитъ.“

111. «Чье сердце довольно, тотъ во всемъ находитъ счастье: у кого нога въ сапогѣ, для того вся земля какъ-бы покрыта кожей.»

И еще:

112. «Въ погонѣ за богатствомъ мечутся люди туда и сюда, и далеко имъ до того счастья, которое испытываютъ вкусившіе отъ безсмертнаго источника довольства, наслаждаясь душевнымъ покоемъ.»

Или:

113. «Того только можно считать прочитавшимъ и изучившимъ все и все совершившимъ, кто, спиною повернувшись къ надеждамъ, основываетъ свое счастье на томъ, что ни на что не надѣется.»

Далѣе:

114. «Счастлива жизнь всякаго, кому не приходилось обивать пороги хоромъ богачей, кто не видалъ горя разлуки, кто никогда не произносилъ нерѣшительнаго слова.»

Вѣдь:

115. «И сто версть не великое разстояніе для того, кого толкаетъ жадность: а довольный не замѣчаетъ даже того, что папало ему въ руку.»

Поэтому слѣдуетъ всегда выбирать наилучшее рѣшеніе, соотвѣтствующее данному положенію.

116. «Что такое добродѣтель? — Состраданіе ко всѣмъ существамъ. — Что такое счастье? — Здоровье человѣка въ жизни. — Что такое любовь? — Доброе настроеніе. — Что такое мудрость? — Правильное рѣшеніе.»

И такъ:

117. «Ради рода слѣдуетъ оставить одного человѣка; ради общины слѣдуетъ покинуть родъ; ради всего народа слѣдуетъ отказаться отъ общины; ради своей души слѣдуетъ отказаться отъ всего земного.»

И еще:

118. «Какъ сравнишь, что лучше, пить-ли воду безъ всякихъ хлопотъ или сладко ѣсть, подвергаясь опасностямъ, то видишь, что счастье тамъ, гдѣ спокойствіе.»

Такъ подумалъ я и ушелъ въ безлюдный лѣсъ. И вотъ за мое возвращеніе къ праведности я былъ награжденъ вѣрною любовью этого друга, а теперь вотъ за свое постоянство въ праведности я достигъ и небеснаго счастья, которое нахожу въ васъ.

119. «На ядовитомъ деревѣ преходящей жизни есть два плода, напоминающіе напитокъ безсмертія, — это наслажденіе безсмертнымъ сокомъ поэзіи и общеніе съ добрыми людьми.»

Медлитель сказалъ: „Вы собрали слишкомъ много богатства, въ этомъ и была Ваша ошибка.

120. «Трата скопленныхъ богатствъ — вотъ настоящее ихъ сбереганіе: такъ накопившаяся въ прудѣ вода орошаетъ поля.»

И еще:

121. «Кто старается копить богатство, въ ущербъ своему благополучію, тотъ подобно человѣку, носящему тяжести для другихъ, испытываетъ только страданіе.»

И далѣе:

122. «Если мы можемъ быть богатыми, не пользуясь своимъ богатствомъ и другимъ не давая, то развѣ мы и теперъ не богаты этимъ богатствомъ?»

И еще:

123. «Такъ какъ скупой не пользуется своимъ богатствомъ, то оно одинаково принадлежитъ и другимъ: вѣдь только при потерѣ богатства по горю скупого можно узнать, что оно ему принадлежало.»

Сказано также:

124. «Даръ, сопровождаемый добрымъ словомъ; ученость безъ гордости; мужество, соединенное съ мягкостью, и богатство, соединенное со щедростью — эти четыре прекрасныя вещи трудно встрѣтить на свѣтѣ.»

И еще сказано:

125. «Нужно постоянно дѣлать запасы, но не слѣдуетъ копить безъ мѣры: вѣдь былъ же убитъ лукомъ шакаль, который увлекся запасаніемъ.»“

Золотистый спросилъ: „Какъ это такъ?“ И Медлитель сталъ разсказывать:

„Въ Кальянакатакѣ жилъ одинъ охотникъ, по имени Грозный. Однажды онъ, бродя въ поискахъ за дичью, углубился въ лѣсъ, покрывающій гору Виндхью. Тутъ онъ убилъ газель. Взявъ ее съ собою, онъ отправился дальше и увидѣлъ кабана ужасныхъ размѣровъ. Положивши на землю газель, охотникъ смертельно ранилъ кабана стрѣлою. Кабанъ съ ужаснымъ предсмертнымъ ревомъ бросился на охотника, ударилъ его въ низъ живота, и охотникъ повалился, какъ срубленное подъ корень дерево.“

126. «Вода, огонь, ядъ, кинжалъ, голодъ, болѣзнь, паденіе съ горы — мало ли причинъ, лишаящихъ человѣка жизни!»

Тѣмъ временемъ бродилъ въ тѣхъ мѣстахъ шакаль, по прозванію Долгоревъ, отыскивая добычу. Волею судьбы онъ увидѣлъ трупы газели, охотника и кабана и подумалъ: „Много пищи мнѣ досталось“:

127. «Какъ неожиданныя несчастія постигаютъ живущихъ, точно такъ же приходятъ и неожиданныя радости: здѣсь, думается, судьба играетъ главную роль.»

Какъ бы то ни было, этого мяса мнѣ хватить на пропитаніе на мѣсяцъ съ лишкомъ. А теперь для утоленія перваго голода я съѣмъ невкусную тетиву, привязанную къ концамъ лука.“ Сказано — сдѣлано. И вотъ, когда тетива была перегрызена, лукъ быстро подскочилъ, ранилъ Долгорева въ сердце, и онъ околѣлъ.

Поэтому я и говорю: «Нужно постоянно дѣлать запасы и т. д.»

Далѣе:

128. «Только то составляетъ богатство богача, что онъ даетъ другимъ и что съѣдаетъ: послѣ смерти его другіе играютъ съ его женою и распоряжаются его деньгами.»

Однако оставимъ это. Что пользы жаловаться на прошлое? Вѣдь

129. «люди умные и ученые не желаютъ недостижимаго, не позволяютъ себѣ жалѣть о погибшемъ и не теряютъ присутствія духа въ несчастіи.»

Поэтому, другъ, и тебѣ слѣдуетъ во всякомъ случаѣ быть мужественнымъ. Вѣдь

130. «и изучивши науку, можно оставаться дуракомъ; только дѣятельный человѣкъ есть истинный ученый: и хорошо подысканное лѣкарство не приноситъ больнымъ здоровья только тѣмъ, что оно названо.»

И еще:

131. «Человѣку, который боится на что-либо рѣшиться, нимало не помогаетъ даже цѣлая сокровищница знаній: слѣпому развѣ можетъ что-нибудь освѣтить свѣтильникъ, хотя бы онъ былъ у него въ рукѣ.»

Поэтому, другъ мой, слѣдуетъ быть довольнымъ при перемѣнѣ жизни и не слѣдуетъ думать такъ:

132. «Зубы, волосы, ногти и люди теряютъ всякое значеніе, если они удалены со своего мѣста; зная это, умный человѣкъ не долженъ оставлять своего мѣста.»

Это слова ничтожныхъ людей.

133. «Львы, мужественные люди и слоны легко покидаютъ свое мѣсто, а умираютъ, оставаясь на томъ же мѣстѣ вороны, ничтожные люди и газели.»

Сказано также :

134. „Для разумнаго героя не существуетъ ни отечества, ни чужбины: всякую страну, въ какую бы онъ ни пришелъ, онъ завоевываетъ мощью своихъ рукъ. Левъ, сильный своими зубами, когтями и хвостомъ, утоляетъ свою жажду кровью убитыхъ слоновъ во всякомъ лѣсу, куда бы онъ ни проникъ.»

И еще :

135. «Какъ лягушки собираются въ болото, а рыбы въ полное водою озеро, такъ сами собою сопутствуютъ бодрому человѣку удачи во всемъ.»

Далѣе :

136. «Слѣдуетъ одинаково принимать какъ пришедшее счастье, такъ и постигшее тебя несчастье: горе и радость вращаются, какъ колесо.»

И еще :

137. «Кто одаренъ бодростью и рѣшительностью, кто знаетъ, какъ нужно дѣлать дѣло, кто свободенъ отъ дурныхъ наклонностей, кто мужественъ, кто помнить добро и вѣренъ въ дружбѣ, — въ того вселяется сама Лакшмй.» *)

И вотъ что особенно важно :

138. «Мужественный и безъ денегъ достигаетъ того, что его высоко чтутъ, а безхарактернаго всѣ презираютъ, хотя бы онъ былъ весь въ золотѣ: собакѣ, хотя бы она носила браслеты и ожерелья, никогда не добыть гордой осанки льва, которому она дана отъ природы и который поддерживаетъ ее многими достоинствами своей природы.»

Затѣмъ :

139. «Ты гордъ тѣмъ, что ты богатъ. Зачѣмъ же потерявъ богатство, ты впадаешь въ уныніе? Люди падаютъ и подымаются, какъ мячъ въ рукахъ играющаго имъ.»

Послушай :

140. «Тѣнью отъ облака, любовью злодѣя, свѣжими

*) Богиня счастья.

зернами, женщинами, юностью и богатством можно пользоваться лишь короткое время.»

И далѣе:

141. «Не слѣдуетъ слишкомъ заботиться о пропитаніи, ибо оно сотворено уже создателемъ: лишь только ребенокъ появится изъ утробы матери, какъ груди ея полны молокомъ.»

И вотъ еще что выслушай, другъ мой:

142. «Кто сотворилъ лебедей бѣлыми, попугаевъ зелеными и павлиновъ пестрыми, тотъ создастъ и пищу для меня.» *)

Послушай дальше тайну добрыхъ:

143. «Богатство приноситъ страданіе, когда его приобретаешь, горе, когда его теряешь; оно ослѣпляетъ даже въ счастіи, — какъ же можно признать, будто богатство приноситъ счастье?»
144. «Лучше вовсе не желать богатства, чѣмъ стремиться къ нему хотя бы съ благочестивыми намѣреніями: гораздо лучше вовсе не касаться грязи, чѣмъ быть вынужденнымъ смыть ее.»
145. «Какъ животныхъ поѣдаютъ въ воздухѣ хищныя птицы, на сушѣ звѣри, а въ водѣ — рыбы, такъ точно богатый всюду является желанной добычей.»
146. «Богатымъ постоянно грозитъ опасность и отъ царя, и отъ воды, и отъ воровъ, и даже отъ близкихъ такъ же, какъ смерть грозитъ всѣмъ животнымъ.»
147. «Можно-ли въ жизни, полной страданій, найти большее несчастье, чѣмъ удовлетворяемое и въ то же время непрекращающееся желаніе?»
148. «Трудно уже и добыть богатство, а когда его добудешь, не легко его сохранить, потеря богатства — тяжка, какъ смерть: поэтому не стоитъ о немъ и хлопотать.»
149. «Если бы не существовало жадности, то не было бы ни угнетенныхъ, ни владыкъ; лишь царящая въ мірѣ жадность создаетъ рабство.»
150. «Удовлетвореніе какого бы то ни было желанія ведетъ только къ новымъ желаніямъ; а дѣйстви-

*) Вар. „для тебя“.

тельнымъ удовлетвореніемъ можетъ считаться только то, которое уничтожаетъ желаніе.»

Да и къ чему тратить много словъ? Если вы любите меня, оставайтесь здѣсь вмѣстѣ со мною. Вѣдь

151. «любовь благородныхъ до могилы, ихъ злоба на одну минуту, ихъ щедрость безъ корысти.»“

Услышавши это, Легколетъ сказалъ: „Счастливъ ты, другъ! Ты одаренъ всяческими добродѣтелями, нужными тому, къ кому обращаются другіе.

152. «Только добрые постоянно помогаютъ добрымъ переносить несчастія: когда слонъ завязнетъ въ трясинѣ, то только слоны могутъ его вытащить.»

153. «Тотъ только достоинъ славы и можетъ считаться первымъ среди добрыхъ людей на землѣ, кто не обманываетъ надеждъ приходящихъ къ нему бѣдняковъ или ищущихъ убѣжища и не гонитъ ихъ прочь, не оказавши помощи.»“

Такъ стали они жить въ довольствѣ и счастья, добывая себѣ пищу и бродя, гдѣ вздумается.

Однажды прибѣжала къ нимъ газель по имени Пестроножка: ее кто-то спугнулъ. Думая, что за нею приближается опасность, Медлитель вошелъ въ воду, мышъ спряталась въ норку, а воронъ Легколетъ взлетѣлъ и сѣлъ на вершину дерева. Онъ далеко осмотрѣлъ окрестность и не замѣтилъ ничего опаснаго. Тогда по его зову всѣ снова сошлись и Медлитель сказалъ: „Добро пожаловать, газель! Пищи здѣсь сколько угодно: бери и ѣшь. Оставайся здѣсь, распоряжайся, какъ угодно, этимъ лѣсомъ.“ Пестроножка отвѣчала: „Я испугалась охотника и прибѣжала подъ вашу защиту. Я ищу дружбы съ вами.“ Золотистый сказалъ: „Дружбу съ нами ты можешь получить сейчасъ же безъ труда:

154. «Извѣстно четыре вида друзей: кровные родственники, свойственники, унаслѣдованные въ родѣ и спасенные отъ несчастій.»

Поэтому живи здѣсь, какъ у себя дома.“ Услышавши это, газель, съ радостью въ волю наѣвшись и напившись воды, легла въ тѣни дерева на берегу. Медлитель сказалъ: „Другъ мой, газель, кто тебя напугалъ въ этомъ безлюдномъ лѣсу? Развѣ заходятъ сюда когда-нибудь охотники?“ Газель отвѣчала: „Царь страны Калѣнговъ, по имени Рукмангада

идеть покорять другую страну и остановился лагеремъ на берегу рѣки Чандрабхаги, а утромъ онъ подойдетъ сюда и будетъ уже около озера Карпурагаура. Такія свѣдѣнія я слышала изъ устъ охотниковъ. Стало быть утромъ и здѣсь не безопасно будетъ оставаться, и въ виду этого надо сообразить, что дѣлать.“ Черепаха струхнула и сказала: „Я пойду на другой прудъ.“ Воронъ и газель согласились: „Да, это дѣло.“ А Золотистый подумалъ и сказалъ: „Когда Медлитель снова дойдетъ до воды, то онъ въ безопасности; а что ему дѣлать, пока онъ идетъ по сушѣ? Вѣдь

155. «Водянымъ животнымъ даетъ защиту вода, крѣпость защищаетъ живущихъ въ ней, дикіе звѣри сильны своей землей, а царь силенъ своимъ войскомъ.»

Да, другъ мой, Легколетъ, если послѣдовать этому со-
вѣту, то

156. «и съ тобою будетъ то же, что случилось съ купеческимъ сыномъ, который жестоко страдалъ, видя своими глазами, какъ другой обнимаетъ его жену.»“

Тѣ спросили: „Какъ это такъ?“ и Золотистый сталъ рассказывать.

„Въ странѣ Каньякѹбджа жилъ царь, по имени Вира-
сѣна. Въ городѣ Вирапурѣ онъ назначилъ намѣстникомъ одного раджпута, по имени Тунгабала. Молодой и богатый, бродя какъ-то по своему городу, онъ увидѣлъ красивую, молодую жену одного купческаго сына; ее звали Лаваньяваті. Возвратившись во дворецъ, терзаемый любовными мыслями, онъ послалъ къ ней сводню. Да и сама Лаваньяваті съ той минуты, какъ увидѣла его, была поражена въ сердце стрѣлою бога любви и только о немъ и думала. Вѣдь извѣстно, что

157. «нѣтъ никого, кого бы женщины не любили, и нѣтъ никого, кого бы онѣ любили: онѣ подобны коровамъ, которыя ищутъ въ лѣсу все новой и новой травы.»

Услышавши предложеніе сводни, Лаваньяваті сказала: „Я вѣрна своему мужу. Вѣдь

158. «только ту можно назвать женою, которая искусно управляетъ хозяйствомъ въ домѣ, кото-
рая имѣетъ дѣтей, которая живетъ своимъ му-
жемъ и которая мужу вѣрна.»

159. «Не достойна имени жены та, которая не радуется мужа: ведь кто же ее защищает, как не мужъ, котораго жена получаетъ передъ лицомъ священнаго огня.»

Поэтому я безъ разсужденій дѣлаю все то, что мнѣ приказываетъ владыка моей жизни.“ Сводня спросила: „Правда это?“ Лаваньяваті отвѣчала: „Конечно, правда.“ Сводня вернулась обратно и рассказала Тунгабалѣ все это. „Что же дѣлать?“ — сказалъ Тунгабала. — „Надо устроить такъ, чтобы мужъ самъ привелъ и передалъ ее.“ — „Но какъ же это возможно?“ — Нужно придумать какую-нибудь хитрость: — сказала сводня: ведь извѣстно, что

160. «хитростью возможно достигъ того, чего не сдѣлать силою: шакаль убилъ слона только тѣмъ, что пошелъ по топкой дорогѣ.»“

„Какъ это такъ?“ — спросилъ раджпуть, и сводня стала разсказывать:

Въ лѣсу Брахмы жилъ слонъ по имени Карпуратілака. Смотри на него, всѣ шакалы думали: „Если бы его какою-нибудь хитростью умертвить, то его тушей мы вволю могли бы питаться цѣлыхъ четыре мѣсяца.“ Тутъ одинъ шакаль пообѣщаль, что онъ придумаетъ, какъ умертвить слона. Хитрецъ сейчасъ же отправился къ Карпуратілакѣ, поклонился ему до земли и сказалъ: „Ваше величество! Взгляните милостиво на меня!“ — „Кто ты? — спросилъ слонъ — и откуда ты пришелъ?“ — Тотъ отвѣчалъ: „Я — шакаль. Всѣ жители лѣса собрались на сходъ и послали меня сказать, что такъ какъ безъ царя невозможно существовать, то они для помазанія на царство въ здѣшнемъ лѣсу избрали Вашу милость, потому что Вы одарены всѣми достоинствами государя.

161. «Кто происходитъ изъ знатнаго рода и строго соблюдаетъ народные обычаи, кто полонъ величія, кто справедливъ и опытенъ въ политикѣ, тому подобаешь быть государемъ на землѣ.»

И далѣе:

162. «Сначала слѣдуетъ найти себѣ царя, а потомъ уже жену и богатство: ведь если нѣтъ царя на свѣтѣ, то откуда взять жену, откуда взять богатство?»

И еще:

163. «Царь, какъ дождь, надежда живущихъ: когда дождь плохъ, еще можно жить, но нѣтъ жизни при плохомъ царѣ.»

Наконецъ :

164. «Въ нашемъ мѣрѣ, въ которомъ все дѣлается по принужденію, трудно найти истинно хорошаго человѣка, такъ какъ обыкновенно только наказаніе сдерживаетъ cadaго въ опредѣленныхъ границахъ: только боясь наказанія, родовитая женщина соглашается идти замужъ даже за худого или безобразнаго, за больного или за бѣдняка.»

И такъ, чтобы не пропустить удобнаго случая, согласитесь на это предложеніе и поскорѣ приходите.“ Такъ сказавши, шакаль всталъ и пошелъ. А Карпуратѣлака, привлекаемый желаніемъ царствовать, побѣждалъ слѣдомъ за шакаломъ и завязъ въ большомъ болотѣ. „Другъ мой шакаль, — сказалъ слонъ — что теперь дѣлать? Я попалъ въ болото.“ А шакаль, смѣясь, отвѣчалъ: Ухватитесь, Ваше Величество, хоботомъ за мой хвостъ и подымайтесь, если ужъ Вы повѣрили моимъ словамъ. Вѣдь сказано:

165. «Если будешь наслаждаться общеніемъ съ добрыми, то будешь преуспѣвать; а если попадешь въ общество злыхъ, то погибнешь.»“

Поэтому я и говорю: «хитростью возможно достичь и т. д.»

Тогда по совѣту сводни раджпутъ сдѣлалъ купеческаго сына, котораго звали Чарудатта, своимъ слугою, и сталъ до вѣрять ему свои интимныя дѣла. Однажды раджпутъ совершилъ купанье, умастился мазями, надѣлъ на себя украшенія изъ золота и драгоцѣнныхъ камней и сказалъ Чарудаттѣ: „Въ теченіе цѣлаго мѣсяца мнѣ нужно выполнять обѣтъ въ честь богини Гаурі. Поэтому начиная съ сегодняшняго дня каждую ночь приводи ко мнѣ молодую женщину благороднаго происхожденія: я долженъ оказать ей должный почетъ.“ Чарудатта привелъ требуемую молодую женщину, а самъ тайкомъ сталъ подсматривать, что онъ будетъ съ нею дѣлать. Тунгабала, не прикасаясь даже къ женщинѣ, одарилъ ее одеждой и украшеніями, далъ ей проводника и тотчасъ отпустилъ обратно. Тогда купеческій сынъ, омраченный жадностью, видя это и не подозрѣвая ничего дурного, при-

вель въ слѣдующій разъ свою жену. А раджпутъ, узнавши дорогую его сердцу Лаваньявати, порывисто вскочилъ, горячо обнялъ ее и, закрывши глаза отъ прилива сладострастья, опустился вмѣстѣ съ нею на диванъ. Остолбенѣлъ, видя это, купеческій сынъ, не зная, что тутъ дѣлать, и почувствовалъ себя глубоко несчастнымъ. Поэтому я и говорю: «и съ тобою будетъ то же, что съ купеческимъ сыномъ и т. д.»

Не обращая вниманія на это благоразумное замѣчаніе, Медлитель какъ будто обезумѣлъ отъ сильнаго страха и отправился прочь отъ своего озера. Золотистый и всѣ остальные пошли за нимъ слѣдомъ. По дорогѣ Медлителя поймалъ одинъ охотникъ, бродившій по лѣсу. Онъ поднялъ черепаху, привязалъ ее къ луку и, утомленный ходьбою, томимый голодомъ и жаждою, направился домой. Тогда газель, воронъ и мышь, удрученные глубокимъ горемъ, пошли слѣдомъ за нимъ. Золотистый сталъ жаловаться:

166. «Не успѣлъ я переправиться черезъ пучину одного несчастья, какъ второе постигло меня: въ печальномъ положеніи несчастья множатся сами собою.»

167. «Но истинный другъ, котораго намъ посылаетъ судьба, не оставляетъ даже въ несчастіи своей неподдѣльной дружбы.»

168. «Ни на мать, ни на жену, ни на брата, ни даже на самого себя не можетъ человѣкъ такъ увѣренно положиться, какъ на истиннаго друга.»“

Снова задумался Золотистый и продолжалъ: „Ахъ, злая судьба моя!

169. «Радость и горе, послѣдствія цѣпи нашихъ поступковъ, быстро смѣняють другъ друга; здѣсь видѣлъ я такія переменныя положенія, которыя прямо похожи на перерожденія.»“

Иначе сказать:

170. «Тѣлу грозитъ разрушеніе, счастье ведетъ къ несчастію, свиданіе — къ разлукѣ: все возникающее погибаетъ.»

Охъ-охо!

171. «Кто сотворилъ этотъ перлъ, называемый однимъ слогомъ „другъ“, который защищаетъ насъ отъ

горя и несчастія и заключаетъ въ себѣ источникъ любви и довѣрія?»

Далѣе:

172. «Такого друга, который, будучи источникомъ любви, радостью для взора и сосудомъ благоразумія, не покидалъ-бы друга ни въ счастіи, ни въ несчастіи, — такого друга трудно найти; а другіе друзья, которые полны жадности къ деньгамъ, тѣ собираются отовсюду во время благополучія; несчастье — вотъ пробный камень ихъ доброкачественности.»

Такъ жаловался Золотистый на судьбу. Потомъ онъ обратился къ Пестроножкѣ и Легколету: „Намъ нужно постараться освободить Медлителя, пока охотникъ не вышелъ изъ лѣсу.“ Тѣ отвѣчали: „Скажи только поскорѣе, что нужно сдѣлать для этого.“ Золотистый сказалъ: „Пестроножка пусть, подойдя къ водѣ, ляжетъ неподвижно, изображая изъ себя трупъ, а воронъ пусть сядетъ сверху и клювомъ своимъ слегка клюетъ. Когда охотникъ, стараясь добыть мяса газели, броситъ черепаху и бросится туда, тогда я разгрызу то, чѣмъ привязанъ Медлитель.“ Пестроножка и Легколетъ быстро отправились впередъ и сдѣлали, какъ было сказано. Охотникъ, утомленный, напившись воды и усѣвшись на берегу, замѣтилъ газель и, взявши ножикъ, съ радостью побѣждалъ къ ней. Тѣмъ временемъ Золотистый разгрызъ то, чѣмъ была привязана черепаха, и она успѣшно ушла въ воду. А газель, замѣтивъ, что охотникъ уже близко, вскочила и побѣжала. Возвратившись на свое мѣсто, охотникъ не нашелъ черепахи и подумалъ: „По дѣломъ это мнѣ! Не слѣдовало поступать неосмотрительно:

173. «Кто, бросивши вѣрное, погонится за ненадежнымъ, тотъ теряетъ вѣрное; а ненадежное и безъ того пропало.»

Такъ, по волѣ судьбы потерявши всякую надежду на добычу, охотникъ опустилсѣ на свою цыновку. А Медлитель и всѣ остальные, освободившись отъ бѣды, возвратились домой и стали жить благополучно.

Услышавши это, царевичи съ радостью воскликнули: „Если всѣ они стали жить благополучно, то наше желаніе исполнилось!“ Вишнушърманъ сказалъ на это: „Это ваше желаніе исполнилось. Такъ пусть же исполнится и слѣдующее:

174. «Пріобрѣтайте себѣ благородныхъ друзей! Пусть богиня счастья живетъ въ народѣ! Пусть постоянно управляютъ страной цари, твердые въ справедливости! Пусть добродѣтельное поведение будетъ дорого вашему сердцу, какъ молодая жена! Пусть Господь, на головѣ котораго блеститъ полумѣсяцъ,*) даруетъ благо народу!»

*) Шива.

Книга вторая.

Ссора друзей.

Тогда царевичи сказали: „Почтенный учитель! Вотъ мы выслушали разсказъ о приобрѣтеніи друзей; теперь намъ хочется послушать о ссорѣ друзей.“ Вишнушарманъ сказалъ: „Послушайте и про ссору друзей. Вотъ начальная строфа этого разсказа:

1. «Въ большой и постоянно растущей дружбѣ жили въ лѣсу царь звѣрей и быкъ; а коварный и жадный шакаль погубилъ эту дружбу.»“

Царевичи спросили: „Какъ это?“ И Вишнушарманъ сталъ разсказывать.

Въ Деканѣ есть городъ Суварна. Въ немъ проживалъ купецъ, по имени Вардхамана. Хотя его состояніе было и безъ того велико, однако, видя, что другіе его родственники еще богаче, онъ подумалъ, что и ему слѣдуетъ еще увеличить свое богатство. Въдъ

2. «если смотришь внизъ, невольно является представленіе о собственномъ величій; а всѣ смотрящіе постоянно вверхъ считаютъ себя нищими.»

И еще:

3. «Даже убійца брахмана пользуется почетомъ, если у него есть большое богатство, а неимущаго человека презираютъ, хотя бы онъ былъ родомъ знаменитъ, какъ луна.»

Далѣе:

4. «Какъ женщина не склонна обнимать старика мужа, такъ богиня счастья не любитъ человека непредпріимчиваго, вялаго, вполнѣ отдавашагося судьбѣ и лишеннаго отваги.»

Вѣдь

5. «вьялость, любовь къ женщинѣ, болѣзненность, привязанность къ родинѣ, довольство и трусость — вотъ шесть препятствій къ достиженію высокаго положенія.» —
6. «Если даже небольшое счастье заставляетъ человѣка считать себя счастливымъ, то счастье такого человѣка, конечно, не увеличится оттого, что онъ будетъ исполнять свой долгъ.»
7. «Пусть ни одна женщина не рождаетъ такого сына, который былъ бы вяль, скученъ и безсиленъ: такой человѣкъ радуется только враговъ.»

Сказано также:

8. «Пусть человѣкъ стремится къ тому, чего онъ еще не имѣетъ; добытое онъ долженъ старательно охранять и постоянно увеличивать; увеличенное онъ долженъ жертвовать по святымъ мѣстамъ.»

Вѣдь если человѣкъ не стремится къ тому, чего онъ еще не имѣетъ, то, не прилагая усилій, онъ и не добываетъ ничего. Но и добытое само гибнетъ, если его не охранять. Точно также и не увеличиваемое богатство со временемъ даже при малой тратѣ истощается, какъ выходитъ глазная мазь. Наконецъ, если богатствомъ не пользуются, то оно ни къ чему. Сказано также:

9. «Что толку въ богатствѣ, которое хозяинъ ни самъ не тратитъ, ни другимъ не даетъ? Что толку въ силѣ, когда ею не тѣснишь врага? Что толку въ наукѣ, если человѣкъ отъ нея не становится добродѣтельнѣе? Что толку въ духѣ, если онъ не обуздываетъ наши чувства?»

И еще:

10. «Видя, какъ тратится глазная мазь и какъ вырастаетъ муравейникъ, не пропускай попусту дня, а совершай подаваніе и изучай писаніе.»

Вѣдь

11. «Капли воды, падая одна за другою, наполняютъ сосудъ: такъ же точно понемногу пріобрѣтается всякое знаніе, добродѣтель и богатство.»

Принимая все это въ соображеніе, купецъ запретъ пару быковъ, Веселаго и Живучаго, наполнилъ повозку всякаго рода товаромъ и отправился въ Кашмиръ торговать.

12. «Какая ноша слишкомъ тяжела для сильныхъ? Какое разстояніе слишкомъ велико для предприимчивыхъ? Гдѣ чужая сторона для ученыхъ? Кто чужой для привѣтливыхъ?»

И вотъ, когда онъ проѣзжалъ черезъ большой лѣсъ, называемый Непроходимымъ, Живучій сломалъ себѣ ногу и упалъ. Увидѣвъ это, Вардхамана подумалъ:

13. «Что бы ни предпринималъ человѣкъ, даже хорошо знающій науку жизни, все же плодомъ его предпріятія будетъ то, что рѣшила судьба.»

Однако:

14. «Смушеніе — всякому дѣлу помѣха, смущаться не слѣдуетъ ни въ коемъ случаѣ; только преодолѣвъ смущеніе, можно достигнуть успѣха въ предпріятіи.»⁴

Такъ подумалъ Вардхамана и, бросивши Живучаго, продолжалъ путь. А Живучій, опираясь на три ноги, поднялся.

15. «Въ предѣлахъ данной тебѣ жизни и въ морѣ не потонешь, и съ горы упадешь — не разобьешься, и отъ змѣйнаго укуса не умрешь.»

Проходили дни, и Живучій бродилъ по лѣсу, кормился и отдыхалъ, когда хотѣлъ, оправился, отѣлся и сталъ настолько силенъ, что началъ громко мычать. Въ томъ же лѣсу жилъ левъ, по имени Рыжій; онъ собственною силою приобрѣлъ тамъ царскую власть и благополучно правилъ. Извѣстно, что

16. «ни помазанія, ни другихъ обрядовъ не совершаютъ звѣри надо львомъ: власть надъ звѣрями и безъ того принадлежитъ ему, такъ какъ онъ добылъ ее силою.»

Однажды левъ томимый жаждою, спустился къ берегу Ямуны*) напиться воды и тутъ услышалъ неслыханный до того ревъ Живучаго, подобный грому грозной тучи, несущей ненастье. Услышавши его, левъ со страху и воды не напился, вернулся домой и притихъ раздумывая про себя о томъ, что бы это могло быть. Въ такомъ смущеніи увидѣли его два шакала, сыновья его совѣтника, Каратака и Даманака, и Даманака сказалъ Каратакѣ: „Другъ Каратака, что это нашъ повелитель вернулся съ водопоя, не пивши воды, и

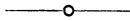
*) Совр. Джумна.

Der slavische Josephusbericht

über die

urchristliche Geschichte

nebst seinen Parallelen kritisch untersucht.

Von

Mag. theol. Johannes Frey,

Privatdozent an der Universität Dorpat.

Inhalt.

	Seite.
Der Text des slavisehen Josephusberichtes übersetzt	1
Die bisherige Beurteilung des Josephusberichtes und die Aufgabe der Untersuchung	9
Die Stellung der „Zusätze“ im Text des Bellum judaicum	17
Die Täuferstücke	26
Die Zeit des Täufers	26
Die Gestalt des Täufers	29
Die Wirksamkeit des Täufers	33
Der Erfolg des Täufers	39
Das Verhör vor Archelaus	41
Der Essäer Simon	48
Das „Geheimnis“ in der Predigt des Täufers	51
Der Täufer im Ostjordanland	54
Der Wert des Berichtes über den Täufer	56
Der Traum des Philippus	57
Die Ehe des Herodes	63
Das Verhalten des Herodes gegen den Täufer	68
Die Quellen der verschiedenen Berichte über das Ende des Täufers	73
Die Entstehung und der historische Wert der verschiedenen Berichte über das Ende des Täufers	78
Die Zeugnisse von Christo	82
Das Verhältnis der Christusstücke zu den Täuferstücken	82
Das „Christuszeugnis“ im slavischen Text und sein Verhältnis zum „Christuszeugnis“ im Antiquitätentext	84
Die Person Jesu	94
Die Wirksamkeit Jesu	99
Der Charakter des Berichtes über die Geschichte Jesu	103
Der Ort der Wirksamkeit Jesu	107
Die Zahl der Jünger Jesu	111
Der Prozess Jesu. Der Bericht über die Anklage in seinem Verhältnis zu den Evangelien	113
Die Quellen und der historische Wert des Berichtes über die Anklage	118
Der Bericht über die Verhandlungen vor Pilatus in seinem Verhältnis zu den Evangelien	123

IV

	Seite.
Fortsetzung: Die „Entlastung“ des Pilatus	126
Fortsetzung: Der Freispruch und der zweite Prozess	129
Vergleich des Josephusberichtes mit den Acta Pilati	139
Die Quellen und der historische Wert des Prozessberichtes	145
Fortsetzung: Der zweite Prozess und die Bestechung des Pilatus	151
Die Inschrift im Tempel	160
Der zerrissene Vorhang	170
Das leere Grab	184
Der Josephusbericht im Vergleich mit dem Petrusevangelium	196
Die Berührungen zwischen dem Josephusbericht und dem Petrusevangelium	199
Die Quelle der Erzählung von der Grabeswache	206
Der Weltherrscher aus jüdischem Lande	217
Das Apostelstück	223
Das Verhältnis des Berichts zur kanonischen Apostelgeschichte	223
Liegt eine Benutzung der Akten vor?	225
Die Quellen des Berichts	229
Der Charakter des Berichts	241
Der Wert des Berichts	247
Schluss. Der Verfasser und die Zeit seines Werkes	254
Nachträge und Berichtigungen	261
Zu I, 5 (S. 1 und 39): der Ort der Täuferwirksamkeit	261
Zu I, 6 (S. 2 und 33)	262
Zu I, 9 (S. 2 und 44): Verhör vor Archelaus	262
Zu I, 10 (S. 2 und 46): „	263
Zu I, 12 (S. 2): „	263
Zu III, 1 (S. 63 ff. und 76 f.): Ehe des Herodes	264
Zu III, 10 (S. 3 und Anm. 2)	264
Zu V, 4 (S. 6)	265
Zu V, 8 (S. 6, Anm. 1 und S. 230)	265
Zu VI, (S. 7 und 169): Inschrift im Tempel	266
Zu VII, 2 (S. 7 und 179 ff.): „Wohltäter“	266
Zu VII, 2 (S. 126 und 179): „	268
Zu VII, 3 (S. 7 und 183)	268
Stellenregister	270
Sach- und Namenregister	273

Der Text des slavischen Josephusberichtes über die evangelische Geschichte übersetzt.

Nachstehend ist der Text des Josephusberichtes nach der Übersetzung von Berendts ¹⁾ geboten. Abweichungen von dieser sind durch das Zeichen [] kenntlich gemacht.

I.

Dieser Abschnitt ist hinter Bell. jud. II, 7, 2 eingeschoben.
Übersetzt nach Cod. Mosqu. Acad. 651 (227) f. 36 r. bis 37 r.

1. Damals aber wandelte ein Mann unter den Juden in absonderlichen Gewändern, indem er Rindsfelle an seinen Körper angelegt (eig.: angeklebt) hatte, überall da, wo (der Körper) nicht von seinem (eigenen) Haar bedeckt war. 2. Aber dem Gesicht nach war er gleich wie ein Wilder.

3. Der kam zu den Juden und rief sie zur Freiheit auf, sagend: „Gott hat mich gesandt, dass ich euch zeige den Weg des Gesetzes, auf dem ihr euch befreien werdet von vielen Gewalthabern. 4. Und es wird nicht über euch herrschend sein ein Sterblicher, nur der Höchste, der mich gesandt hat.“ 5. Und da dieses das Volk gehört hatte, war es froh; und es ging ihm nach ganz Judäa, das im Umkreise von Jerusalem liegt.

6. Und nichts anderes tat er ihnen, als dass er sie in die Flut des Jordan eintauchte und (dann) entliess, sie anweisend, sie möchten ablassen von bösen Werken, und (verheissend),

¹⁾ Die Zeugnisse vom Christentum im slavischen „De bello judaico“ des Josephus. Texte und Untersuchungen. N. F. XIV, 4. 1906.

es werde ihnen (dann) gegeben werden ein Kaiser ([Herrscher]), der sie befreien und alles Unbotmässige ihnen unterwerfen, selbst aber niemand unterworfen sein würde, von dem wir sprechen (?).

7. Die einen lästerten, die anderen aber gewannen Glauben.

8. Und da er zu Archelaus geführt worden war und sich versammelt hatten die Gesetzeskundigen, fragten sie ihn, wer er sei und wo er bisher gewesen sei. 9. Und dieses antwortete er und sprach: „Rein bin ich, [denn] mich hat eingeführt Gottes Geist, und [ich nähere mich] von Rohr und Wurzeln und Holzspänen.“ 10. Als jene sich aber auf ihn warfen, um (ihn) zu martern, ob er nicht ablassen werde von jenen Worten und Taten, da sprach er aber: „Euch geziemt es abzulassen von euren abscheulichen Werken und sich anzuschliessen dem Herrn eurem Gott.“

11. Und es erhob sich mit Wut Simon, der Herkunft nach ein Essäer, ein Schriftgelehrter, und dieser sprach: „Wir lesen an jedem Tage die göttlichen Bücher. 12. Aber du, jetzt aus dem Walde gekommen wie ein Tier, so wagst du es wohl uns zu lehren und die Völker zu verführen mit deinen ruchlosen Reden.“ 13. Und er stürmte vor, um seinen Leib zu miss-handeln. 14. Er aber, sie strafend, sprach: „Nicht werde ich euch enthüllen das in euch wohnende Geheimnis, da ihr es nicht enthüllen habt. 15. Damit ist über euch gekommen ein unsagbares Unglück und um euretwillen.“

16. Und nachdem er so gesprochen, so ging er fort auf die andere Seite des Jordan und, indem niemand wagte ihn zu schelten, tat jener, was auch früher (er getan hatte).

II.

Dieser Abschnitt ist hinter Bell. jud. II, 9, 1 eingeschoben.
Übersetzt nach Cod. Mosqu. Acad. 651 f. 44 und nach Cod. Cyr. Bjel. 64/1303.

1. Als Philippus im Besitz seiner Gewalt war, sah er einen Traum, wie ein Adler ihm beide Augen ausriss. 2. Und er berief alle seine Weisen. 3. Da aber jeder anders den Traum deutete, kam jener Mann, von dem wir früher geschrieben haben, dass er in Tierfellen einherging und in den Fluten des Jordan das Volk reinigte, zu ihm plötzlich ungerufen. 4. Und er sprach: „Höre das Wort des Herrn, den Traum, den (Cyr.: was) du gesehen hast. 5. Der Adler — das ist deine Bestechlichkeit, weil (Acad.: + ja) jener Vogel gewalttätig und räube-

risch ist. 6. Und jene Sünde wird hinwegnehmen deine Augen, welches sind deine Gewalt und dein Weib.“ 7. Und da er also gesprochen, verstarb vor Abend Philippus und seine Gewalt ward dem Agrippa gegeben.

III.

In Cod. Mosqu. Acad. 651 f. 44 v. — 45 r. unmittelbar auf das Vorhergehende folgend.

1. Und sein Weib Herodias nahm Herodes, sein Bruder. 2. Um ihretwillen aber verabscheuten ihn alle Gesetzeskundigen, wagten aber nicht, vor seinen Augen ihn zu bezichtigen

3. Nur aber jener Mann, welchen man einen Wilden nannte, kam zu ihm mit Wut und sprach ¹⁾: „Weshalb hast du des Bruders Weib genommen? 4. Weil dein Bruder gestorben ist erbarungslosen Todes, so wirst auch du dahingemäht werden von der himmlischen Sichel. 5. Nicht verstummen wird Gottes Ratschluss, sondern wird dich umbringen durch böse Trübsal in fremden Landen. 6. Denn nicht Samen erweckst du deinem Bruder, sondern befriedigst dein fleischliches Gelüste und treibst Ehebruch, da vier Kinder von ihm vorhanden sind.“

7. Da Herodes aber (das) gehört, ward er zornig und befahl, dass man ihn schlage und fortjage. 8. Er aber bezichtigte den Herodes unaufhörlich, wo er ihn fand, und so lange, bis er ihm Gewalt antat und ihn niederzuhauen befahl.

9. Es war aber sein Charakter absonderlich und seine Lebensweise nicht menschlich; als wie nämlich ein fleischloser Geist, also verharrte auch dieser. 10. Seine Lippen kannten kein Brot, nicht einmal zu Ostern genoss er ungesäuerten Brotes, sagend: dass zum Gedächtnis an Gott, der das Volk von der Knechtschaft befreit habe, (solches Brot) zum Essen gegeben ist, zum Trost ²⁾, da der Weg trübselig war. 11. Wein aber und Rauschtrank liess er sich nicht einmal nahekomen. 12. Und jedes Tier verabscheute er (als Speise), und jegliches Unrecht strafte er und zum Gebrauch dienten ihm Holzspäne.

1) Die Worte: „einen Wilden, kam . . . sprach“ werden im Cod. Mosqu. unter dem Text nachgetragen.

2) Berendts: „Eigentlich steht utečenije, was keinen Sinn zu geben scheint; man darf vielleicht statt dessen conjicieren: utješenie = Trost.“

IV.

Dieser Abschnitt ist hinter Bell. jud. II, 9, 3 eingeschoben.
Übersetzt nach Cod. Mosqu. Acad. 651 f. 47 v. Cod. Synod.
770 f. 70 v. sq.

1. Damals (Acad.: + auch) trat ein [Mann] auf, wenn es auch geziemend ist, ihn einen Menschen ([Mann]) zu nennen. 2. (Acad. + Sowohl) seine Natur wie seine Gestalt waren menschlich, seine Erscheinung aber war mehr als menschlich. 3. Seine Werke jedoch (?[nämlich]?) waren göttlich, und er wirkte Wundertaten, erstaunliche und kräftige. 4. Deshalb ist es mir nicht möglich, ihn einen Menschen zu nennen. 5. Wiederum aber auf das allgemeine Wesen sehend, werde ich (ihn) auch nicht einen Engel nennen.

6. Und alles, was er wirkte durch irgend eine unsichtbare Kraft, wirkte er (nur) durch Wort und Befehl. 7. Die einen sagten von ihm, dass unser erster (Acad.: der erste) Gesetzgeber auferstanden sei von den Toten und vielen Heilungen und Künste darweise. 8. Die andern aber meinten, dass er von Gott gesandt sei.

9. Aber er widersetzte sich in vielem dem Gesetz und hielt den Sabbat nicht nach väterlichem Brauch. 10. Doch wiederum verübte er nichts Schändliches noch Verbrechen, sondern nur durch Wort bewirkte er alles.

11. Und viele aus dem Volke (Syn.: den Völkern) folgten ihm nach und nahmen seine Lehren auf. 12. Und viele Seelen wurden wankend, meinend, dass sich dadurch befreien würden die jüdischen Stämme aus den römischen Händen.

13. Es war aber für ihn Gewohnheit, vor der Stadt auf dem Ölberge sich mehr aufzuhalten. 14. Dort aber auch gewährte er die Heilungen den Leuten. 15. Und es versammelten sich zu ihm von Knechten 150, aber vom Volk eine Menge.

16. Da sie aber sahen seine Macht, dass er alles, was er wolle, ausführe durchs Wort, so befahlen sie ihm ([drangen sie in ihn]), dass er einziehe in die Stadt und die römischen Krieger (Acad.: alles Römische) und den Pilatus niederhaue und über uns (Acad.: sie) herrsche. 17. Aber jener verschmähte es.

18. Und hernach, als Kunde geworden war davon den jüdischen Führern, so versammelten sie sich mit dem Hohepriester und sprachen: „Wir sind machtlos und schwach, den

Römern zu widerstehen. 19. Da aber auch der Bogen gespannt ist, so wollen wir hingehen und dem Pilatus mitteilen, was (Acad.: wovon) wir gehört haben, und wir werden ohne Betrübnis sein, damit nicht, wenn er von anderen es hört, wir (Acad.: + sowohl) des Vermögens beraubt und (Acad.: als auch) selbst niedergemacht und die Kinder zerstreut werden.“

20. Und sie gingen hin und teilten es dem Pilatus mit.

21. Und dieser sandte hin und liess viele aus dem Volke (Syn.: den Völkern) niederhauen. 22. Und jenen Wundertäter liess er herbeiführen; und da er in Betreff seiner ein Verhör angestellt, so sah er ein, dass er ein Wohltäter sei, aber nicht ein Übeltäter (Acad.: + sei), noch ein Aufrührer, noch ein nach der Herrschaft Strebender, und liess ihn frei. 23. Er hatte nämlich sein sterbendes (Acad.: das sterbende) Weib geheilt.

24. Und er ging an seinen gewohnten Platz und tat die gewohnten Werke. 25. Und da wiederum mehr Volk sich um ihn versammelte, da verherrlichte er (Acad.: + sich) durch sein Wirken mehr als alle.

26. Von Neid wurden die Gesetzeslehrer vergiftet und gaben dreissig Talente dem Pilatus, damit er ihn töte. 27. Und der, nachdem er (das Geld) genommen, liess ihnen den Willen, damit sie selbst ihr Vorhaben ausführen sollten.

28. Und jene nahmen ihn und kreuzigten ihn [durch] das väterliche Gesetz (? [wegen des väterlichen Gesetzes]?).

V.

Dieser Abschnitt ist Bell. jud. II, 11, 6 hinter der Bemerkung über den Tod des Agrippa eingeschoben. Übersetzt nach Cod. Mosqu. Acad. 651 f. 51 v. und Cod. misc. Mosqu. Archiv. 658 (279).

1. Wiederum sandte (Arch.: + zu ihnen) Claudius seine Gewalthaber jenen Staaten: den Cuspius Fadus und den Tiberius Alexander ¹⁾, welche beiden das Volk in Frieden bewahrten, indem sie nicht gestatteten, sich in etwas von den reinen Gesetzen zu entfernen.

2. Wenn aber (Arch.: + auch) jemand vom Worte des Gesetzes abwich, so ward es geklagt (Arch.: und es geklagt

1) Acad. liest hier: Cuspius Fadus und Tiberius und Alexander, Arch. dagegen: Cuspius Fadus Tiberius Alexander.

ward) den ([von den]?) Gesetzeslehrern. 3. Um so häufiger verjagten sie ihn (Arch.: + auch) und sandten ihn vor das Angesicht des Kaisers. 4. (Arch.: Und) da sich zur Zeit jener beiden viele herausgestellt hatten als Knechte des vorherbeschriebenen Wundertäters und da sie zu den Leuten sprachen von ihrem Lehrer, dass er lebendig sei, da (d. h. obgleich) er (Arch.: + auch) gestorben sei, und dass jener euch befreien werde von der Knechtschaft, so hörten viele aus dem Volke auf die Genannten und nahmen ihr Gebot in sich auf; 5. nicht um ihres Ruhmes willen; sie waren ja von den Geringen (Arch.: es waren ja von den Geringen + die Apostel), die einen geradezu Schuster, die anderen aber Sandalenmacher, andere Handwerker.

6. Und wie (Arch.: Aber) wunderbare Zeichen vollbrachten sie, in Wahrheit was (Arch.: wie) sie wollten.

7. Da aber jene edlen (Arch.: dankbaren) Landpfleger sahen die Verführung der Leute, bedachten sie mit den Schriftgelehrten, (Acad.: sie) zu ergreifen und zu töten (Arch.: vernichten), damit das Kleine nicht klein sei, wenn es im Grossen sich vollendet hat. 8. Aber sie [scheuten] sich und erschrakten über die Zeichen, indem sie sagten: „Auf geradem Wege ¹⁾ geschehen solche Wunder nicht. 9. Wenn sie aber nicht aus Gottes Ratschluss herkommen, so werden sie schnell überführt werden.“ 10. Und sie gaben ihnen Gewalt, ihrem Willen gemäss zu handeln.

11. Nachher aber belästigt ²⁾ von ihnen, entliessen sie sie, die einen zum Kaiser, die anderen aber nach Antiochien, andere aber in ferne Länder, zur Erprobung der Sache.

12. Claudius aber entfernte die beiden Landpfleger, sandte den Cumanus.

VI.

Dieser Abschnitt ist Bell. jud. V, 5, 2 eingeschoben. Übersetzt nach Cod. Mosqu. Acad. 651 f. 154 v.

An ihr (der Schranke) waren Säulen . . . und an ihnen Inschriften mit griechischen und römischen und jüdischen

1) So Acad.: oprawleniemj, Arch.: liest otrawleniemj = durch Vergiftung, notorisch ein sinnloser Abschreiberfehler.

2) So Acad.: dosadjeiani, entspricht ἀγγαρεύειν, jemand zum Dienst aufbieten oder zwingen. Berendts vermutet: „vielleicht entsteht aus dossaždeni = ὀβρισηθέντες.“

(hebräischen) Buchstaben, verkündigend das Gesetz der Reinheit und dass kein Fremdstämmiger hineingehe ins Innere; denn sie nannten jenes das Heilige, zu dem auf 14 Stufen emporzusteigen war (Arch.: + und dessen oberer Teil vier-eckig gebaut war).

Und über jenen Tafeln mit Inschriften hing eine vierte Tafel mit Inschrift in jenen Buchstaben angehend: Jesús habe als König nicht regiert, er sei gekreuzigt von den Juden, weil er verkündigte die Zerstörung der Stadt und die Verödung des Tempels.

(Es folgt): Und nach der östlichen Seite war ein Tor und ein Platz den Frauen überlassen zum Gottesdienst und zum Gebet.

VII.

Dieser Abschnitt ist hinter Bell. jud. V, 5, 4 am Schluss der Beschreibung des Vorhangs eingeschoben. Übersetzt nach Cod. Mosqu. Acad. 651 f. 156 v. und 157 r. und Cod. Arch. 658.

1. Dieser Vorhang (katapetasma) war vor dieser Generation ganz, weil das Volk fromm war, jetzt aber war es jammervoll ihn anzusehen. 2. Er war nämlich plötzlich zerrissen von oben an bis zum Boden, als sie den Wohltäter, den Menschen ([Mann]) und den, der durch sein Tun kein Mensch ([Mann]) war, durch Bestechung dem Tode auslieferten.

3. Und von anderen vielen schrecklichen (Arch.: dieses Wort fehlt) Zeichen wird man erzählen (können), die damals geschahen.

4. Und man sagte, dass jener, nachdem er getötet war, (Arch.: dass jener getötet und) nach der Bestattung im Grabe nicht gefunden wurde.

5. Die einen nun geben vor, er sei auferstanden, die anderen aber, dass er gestohlen sei von seinen Freunden. 6. Ich weiss aber nicht, welche richtiger sprechen. 7. Denn auferstehen kann ein Toter von sich selbst nicht, wohl aber mit Hilfe des Gebets eines anderen Gerechten, ausser wenn er ein Engel sein wird oder ein anderer von den himmlischen Gewaltigen, oder (wenn) Gott selbst erscheint (Arch.: erschienen ist) wie ein Mensch (Arch.: als wenn er ein Mensch ist) und vollbringt, was er will, und wandelt mit den Menschen und fällt und sich legt und aufersteht, wie es seinem Willen gemäss ist.

8. Andere aber sagten, dass es nicht möglich war ihn zu stehlen, weil man rund um sein Grab Wächter gesetzt hatte, 30 (Arch.: 1000) Römer, aber 1000 Juden.

9. Solches (wird) von jenem Vorhang (katapetasma) erzählt). Auch [in bezug auf] die Ursache seines Zerreißens gibt es ([verschiedene] Aussagen).

VIII.

Dieser Satz steht in Bell. jud. VI, 5, 4 bei Erwähnung der Weissagung von dem Weltherrscher aus jüdischem Lande an Stelle der im griechischen Text enthaltenen Deutung auf Vespasian. Übersetzt nach Cod. Archiv. fol. 460 r.

Die einen nämlich verstanden darunter Herodes, die andern aber den (Acad.: jenen) gekreuzigten Wundertäter Jesus, andere aber Vespasian.

Die bisherige Beurteilung des Josephusberichtes und die Aufgabe der Untersuchung.

Die von A. Berendts kürzlich ans Licht gezogenen Zeugnisse vom Christentum im slavischen „De bello Judaico“ des Josephus¹⁾ sind durchweg so eigenartig, allen uns aus der antiken Literatur bekannten Fälschungen so unähnlich, dass es unbillig ist, sie kurzerhand diesen einzureihen und damit abzutun.

Dennoch ist es geschehen. Nachdem Schürer in der Theol. Literaturzeitung (1906 Nr. 9) sie mit nicht gerade guten Gründen, wie die nachstehende Untersuchung erweisen wird, für das Werk eines späteren Christen, der auf Grund unserer kanonischen Evangelien arbeitete, erklärt hat, haben andere Kritiker der liberalen Richtung mit mehr oder weniger Sicherheit das gleiche Urteil „christliche Fälschung“ auszusprechen sich veranlasst gefühlt.

Eine ernstliche Prüfung dieser Zeugnisse vorzunehmen und dafür, dass sie eine „Fälschung“ darstellen, einen wirklich stringenten Beweis zu erbringen, hat man sich nicht genötigt gefühlt. „Um sich von der gänzlichen Wertlosigkeit dieser Zusätze zu überzeugen, genügt schon der erste Blick auf deren abenteuerlichen Inhalt“, meint H. Holtzmann urteilen zu dürfen²⁾. Als ob unter viel Spreu nicht auch manchmal ein wenig Weizen, und sei es auch nur ein und zwei Korn, gefunden werden kann! Ein gänzliches Verurteilen auf den ersten Blick allein hin ist eines gewissenhaften Forschers, der auch das Kleinste und Unscheinbarste nicht unbeachtet lassen darf, nicht würdig.

1) Vgl. S. 1, N. 1.

2) DLZ. 1907. Sp. 588.

Dass man nicht an eine eingehendere Prüfung des Inhalts der Zeugnisse herangetreten ist, hat Berendts gewissermassen selbst veranlasst, indem er in seiner Publikation auch schon die Wahrscheinlichkeit dessen zu erweisen suchte, dass Josephus selbst in einer früheren Periode seiner Schriftsteller-tätigkeit diese „Zusätze“ verfasst haben könne. Hier hat die Kritik eingesetzt und sich im wesentlichen auf diesen Punkt beschränkt: Ist Josephus der Verfasser oder nicht?

Da ist es nun allerdings richtig, dass diese Frage, ob Josephus selbst oder ein anderer der Verfasser gewesen ist, nicht früher spruchreif ist, als bis das ganze Material vorliegt, d. h. der ganze slavische Josephustext der Beurteilung unterbreitet ist. Auf Grund der „Zusätze“ allein ist ein abschliessendes Urteil darüber nicht möglich.

Aber unabhängig davon ist das Urteil über den Charakter und den geschichtlichen Wert der „Zusätze“. Ich kann es Berendts nicht zugeben, dass „erst wenn die hier (in seiner ersten Publikation) ausgesprochene und begründete Vermutung, dass Josephus der Autor der acht Zusätze sein kann, wie der ganzen Textesform des Bellum Judaicum, Zustimmung finden sollte, an die Beantwortung der anderen Frage gegangen werden kann, welchen historischen Wert die hier sich darbietenden Nachrichten über für uns Christen so hochwichtige Gegenstände haben“).“ Ich kann ihm deshalb nicht zustimmen, 1) weil der Wert solcher Zeugnisse nicht in erster Linie von ihrem Autor abhängt. Denn wenn es nicht Josephus gewesen ist, so braucht die Arbeit eines anderen, uns unbekanntem Verfassers darum nicht weniger wertvoll zu sein. Über den Wert seiner Zeugnisse können nur innere Gründe entscheiden. Und 2) kann ich auch dem nicht zustimmen, dass zuvor die Frage entschieden sein müsse, ob Josephus der Verfasser der ganzen abweichenden Textform sein könne. Denn wenn sich auch nachweisen lassen sollte, dass er selbst der Verfasser der vom Slaven wiedergegebenen Textform ist, die die Zusätze darbietet, so ist damit noch nicht bewiesen, dass auch die Zusätze von ihm herrühren. Sie können trotzdem Interpolationen von fremder Hand sein.

Diese Möglichkeit könnte stringent nur durch den sprachlichen Nachweis dessen abgewiesen werden, dass alle Abweichun-

1) A. a. O. S. 78.

gen, die die slavische Textform des *Bellum judaicum* gegenüber der griechischen aufweist, von einer Hand herrühren müssen. Aber dieser Nachweis wird nicht zu erbringen sein, da uns zur Beurteilung nur eine Übersetzung vorliegt, von der Berendts selbst urteilt: „Die Schwerfälligkeit des Übersetzers ist so gross, dass man nicht weiss, was man ihr, was dem Stil der Vorlage zuschreiben soll“¹⁾.

So hat es denn auch R. Seeberg — mit vollem Recht — für möglich gehalten, auf Grund der Zusätze allein ein Urteil über ihren Charakter und ihren Wert zu fällen²⁾. Er kommt nach Prüfung des Inhalts der Zeugnisse zu dem gleichen Resultat, das ich unabhängig von ihm in meiner etwa gleichzeitig gedruckten Untersuchung der Leidensgeschichte³⁾ gefällt hatte: dass ihr Verfasser nicht ein Christ, sondern ein Jude gewesen ist, und dass er etwa im letzten Drittel des 1. Jahrhunderts geschrieben hat, ferner dass er unabhängig von der christlichen Tradition und Literatur auf Grund jüdischer Quellen gearbeitet hat und ihm noch nahe und beachtenswerte Tradition zu Gebote gestanden haben kann. Seeberg schätzt demgemäss auch die Bedeutung „dieser geschichtlich sehr beachtenswerten Zusätze im slavischen Josephus“ nicht gering ein. Nur an einzelnen Stellen (im ganzen 4) glaubt er spätere Interpolationen von der Hand eines Christen annehmen zu müssen.

So gewichtig das Urteil dieses hervorragenden Kenners des Urchristentums und seiner Literatur war, so ist es doch nicht weiter beachtet worden, und die liberale Kritik ist, ohne eine Widerlegung zu bieten, bei ihrem abschätzigen Urteil geblieben. Andere Gelehrte haben mit einem abschliessenden Urteile noch zurückhalten zu müssen gemeint. Aber auch in Kreisen positiv gerichteter Theologen ist man geneigt, die „Zusätze“ geringer einzuschätzen, als R. Seeberg getan hat. So ist H. Jordan (im *ThLBl.* 1907, Sp. 511) der Ansicht, „dass diese Stücke aus christlicher Tradition des zweiten oder dritten Jahrhunderts stammen und infolgedessen nicht mehr Wert haben als unsere sonstigen apokryphen Evangelien. Was sie berichten, ist zum allergrössten Teil aus den Evangelien

1) A. a. O. S. 72.

2) Eine neue Quelle zur Geschichte des Urchristentums? *Reformation* 1906, NNr. 19 und 20.

3) Die Probleme der Leidensgeschichte Jesu. I. 1907. S. 35 ff.

geflossen, anderenteils aus der Überliefertes und phantastische Ausschmückung mischenden Tradition.“

Angesichts dieser Verschiedenheit der Meinungen und angesichts dessen, dass R. Seeberg nur in einem kurzen populären Aufsatz seine Ansicht dargelegt hat, wo er keine Möglichkeit hatte, sie ausführlicher zu begründen, erscheint eine erneute, eingehendere Untersuchung der „Zusätze“, die auch die geltend gemachten oder möglichen Gegeninstanzen gewissenhaft prüft, nicht nur berechtigt, sondern notwendig.

Worauf es vor allem ankommt, ist nicht die Frage: wer ist der Verfasser, sondern: welchen Geist atmen diese Schriftstücke? War es ein Christ oder ein Jude, der sie geschrieben hat und wann hat er geschrieben? Hat er nur auf Grund der kanonischen Evangelien gearbeitet und sind seine Abweichungen nur als willkürliche, seinem eigenen Hirn entsprungene Ausdeutungen evangelischer Notizen zu werten? Oder ist er unabhängig von den Evangelien, — und wo hat er dann seine Kenntnis der Dinge her, die er darbietet? Sind in den Abweichungen Spuren alter Überlieferung zu finden, und, wenn ja, ist diese Überlieferung neben der kanonischen von irgend welchem historischen Wert?

Um möglichst begründete und sichere Antwort auf diese Fragen zu finden, empfiehlt es sich, die „Zusätze“, so wie sie vorliegen, Schritt für Schritt dem Gang der Erzählung folgend zu untersuchen. Eine Zerlegung und Gruppierung des gesamten Stoffes nach irgend welchen im voraus aufgestellten Gesichtspunkten schliesst die Gefahr in sich, dass die einzelnen Stücke, aus dem Zusammenhang, in dem sie stehen, herausgerissen, leicht in ein falsches Licht treten und in einer Weise gewertet werden können, die der grösseren oder geringeren Bedeutung, die ihnen innerhalb des Zusammenhanges der Erzählung zukommt, nicht entspricht.

Man braucht die Schriftstücke nur flüchtig zu lesen, um sich davon zu überzeugen, dass sie in ihren verschiedenen Teilen und Einzelheiten durchaus einer verschiedenen Beurteilung unterliegen. Und das ist auch ohne weiteres begreiflich. Selbst wenn wir annehmen müssten, dass der Verfasser die kanonischen Evangelien gekannt und im wesentlichen aus diesen seinen Stoff entnommen hat, so ist damit doch noch kein Urteil über den Wert seines Sondergutes gefällt. Es ist an sich durchaus denkbar, dass vieles nur freier Kombination und Vermutung des

Verfassers seine Entstehung verdankt und somit keinerlei historischen Wert hat, dass trotzdem aber anderes, was er abweichend von den Evangelien in seine Darstellung aufgenommen hat, auf alter und vielleicht teilweise auch guter Überlieferung ruht.

Dass in der urchristlichen Zeit die mündliche Überlieferung eine grosse Rolle gespielt hat, bestreitet niemand. Dennoch ist das ein Gebiet, das heutzutage mehr unterschätzt wird, als es verdient. Die weiland Tübinger „Tendenzkritik“ übt noch immer einen starken Einfluss aus. Man fragt auch heute gerne nach den Tendenzen und Zwecken, die die Schriftsteller der urchristlichen Zeit bei der Abfassung ihrer Schriftwerke geleitet haben könnten, und ist geneigt, aus solchen Tendenzen und Zwecken heraus alles und jedes, auch Einzelheiten, zu erklären.

Nun ist es ja freilich nicht zu bestreiten, dass ein jeder intelligente Schriftsteller mit seiner Arbeit auch bestimmte Zwecke verfolgt und nicht nur geschrieben hat, um zu schreiben, wie in unserem tintenselligen Zeitalter vielfach geschieht. Und es ist auch selbstverständlich, dass in gewissem Sinne der Zweck stets Auswahl, Anordnung und Darstellung des Stoffes bestimmt hat.

Namentlich bei Geschichtsdarstellungen aber kann der Zweck des Schriftstellers auch nur oder doch mit darin bestanden haben, möglichst alles aufzuzeichnen, was über das Thema zu erfahren war. Und dabei kann ein Schriftsteller auch sehr kritiklos verfahren sein und Dinge aufgezeichnet haben, die der Aufzeichnung kaum wert waren, was er aber zu beurteilen vielleicht nicht oder nicht genügend in der Lage war.

Dass die Historiker der urchristlichen Zeit vielfach so gearbeitet haben, unterliegt nach dem Zeugnis des Lukas im Prooemium seines Evangeliums über seine eigene Arbeit und nach dem Zeugnis des Papias über die Arbeit des Markus keinem Zweifel. Und gerade das verleiht ihren Schriftwerken ihren hohen Wert auch dort, wo sie notorisch nicht der historischen Wirklichkeit entsprechend berichten, sondern nur bezeugen, wie man sich zu ihrer Zeit jene Wirklichkeit vorgestellt hat.

Das nötigt die Wissenschaft zur Kritik. Diese ist nicht nur berechtigt, sondern notwendig. Und das um so mehr, wenn wir bedenken, was jenen Schriftstellern an Quellen zu Gebote gestanden hat. So sicher es ist, dass sie vorhandene Schriftwerke fleissig benutzt haben (Lk. 1, 1), so sicher ist es, dass daneben die mündliche Überlieferung in ihrem anfänglich breit dahin-

fliessenden Strom ihnen ebenso sehr eine Quelle gewesen ist, aus der sie geschöpft haben als rechte Kinder ihrer Zeit.

Diese mündliche Überlieferung musste in dem Momente an Bedeutung zu verlieren beginnen, als sie schriftlich fixiert wurde und diese Schriften nach und nach anfangen autoritative und endlich gar kanonische Geltung zu erlangen. Dennoch ist aber weder alles, was an Überlieferung vorhanden war, aufgezeichnet worden (vgl. *Agrapha*), noch sind alle Schriften zu kanonischer Geltung gelangt (vgl. *Logienschrift*, *Hebräerevangelium* u. a.). Die Kanonisierung einzelner Schriften hat es mit sich gebracht, dass diese durch immer wieder erneute Abschriften sich erhalten haben, während die anderen, von ihnen verdrängt oder auch nur zu beschränkter oder gar keiner Geltung gekommen, völlig zu Grunde gegangen oder doch nur in Bruchstücken auf uns gekommen sind.

Ein Urteil über ihren Wert oder Unwert ist damit noch nicht gefällt. Und wieviel sie wie überhaupt an Überlieferungsstoffen, so an glaubwürdiger und gesicherter Überlieferung enthalten haben, bleibt eine Frage, die nur von Fall zu Fall entschieden werden kann.

Nun beschränkte sich die Überlieferung wenn auch vorzugsweise, so doch keineswegs ausschliesslich auf die Kreise der urchristlichen Gemeinde. Angesichts des erstzeitlichen Verhältnisses von *Judenchristentum* und *Judentum*¹⁾ erscheint es fast selbstverständlich, dass auch nicht christliche, insbesondere jüdische Kreise nicht ohne jegliche Kunde von dem, was über *Jesus* überliefert wurde, geblieben sein werden. Ja, sofern es sich um historische Ereignisse handelte, die sich öffentlich vor aller Augen abgespielt hatten, könnten selbst dem *Christentum* völlig fernstehende Kreise selbständige Überlieferungen besitzen.

Es kommt dazu, dass wir uns das *Judentum* der urchristlichen Zeit doch keineswegs in seiner Gesamtheit nach dem Bilde der von einem fanatischen Hass gegen *Jesus* beseelten *Ἰουδαῖοι* des 4. Evangeliums denken dürfen. Es wird zahlreiche Gruppen gegeben haben, die die Kluft zwischen den beiden Extremen, Anhängern und Feinden *Jesus*, überbrückten. Das

1) Vgl. v. Dobschütz, *Probleme des apostolischen Zeitalters*, 1904, Kp. 2.

Wort des Agrippa: es fehlt nicht viel . . . dass ich „ein Christ würde“, wird von vielen seiner Volksgenossen gegolten haben. Diese „den Christen nächstehenden Gruppen des Volkes sind von der jüdischen rabbinischen Tradition naturgemäss vergessen worden, und es ist noch wenig geschehen, um auch sie gebührend wieder hervortreten zu lassen“¹⁾. So selbstverständlich es ist, dass in diesen Kreisen manche nicht schlechte Überlieferung über die Ereignisse der evangelischen Geschichte vorhanden gewesen sein wird, so erklärlich ist es, dass kein Schriftwerk uns erhalten geblieben ist, das uns von ihr Kunde gibt.

Damit ist nun das Bild skizziert, in das wir das uns vorliegende Schriftwerk, wenn es sich als aus dieser Zeit stammend erweisen kann, einzuordnen haben. Ist es ein Produkt nicht-christlicher Hand und lässt es uns einen Blick tun in die Entwicklung der Überlieferung ausserhalb der durch unsere kanonischen Evangelien bezeichneten Linie, so ist damit schon sein bedeutender Wert gesichert.

Ein jeder Lichtstrahl, der auf die Geschichte der Tradition im 1. Jahrhundert fällt, muss willkommen sein, denn unsere kanonischen Evangelien bilden selbst nur Etappen auf dem Wege der Entwicklung. Sofern sie als relativ späte Niederschläge der mündlichen Überlieferung und dazu noch einer Überlieferung innerhalb durch konkrete Interessen bestimmter Kreise sich zu erkennen geben, fordern sie selbst zu einer steten Prüfung auf, inwieweit die ihnen zu Grunde liegende Überlieferung der geschichtlichen Wirklichkeit entspricht und inwieweit überhaupt nachweisbare Überlieferungselemente in ihnen verarbeitet sind.

Davon ist auch das 4. Evangelium nicht auszunehmen, so wenig man heutzutage in weiten Kreisen auch geneigt ist, ihm überhaupt noch einen Quellenwert beizumessen. Mag es sich um den schriftstellerischen Charakter dieses Evangeliums verhalten, wie es wolle, — dass in ihm, und wenn auch nur ganz gelegentlich, Überlieferungselemente von bemerkenswerter Güte verarbeitet sein können, ist auch durch die stärksten und lautesten Machtsprüche nicht zu bestreiten. Es gilt nur Massstäbe zu finden, an denen sich messen lässt, inwieweit in den uns vorliegenden Schriften tatsächlich und nachweisbar Überlieferungsstoffe Aufnahme gefunden haben.

1) Vgl. Berendts a. a. O. S. 46 und Anm. 1.

Ob und wieweit die im slavischen Text erhaltenen „Zeugnisse“ zur Gewinnung solcher Maßstäbe beitragen können, hat die nachstehende Untersuchung zu lehren.

Ihr stellt sich noch eine besondere Schwierigkeit entgegen, die zur Vorsicht mahnen könnte. Die „Zeugnisse“ liegen uns nur in einer slavischen Übersetzung vor. Dass sie nicht erst auf slavischem Boden entstanden sind, sondern tatsächlich eine Übersetzung einer griechischen Vorlage darstellen, ist unzweifelhaft. Das beweisen die ins Slavische übernommenen griechischen Worte, z. B. *katapetasma*, *tity* (vgl. auch Berendts S. 72). Die Schwerfälligkeit der Übersetzung gibt aber auch die Gewähr, dass der Übersetzer sich eng an seine Vorlage gebunden gefühlt und nicht durch freie Wiedergabe der Gedanken die ursprüngliche Formulierung verwischt hat. Schimmert gelegentlich die griechische Satzkonstruktion noch durch, ja, wird sogar hier und da der slavische Text überhaupt erst durch Rückübersetzung verständlich, so ist damit sichergestellt, dass der slavische Text kein Hindernis für die Wertung der „Zeugnisse“ darstellt.

Die Stellung der „Zusätze“ im Text des Bellum judaicum.

Behufs Entscheidung der Frage, ob wir es hier mit Interpolationen zu tun haben oder ob die Stücke integrierende Bestandteile des Josephustextes darstellen, ist zuallererst das Verhältnis, in dem die „Zusätze“ zu dem sie umgebenden Texte stehen, einer Prüfung zu unterziehen.

Das erste Täuferstück (I) steht im Bellum judaicum hinter dem Abschnitt II, 7, 2.

Nachdem Josephus das Testament des Herodes, durch welches Archelaus zum Nachfolger im Königtum ernannt worden war, am Schluss des I. Buches erwähnt hatte, berichtet er in II, 1–6 zunächst über die Wirren im Lande, durch welche Archelaus am Antritt seines Erbes verhindert wurde, und über seine Bemühungen, in Rom die Bestätigung des Kaisers zu erlangen. II, 6, 3 erwähnt der Schriftsteller sodann, dass diese Bemühungen von Erfolg gekrönt waren und dass der Kaiser dem Archelaus die Hälfte des Königreiches und den Titel eines Ethnarchen verliehen habe. Es folgt weiter in II, 7, 1 und 2 eine eingeschaltete Erzählung von einem Juden, der sich für den unter Herodes hingerichteten Alexander ausgegeben hatte, aber in Kürze entlarvt wurde. Erst nach dieser Episode fährt der Schriftsteller fort: „Als nun Archelaus seine Ethnarchie angetreten hatte u. s. w.“ (παραλαβὼν τὴν ἐθναρχίαν).

Das erste Täuferstück ist nun v o r dieser Notiz, unmittelbar hinter der Alexanderepisode eingeschaltet. Mit der Zeitangabe: „D a m a l s wandelte ein Mann unter den Juden“, wird die nachfolgende Erzählung in die Zeit der Thronwirren verlegt. Dennoch wird im Verlauf der Erzählung vorausgesetzt, dass Archelaus bereits wieder im Lande war und die Regierung geführt habe (I, 8).

Weder vorher noch im Verlaufe der Erzählung ist vom Regierungsantritt des Archelaus die Rede, dieser wird erst nachher (II, 7, 3) erwähnt.

Danach erscheint, wie auch schon R. Seeberg erkannt hat¹⁾, die Stellung des 1. Täuferstückes „so ungeschickt als möglich“ und daher der Schluss unausweichlich, dass das Stück ein fremdes Element in dem Texte darstellt.

Das wird bestätigt durch die Beobachtung, dass nach Ausscheidung dieses Stückes der Textzusammenhang als ein völlig geschlossener erscheint. Nachdem von der Erledigung der Thronwirren geredet worden ist, danach auch die in gewissem Sinne mit zu diesen zu rechnende Alexanderepisode erwähnt worden, beginnt die Erzählung von den Regierungstaten des Archelaus, die daher dem Vorhergehenden entsprechend mit einer Notiz über dessen Regierungsantritt eingeleitet wird. Diese Notiz erscheint dagegen nach einer Erzählung, in der Archelaus bereits als regierend vorausgesetzt wird, deplaciert.

Es ist aber begreiflich — und auch das bestätigt, dass hier eine Interpolation vorliegt, — wie der Interpolator dazu gekommen ist, gerade hier seinen Zusatz einzufügen. Es stand ihm überhaupt keine andere Stelle zur Verfügung. Denn im ganzen vorhergehenden Text wird Archelaus als in Rom befindlich vorausgesetzt und gleich am Anfang des folgenden Paragraphen wird schon von seiner Verbannung erzählt.

Günstiger ist die Sachlage beim zweiten und dritten Stück.

Das II. Stück steht am Schluss von Bell. jud. II, 9, 1, wo kurz erwähnt wird, dass Herodes und Philippus nach dem Tode des Augustus im Besitze ihrer Tetrarchien verblieben seien und mehrere Städte gegründet hätten. Im folgenden Abschnitt II, 9, 2 wendet sich der Schriftsteller den Vorgängen in Judäa zu. Wenn noch irgend etwas von Philippus, bezw. Herodes zu erzählen war, so schloss sich das an dieser Stelle ganz natürlich an, eine Unterbrechung des Zusammenhanges liegt nicht vor.

Doch auch hier erscheint die Anknüpfung wenig geschickt. Die einleitenden Worte: „Als Philippus im Besitze seiner Gewalt war“ scheinen im Kontext eine Bemerkung darüber vorauszusetzen, dass er zu irgend einer Zeit nicht im Besitze seiner Gewalt gewesen sei. Doch der Kontext bietet nichts derartiges.

1) A. a. O. S. 306.

Im Gegenteil, da eben von Regierungstaten des Philippus geredet worden war, wäre eine nur etwa den Zeittermin genauer bestimmende Anknüpfung natürlicher gewesen. Die gebrauchten Worte machen den Eindruck, dass sie an der Notiz im vorhergehenden Satze, Herodes und Philippus seien in ihren Tetrarchien „verblieben“ (διαμείναντες), orientiert seien. Somit ist dieses Stück wenigstens dessen verdächtig, dass es eine Interpolation ist.

Das III. Stück schliesst sich dem II. unmittelbar an, steht also und fällt mit diesem.

Der erste der von Christo handelnden Abschnitte (IV) ist in die Geschichte der Prokurator des Pilatus eingeschoben und zwar zwischen Bell. jud. II, 9, 3 und 4. In § 2 und 3 berichtet Josephus über den Versuch des Pilatus, Standarten mit den Bildnissen des Kaisers nach Jerusalem zu bringen, und die dadurch hervorgerufene Volksbewegung. In § 4 folgt eine Erzählung über einen Aufstand der Juden anlässlich des Baues einer Wasserleitung. Die beiden Erzählungen sind im griechischen Text eng miteinander verknüpft. In der gleichen Zusammenstellung berichtet Josephus auch Antiqu. XVIII, 3, 1 und 2 über dieselben Ereignisse. Das an dieser Stelle eingeschobene Christuszeugnis, das fraglos eine Interpolation ist, ist erst nach Ant. XVIII, 3, 2 eingeschoben, der Verfasser hat also gemerkt, dass § 1 und 2 aufs Engste zusammengehören. Diese Anordnung ist um so mehr zu beachten, als der Verfasser dieser Interpolation, wie später noch nachgewiesen werden wird, das im slavischen Text erhaltene Zeugnis IV gekannt hat. Er scheint also der Ansicht gewesen zu sein, dass dieses letztere den Zusammenhang störe, und hat daher seiner Interpolation eine bessere Stellung gegeben.

Angesichts dessen hat auch R. Seeberg die Stellung des slavischen Stückes IV zwischen den beiden erwähnten Erzählungen als „entscheidende“ Instanz für seinen Interpolationscharakter angesehen. Er stützt sich namentlich darauf, dass Bell. jud. II, 9, 4 die zweite Erzählung mit den Worten eingeleitet wird: „Darauf rief er (Pilatus) einen anderen Tumult hervor“, während im slavischen Stück ja nicht Pilatus es war, der einen Tumult hervorrief¹⁾. Seeberg hat aber übersehen, dass im slavischen Text, worauf Berendts²⁾ schon hingewiesen

1) A. a. O. S. 306.

2) A. a. O. S. 40.

hat, die Anknüpfung eine weniger enge ist. Hier beginnt die Erzählung von der Wasserleitung mit den Worten: „Und nachher erregten die Juden einen zweiten Aufstand.“

Da nun beim Slaven die Geschichte von den Kaiserbildern im wesentlichen ebenso wie im griechischen Text erzählt wird, hiernach jedenfalls Pilatus es ist, der den Tumult „erregt“, im Christusstück dagegen gerade nur die Juden einen Aufstand versuchen, so ist die gegebene Anknüpfung innerhalb des vollständigen slavischen Textes durchaus passend.

Auch auf den Ausdruck „einen zweiten Aufstand“ kann man kein Gewicht legen, denn das ist Übersetzung des auch im griechischen Text stehenden Wortes *ἑτέρα*, was nicht notwendig „ein anderer von zweien“ heisst. Ausserdem hat in der griechischen Vorlage des Slaven vermutlich der Ausdruck *στάσις* (*mjatež*) statt des im griechischen Text stehenden *αραχή* gestanden. Und von einer „στάσις“ kann bei der Geschichte von den Kaiserbildern kaum die Rede sein. Die Verbindung des Stückes mit dem Kontext ist also nicht zu beanstanden.

Damit ist aber noch nicht bewiesen, dass das slavische Christuszeugnis einen integrierenden Bestandteil des Textes bildet und keine Interpolation sein kann.

Liest man den slavischen Bericht im Zusammenhange mit der vor- und nachstehenden Erzählung, so bemerkt man leicht, dass der Gesamtcharakter der Erzählung von Jesu nur schlecht mit dem der übrigen Stücke harmoniert. Voran steht eine Erzählung, welche durchaus bestimmt ist durch den Gedanken der Volksbewegung, die durch das Tun des Pilatus hervorgerufen wurde. Genau den gleichen Eindruck macht die dem Christusstück folgende Erzählung. Im Christusstück selbst spielt dagegen der Aufstandsversuch eine so nebensächliche Rolle, dass seine Erwähnung auch ganz gut hätte wegfallen können, ohne einen wesentlichen Verlust zu bedeuten, — es ist nur der äussere Anlass für den ersten Prozess Jesu. Diese kurze Erwähnung ist umrahmt von weitausegreifenden Erörterungen über die Person und das Wirken Jesu und einem ausführlichen Prozessbericht. Dieser letztere bildet das eigentliche Hauptthema, nicht der Aufstandsversuch der Juden.

Danach erscheint auch die Anreihung der folgenden Erzählung durch die oben zitierten Einleitungsworte nicht gerade sehr geschickt. Durch sie wird ein Ton auf den Aufstand verlegt, den er in der vorhergehenden Erzählung nicht hat. Die Anknüpfung sieht wie eine Verlegenheitsauskunft aus, es musste

eben ein Übergang zu einer Aufstandsgeschichte gefunden werden.

An diesem Eindruck ändert auch nichts, dass die slavische Erzählung von dem Aufstand anlässlich der Wasserleitung in Abweichung vom griechischen Text den Sonderzug enthält, es seien 3000 auf der Flucht erschlagen worden (der Grieche redet nur von „vielen“), was an die Notiz im Christusstück, Pilatus habe viele niederhauen lassen, erinnert¹⁾. Denn nicht nur steht im Christusstücke keine Zahlenangabe, so dass die Ähnlichkeit mit der Fortsetzung des Slaven nicht grösser ist als mit der des Griechen, sondern die genannte Notiz hat auch im Zusammenhang der Erzählung von Jesu keinen Ton, ist vielmehr gleichfalls nur eine beiläufige.

Gegen den Interpolationscharakter des Christusstückes spricht auch nicht, dass beim Slaven in Abweichung vom Griechen die Juden es sind, die in § 4 als die Erreger des Aufstandes erscheinen. Denn selbst wenn sich nachweisen liesse, dass die Abweichungen, die der gesamte slavische Josephustext vom griechischen aufweist, nicht erst von einem späteren Bearbeiter hergestellt worden sind, sondern der ursprünglichen Textfassung angehören, so ist dadurch nicht ausgeschlossen, dass ein Interpolator doch noch in der nächsten Umgebung seiner Interpolation Änderungen angebracht hat, um seinem Einschub die nötige Verbindung mit dem Kontext zu geben. Bei einem der weiteren Stücke (V) scheint mir das evident zu sein, denn da steht eine Abänderung mit der eingeschobenen Erzählung in unlösbarem Zusammenhang.

Wenn nun auch die Stellung des IV. Stückes nicht entscheidend für den Interpolationscharakter sein kann, so bleibt doch auch dieses Stück immerhin dessen verdächtig, dass es an seiner jetzigen Stelle nicht ursprünglich ist.

Das V, das Apostelstück (VI u. ff. sind wieder Christusstücke) steht in Bell. jud. II, 11, 6 und ist in diesem Paragraph an die Erwähnung der Prokuratoren Cuspius Fadus und Tiberius Alexander angefügt.

In diesem Abschnitt berichtet Josephus über die Unternehmungen des Agrippa, besonders die Befestigung Jerusalems, um daran sofort die Notiz zu knüpfen, dass dieses grosse Werk durch den Tod Agrippas unterbrochen worden sei. Indem er

1) Berendts scheint hierauf Gewicht zu legen a. a. O. S. 41.

nun von den Kindern Agrippas redet, nennt er ausdrücklich unter ihnen Agrippa II, dessen Unmündigkeit zur Folge hatte, dass Claudius das Königreich wieder in eine Provinz verwandelte und unter die Verwaltung von Prokuratoren stellte. Von diesen werden nur die beiden ersten genannt, ihre Stellung zum jüdischen Volk durch einen kurzen Satz charakterisiert, und dann schliessen sich sofort weitere Angaben über die Familie der Herodianer, den Tod des Herodes, des Königs von Chalkis, etc. an. Es ist deutlich, dass die Erwähnung der Prokuratoren in diesem Zusammenhang nur eine beiläufige ist, veranlasst ausschliesslich durch die Notiz über die Unmündigkeit Agrippas II.

Der Slave weicht vom griechischen Text zunächst darin ab, dass er die Angabe über die Hinterbliebenen des Agrippa und auch die Erwähnung Agrippas II weglässt, ja sogar im Widerspruch zum Griechen angibt, dass Agrippa gestorben sei, ohne einen Sohn zu hinterlassen. Dementsprechend beginnt er seine Erzählung über die Prokuratoren mit einem „Wiederum sandte Claudius“, also ein Neues lose anreihend.

Der weitere Abschnitt des Griechen über die Herodianer und ihre Familienverhältnisse fehlt beim Slaven. Dieser knüpft vielmehr an seine Schlussnotiz über die Sendung des Cumanus (V, 12) sofort den Bericht über die Unruhen während dessen Prokuratur, den der Grieche erst II, 12, 1 bietet. Auch der Anfang dieses Abschnittes fehlt beim Slaven.

Danach erscheint der Bericht des Slaven über die Prokuratoren Cuspius Fadus und Tiberius Alexander mit dem Folgenden in gutem Zusammenschluss, weniger gut ist die Verbindung mit dem Vorhergehenden. Auch hier ist der Zusammenschluss freilich enger, als er beim Wortlaut des Griechen sein würde, sofern beim Slaven ausschliesslich ein Bericht über die Regierung des Agrippa, nicht aber über seine Familienverhältnisse vorliegt. Und da nach Agrippas Tode sein Gebiet unter die Verwaltung von Prokuratoren gestellt wurde, so schliesst sich der folgende Bericht über die Wirksamkeit der Prokuratoren inhaltlich ganz passend an. Dennoch ist die unmittelbare Verknüpfung mit dem Vorhergehenden nur eine sehr lose. Nach dem Slaven erscheint es ganz selbstverständlich, dass Claudius, nachdem Agrippa kinderlos gestorben war, gleich Prokuratoren einsetzt, obgleich es sich doch um ein Königreich handelt und nicht um eine von Agrippa nur verwaltete Provinz, — es fehlt hier auch die beim Griechen den Übergang zu dieser

Regierungsform erklärende, sehr bezeichnende Bemerkung, Claudius habe das Königreich wieder in eine Provinz verwandelt.

Das lässt auch hier den Verdacht aufkommen, dass wir es doch mit einer Interpolation zu tun haben.

Welche Gestalt die Vorlage gehabt hat, ist mit Sicherheit nicht zu bestimmen. Die beim Griechen hinter der Erwähnung des Cuspius Fadius und Tiberius Alexander stehenden Notizen über die Familienverhältnisse der Herodiäner können in ihr enthalten gewesen sein. Denn es ist möglich, dass der Interpolator sie gestrichen hat, weil sie zwischen dem ausführlichen Bericht über die Tätigkeit der beiden genannten Prokuratoron und dem gleich darauf folgenden über deren Nachfolger völlig deplaciert erscheinen mussten. Dagegen können die Bemerkungen über die Familie des Agrippa, die beim Griechen vor der Erwähnung der ersten beiden Prokuratoren stehen, in der Vorlage nicht gestanden haben. Denn es wäre unerklärlich, was den Interpolator veranlasst haben sollte, sie nicht einfach zu streichen, sondern Agrippa im Widerspruch zu der Vorlage als kinderlos verstorben zu bezeichnen. Dementsprechend muss in der Vorlage auch die zweite Erwähnung des Sohnes des Agrippa (B. j. II, 12, 1) gefehlt haben.

Auch der den Bericht über die beiden Prokuratoren einleitende Satz („wiederum sandte Claudius etc.“) muss wenigstens in seinem jetzigen Wortlaut dem Interpolator angehören, denn er steht mit dem unmittelbar Vorhergehenden nur in losem Zusammenhang, gehört aber aufs Engste mit der folgenden Erzählung zusammen, die nicht nur direkt an ihn anknüpft, sondern auch später noch gelegentlich (V, 7) auf diesen Anfang zurückblickt. Dafür spricht auch, dass der fragliche Satz über die Stellung jener Prokuratoren zu den Juden ein Urteil enthält, das wesentlich günstiger lautet als das im griechischen Text und auch mit dem entsprechenden Bericht in den Antiquitäten des Josephus nicht übereinstimmt.

Wesentlich anders ist die Sachlage bei den letzten drei Stücken, die wiederum von Jesu handeln.

Das VI. Stück ist eine kurze Notiz über den Inhalt einer Tafel im Tempel, die sich der vorhergehenden Erwähnung solcher im Tempel vorhandener Inschrifttafeln ungezwungen anfügt. Die Verbindung mit dem Kontext ist in keiner Beziehung zu beanstanden.

Zu bemerken ist allerdings, dass an dieser Stelle der slavische Text wieder eine wesentliche Verkürzung gegen den griechischen darstellt. Es fehlt die im griechischen Text Bell. jud. V, 5, 2 enthaltene detaillierte Angabe über die Masse des Tempels, und es schliesst sich an die Notiz über die Inschriften gleich (mit abweichender Einleitung) die Angabe über den Weibervorhof. Somit steht die Notiz über die Inschrift an Stelle einer anderen. Damit ist aber nur bewiesen, dass der Text des Slaven anders lautet als der griechische, daraus ist aber noch nichts für oder gegen die Ursprünglichkeit jener Notiz zu erschliessen.

Dass hier aber doch wieder eine Interpolation vorliegt, ergibt sich aus dem Inhalt der Notiz. Es wird bei ihrer eingehenderen Besprechung im einzelnen nachgewiesen werden, dass ihr ein Missverständnis zu Grunde liegt. Dieses Missverständnis ist nur erklärlich, wenn es durch eine voranstehende Angabe des Textes veranlasst worden ist. Ist das der Fall, dann kann der voranstehende Text nicht von demselben Autor herrühren, der diese irriige Notiz verfasst hat. Näheres hierüber wird in dem Abschnitt „Die Inschrift im Tempel“ geboten werden.

Das VII. Stück steht im Bellum judaicum innerhalb der Beschreibung des Tempels dort, wo vom Vorhang am Hauptportal des Tempels geredet wird, hinter V, 5, 4. Die Anknüpfung an das Vorhergehende und das Folgende ist auch hier tadellos. Aber auch hier kann man sich dem Eindruck nicht entziehen, dass man es mit einer Interpolation zu tun hat. Die ganze Umgebung des Stückes bildet eine eingehende, rein descriptive Schilderung des Tempels und seiner Teile. Nicht an einer einzigen Stelle wird etwa eine historische Notiz oder dgl. eingefügt. Da erscheint denn der vorliegende Abschnitt durchaus als eine Abschweifung, die in der sonstigen Beschreibung keine auch noch so kurze Analogie hat.

Somit erweckt auch dieses Stück den Verdacht, nicht ursprünglich dem Texte angehört zu haben.

Mit dem VIII. Stück des Slaven verhält es sich ähnlich wie mit dem V. und VI., sofern es gleichfalls an Stelle einer anderen Angabe im griechischen Texte Bell. jud. VI, 5, 4 steht. Die beiden Texte verhalten sich hier zu einander wie die Aussagen zweier verschiedener Meinungen über denselben Gegenstand. Die Verknüpfung mit dem Kontext enthält keinerlei Verdachts-

momente. Hier kann nur eine Untersuchung des Inhalts Aufschluss geben. Auf diese ist also zu verweisen.

Auch in betreff aller übrigen Stücke wird erst die Untersuchung des Inhalts weitere Indizien dafür beibringen können, ob wir es hier tatsächlich mit Interpolationen zu tun haben. Hier war nur von der Stellung der Stücke im Text zu reden.

Die Täuferstücke.

Das erste der drei vom Täufer handelnden Stücke bietet nur in seiner ersten Hälfte, wo von dem Auftreten des Täufers und seiner Wirksamkeit geredet wird, eine Parallele zu dem Bericht der kanonischen Evangelien. Die zweite Hälfte enthält einen den Evangelien völlig fremden Stoff mit nur leisen Anklängen an sie. Ebenso erzählt auch das II. Stück etwas den Evangelien völlig Fremdes. Näher tritt ihnen wieder das III. Stück. Aber nicht nur ist hier der Bericht zum Teil ausführlicher, zum Teil kürzer als der evangelische, sondern es treten uns auch wieder den Evangelien ganz fremde Elemente entgegen, daneben auch wieder frappierend nahe Berührungen. Der Schluss enthält wieder mit seinen Erwägungen über den Täufer ganz Eigenartiges. Dieses eigentümliche Mischungsverhältnis von Berührungen und Widersprüchen verbietet, vorschnell das Urteil auf Abhängigkeit oder Unabhängigkeit des slavischen Berichtes von dem der Evangelien zu fällen, und nötigt zu einer eingehenden Prüfung des Berichtes auf seine Quellen.

Die Zeit des Täufers.

Vor allem tritt eine chronologische Frage in den Vordergrund. Gleich das erste Wort des Berichtes enthält eine im höchsten Grade auffallende Zeitbestimmung.

Das „damals“ (I, 1) verlegt das zu Erzählende in die Zeit des Archelaus, denn der Abschnitt steht an einer Stelle im *Bellum judaicum*, wo von diesem Archelaus die Rede ist. Dass der Verfasser diese Zeit meint und der Abschnitt nicht etwa versehentlich an diese Stelle gesetzt worden ist, geht daraus hervor, dass in der Erzählung selbst eben dieser Archelaus (I, 8) als der genannt

wird, vor den der Täufer geführt wurde. Nun ist Archelaus bereits im Jahre 6 nach Chr. seines Amtes entsetzt worden. Und da nach II, 7 Johannes auch den im Jahre 34 verstorbenen Philippus überlebt hat, so muss seine Wirksamkeit nach Ansicht des Verfassers sich über 30 Jahre erstreckt haben. Mit Recht bemerkt Schürer hierzu: „das wird niemand als historisch annehmen“.

Wie ist aber der Verfasser zu seiner irrigen Annahme gekommen, dass Johannes schon unter Archelaus aufgetreten sei? Meines Wissens ist keine Tradition bekannt, die ihn zu dieser Ansetzung hätte führen können. Ist man nun geneigt, in diesen Stücken eine späte Interpolation aus christlicher Feder zu erblicken, so wird man nicht umhin können, Mt. 3, 1 als die Quelle derselben anzusehen (2, 22: ἀκούσας δὲ ὅτι Ἀρχέλαος βασιλεύει τῆς Ἰουδαίας κτλ und 3, 1: ἐν δὲ ταῖς ἡμέραις ἐκείναις). Das hat aber schon Berendts mit genügenden Gründen zurückgewiesen. Das τότε παραγίνεται ὁ Ἰησοῦς 3, 13 macht unmissverständlich klar, dass das Auftreten des Täufers 3, 1 zeitlich nach den folgenden Ereignissen zu bestimmen ist. Denn wenn auch τότε bei Matthäus keineswegs immer die unmittelbare zeitliche Folge bezeichnet, so hindert es doch in jedem Fall die Meinung, dass zwischen 3, 1 und 3, 13 ein Zeitraum von ca. 30 Jahren liegen könnte. „Wo aber und wann, auf dem Boden der christlichen Kirche, ist solch' eine Auffassung möglich gewesen, seitdem die synoptische Tradition allgemeine Geltung erlangt hatte?“

Nun ist allerdings möglich, dass der Verfasser irgend eine Tradition gekannt habe, die wir nicht mehr kennen und die mit aller Bestimmtheit das Auftreten des Täufers in eine so frühe Zeit verlegte, mit solcher Bestimmtheit, dass er sich ihr trotz Mt. 3, 1. 13 zu folgen berechtigt glaubte. Damit würde sich das Problem aber nur etwas verschieben, und die Frage hätte dann nur zu lauten: wie ist es zu dieser irrigen Tradition gekommen? Es ist daher viel wahrscheinlicher, dass der Verfasser der Josephusstücke auf einem anderen Wege zu seinem Irrtum gelangt ist.

Im II. Stück weiss er von einem Traum des Philippus zu erzählen, den Johannes der Täufer diesem gedeutet hat. Dieses Stück hat er nun jedenfalls nicht aus den Evangelien, sondern

1) Berendts, a. a. O. S. 29.

fusst hier, wie noch näher nachgewiesen werden wird, auf einer ausserkanonischen Tradition. Nun erzählt Josephus Bell. jud. II, 7, 2, also gerade an der Stelle, vor der das I. Zeugnis eingeschoben ist, gleichfalls von einem Traum, den Archelaus gehabt hat, wie er auch sonst von solchen Träumen zu berichten weiss (z. B. gleich darauf II, 7, 3). Wurde nun in der Tradition Johannes der Täufer in Beziehung gesetzt zu dem Traume des einen Herodianers, so konnte es leicht geschehen, dass er durch eine einfache Verwechslung der Personen auch zu dem Traume des anderen Herodianers, des Archelaus, in Beziehung gesetzt worden ist. Denn mit Zeitunterschieden befasst sich eine volkstümliche Tradition wenig, diese bilden kein Hindernis für derartige Verwechslungen. Und war Johannes der Täufer erst einmal zu Archelaus in Beziehung gesetzt worden, so wird man auch noch manches andere über Johannes den Täufer Erzählte in die Zeit des Archelaus versetzt haben. Der Verfasser des Josephusstückes konnte auf Grund solcher Tradition leicht zu dem Irrtum kommen, Johannes der Täufer sei in der Tat schon zu Archelaus' Zeit aufgetreten.

Zu diesem Irrtum konnte er aber nur kommen, wenn er mit seiner Erzählung einer ihm zugänglich gewordenen Tradition folgte, also zu einer Zeit, wo solche volkstümliche Traditionen noch im Umlauf waren und er noch nicht in der Lage war, durch eine autoritative Zeitangabe, wie das Matthäusevangelium sie bot, irrige Datierungen zurechtzustellen. Er muss ganz harmlos, ohne nachzurechnen, jenen volkstümlichen Traditionen gefolgt sein. Der Irrtum des Verfassers der Josephusstücke ist nur denkbar und möglich zu einer Zeit, da die synoptische Tradition noch nicht „allgemeine Geltung erlangt hatte“.

Damit ist auch schon eine Instanz gewonnen gegen die Annahme, dass ein Christ der späteren Zeit diese Stücke in seinen Josephustext hineingesetzt und sich dabei bemüht haben sollte, sie so zu komponieren, dass sie für echte Josephusstücke gehalten werden könnten. Er hätte damit dem chronologisch keineswegs ungenau berichtenden jüdischen Historiker einen argen chronologischen Fehler imputiert und damit seine Fiktion der Autorschaft des Josephus eher gefährdet als gestützt.

Dass aber die Erzählung von Johannes dem Täufer, wie sie in unseren Josephusstücken vorliegt, in der Tat auf volkstümlicher Tradition ruht, wird auch durch ihren weiteren Inhalt bestätigt.

Die Gestalt des Täufers.

Ein besonderes Interesse verrät der Verfasser an der äusseren Lebensweise des Täufers. Schon der Umstand, dass er immer wieder auf diese zu sprechen kommt oder doch auf sie anspielt, wo es angängig ist (vgl. I, 1 f. 9. III, 9. und I, 12. II, 3. III, 3), weist uns darauf, dass das ein Mann geschrieben hat, der auf im Volke umlaufende Erzählungen achtete und an ihnen sein Gefallen hatte. Gerade an Aeusserlichkeiten haftet das Volksinteresse in erster Linie, denn sie springen ohne weiteres jedem in die Augen und erregen vor allem die Aufmerksamkeit und fallen auf. Und wie der Täufer ausgesehen hat, wird so mancher, der vielleicht kein Wort von seiner Predigt vernommen oder behalten hatte, doch zu erzählen gewusst haben. Gerade für solche Aeusserlichkeiten hat das Volk auch ein gutes Gedächtnis trotz aller Neigung zu übertreiben und auszuschnücken. Hier könnte also eine gute geschichtliche Tradition, die in manchen Stücken Glaubwürdigkeit verdient, aufbewahrt sein.

Auffallend wird die äussere Erscheinung des Täufers ohne Zweifel gewesen sein. Das berichten auch unsere Evangelien (vgl. Mk. 1, 6. Mt. 3, 4).

Der Verfasser der Josephusstücke hebt vor allem hervor, dass die Kleidung des Täufers eine „absonderliche“ gewesen sei (I, 1). Das Absonderliche besteht darin, dass er „Rindsfelle“ (I, 1), „Tierfelle“ (II, 3) als Kleidung benutzte, mit ihnen aber nur mangelhaft seine Blösse bedeckte, während die unverhüllten Körperteile mit einem starken natürlichen Haarwuchs bedeckt erschienen (so wird der Satz I, 1 b. aufzufassen sein; hier liegt wohl eine Ungeschicklichkeit des slavischen Uebersetzers vor). Diese äussere Erscheinung eines nicht in Häusern, sondern in der Wüste Lebenden, der aller Unbill der Witterung ausgesetzt war, wird es vor allem gewesen sein, die seine Bezeichnung als eines „Wilden“ (I, 2. III, 3), als eines, der „aus dem Walde gekommen wie ein Tier“ (I, 12), veranlasst hat. Es ist selbstverständlich, dass auch das Aussehen seines Gesichtes der übrigen Körpererscheinung entsprochen haben wird, und es ist nur ein kurzer Ausdruck, der eine nähere Beschreibung ersetzen soll, wenn I, 2 die Bezeichnung „gleich wie ein Wilder“ ausschliesslich betreffs seines Gesichtes gebraucht wird.

Mag in dieser Schilderung der äusseren Erscheinung des Täufers vielleicht auch ein gut Stück Uebertreibung liegen, so ist sie doch echt volkstümlich. Sie entspricht durchaus der Vorstellung von jenen vagierenden Propheten, die es von altersher in Israel gegeben hat.

Diese Schilderung wird auch der geschichtlichen Wirklichkeit ziemlich nahe kommen. Denn sehr viel anders werden wir uns den Täufer kaum vorstellen dürfen. Als eine ungeschichtliche „naturalistische“ Vergrößerung der Notizen in den Evangelien ist diese Schilderung jedenfalls nicht aufzufassen. Denn wer sollte ein Interesse daran gehabt haben, eine solche Vergrößerung vorzunehmen? Am allerwenigsten ein Christ späterer Zeit! Die Beschreibung, die die Evangelien vom Täufer geben, klingt vielmehr nach einer absichtlich hergestellten Verfeinerung, bedingt durch das Interesse an Johannes als „dem Propheten“, jenem, der da kommen sollte, um „dem Herrn“ den Weg zu bereiten. Dass in dem Auftreten des Täufers die alttestamentliche Weissagung sich erfüllt hat, bemühen sich die Evangelisten geflissentlich nachzuweisen. Und diesem Streben entsprechen auch die Notizen Mk. 1, 6 und Mt. 3, 4.

Wenn hier von Johannes gesagt wird, dass er ein Gewand von Kameelshaaren getragen habe, das zusammengehalten wurde durch einen ledernen Gürtel, so besagt dieses ausdrücklich, dass es ein wirkliches Gewand gewesen sei (Mt.: εἶχεν τὸ ἔνδυμα, Mk. vielleicht ursprünglicher, aber weniger deutlich: ἦν ἐνδεδυμένος), das aber im Gegensatz zu den weichen Gewändern der Wohlhabenden (Mt. 11, 8. Lk. 7, 25) aus einem groben, härenen Stoff bestand. Nach Sach. 13, 4f. ist das härene Gewand die alte Prophetentracht, und gerade an dem härenen Gewand und dem ledernen Gürtel erkennt der König Ahasja in dem ihm so von seinen Boten beschriebenen Manne den Propheten Elias (2 Reg. 1, 8). Und gerade das Kommen des Elias als Vorläufers des Messias wurde ja auf Grund von Mal. 3, 23f. erwartet. Darauf nehmen auch die Evangelisten direkt Bezug (Mk. 6, 15. 9, 11. Mt. 11, 14. 17, 10.). Dass sich dann ihre Beschreibung des Täufers am A. T., speziell an der Erzählung von Elias, orientierte und auch in der Ausdrucksweise an diese anlehnte, konnte leicht geschehen. Auch damit sollte der bibelkundige Leser darauf hingewiesen werden, dass er in dem Täufer den gottgesandten Propheten zu erblicken habe.

Ausführlicher als über das äussere Aussehen des Täufers verbreitet sich der Verfasser der Josephusstücke über dessen Nahrung, auch hier in stärkster Abweichung von den Evangelien. Während diese ἀκρίδες und μέλι ἄγριον nennen, weiss unser Schriftsteller davon nichts, nennt vielmehr nur Pflanzenstoffe: Rohr, Wurzeln, Holzspäne (I, 9, letztere auch III, 12) und betont ausdrücklich: „jedes Tier verabscheute er“ (als Speise, III, 12). Diese Nahrung des Täufers erscheint ihm bedeutsam. I, 9 lässt er den Täufer dieses seinen Inquirenten gegenüber besonders betonen und III, 9 ff. lässt er sich selbst ausführlich darüber aus.

Besonders letztere Stelle ist in hohem Grade charakteristisch. Zunächst sind in ihr einige Anklänge an die Evangelien zu bemerken, aber sie sind nur ganz geringfügig. Der Ausdruck „Wein und Rauschtrank“ (III, 11) entspricht Lk. 1, 15: οἶνον καὶ σίκερα οὐ μὴ πίνῃ. Aber bei Lukas handelt es sich ja nur um Wiedergabe alttestamentlicher Worte wie Num. 6, 3. Jud. 13, 4. Eine Abhängigkeit des Verfassers der Josephusstücke von Lukas ist hieraus nicht zu erschliessen. Auch die Parallele von Lk. 7, 33 ist nicht mehr als eben nur eine Parallele. Wenn es hier vom Täufer heisst: μὴ ἔσθων ἄρτον μήτε πίνων οἶνον und wenn bei Jos. Slav. III, 10 vom Täufer ausgeführt wird, dass er kein Brot, und mehrere Zeilen weiter, dass er keinen Wein genossen habe, so ist die Parallele damit erschöpft. Brot und Wein ist aber eine so häufige und nabeliegende Zusammenstellung, dass eine Abhängigkeit von Lukas aus der Erwähnung der beiden Stücke an beiden Stellen nicht erschlossen werden kann. Auch hier kann die Schilderung auf Traditionen ruhen, die gleicherweise auch in Lk. 7, 33 einen Niederschlag gefunden haben.

Das eigentlich Charakteristische im Josephusbericht ist aber nicht die blossе Hervorhebung dessen, dass der Täufer Brot und Wein nicht genossen habe, sondern die Uebertreibung hinsichtlich der Vermeidung dieser Nahrungsmittel: „seine Lippen kannten kein Brot“ (III, 10) und „Wein und Rauschtrank liess er sich nicht einmal nahekommen“ (III, 11). Betreffs des Brotes weiss der Erzähler sogar noch hinzuzufügen, dass der Täufer nicht einmal zu Ostern ungesäuerten Brotes genoss (III, 10). Das erscheint ihm so absonderlich, dass er dem Täufer sogar eine Rechtfertigung solch' eigentümlichen Tuns in den Mund legt. Diese Rechtfertigung klingt aber selbst wieder so eigentümlich, dass sie deutlich ihren Ursprung in der Reflexion des Bericht-

erstatters verrät. Hier tritt der jüdische Standpunkt des Verfassers deutlich hervor. Der Genuss von ungesäuerten Broten zu Ostern war nicht ein gleichgültiges *Accidens* bei der Festfeier, das man mitmachen oder unterlassen konnte, wie es einem beliebte, sondern bildete einen Wesensbestandteil des Festes, das eben ein „Fest der ungesäuerten Brote“ war. Wenn der Täufer selbst in diesem Falle sich des Brotgenusses enthalten hat, so ist das eine Strenge des Asketismus, die dem gesetzeskundigen Juden geradezu unerhört dünkt, so unerhört, dass er auf den Gedanken kommt, dass das überhaupt nicht nur ein strenger Asketismus sei, sondern einen ganz anderen Grund habe. Das Verhalten des Täufers erweckt in ihm die Vorstellung, dass eine solche Lebensweise „nicht menschlich“ sei, sondern vielmehr die eines „fleischlosen Geistes“ (III, 9). Ich meine, er wird den Gedanken gehabt haben, der Täufer habe nicht deshalb Brot und Wein gemieden, weil er in seinem strengen Asketismus den Genuss solcher Speise für Unrecht hielt, sondern weil er solcher Speise überhaupt nicht bedurfte oder gar weil er jegliche Speise, wie Menschen sie zu geniessen pflegen, (auch Fleischnahrung III, 12) verabscheute.

Erst wenn man das erkennt, wird einem verständlich, warum der Verfasser hier am Schluss seiner Berichte über den Täufer, nachdem er schon von dessen Tode erzählt hat, noch einmal auf dessen Lebensweise so ausführlich zu sprechen kommt. Ihm ist die Gestalt dieses „Wilden“ unheimlich, und er sucht diesen Eindruck, den er von dem Täufer gewonnen hat, dem Leser zu begründen und begreiflich zu machen. Dass er es aber tut, beweist, dass seine Erzählung vom Täufer und speziell seine Schilderung von dessen äusserer Erscheinung und Lebensweise nicht eine von ihm selbst hergestellte Ausführung etwa von Lk. 7, 33 ist, sondern dass ihm die wesentlichen Momente in der Tradition gegeben waren. Die Art und Weise, wie er sie verwertet, seine ganze Schilderung des Täufers lässt deutlich erkennen, dass ihm diese Persönlichkeit nicht recht verständlich, ja sogar wenig sympathisch gewesen ist. Er strebt aber danach, diesen Mann, so gut er kann, zu begreifen und ihm Gerechtigkeit widerfahren zu lassen. Dass er es nicht mit einer widergöttlichen Erscheinung zu tun hat, ist ihm klar, und in diesem Sinne ist auch sein Rechtfertigungsversuch des Täufers (III, 9 ff.) gehalten, aber innerlich steht er ihm doch fremd gegenüber. ...

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

выходятъ съ 1893 г. въ неопредѣленные сроки, не менѣе 4 разъ въ теченіе года.

Ученыя Записки распадается на два отдѣла: офиціальный и научный.

Въ офиціальномъ отдѣлѣ помѣщаются годовыя отчеты Университета, актовыя рѣчи, отзывы о диссертацияхъ, обзорныя лекціи и т. п.

Въ научномъ отдѣлѣ помѣщаются работы преподавателей Университета; изъ студенческихъ же работъ печатаются (по возможности въ извлеченіи) лишь сочиненія, удостоенныя золотой медали.

Научныя статьи **Ученыхъ Записокъ** печатаются какъ на русскомъ языкѣ, такъ и на одномъ изъ болѣе распространенныхъ западно-европейскихъ языковъ, а также на латинскомъ, по выбору автора.

Подписка принимается Правленіемъ Императорскаго Юрьевского Университета.

Подписная цѣна 6 руб. въ годъ.

Редакторъ **Д. Бударевскій.**
